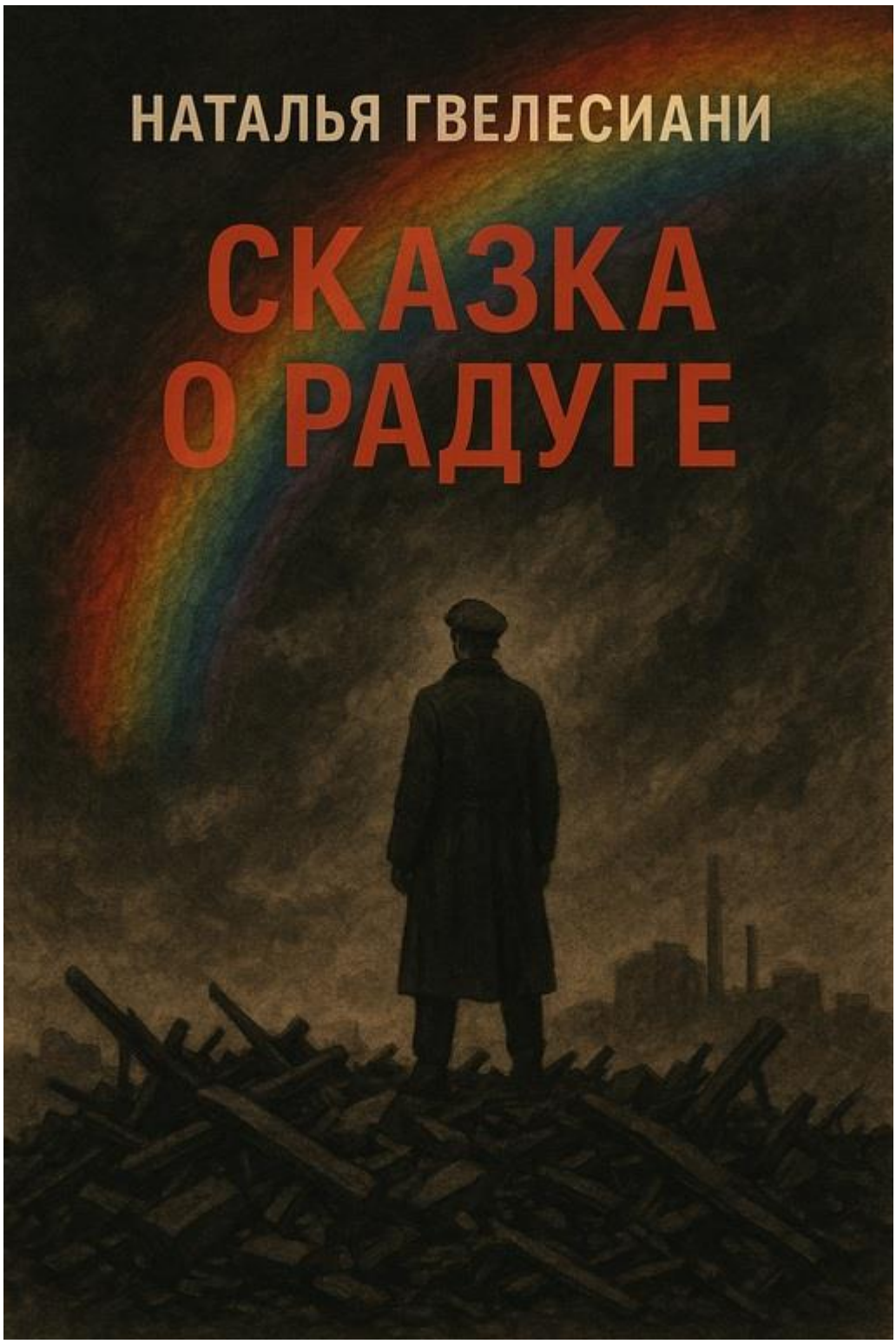
НАТАЛЬЯ ГВЕЛЕСИАНИ
СКАЗКА
О РАДУГЕ

Наталья Гвелесиани

Сказка о Радуге

Роман

Тбилиси, 2025

Отдельные части романа были опубликованы в журналах «Нева» и «Южная Звезда» под названием «Новая сказка о Гайдаре» и «Долгая дорога к себе».
Здесь представлена полная авторская версия.

Аннотация

Одна из главных тем произведения — драматическое противостояние человека и Системы. Реальная биография детского советского писателя Аркадия Гайдара сочетается в нем с фантасмагорическим вымыслом.

На одном из планов - роман посвящен отечественной истории. В нем, в частности - изображены малоизвестные страницы не простой биографии А. П. Гайдара. Жизнь и судьба этого писателя высвечиваются по-новому. Кроме того, в произведении имеются новые подходы к изображению как исторического прошлого, так и современности. Но это - относится лишь к поверхностному плану. Произведение затрагивает и более глубинные вещи. Устами обоих главных героев - Гайдара и современного литератора Годара - а лучше сказать, всей их судьбой - проговариваются и разрешаются некоторые "проклятые" русские вопросы. По большому счету, это книга о России - о ее внутреннем и внешнем пути, о противоречиях между формой и содержанием - как в самой стране, так и в душах отдельных героев.

Но в книге есть и еще один более глубокий пласт.
В конечном итоге эта книга – о поисках пути в небесное Отечество, которое сопряжено с внутренней Глубиной.

Произведение, которое, однако, можно рассматривать совершенно отдельно, составляет вместе с более ранним романом автора «Дорога цвета собаки» своеобразную дилогию.

Об авторе

Гвелесиани Наталья Александровна. (По паспорту – Гвелесиани Натэла Сандроевна). Род. в 1967г. Окончила филологический факультет ТГУ им. И. Джавахишвили. Пишет прозу и эссеистику.
Лауреат литературной Премии им. Марка Алданова (за повесть "Уходящие тихо"- Новый журнал N247,2007). Публиковалась также в журналах "Нева" (роман "Мой маленький Советский Союз" - в сокращении, отрывок романа "Новая сказка о Гайдаре" под названием "Сказка о Гайдаре", повесть "Пустите детей и не препятствуйте им"), "Уральский Следопыт","Футурум АРТ", "Новая реальность". Автор книг "Путь неприкаянной души (О Марине Цветаевой и не только)" - (Ставрополь, издательство "Ставролит", 2013г), "Выход Алисы из Зазеркалья" (серия 'Психология') - (Москва, издательство "Велигор", 2015г). 'Мой маленький Советский Союз' - полная авторская версия. (Москва, издательство "Рипол-Классик", 2016).
Автор литературно-критических статей о творчестве М.Цветаевой, М.Горького, А.Гайдара, В.Крапивина, , а также статей о христианстве в современном мире.
Интересуется религиоведением, философией, психологией.
Автор диалектического метода толкования Библии (см. сборник "Взирая на Христа").
Автор «Нового Завета в художественном переводе» (в 3-х книгах).
Также является автором оригинальной гипотезы о причинах некоторых форм аутизма (изложена в статье "Аутизм и инстинкт сохранения целостности"; в книге "Выход Алисы из Зазеркалья", также - наиболее полно - в статье «Аутизм и гештальт целостности»).
С помощью НейроСети, согласно этим новаторским взглядам не только на природу аутизма, но и природу человека вообще, автором были созданы новаторские пособия "Введение в Целостную химию для гуманитариев", "Целостная органическая химия",

«Краткий словарь химических терминов для гуманитариев».
Живет в Грузии, в г.Тбилиси.

От автора:

Все мои литературные, научные и иные произведения распространяются под авторским именем (псевдонимом) “Наталья Гвелесиани” или "Гвелесиани Наталья Аоександровна", при том, что моё настоящее имя по документам — Гвелесиани Натэла Сандроевна.

Произведения на этой авторской странице и на других ресурсах, все изданные и не изданные произведения и книги, кроме тех, что были изданы под иной лицензией и срок иной лицензии еще не истек, распространяются и должны распространяться в будущем, в том числе по истечении срока иных лицензий, по данной лицензии:

Авторская лицензия:
© Наталья Гвелесиани, 2025.
Creative Commons Attribution–ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).
Это произведение распространяется по лицензии
Creative Commons Attribution–ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).
Разрешается свободное распространение, копирование, цитирование, а также создание производных произведений (переводов, инсценировок, экранизаций и т.п.), при условии обязательного указания имени автора и сохранения этой же лицензии в производных работах. Лицензия бессрочная и не подлежит отзыву. Полный текст лицензии:
https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode.ru

© Natalia Gvelesiani, 2025.
Creative Commons Attribution–ShareAlike 4.0 International License (CC BY-SA 4.0).
You are free to share, copy, distribute, and adapt this work (including translations, performances, and film adaptations), provided that proper attribution is given to the author and that derivative works are distributed under the same license.
This license is perpetual and irrevocable.
Full license text: https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/

© Наталья Гвелесиани, 2025
ORCID: 0009-0006-7898-9156
https://orcid.org/0009-0006-7898-9156
DOI: 10.5281/zenodo.17744865
https://doi.org/10.5281/zenodo.17744865
Creative Commons Attribution–ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Сказка о Радуге

Роман

Предисловие

Когда-то полузабытый ныне русский писатель-сказочник Н. Вагнер, живший в 19 веке,- он был автором популярного в свое время сборника «Сказки Кота-Мурлыки» - написал "Сказку о принце Гайдаре".
По моему мнению, подсказанному мне художественным чутьем, ее внутренний сценарий, или скажем так - внутренне семя - по закону глубинного родства душ - воплотился в жизни и судьбе советского детского писателя Аркадия Гайдара.
Причем, он мог при этом и не знать о сказке Вагнера.
Хотя последнее маловероятно.
Ведь Вагнер даже одно время преподавал в Нижегородском Александровском дворянском институте. И наверняка его имя было потом на слуху в провинциальном нижегородском Арзамасе, где жил юный Аркадий.
Когда я приступила к написанию романа, реальная жизнь А. П. Гайдара, как и жизнь и судьба современного литератора Годара, который пишет о нем в романе книгу - стали превращаться в невероятно насыщенное, увлекательное повествование. Биографические факты при этом причудливо переплетались с вымыслом и фантастикой.
Но фантазия исходила не от авторского произвола.
Все это буквально струилось из внутренней Глубины.
Озаренная внутренним светом и теплом, силой и благородством, эта Глубина и порождает все внешние события, которые, зеркально отражая этот глубинный Свет, теряя его в отражениях - плавают потом на поверхности, подобно ряби или бурным, темным волнам, закрывающим всякую попытку понять, увидеть, почувствовать.
Только встав с Глубиной лицом к лицу можно вкусить смысл Бытия. И - разгадать внутреннюю логику внешних событий - от личных до исторических.
Задача человека - увидеть себя с Божьей помощью в Зеркале подлинного Бытия.
И - стать, наконец, собой.
Произведение, которое, однако, можно рассматривать совершенно отдельно, составляет вместе с моим более ранним романом «Дорога цвета собаки» своеобразную дилогию.

Часть первая. **Радуга**

«— Я за революцию, — коротко и упрямо повторил он, — за революцию, которую делают силой. И за то, чтобы бить жандармов из маузера и меньше разговаривать… Как это, ты читал мне в книге? — обратился он к одному из рабочих.

— Про что? — спросил тот, не понимая.

— Ну, про эти самые… про рукавицы… и что нельзя делать восстания, не запачкавши их.

— Да не про рукавицы, — поправил тот, — там было написано так: «революцию нельзя делать в белых перчатках».

— Ну вот, — тряхнул головой Лбов, — я за это самое «нельзя».

Поняли? — проговорил он, вставая, и рукой, разрисованной узорами запекшейся крови, провел по лбу. — Вот я за это самое, — повторил он резко и точно возражал кому-то. — И если бы все решили заодно, что к чертовой матери нужна жизнь, если все идет не по-нашему… если бы каждый человек, когда видел перед собой стражника, или жандарма, или исправника, то стрелял бы в него, а если стрелять нечем, то бил бы камнем, а если и камня рядом нет, то душил бы руками, то тогда давно конец был бы этому самому… как его. — Он запнулся и сжал губы. Посмотрел на окружающих. — Ну, как же его? — крикнул он и чуть-чуть стукнул прикладом винтовки об пол.

— Капитализму, — подсказал кто-то.

— Капитализму, — повторил Лбов и оборвался. Потом закинул винтовку за плечо и сказал с горечью: — Эх, и отчего это люди такие шкурники? Главное, ведь все равно сдохнешь, ну так сдохни ты хоть за что-нибудь, чем ни за что».

Строчки были как каленные провода внутри лампочки. Слишком сильный свет – сухой и жаркий, выжег сермяжной правдой появившуюся было надежду - тонко привставшую на кончики пальцев, как едва проклюнувшаяся трава, чтобы дотянуться до выключателя, схватившуюся за голову и – ничего не сумевшую. Ей, надежде, хотелось простого тепла, а ее огрели стремительным светом и, перед тем как сникнуть, она жалобно выплеснула единственное свое богатство – капельку влаги… Но и этого было достаточно, чтобы Годар все-таки встал и заходил по комнате.

Сегодня, как и вчера, как и много дней подряд, его жег огонь. Словно он проглотил солнце – нечаянно, по ужасной ошибке. И теперь солнце было внутри, а он – спасаясь от палящего зноя – соответственно, где-то снаружи. Солнце и человек поменялись местами. И знал бы кто, как это было для человека – страшно!.. Одно дело, когда на тебя давит, пригибая к долу, тяжесть Земли, и совсем другое – когда в живот вплывет на своей величественной колеснице сам Гелиос. Теперь уж держись!.. Как прикованный Прометей, Годар не находил покоя ни на диване, рядом с которым были разбросаны прямо на полу пачки с не помогающими ему таблетками, ни в ходьбе по комнате, на которую то и дело срывался, вскочив рывком с постели, где не спал не раздеваясь.

Придерживая дрожащей рукой стальные, обрывающие сердце мышцы этого горящего вечным пламенем живота, он на ходу бросил взгляд на обложку захлопнутой и отброшенной книги. Это был сборник выпущенных после перестройки ранних приключенческих повестей Аркадия Гайдара, купленный им за бесценок на рынке-развале.

Повесть, которую он читал, называлась «Жизнь ни во что (Лбовщина)» - она была посвящена истории восстания в первую русскую революцию 1905-1907 годов пермских рабочих, переросшего в вооруженную борьбу. Это восстание возглавил пермский рабочий Александр Лбов. После нескольких лет успешных боевых действий этот первый в Перми революционный отряд был уничтожен, а Лбов – казнен. И не то что б эта книга была самая тревожная – Годара теперь тревожили любые книги, звуки и шорохи, а также предметы, их окраска и даже прикосновения - все было одинаково болезненным и впивалось в душу гвоздями, раздирая ее, словно тело, ведь душа была теперь вне живота и трепетала на ветру жизни без всякого прикрытия, как трепещет тельце только что

проклюнувшегося птенца или крыло бабочки. Но она, книга, несла какую-то ошеломительную, горькую до тошноты и в то же время важную, а стало быть, обнадеживающую, спасительную для его положения информацию, которую необходимо добыть.

И вот что интересно: он не мог смотреть на источники этой не добытой еще информации – прямо. Малейшие попытки остановить взгляд, сосредоточив его, на каком-либо предмете снаружи или мысли как предмете – усиливали жгучую тревогу и этот физический жар во всем теле. Реальность тоже была как расплавленная и плыла, затуманивая взор, в напряженно дрожащем мареве, подобно огненной реке, дымясь, как сталь в мартеновской печи. И ему приходилось всегда быть начеку, как тому металлургу, который извлекает из огненного дышла все новые и новые предметы. Только в его случае эти предметы множились и множились в геометрической прогрессии – они уже не помещались в сознание и сознание сворачивалось жалобным щенком и погружалось на дно. А там, на дне, тоже был кипяток, и щенок выскакивал наружу. Но снаружи – его опять били волны страшного света.

«— Огонек лампы тускло дрожал в задавленной лесом, в заметенной снегом землянке. И три бородатых человека молча слушали четвертого, и из маленькой затрепанной книжки выпадали горячие готовые слова, выбегали горячими ручейками расплавленных строчек и жгли наморщенные лбы пропащих голов.

— Читай, читай, — изредка говорил Лбов, когда Степан останавливался, чтобы передохнуть, — начинай опять с прежней

строчки.

«…теперешнее правительство само порождает людей, которые в силу необходимости должны переступить закон. И правительство, с неслыханной жестокостью, плетьми и нагайками пытается взнуздать этих людей и тем самым еще больше ожесточает их и заставляет их решиться: или погибнуть, или попытаться разбить существующий строй…»

— Это про нас, — перебил Лбов, — это написано как раз про нас, которые жили, работали и которым некуда теперь идти. Для которых все дороги, кроме как в тюрьму, заперты до тех пор, пока будут эти самые тюрьмы».

Годар, опять присевший от безысходности на диван и открывший от тоски книгу, выхватил наугад скользящим взглядом только этот абзац и – поскорей захлопнул и это дышло. Опять встал, опять заходил по комнате, старательно отводя взгляд от всего на свете, ибо от всего-всего на свете било током – и выхваченный абзац заплясал в мозгу, как брошенная в котел для ухи еще живая рыба.

Эх, рыба-рыба… Рыба… Рыба!..

В пылающем котле-голове на миг образовалась воронка и рыба скользнула в нее. А за ней – перевернувшейся лодкой – стало опускаться в неведомые глубины сознание.

Перед его мысленным взором предстал прекрасный голубоглазый витязь в странном старинном мундире, грудь которого пересекала как бы прирученной змеей – шелковая зеленая лента. Над его главой – скрыто сияло не видимое в полуденный зной - ибо это была Страна Вечного Полдня . Но сам он был – весь разбит: разбит на осколки. Но и в таком – расколотом - виде он представлял опасность для пятящегося от него к некому безымянному озеру дракону. Он предлагал этому дракону страшно что – пройти сожженной дорогой. А дорога та – была дорогой Фаэтона, с которой тот упал палящей

звездой после того как кони понесли его, испугавшись Скорпиона. Юноша со змеящейся зеленой лентой и был Фаэтоном.

Только все принимали его за целителя Асклепия.

И просили у него яда.

Ведь Асклепий поднимал со смертного орда безнадежно больных и даже мертвых воскрешал – ядом своей пригревшейся у чистого сердца зеленой змеи.

Но чего-то не хватало Асклепию и его доброму Змею.

Фаэтону-Асклепию не хватало его друга Кикна-Хирона, а доброму зеленому Змею – его белого друга Змея.

У Годара ком подступил к горлу, когда он припомнил отдельные мгновения волшебного сна, который приснился под утро. Он готов был опрометью броситься навстречу этому прекрасному юноше, от которого исходило спасительная прохлада, и не потому, что в ней можно было спрятаться, как под крылом, от кошмара зноя, а потому, что в груди растеклась такая жгучая нежность, такой восторг, что с ними было не совладать.

Но юноша, взглянув на него, побледнел, а обоюдно выступившие на глаза слезы тоски и неведомой вины – затмили им обоим очи.

И сон тут же ускользнул.

Закрыв лицо руками, Годар чуть не заплакал.

«Спокойно… - сказал он сам тебе, - Ну же… Ведь это только сон. Ничего не случилось».

Ничего не случилось. Кроме того, что он осознал, как он одинок – ведь ничего не случилось, не случалось, и, по-видимому, уже никогда не случится.

Развернув ладони, он попытался ощупать ими воздух и найти в нем хоть силуэт этого неведомого друга. Хоть щель, через которую можно если не пройти, то хотя бы ненароком взглянуть – одним глазом.

Что он хотел увидеть?

Он и сам не знал.

Но слезы так и полились.

И чтобы прекратить истерику, он принужден был вскочить и опять заходить по комнате.

… Все это, резко обострившись, преследовало его, то усиливаясь, то временно отступая, чтобы обрушиться с еще большей силой, уже несколько лет. С тех пор, как он вернулся из Москвы, куда с трудом вырвался из Грузии, где почти не осталось русскоязычного населения, по годовой туристической визе, с трудом собрав на нее деньги на разных непосильных для его здоровья временных работах – типа продажи на улице книг, газет и сигарет.

Он ехал к Рите – любимой девушке.

И – к Москве, которую считал по наивности, что бы о ней не говорили скептики и чего бы не видели его собственные глаза в его прежние проезды через этот город во времена ранней юности – некими вратами в душу России.

России ему не хватало вблизи с детства и он ее, может быть, в силу этой физической оторванности, по-сиротски идеализировал.

Так уж вышло, что к своим перевалившим чуть за сорок годам он по-прежнему жил в Грузии – одиноко, в двухкомнатной квартире на окраине Тбилиси, вместе с матерью-пенсионеркой. И трудно было сказать, кто из них был более пенсионером – еще моложавая, деятельная, хоть и болезненно-мнительная, наделенная ипохондрическим характером мать, или он – с его вечной вегето-сосудистой дистонией, периодическими подъемами давления и мигренями в правой стороне головы, с его непонятной слабостью, причины которой врачи не нашли, с его, наконец, неврозом, включавшим в себя обострявшуюся при малейшем утомлении или даже простых физических нагрузках – жгучую тревогу… Нет, невозможно было без содрогания задумываться про эту свою беду, случившуюся с ним еще смолоду, смиряться с которой он так и не научился.

Она началась за пару лет до распада Союза, когда он еще был студентом филфака тбилисского университета. И трудно найти ее причину – в тот год он начал заниматься хатха-йогой, читать эзотерику, слушать, старательно давя иронию и скепсис прирожденного материалиста – то, что рассказывал на занятиях учитель о реинкарнации. И – как ему казалось – шел в гору. Как вдруг, во время летней поездки в Латвию – он сорвался с этой горы как в глубокую шахту с черной водой.

Он просто однажды покачнулся на улице и стал падать, лишаясь огненно-влажной силы жизни, как падает надломленный цветок. И – погружаться всей своей молодой силой, буйной и сочной, как у маков и подсолнухов, взыскующей непрерывного солнца и прозрачного, синего воздуха с носящимися в нем стрекозами и мохнатыми шмелями – как в пучину черной воды, на которой покачивался соляным скелетом тающий серп Луны.

Он и до того не любил сырого климата, болотистой местности, чахлых, тонущих в туманах деревцев, испытывая при одном взгляде на них – потребность протянуть руку и вытащить их из этой хляби. И – не умел наслаждаться больше месяца ровным, красиво убранным городом Ригой, его неоспоримым спокойствием и безупречным комфортом.

А потом эта комфортная для многих других, но не для него, темная прибалтийская влага, смешавшись с впитавшимся в его кожу сероводородом, превратилась в яд для его организма.

Он принимал сероводородные ванны и грязи просто для того, чтобы стать немного спокойней. В профилактических целях, чтобы не болели иногда ноги из-за преходящих спазмов сосудов. Спазмы же случались просто в силу лабильности его нервной системы.

В известный санаторий под Юрмалой, куда его устроила по курсовке жившая в Тукумсе в военном городке вместе с мужем-подполковником тетя, он приезжал только для того, чтобы принять процедуры и, отобедав в столовой, отправлялся бродить по холодному балтийскому пляжу.

Там однажды он и упал в обморок.

Но когда врач скорой помощи, впрыснувший ему под кожу кордиамин, вежливо объяснив ему, что «это просто погода», бесшумно удалился – Годар, вернувшись в дом тети, остался один на один со стоячей латвийской тишиной. С этой тишиной он с непривычки не мог освоиться с самого приезда, коротая белые ночи за ставшими

вялыми и дремотными думами – в словно опустошенной здешним климатом голове. Но теперь тишина еще и пугала его.

Не свойственное ему до того чувство постоянной, безотчетной тревоги отныне скапливалось внутри так же неизбежно, как скапливается в расщелинах дождевая вода.

Позже он припомнил, что принимал сероводородные ванны не 15 -20 минут, как это полагается при лечебных процедурах, а, по халатному недосмотру медсестры, забывшей сказать об отмеряющих время песочных часах, что стояли рядом на табурете – не меньше чем по часу. А потом еще долго сидел в пропахшем парами фойе санатория за чтением газет. К тому же он принимал еще и лечебные грязи, и там его тоже однажды - случайно «передержали».

Уехав через несколько дней в Ленинград, куда прилетел из Тбилиси друг, с которым они условились провести здесь конец августа, он обнаружил, что не может смотреть в черные воды Невы. И на весь этот застывший призраком между неподвижным низким небом и суровой, загнанной в гранит рекой город – он тоже не мог смотреть прямо. И – вынужден был жаться к обочине проспектов и улиц, невольно переходя на сбивчивую, странно замедленную, как у сновидцев, походку.

Походы по Эрмитажу и особенно Кунсткамере окончательно подрубили его.

С ужасом смотрел он на собранные со всего света мумифицированные трупы бессловесных живых существ, которых старательно убивали и консервировали в колбах ученые. Этот ноев ковчег вызвал у него такую тоску, боль и неудобство за людей, водивших сюда своих детей, что он опять едва не упал в обморок.

Коллекции Эрмитажа, куда он попал после, показались после Кунсткамеры – просто ярмаркой тщеславия и в груди все росла и росла лавиной тревога и боль – непонятная громада непонятной тревоги.

Пришлось вернуться в Тбилиси досрочно, сорвав отдых и другу.

Но и дома – покоя он не нашел. И года два ходил по врачам, ища причину слабости и тревоги, пробуя самые разные средства от этой так и не найденной никем причины.

Пока не приноровился жить как в клещах.

Эта жизнь в клещах и не позволила ему переехать в Россию, обзавестись семьей и постоянной работой.

Собственно говоря, внешняя жизнь оказалось для него смолоду как бы за порогом досягаемости.

А ведь он не разделял до этой катастрофы ее - на внутреннюю и внешнюю.

Не лишенный внутренних богатств, он смело выстраивал по ним и жизнь внешнюю. И – надеялся пройти по ней достойно, с несильно запятнанной совестью.

Но все внешнее – оно как отвалилось.

А внутреннее – пошло кувырком.

«— Я вас знаю, — после легкого колебания сказала она. — Вы Лбов.

— Я Лбов, — ответил он, — а я вас не знаю, — он посмотрел на тонкую, теплую, плотно охватившую ее фигуру фуфайку, на мягкие фетровые бурки и добавил: — А я не знаю и знать не хочу.
Зигзагообразной складкой дернулись губы девушки, она откинула голову назад и спросила:
— Вы невежливый? Я Рита… Рита Нейберг.
— А мне наплевать, — ответил он, — и вообще, на все наплевать, потому что за мной гонятся жандармы.
Он сильным толчком выпрямил сжатые руки, и лыжи врезались в гущу кустов. Еще один толчок — и он исчез в лесу…
— Сволочь, — сказала Рита в бешенстве, — взял лыжи и хоть бы спасибо сказал… И кого это он убил?.. Даже двух.
Пересиливая отвращение, она с любопытством заглянула за сани.
— Барышня, — окликнул ее вдруг кто-то из сугроба, — барышня, он уже ушел?
«Один не умер еще», — подумала Рита и подошла к Чебутыкину.
— Он ушел?
— Ушел, ушел, — ответила она, — а вы ранены?
— Нет, я не ранен, а так.
— То есть как это так? Чего же вы тогда дураком лежите в сугробе? — крикнула Рита.
— И как это вам было не стыдно: вдвоем с одним справиться не могли?
Чебутыкин забарахтался, выполз из сугроба и, стараясь вложить в слова некоторую убедительность, сказал ей:
— Мы и так сопротивлялись, но что же мы могли?..».

«- Тоже Рита…», - тоскливо подумал Годар, рассеянно скользя взглядом по книге, а точнее, как бы поверх нее - так, чтобы нельзя было вчитаться повнимательней, присмотреться к деталям. Все детальное стразу становилось слишком ярким, выпуклым и, задерживаясь на нем, можно было внутри каждой детали обнаруживать еще более мелкие, составляющие ее, деталь, детали и черточки. А этого было слишком много и переполняло восприятие, отчего тревога усиливалась. И если не внять ее сигналам и вовремя не остановиться, то дальше будет хуже – возникнет паническая атака. А он и без того постоянно глотает фенозепам.
Но если не вестись на детализацию, а скользить немного мимо, как бы по обочине текста, почти не встречаясь с ним глазами, не погружаться в него, то обостренное восприятие все равно снимает свою информацию. Но не из букв, а из некой исходящей от них световой дымке, по ощущениям от которой он понимал, стоит ли читать книгу.
Потому что бывало, что дымки-то совсем и не было в большинстве книг.
В некоторых – она был серой, как грифель просто карандаша.
А в некоторых – пепельно-серой или огненно-черной – это уже можно было читать.
А откуда-то – лился голубоватый дымок, какой можно увидеть, например, взглянув на рассвете на сосны. Или лилово-ягодный, похожий на фруктовое мороженное. Что было бы ему сейчас, в его огненной геене – как глоток родниковой воды. Или, во втором случае - как пара ложек мороженого. Это могло дать хотя бы минутный отдых.
Всего же лучше – были дымок золотой и дымок белый.
И вот последний - то и раскидывался Радугой.

А Радуга была уже чудом, про которое он помнил и тосковал всегда.

Собственно, с Ритой они и познакомились на Радуге.

Это был 2003 год.

Он узнал из интернета, что в июле в России, в Республике Мариэль, на реке Большая Кокшага близ столицы соседней Чувашии Чебоксары – состоится ежегодный слет-фестиваль хиппи.
Это движение, про которое он знал из книг, издавна импонировало ему.
И хотя ему было уже 36 лет, Годар, поставив громадным усилием воли свою тревогу под особый контроль – поехал.
Даже мать не позволила в предотъездные дни произнести ни одного возражения и бодро шутила, провожая его на вокзале. Старательно обходя медицинскую тему – мать надеялась в глубине души на чудо – вдруг жизнь его, наконец, как-то переломиться и устроится.
А он потом – словно плыл по реке на плоту, как Гекльберри Финн. Мелькали города и деревни, люди. Он пересаживался с поезда на поезд, с автобуса на автобус, шел с рюкзаком по лесу, приглядывался, блажено щурясь, к березам, ложился в траву на песке – чувашские и мариэльские леса в направлении его движения стояли на почве, перемежающейся с белыми песками – и глядел в лазурное небо.
Пока не пришел вместе с появляющимися как ниоткуда из разных концов леса – веселыми, необычно одетыми людьми со свернутыми в рулоны туристскими ковриками на рюкзаках – к искрящейся рябью спокойной реке, за которой сквозь густой лес виднелись палатки и какое-то движение, смех и песни, словно там стоял табор.
- Здравствуй, Радуга! – вдохновенно прокричали его незнакомые спутники и, скинув обувь и одежду, подняв рюкзаки на головы, пошли на тот берег вброд.
Годар несколько замешкался, так как не решился с такой невинной легкостью скинуть трусы. Но какой-то добрый человек – абсолютно раздетый человек – помог ему. Широко улыбаясь, он замахал ему с того берега и, самоотверженно войдя в реку, взял у него рюкзак и переправил на своих могучих плечах.
- Доброе утро! – сказал человек Годару, и, поклонившись, тут же ушел.
Неуклюже перешедший за ним след в след на заветный берег Годар отжал трусы и пошел устраиваться.

И надо было торопиться, так как назревала гроза – небо обложили внезапно возникшие тучи и некоторые радостно протягивали к нему руки и пританцовывали. Большинство же других, - они располагались полукругом вокруг костров с двумя котлами, в одном из которых непрерывно варился зеленый чай, либо сидели с дымящимися кружками, либо натягивали тенты над кострами и поправляли пленки на разбросанных, как грибы, в нескольких метрах от костра палатках. Кто-то играл на гитарах, кто-то – подыгрывал гитаристам на самодельных дудках, а где-то – стучали в барабаны и звенели бубнами. Кое-где звучали, повсюду достигая до слуха, изящные напевы флейты.
Здесь была в основном молодежь – от пятнадцати до тридцати лет. Но встречались и сверстники Годара, и даже люди постарше – позже он обнаружил в лесу двух величественно прогуливающихся бабушек и одного белобородого деда.
А еще здесь были дети самих Детей Цветов, - не исключая самых маленьких, еще не говорящих. Они бегали и бродили по всему лагерю и некоторые терялись, но кто-то, взяв за руку этих голышей, находил их родителей и вся семья, часто тоже голышом, принималась за трапезу.

- Пипл, - сбор!.. Передавайте там по цепочке – ужин готов! Пора собираться на Собрание!
Неторопливо подхватывая миски с ложками, не сразу и не скопом, люди задвигались, появляясь из множества пересекающихся троп, в одну сторону – туда можно было идти двумя или тремя параллельными реке уже хорошо протоптанными в песке тропами – или пробираться без троп.

Годар достал свою миску, оставив рюкзак лежать среди кучи рюкзаков тех, кто только что прибыл, и с любопытством вступил на тропу.
Некоторые обгоняли его, некоторые брели так медленно, что их обгонял он. А некоторые почему-то уже шли обратно. Иные – неожиданно выныривали из кустов. Но почти все, кроме тех, кто просто не хотел этого и добродушно присматривался к происходящему или был погружен в какие-то свои мысли, слегка поклонившись, говорили друг другу: «С Добрым Утром!». Такая на Радуге была традиция. Эти два слова заменяли приветствие в любое время суток – их произносили, встречаясь, вместо нежных прикосновений, а, иногда и, если люди были уже хорошо знакомы, и вместе с ними, часто даже совсем незнакомые люди и тут же шли дальше.

Долго ли коротко – он не замечал времени – Годар вышел на священное место Радуги, которое называлось Кругом.
Это была большая светлая поляна, в центре которой горело неугосимым огнем Сердце Радуги – костер в огромной яме, в которую все время кто-нибудь из добровольцев подносил из леса сухостой. Для этого даже не требовалось устанавливать дежурство – всем хотелось подойти к Сердцу, немного, а иногда и долго постоять или посидеть рядом с ним, а потом отправиться в лес и принести ему в благодарность найденную ветку.
У Сердца всегда сидели или стояли люди. Но их – сошедшихся на этом месте одновременно – было немного. Остальные располагались нестройными группками или в одиночку по всей поляне – так, чтобы это было действительно похоже на Круг. Поставив у ног миски, все шутливо переговаривались, или так же, как и у своих костров, поигрывали на гитарах, дудках, флейтах и барабанах. Некоторые лежали. Но большинство сидело со скрещенными ногами.
А на легчайшем ветерке – подрагивало на высоченном древке-шесте– Знамя Радуги: широкое семицветное полотнище из чистого шелка.
Годар тоже захотел присесть, но все уже по какому-то сигналу принялись подниматься и, взявшись за руки, сомкнулись вокруг Сердца огромным широким Кругом.
Музыка и говор смолкли и, прикрыв глаза, люди запели мантру ОМ.
Он тоже стоял в цепи и пел вместе со всеми, хотя этот ритуал и ничего не говорил ему, несмотря на то, что о звуке ОМ он отдаленное представление имел. После чего цепь рассыпалась и большинство, поцеловавшись со стоявшими рядом спутниками, тепло сказав им "Спасибо", стало опять рассаживаться.
Пожалуй, он не сумел сосредоточиться на звуке, потому что его все увлекало и завораживало – лица и разговоры, необычные одеяния и даже, увы и ах, непривычно обнаженные загорелые бедра девушек, - последнее он перестал замечать уже на следующее утро, ведь абсолютно обнаженных людей на Радуге было не меньше трети и все эти малодоступные прежде глазу прелести уже не вызывали любопытства.

А к центру Круга между тем прошествовал молодой светлоглазый парень с редкой волнистой бородкой. Тонкие его волосы пшеничного цвета, слегка колыхаясь на ветру, ниспадали волнами на накидку, которой служила, как и у некоторых других, белая простыня. Он тоже был первозданен, как Адам, и держал в руке похожую на посох палку. Когда он поднял эту палку над головой, все быстро притихли и парень заговорил. Он говорил негромко, но каждое слово было отчетливо слышно, хотя речь его сопровождали веселыми ручейками разного рода озорные реплики и шутки, в избытке доносившиеся от сидевших и лежавших на траве слушателей.
- Доброе утро!.. Сердце Радуги горит уже третьи сутки и люди Радуги все прибывают. Вот и сегодня появилось много новых лиц. И для начала я хочу рассказать тем, кто еще никогда не бывал на Радуге – про ее правила.
- Илу, чуть помедленней!.. Ты гонишь!..
- Да, Илу, не забывай, что мы тебя в командиры не выбирали!..
- Я знаю, что на Радуге нет и не может быть командиров. Но кто-то же должен… В общем,

вот что я хочу сказать вам… Народ, я люблю вас!.. Добро пожаловать в царство красоты и свободы! Здесь вы можете делать все, что захотите – все-все. В том числе - ничего не делать: к примеру, просто спать, зарывшись в песок. Или следить за облаками… Или, напротив, носиться с гримасами по лесу. Скакать на одной ноге…
- И даже – скакать без ноги!
- Да, я помню, нижегородцы, что ваша стоянка называется «Без ноги»… В общем, я хочу сказать, что можно все. Кроме нескольких маленьких добровольных самоограничений. Они такие приятные, что доставят вам массу удовольствий!.. Это запрет на то, чтобы кого-то осуждать и кому-то досаждать. Он такой радостный, что я ликую, видя, как многие горячо желают его исполнить… Да-да, нижегородцы, наперегонки, даже если кто без ноги… В общем… Все остальное, чего нельзя, и того легче. Нельзя есть пищу из трупов, пить алкоголь и зачем-то колоться, оставлять в прекрасном заповедном лесу мусор – даже фантики от конфет и уж тем более окурки – для этого есть специально выкопанные ямы. Перед отъездом мы сожжем в них мусор, а ямы закопаем. И другие ямы тоже закопаем, которые сами понимаете для чего… А еще здесь не рекомендуется пользоваться часами – во всяком случае, носить их на руке. Запомните: времени – нет! То есть оно, свободное, есть всегда!.. Ну вот, кажется, и все, что я хотел сказать новичкам… Да, вот еще что – на Радуге нельзя заниматься коммерцией – что-то продавать и покупать. Зато дарить и обмениваться – можно всем чем угодно!
- Даже любимыми людьми!
-Да, даже любимыми!.. Например, буддийские монахи…
- Тоже занимались свободной любовью!..
- Ну, можно и так назвать любовь между братьями. Только уверяю тебя, Большой Змей, что для начала они обуздывали язык.
- Ты забыл про фонари – про то, что нельзя их включать по ночам, дабы не узреть некое разбитое на пары безобразие под звездным небом.
- Да, это, пожалуй, самый трудный из запретов…
- Ха-ха-ха!..
- Но иногда мы, как люди слабые, обходим его. Бывает, что надо посветить в темноте в палатке, что-то ища. Ну, можно иногда посвечивать себе фанариком и когда прокладываешь ночью спросонья дорожку к ближней яме. Особенно это касается наших дам… Но в целом ко всем большая просьба – не включайте вы, бога ради, ничего электрического. Мы не используем на Радуге даже электрогитары и любые другие приборы. Зачем пугать Мать-Землю?.. К счастью, мобильники отпадают сами собой - здесь не ловит мобильную связь. Зато можно развить взамен телепатические способности... Но если кто очень захочет позвонить маме, - может влезть на верхушку вон той сосны - кажется, там все-таки ловит.
- А электричество, милый командир Илу, который совсем не командир, на нас сейчас с неба посыплется.
- Об этом я и хотел поговорить с вами. Надвигается гроза!.. Надо накрыть все палатки пленками и найти крышу над головой всем, у кого нет палаток - я имею ввиду только что прибывших, кто приехал налегке и не успел еще ни к кому подселиться.
- Илу, этот вопрос решен - я поставил свой шатер и человек двенадцать там поместиться. Беспалаточный пипл, идите к стоянке, которая называется "Большие ленивцы" - спрашивайте по дороге где это и язык до Киева доведет!.. Потом, если захотите, съедете. А пока - милости просим!
- Ну и ладно!.. Передаю Палку-Болталку следующему оратору. У кого еще есть что сказать?..
- Я хочу что-то сказать... Я хочу сказать, что я могу предотвратить грозу... Ну, вы все меня знаете - меня зовут Снежка. И я могу так сыграть на барабанах, что гром и молнии немного отойдут в сторону. Хотите?..

- Доброе утро, Снежка!..
- Снежку!.. Снежку на Круг!
- Снежка, вот тебе, пожалуйста, еще один барабан и палочки.
- Спасибо, ребята, но у меня все свое.

Передав Палку-Болталку в руки очень тощей, сухопарой, - у нее, как у прохудившейся бездомной собаки, были обтянуты как бы ставшей ненужной, ссохшейся кожей просвечивающиеся во время ходьбы ребра - уже не молодой, но в то же время казавшейся девушкой особе с покачивающимся на боку на ремне - это вменялось ей в единственную одежду – барабаном с просунутыми меж его боковыми веревками палочками, Илу влился в ряды образующих Круг сидящих и лежащих людей. А Снежка, поставив барабан между скрещенными в позе лотоса ногами, гулко ударила в его натянутую кожу.
Это было похоже на первый гром.
За ним последовал второй, третий…
Как завороженные, все молча слушали как, словно бегая по поляне не то лайкой, не то огненной гиеной – кто-то порыкивал и стучал зубами.
Барабанный гром тоже был похож на Сердце – живое и трепещущее, то жалобное, то сердито-требовательное, то молящее, то – бьющееся с опережением, после чего возникала долгая пугающая пауза.
Наконец гром, неловко всхлипнув, затих… И тотчас грянул гром!
Вечереющее небо, ставшее совсем свинцово-серым, вспыхнуло, как перегруженный мыслями мозг, сеткой из множества извивающихся змейками сосудов.
Это в них гудело электричество. И неслось, пригибаясь, к Земле.
Затрепетало на древке Знамя Радуги.
Но ярче вспыхнуло Сердце, потому что в его пламя тотчас подбросили целый ворох заранее заготовленного сухостоя.
Несколько человек принялись торопливо натягивать над ним тент. В то время как другие вместе с стремительно отдающим распоряжения Илу приволокли два огромных котла и принялись скорым шагам обходить собирающихся улепетывать людей Радуги, накладывая им в миски и кружки кашу и компот. После чего получившие паек люди, сказав «Спасибо», убегали.

Вскоре все уже сидели по норкам, а снаружи било и било в укрытые прозрачными трепещущими пленками шелковые стены – змеящееся электричество.

Годару никогда не забыть этого феерического вечера при раскатах грома и своей смешанной с восторгом жути, когда он стоял в огромном палаточном шатре - его тут называли «Домом для Бездомных», так как там кидали на первое время свои спальники странники, не имевшие не только палаток, но и друзей с палатками, - и смотрел на действо приготовления еще одного ужина.
Его осуществлял хозяин шатра - очень высокий, мускулистый парень с свисающей до самого пояса гривой волос и в тонких, как пенсне, очках на носу с горбинкой. Взгляд у парня, когда он посматривал на своих гостей, был орлиный, а ниже пояса спокойно возлежала, как бы греясь у огня, его слегка свернувшееся мужское достоинство.
У его ног полыхал костер, который он разжег прямо в шатре, выводя дым в какую-то специально разработанную им щель, а над костром – кипел огромный котел.
Помешивая в нем длинной деревянной ложкой, парень, довольно прищурившись, в какую-то минуту обронил:
- Макароны с пуськами.
Название блюда было вполне убедительным – вокруг котла перемещались, переминались и пританцовывали, как бы тряся ими, еще несколько обладателей пусек.

Ели потом блюдо наспех, словно боясь умереть не доев, ведь электричество, то и дело вспыхивая неоновым светом, могло в любую секунду ударить в котел. От этого макароны с соей и приправой из крапивы и одуванчиков казались самыми-самыми вкусными из когда-то отведанных макарон. А сверху лилась, просачиваясь и сквозь брезент, вода, которую все без устали подтирали, но она заливала пол все равно.

Ох, и досталось же потом Снежке!..
На следующий день все принялись подтрунивать над ее способностями отводить грозу. А иные, хмурясь, даже сказали: «Видимо, у тебя, Снежка, плохая энергетика. Это ты и притянула грозовой фронт – может, он без твоего вмешательства еще ушел бы в сторону».
Позже Годар выяснил, что это были панки.
Снежка обиделась.
Но большинство стало утешать ее, а тем, другим, с упреком сказали: «Не трогайте, пожалуйста, нашу Снежку!».
Правда, сама Снежка умудрилась невзначай обидеть Годара.
Она была первой, кто заговорил с ним, когда он вылез из норки с все еще влажными спальником и ковриком и оглядел блаженствующий в прозрачной солнечной паутине, чирикающий птичками лес.
Снежка одиноко сидела у костра на их стоянке и потягивала маленькими редкими глотками чай из кружки – крепчайший, на первый взгляд, черный как смоль, но на самом деле зеленый ароматный чай с жасмином, - он в котлах никогда не переводился. Вскинув взгляд прямо ему в лицо, она сказала, хлопнув ладонью по бревну, где сидела, слегка раскачиваясь:
- Эй… парень. Кидай сушиться свои причиндалы и присаживайся. Тебя как зовут?
- Годар, - ответил он, опустившись рядом.
- А-а-а… Понимаю-понимаю… Кажется, был такой режиссер – Жан Люк Годар, если я чего-то не путаю.
- Да нет, - рассмеялся Годар, - это не имя человека Радуги, а мое собственное имя. Родители познакомились близ границы с Туркменией, ну и назвали, как туркмена… Еще такое имя встречается у башкиров.
- Понятненько… А у тебя, случайно, нет марихуаны, если ты уж такой вот – весь прямо из Азии? Или простой сигаретки?
- Увы, я не курю.
- А сколько тебе лет-то? Коли ты до сих пор не научился?
- Тридцать шесть.
- Ого, да ты, туркмен, старик. Мне тридцать четыре, но меня тут все считают уже пожилой.

Годар был рад, когда на бревно подсел какой-то человек и они с Снежкой, расцеловавшись, принялись оживленно болтать.
Он же отправился на свою первую прогулку по лагерю.
Это, как он узнал позже, был островок в заповедном мариэльском лесу. Со всех сторон его омывала темноводная, довольно мутная, мелкая на этом отрезке своего летящего с брызгами пути речка Большая Кокшага, - в ней неторопливо переваливались спокойно проносящиеся волны. Но обойти островок пешком вряд ли было возможным и лагерь расположился на его краю. Многие его обитатели и не догадывались, наверное, что находятся на островке.
Могучие сосны уходили высоко в загадочное глубокое небо, где плавали лишь два-три завитые облачка и на иголках их, как и на листьях тоже отнюдь не хилых берез, - некоторые из них росли по двое - по трое, – сияла крупная роса. Еще тут были ольховники. Ивы и камыши стелились по белому песку вдоль реки.

Большая Кокшага, в которой уже купались и смеялись люди, открывалась взору сразу, так как «Дом для Бездомных» располагался на одном из самых высоких и красивых пригорков. Вдоль берега было много пригорков и люди Радуги плотно облепили их своими палаточными гнездами.
Такие гнезда были и в противоположной от берега стороне, куда уходил нескончаемыми стенами деревьев темнеющий, по мере того, как уходил, лес. Многие вновь прибывающие люди за неимением мест поближе раскидывали палатки и в этой темнеющей москитными сгущениями дали. Они и сейчас шли, взмокшие от долгой дороги, (фестиваль принципиально располагался километрах в двадцати от ближайшего жилья), с вздутыми на спинах рюкзаками, дружелюбно озираясь и чему-то с кроткой задумчивым взглядом улыбаясь в себе.
Впрочем, некоторые селились вдали по собственному почину – возможно, им хотелось найти в уединении цветок папоротника.
Также вдали любили селиться панки – они составляли примерно четверть населения Радуги.
Панки и хиппи любили в игровом порядке подтрунивать друг над другом – это тоже была своего рода традиция, но все бы только покрутили у виска пальцем, если бы кто-нибудь принял ее всерьез и стал бы, что называется, гнать панков поганой метлой.
Тех и других отличал не только прикид – так тут называли одежду, – но и весь облик в целом и главным образом - глаза.
У хиппи и просто сочувствующих им – во вторую категорию входила обширная околохипповская тусовка, представлявшая обычную интеллигентную молодежь, чаще студенческого возраста – глаза были удивительные: распахнутые и в то же время кроткие, но не потупленные, а, напротив – охочие до жизни, ко всему любопытные. Но не к тому, что могло добавить соли, сахара и перца, а к вещам естественным. Они умели извлекать вкус из будней и, вскрыв их потенциал, как бы выворачивали их изнутри наружу. Каждый их шаг был органично связан с постоянно бившим изнутри цветным музыкальным фонтаном - праздником.
Панки же и примыкавшая к ним околопанковская тусовка – как правило, тоже из интеллигенции, многие из представителей которой учились в вузах, но почему-то делали вид, что они – люди малограмотные, напротив, любили этот бьющий до небес фонтан вечного праздника хиппи, как бы выкрутив спрятанную в нем лампочку для подсветки и придирчиво рассмотрев ее со всех сторон, обратить снаружи внутрь. Это были мастера критики и сарказма. Но - и это было самое удивительное! - хиппи не только добродушно терпели своих критиков, но и с удовольствием привечали их, поселив как равных на собственном главном фестивале. Хиппи очень хотели знать правду о своих слабостях и никогда не застаиваться.
Панков выдавали в первую очередь их глаза – чуть настороженные, с затаенной внутри болью, которую они старались перекрыть бравадой. Сразу возникало желание прижать их к груди и налить им компота. И, разговорив, невзначай выдавить гнойник, образовавшийся в так сильно болеющих за человечество душах от того, что они вытягивали, взяв на себя, из него нечисть. Снять с обтрепавшегося прикида – репьи в виде металлических шипов и иголок. Расслабить, в общем, добровольно наложенные на себя цепи.
Но это он сейчас рассуждал немного с точки зрения хиппи. А как оно было на самом деле – оставалось для него в неведении.

Годар проник, раздвинув кусты, к костру, где пели, передавая друг другу гитару, бардовские песни.
Глаз его узрел свисающие с ели на длинной серебристой цепочке часы.
- А сколько сейчас времени?.. – непроизвольно пробормотал он, сделав к ели движение.

Кто-то из ребят тут же полуобернулся и, поймав часы в ладонь, как рыбку, бережно передал их ему в руку.
«До горла» - прочитал он электронный текст на циферблате без стрелок.
«Вот паразиты, - усмехнулся он, отпуская цепочку, - и как только сотворили такое художество».

Помимо хиппи и панков, здесь расположились гурьбой еще и толкинисты – их можно было опознать по особенной наивности и доброте. Не подростковой, как у других, а чисто детской. Их тут было трое: две девушки в эльфийских платьях-накидках и парень-хоббит. Даже рост, а не только костюм, у хоббита был по-настоящему хоббитский. И он постоянно смеялся уголками глаз.
Годар тоже сел на бревно и поплыл мысленным взором вслед за корабликом, парусом которому служили песни – собственные и давно ставшие классикой. Он не отдавал себе отчета, как долго это продолжалось. Пение перемежалось с тоже тихо плывущей, плавно покачивающейся из стороны в сторону с горьковатым дымным воздухом - беседой.
Одна из девушек – она была невысокая и плотная – рассказывала про Кострому, их хоббитские игрища в суровых северных лесах. И про то, как видела часто во сне человека в черной водолазке. Тот сокрушался по поводу гибели рано ушедшего отца. И вот она встретила его – бредущего с потупленным взором – позавчера по дороге на Радугу. Они сразу же узнали друг друга и взялись за руки. И с тех пор – так и почти и не выпускают рук… Ее ладонь действительно лежала в ладони на коленях взглядывающего на нее с необычайно нежной улыбкой печального парня в черной водолазке, который почти неотрывно всматривался в догорающие угольки. Другая рука его придерживала скрипку.
Вторая же девушка-эльф – более высокая, с тонкой талией – вздохнув, тоже поделилась чем-то своим:
- А так у нас в городе ничего особенного не происходит. Я работаю учительницей литературы и ребята в прошлом году, узнав, что я побывала на Радуге, спросили: «Ну и как там ваши дети – цветы?».
Годару сразу захотелось и ее прижать к груди, хоть она и не была панком, и подарить ей много-много этих самых цветов. Но у девушки, увы, уже был свой волшебник – тот, что подавал ему часы - он сидел без сорочки, но в солдатских брюках, а голову его венчал тройной венок из сухих полевых цветов (а свежие растения тут старались не срывать).

Потом Годар стал прохаживаться по центральной тропе, где все время перемещались туда и обратно люди и время от времени подсаживаться к какой-нибудь стоянке – ведь каждая отличалась каким-нибудь своеобразием и все хотелось поскорее увидеть и услышать.
В промежутках он возвращался в шатер и наливал себе до краев кружку ряженки из скисшего в грозу молока – хозяин «Дома для Бездомных» купил накануне в деревне целый бидон молока и теперь призывал всех к стремительному опустошению его скисшей субстанции. В чем ему особенно содействовал мальчишка-негритенок лет восьми, который непрерывно хохотал и лез купаться в речку, а хозяин шатра выгонял его из воды. При этом негритенок возражал на нагоняи без акцента, на чистом русском языке.
В общем, к вечеру Годар несколько переутомился и сразу же уснул, как только положил голову на свой коврик.
А коврик его в ту вторую ночь располагался уже не в шатре, а в *типи.*
Поскольку по умолчанию предполагалось, что странники не станут задерживаться в «Доме для Бездомных», поскольку он нужен не им одним.
Чтобы уступить свои места новичкам, они подыскивали себе за долгий радужный день другую, уже постоянную вписку.
Но Годар не смог напроситься третьим в чью-либо палатку на двоих - на троих. Он понимал, что даже люди Радуги, обычно и приезжавшие по двое -по трое, не горели желанием разделить свое гнездышко с незнакомцем. «И чего бы им не приехать с

собственным домиком на плечах?» - думали тут про таких верхоглядов, - Уж пора бы включить этот пункт в неписанные правила».
И тогда он непроизвольно попросился на еще одну ночь в *типи*, где жила только одна маленькая молодая женщина.
Расчет его был прост – *типи* был большой, а одинокая женщина – маленькая. Он бросил бы свой спальник по одной стороне от широкого прохода внутри, а женщина бы осталась – на другой половине.
И женщина спокойно, вежливо согласилась.
Он не знал, что удостоился редчайшей возможности – ночевки в жилище индейцев майи. Таких навевающих благоговение жилищ – эти их называли *типи* - они представляли собой высокий конусообразный шалаш с очагом, где потрескивал в полумраке очаг, уютно выпуская дымок из расходящегося звездой дымохода на крыше - на Радуге было не более пяти-шести. Причем, в одном из них располагался медпункт, а еще в одном – жил в уединении в лесу за той стороной Круга Илу.
Строить *типи* было делом простым, но долгим и хлопотным, для этого требовалось несколько пар рук, да и материал был дороговат (да и сухих веток и хвороста надо было натаскивать из лесу по меньшей мере полдня). А люди Радуги не любили делать лишние движения. Поэтому *типи* тут были как храмы – на них, виднеющихся издалека, просто отдыхали взглядом.
Перед тем, как уплыть в сон, Годар едва расслышал шелест тихого голоса. Неподвижно сидевшая в другой, погруженной в глубокую тень, стороне, женщина спросила:
- Откуда ты, парень?
- Из Грузии.
- О, да это же удел Пресвятой Богородицы!
- Может быть. Но сейчас в этой стране нет ничего особенного. Во всяком случае, настоящих хиппи я там не встречал.
- А ты думаешь их много, настоящих?.. Но в любом случае, ты заблуждаешься. Грузия – это страна прирожденных хиппи. Я проезжала ее автостопом еще во времена Союза и порадовалась этому всеобщему желанию поменьше работать и побольше дружить.

Ночью Годар вдруг вскочил с бешено заколотившимся сердцем со своего коврика, словно спал на сковороде – во сне он, легко и свободно шедший по залитой солнцем поляне, провалился в какую-то дыру и угодил в полыхающую огнем печь.
Но женщина положила ему на лоб прохладную ладонь и он тут же, опять свалившись, уснул.
- Поздравляю!.. Ты прибыл на свое место в мире, - торжественно, без тени иронии, сказала она ему утром, - Существует поверье, что тот, кто переночевал в *типи*, имеет очень старую душу, прошедшую через много воплощений. И в одном из этих воплощений он был индейцем майи. На Радугу со всех концов России и не только – а ведь есть еще европейская Радуга, куда стекаются со всего мира, она проводится тоже раз в год в одной из стран Европы, каждый раз другой, подобно тому, как и наша русская Радуга вспыхивает каждый раз на новом месте, в новом лесу, чтобы не входить дважды в одну и ту же колею, – слетаются души бывших индейцев. А может – и странников из самой Атлантиды.
- Ну… все может быть, - протянул, едва не поперхнувшись дымком, польщенный Годар.

В тот новый день ему повезло. Один из ребят негромко предложил ему, когда они поравнялись с ним на тропе, купить у него палатку – всего за 200 рублей. Ему была необходима ровно эта сумма, а со своей самодельной палаткой он давно хотел расстаться и купить себе новую, посовременей, но, по его словам, все не появлялась потребность в лишних движениях. Отдав же палатку нуждающемуся почти за символическую плату, он

тем самым покупал для себя новые возможности. А сие было – одним из самых интересных и необходимых по жизни товаров.
Парни ударили по рукам и сделка состоялась.
Таким образом, он узнал, что коммерция на Радуге все-таки встречается.
Чуть позже выяснилось, что встречается и винопитие, хоть на Кругу и регулярно сетовали на это позорное для людей Радуги явление и предлагали ненасильственные методы его искоренения.
С выпивкой тут активно не боролись, так как у Илу была любопытная философия – он говорил, что человек не может переменить своих привычек, пока не переменит вкус. А вкус – дело тонкое. И чтобы он стал добрым, очищенным, - его необходимо пестовать. И лучше всего он сам собой развивается в общении с людьми, которые уже обладают более возвышенным вкусом. А таких на Радуге, по его мнению – большинство. Поэтому пьянство в их среде когда-нибудь само собой сойдет на нет.
- А почему под запрет не попадает марихуана? – спросил Годар однажды во время дебатов насчет винопития.
- Потому что трава, если ею не злоупотреблять, раскрывает высшие чакры, а алкоголь – низшие. Водка раскрепощает лишь животную душу, поит животной радостью. В то время как трава… В общем, ее алкалоиды позитивны для развивающегося самосознания, - профессионально и даже немного агрессивно-строго ответила ему одна девушка-чувашка в очках.
Но ее мнение оспорил любезный человек в костюме Адама. Он носил, как и тот, окладистую бороду, в данном случае рыжую, и – непременно, всегда и всюду, где бы ни появлялся, - также носил под мышкой или просто в руке Библию в черном кожаном переплете. Этот человек часто прохаживался по центральной тропе. Он представлял какую-то протестантскую церковь.
Его поддержали кришнаиты и даже Илу.
На Радуге были представители всех конфессий и многих, самых разных, церквей. Все они, однако, приходили на Собрания и, взявшись за руки, пели вместе со всеми два раза в день мантру Ом на Кругу, а потом – вместе ели. А кришнаиты даже разносили и разливали желающим по мискам и кружкам еще и прасад. Лишь однажды возник короткий, спровоцированный каким-то христианином спор насчет того, можно ли предлагать людям пищу, которая является ритуальной, не вдаваясь в тонкости ее предназначения. После чего было решено оповещать, что прасад – это священная пища индусов, принимать ее могут все, но сугубо добровольно. И некоторые действительно не принимали. Но большинство было обеими руками – «За»!.. Обычно по Кругу, после Собрания, когда наставало время трапезы, сначала проходили с котлами, раздавая кашу и компот дежурившие на стоянке-кухне добровольцы, а потом – появлялись с добавкой в огромных котлах кришнаиты в желтых накидках.
Вообще, прием пищи на Радуге был действом, которому отдавались с тихим неспешным удовольствием.
Все это происходило под музыку.
Вслед за несущими котлы поварами шел, деликатно и в то же время весело, как бы шутя, протягивая Шляпу Волшебника, специально выделенный для сбора средств человек. Его сопровождали игравшие на флейте и барабанах музыканты. Этот обычай был свой собственный, отнюдь не копировавший вайшнавский (кришнаиты не ходили с шляпами).
Люди Радуги кидали в шляпу мелкие, а кто-то – и крупные деньги.
А кто-то же – таких было немало – символическим жестом ладони от груди к шляпе – мог передать лишь любовь.
Иные же – ссыпали из собственных пакетов крупу в большой мешок, который нес, волоча его по песку, один из помощников кашеваров.
Если финансов на закупку крупы к следующему приему пищи не хватало, все имеющиеся разносортные крупы ссыпали в один котел и получалась превосходная каша «Ассорти».

Впрочем, иногда «Ассорти» готовили и просто ради удовольствия. А монет собираемых, как поговаривали, все равно не хватало на закупку общих продуктов – основу финансирования общих ужинов, как и многого другого, составлял анонимный фонд, организованный успешными хиппи-меценатами.
Кому же не хватало даже превосходной каши «Ассорти» и неизменного компота из сухофруктов на первое и прасада на второе – могли в индивидуальном порядке купить себе в палатку продукты с грузовика, который приезжал через день на ту сторону реки. Этот вид малого бизнеса сообразили организовать на время фестиваля окрестные жители. Облепив саранчой все подходы к грузовику, люди Радуги согласны были выстоять длиннющую очередь, чтобы закупить хлеб, молоко, простоквашу, макароны, сухую сою, овощные консервы, овсяное печенье, чай, соки и, увы, подпитку для животной души. Это оттуда переплывали контрабандой в непрозрачных пакетах – ведь в лагере никого не обыскивали - пиво и водка.
Но были и такие, кто предпочитал не ходить на тот берег. Например, Илу с сотоварищами.

Годар на тот берег иногда ходил – по броду в непрерывно уносящейся вдаль Большой Кокшаге. Обмениваясь приветствиями с непрерывно двигающимися обратно, как по муравьиной тропе, высоко держа над головой или на голове пакеты с товарами, даже и тут смеющимися и переговаривающимися людьми. Он покупал на себе на несколько дней черный дарницкий хлеб и кефир.
Еще одним драгоценным товаром, ради которого некоторые согласны были б и вовсе переселиться на тот берег, днюя и ночуя под грузовиком, были пузырьки с тут же расхватываемой жидкостью от комаров. Которая, впрочем, была практически бесполезна – комары были здесь злющие, объединенные в туманности. Они никогда не видели столько молодой и здоровой крови и теперь спешили насытиться впрок. Люди Радуги, даже стоя в Кругу, вынуждены были иногда подергиваться, словно их сотрясали конвульсии, а в остальное время – то и дело хлопать себя по разным частям и обмахиваться блокнотами, тетрадями или просто рукой.
- Вы представляете, я вымазалась жидкостью против комаров полностью, но они все равно нашли некую точку и жалят прямо туда, прямо туда, - жаловалась одна темнокожая девушка-растафари в одежде Евы.
Ей понимающей кивали другие дочери Евы.
- Народ, я предлагаю организовать марафон по собиранию в пустые пачки от сигарет прихлопнутых комариков! За каждую коробку с комариками ждет приз – коробка сигарет.
- Ну ты… и комар! Убивший дракона, сам становиться драконом.
- А как же правило Радуги о ненасилии?
- Да бросьте вы, хороший комар – этот мертвый комар.
- Люди Радуги, не превращайте традиции в балаган!

К личной собственности у людей Радуги отношение тоже было, как и ко всему остальному, особенное. Они не придавали ей большого значения, так как ценили не столько результат, сколько процесс. Творчески прожитый день предполагал легкость, а все лишнее и тяжелое снижало полет их любимого средства передвижения - простого воздушного шара внутри, с которого они любовно оглядывали Землю, вздыхая о ней, но, тем не менее, отрываясь…
И так называемые обычные люди не прощали им дерзости.
Если раньше за людьми Радуги охотились, вооружившись ножницами для срезания волос, правоохранители, а в газетах поднимали идеологический вой критиканы-журналисты, то теперь за дело взялись скинхеды, приравняв этих людей наряду с чернокожими иностранцами – к самым «последним». Основная масса населения, скинхедов вообще-то не одобрявшая, тем не менее делала вид, что не замечает этих драк. «Пусть на всякий случай появится и на наших улицах маленький фашизм – чисто защитный. Пусть выметет

с них иноземную нечисть, а с нашими фашистами, если они пойдут в рост, как грибы, мы и сами справимся – имеем опыт!», - полагала масса.

Поэтому все так и грохнули со смеху, когда однажды Илу, подняв Палку-Болталку, проникновенно сказал:
- Народ, к нам вчера прибыло необычное пополнение – два совсем маленьких пятнадцатилетних скинхеда. Они попали сюда случайно – не сообразили куда едут. Но им неожиданно открылась такая картина, какой они никак не ожидали. Они удивлены, им все тут так нравится. Они уже подходили ко мне и просили простить их. Люди Радуги, пожалуйста, не обижайте скинхедов!
Раздалось дружное и изумленное коллективное «Ох!..». А потом – хохот.
И действительно, на краю Круга сидели с напряженными полуулыбками два старательно прислушивающиеся к диалогу вокруг своих персон вполне смирных с виду подростка, про которых, отсмеявшись, все тут же забыли.

Хуже было, когда в лагере появились крысы.
- Народ, не оставляйте в палатках ксивники с деньгами и документами. У нас завелись крысы. Каждый год приходится заново открывать для себя эту с трудом вмещающуюся в сознание истину – в лагере есть воры.
- А я вчера нашла вот этот самодельный ножик с оранжевой рукояткой. Хозяина прошу найтись!
- Ищем хозяев деревянной ложки, найденной вчера близ стоянки «Просто вепри»!
- Кому одолжить Керуака?.. Приходите к чайному шалашику близ брода у реки – мы собрали маленькую библиотеку. Можно брать книги с собой или читать прямо в шалаше. У нас всегда чай! Только заварка расходится быстрей, чем хотелось бы. Так что если кто принесет немного своей – не откажемся!

Сделанные своими руками или почему-то притянувшие взор в магазине ножики, ложки, кружки, ксивники, рюкзаки, а уж тем более дудки и губные гармошки, часто оригинально окрашенные, с необычной формой – составляли часть личного пространства и люди расстраивались, если теряли их.
Тех, кто способен был бросить невесть куда или не вернуть одолженный у товарища предмет его неприхотливого быта, начинали любить меньше.
Лежа в своей – теперь уже своей – бережно колыхаемой упругим ветерком палатке из бело-оранжевой парашютной ткани, в которой гостили набивающиеся за ночь бабочки и москиты, - они ползли по полупрозрачному потолку как по перевернутому миру, а с той стороны блекло разливалось как бы всегда утреннее северное солнце, - Годар словно становился все более легким, приподнимался над землей.
Иногда шумел легкий дождь, его крупные, светлые капли были теплы и легко высыхали – наверное, такова была компенсация приглядевшейся к людям Радуги природы за первоначальную грозу.
Рябь неяркого солнца, ветер, шелест дождя, постукивание дятла, трели на флейтах каких-то раньше всех просыпающихся птиц – ласково ложились под спину с первыми лучами каждого нового дня. Он чувствовал это даже во сне: легком, чутком, как воздух этого края. И туда же – словно свившая гнездо птица на лугу с разнотравьем – впархивала музыка.
Проступая из Земли росой, музыка доносилась отовсюду – земля вибрировала плывущими по всем направлениям, вездесущими, как ветра звуками: играли гитары, флейты, барабаны, цимбалы, губные гармошки. Разносились разбавляемые обрывками речей и смехом песни. Рок, панк-рок, бардовская песня, регги, фолк, пение ролевиков, как и разнотравье, не вызывали ни малейшего диссонанса. Сюда же вплетались практически непрерывные киртаны кришнаитов, стоянка которых располагалась невдалеке.

Как ни странно, этот постоянный фон из музыки ничуть ему не мешал, хотя дома он, бывало, уставал от одного прослушанного диска.
Усиливаясь к вечеру, все это мало-помалу смолкало часам к трем-четырем ночи, а через два часа в этом северном краю, где в три-четыре часа было еще не темно, - уже наступал рассвет.

Однажды один из музыкантов пел целую ночь.
Он был лидером только накануне приехавшей самодеятельной рок-группы из Шуи.
Встав на краю утеса над рекой, он перебирал и перебирал до рассвета струны мощной, испещренной надписями 12-струнки и истово-задумчиво, как в последний раз в жизни, на что-то жаловался темнеющим внизу водам. А его товарищи спали, просто положив головы на рюкзаки, тут же, на берегу.
Когда же рассвело, от речки приплыл туман и парень, замолчав, еще долго стоял в нем, как в белой простыне.
- Молодой человек, отбой! Идите выпейте чаю, - сказала ему в спину какая-то не выспавшаяся девушка и парень, как очнувшись, покорно отправился за ней к костру, который еще предстояло разжечь.

Годар хорошо запомнил тот день. Тогда его, тоже почти не сомкнувшего до утра глаз, что нисколько не лишило его тихой бодрости и воздушности в каждой клеточке тела, ноги словно сами собой повели на, как он думал, пустующую в этот час поляну на Кругу. Но, мимоходом поздоровавшись с несколькими тоже куда-то бредущими в самые разные направления призраками, он вышел прямо к чистящему на поляне котел Илу.
Полукругом рядом с ним сидели за сим сосредоточенным занятием еще две девушки и парень.
Еще один парень сидел метрах в трех от компании в позе лотоса, подставив под лучи розово-малинового солнца лицо с повязкой на глазах.
Изюминкой этой молчащей, похожей издали на скульптурное изваяние компании были черные повязки на глазах.
Кроме парня-йога, в повязках были и девушки, что, впрочем, не мешало им ловко управляться с котлом. И только один из парней – он сразу подозрительно покосился на Годара – сидевший рядом с невозмутимо поздоровавшимся и предложившим ему жестом присесть Илу – как и босс, повязки не носил.
Годар машинально взял с земли тряпку и тоже подключился к работе.
Все молчали.
Видимо, чувствуя его неловкость, Илу любезно сказал тихим голосом, обращаясь к одной из девушек:
- Маечка, не торопись. Старайся больше вслушиваться в себя, а не в котел. И чувствуй, просто чувствуй – руки, материал. Забудь про то, что у тебя нет зрения. Теперь видят руки – с этим нет проблем. Сколько ты уже в повязке – почти двое суток? Завтра мы ее снимем и ты удивишься, каким первозданным станет мир перед твоими глазами. Тысячи оттенков, к которым мы так привыкли, что не обращаем на них ни малейшего внимания, вновь вспыхнут после того, как мы добровольно оторвались от них, всеми своими красками – и не только природными, но и теми, что проступят из нас изнутри.
Эти шурчащие тихим ручьем поясняющие слова предназначались и для него.
Годар старался не встречаться с Илу взглядом, хотя и украдкой поглядывал в его лицо. Сколько раз он видел это лицо в минуты радости, раздумья, мысленного полета, озабоченности. И неизменно его сопровождали внешняя невозмутимость и глубочайшее внутреннее спокойствие. Даже когда люди Радуги подшучивали над ним, а то и прямо бросали обвинения в попытках руководить ими – а Радуга была по определению самоорганизующейся коммуной, подчиненной самому Господу Богу – Илу, опустив глаза, невозмутимо продолжал делать и говорить свое.

Впрочем, ему не мешали – организация ужинов, медпункта, быстрая помощь при разных ЧП, прием исповедей (если вдруг возникала у кого такая потребность – по причине внезапно пробудившейся совести) – все это было с удовольствием возложено на его плечи.
В личные дела Илу не вмешивался.
Во всем же остальном – был со всеми на равных.
И тем не менее от него веяло загадочностью.
Годар важно было знать, такой ли Илу на самом деле внутри, каким – пусть и несколько более бледным, или, напротив, ярким отражением – проявляет себя наружу.
Потому что если Илу не таков, то, может, не таковы и другие люди Радуги, и тогда все, что он видит и чувствует, будет смято внутри и станет трудно дышать… Он наглядно представил этот страшный удар под дых в виде внезапно влетевшего ему в живот мячом-глобусом земного шара. Который, корчась, придется потом так и носить внутри - кружащийся с дымом и ревом в животной тьме и все там рвущий, безжалостно ищущий выхода.
Поэтому Годар вскоре, не попрощавшись удалился, и побрел просто туда куда несли его ноги - дальше.
Этим принципом бессознательно руководствовалось на Радуге большинство.
Все старались во имя друг друга и связывающего их общего дела следовать в первую очередь своим личным побуждениям.
А интуитивная способность чувствовать их была тут у всех на порядок выше, чем в обычном мире.
Но уйдя за черту Круга, Годар все-таки оглянулся.
Горело чистым светлым пламенем Сердце Радуги – сучья в костре на поляне ровно потрескивали и видны были в еще темноватом воздухе рассвета разлетавшиеся светляками искры. Колыхалось на длинном шесте семицветное Знамя Радуги.
А Илу пристально смотрел ему вслед…
Отвернувшись, Годар вошел в лес.
К нему опять вернулось умиротворение. Ведь тут, в лесу – вокруг десятков маленьких костров-сердец – спали в многочисленных палатках ненадолго отключившиеся от вечного Утра люди из всех концов России.
Да, он знал, что на Радуге есть немало простых отдыхающих – приехавших просто провести недорогой отпуск на природе. Или просто любопытных до всего студентов. А также жаждущих найти свою вторую половинку. Или – хоть партнера для утех на сезон. Таких было видно сразу.
Еще выделялись пресытившиеся люди – они были в системе хиппи много лет и считали, что познали ее и внутри и снаружи и ничего уже особенного не ждали, кроме слегка греющего кровь любопытства и почитания со стороны юной поросли. А их в насмешку называли в глаза или за спиной - олдовыми. Но не настоящими олдовыми, каким был тот же Илу, а как бы олдовыми. В норме же под этих словом подразумевалось, что человек был в системе уже очень давно и может быть примером для других.

И все-таки тут были не только они.
На некоторых палатках висели не только раскрашенные самодельные плакаты с уморительными названиями типа «Здесь живет Рыба-пила», но и указатели городов: Белгород, Нижний Новгород, Пермь, Екатеринбург, Казань, Ярославль, Калуга... Были здесь и киевляне, харьковчане, одесситы – они тоже любили русскую Радугу, хотя в Украине была в Карпатах своя – ее называли «Шипот». И хиппи-россияне тоже ездили на «Шипот».
Среди всех этих людей уж хоть кто-то да был настоящим. И даже если вдруг окажется, что Илу позер и притворщик, то – в сущности, какое ему до этого дело? Он просто будет стараться становиться внутри таким, каким старался казаться снаружи Илу (а тот, скорее

всего, и не старался).
Во всяком случае, два его приятеля, с которыми он подружился, уж точно были если и не самые шумные и выделяющиеся явными талантами, то – людьми хорошими. С первым из них – его звали Бемоль – он познакомился по дороге на Радугу. Тот молча забрал у него рюкзак, появившись как из ниоткуда, когда Годар отсиживался у родника, пытаясь успокоить тахикардию – 20 километров с грузом даже по равнинному лесу были для него с непривычки невероятно тяжелы.
Этот парень в старой солдатской гимнастерке взял его рюкзак под мышку и нес, пока тоже не выбился из сил, поскольку на спине у него покачивался еще и свой.
Возвращая рюкзак набравшемуся сил Годару, он с улыбкой сказал:
- Ну, брат, теперь дальше ты… Там немного уже осталось.
И – примкнул к двум вынырнувшим из-за поворота двум другим путникам. Все трое, бросившись друг к другу с распростертыми объятиями, шумно расцеловались и вскоре опередили его. А потом показался и лагерь за рекой.
Второго приятеля звали Человек из Электрички из Пензы – именно так. Люди Радуги без возражений принимали, не преуменьшая их, все имена, под какими предпочитали слетаться путники. Этот же путник и вправду долго ехал на электричке, точнее, на пяти электричках – и все для того, чтобы приехать на Радугу практически без затрат на дорогу. Он успевал перейти в другой вагон за секунду до того, как в него войдут контроллеры. Таким железнодорожным автостопом пользовались тут многие, некоторые и до Крыма доезжали на «собаках» - так тут называли электрички. В Крыму же у людей Радуги были свои давно облюбованные места, которые они очень любили посещать, устраиваясь там тоже практически бесплатно.
Человек из Электрички из Пензы ходил, как и Годар, в обычных джинсах и майке, браслетов из фенечек не носил, но постоянно блистал. Годар подозревал, что контролеры в электричках упускали его нарочно – они не могли изгнать из «собаки» такое святящееся существо. Когда он разглядывал что-то – а Человек из Электрички из Пензы все время что-то разглядывал, время от времени взглядывая с коротким смешком на окружающих его людей, например, на собеседника или просто молчащего спутника – не только от глаз его – голубых и распахнутых, - но и от всего тела от белобрысой макушки до расслабленно лежащих на коленях рук, до спокойно вдетых в дорожные резиновые тапочки ног – распространялось чисто морское сияние. Вот было вам пыльно, жарко, мутно, печально и одиноко. А вы вошли в морское сияние и – вышли оттуда другим человеком. Сияние овеяло, омыло вас, и вы теперь на все свои прежние горести смотрите с полуулыбкой, с широко распахнутыми глазами.
В общим, Человек из Электрички из Пензы в глазах Годара был настоящим морским богом, Нептуном. Хоть они с ним практически и не разговаривали, а только обменивались полуулыбками.
Но на самом деле этот человек просто ярко фокусировал в себе энергетику, которая была разлита на Радуге повсюду. Из всех глаз здесь – струилась мягкая дымка, переходившая на своей высоте в сияние. Тела же при этом – просто блистали!

Никогда не забыть ему и встречи с Любавой.
Он услышал, что в лагерь приехала Любава – это на ее сайт о хиппи Годар послал просьбу выслать ему адрес Радуги и карту местности, по которой к ней предстоит добираться. Эти данные нигде в Интернете не выкладывали, но в то же время и не скрывали. Их передавали даже незнакомцам после явно высказанной просьбы, задав два-три вопроса, ответы на которые, надо полагать, неплохо обрисовывали личность.
Любава сразу ответила ему и сразу же прислала карту. И только потом, вдруг спохватившись, спросила:
«Ой, слушай, а ты вообще хиппи?».

«Я – свободный человек», - лаконично ответил Годар. Он как-то еще не успел задуматься о своей неуместности на этом, по-видимому, чужом для него празднике.
Но Любава опять расслабилась и наговорила ему кучу советов про дорогу.
Он полагал тогда, что это некая олдовская воительница, украшенная до локтей фенечками, под которыми скрываются исколотые вены, быть может, даже беззубая – ведь о народе Радуги у него пока были чисто мифические представления.
А увидел – очень юную и скромную, корректную, но при этом необычайно блистающую девушку в голубом ситцевом платье. На руке ее прикорнула рыжей бабочкой только одна фенечка, которую можно было издали принять за часики.
У нее тоже были распахнутые голубые глаза, мгновенно вымывавшие с тех, на кого они взглядывали, их пустые тревоги.
Любава собиралась к реке, чтобы простирать трусики, бросив в зачерпнутую в маленький тазик воду щепотку золы. И пригласила его тоже прогуляться к реке.
Там он просто прилег на песок, положил щеку на ладонь и принялся наблюдать, совсем отключившись от времени, за плавными и в то же время точными и неторопливыми движениями слегка внутренне смущенной, но поглядывающей на него с благосклонной улыбкой девушки. Тут же сидели или лежали или резвились в реке еще несколько островитян.
Позже он узнал, что Любава была веганкой – то есть не употребляла не только мяса, рыбы и яиц, но и не носила одежды из кожи и мехов и пользовалась специальным мылом, в котором отсутствовал животный жир.

И совсем иной была тоже приглянувшаяся ему девушка Чума – тоже ясноглазая, аккуратно подстриженная под мальчишку, в чистой белой майке и джинсах.
Она появилась на Радуге всего на три дня.
В лагере постоянно, въезжая и выезжая, циркулировали люди. Ведь некоторые могли урвать от отпуска лишь несколько дней – большинство людей Радуги в отличие от хиппи-шестидесятников, учились или работали, и отнюдь не только дворниками и сторожами.
Но вот Чума появилась – всего на три дня. Она так громко, торжественно и вместе с тем озабоченно-удивленно – видимо, сама с удивлением вслушиваясь в себя – оповещала всех про этот свой короткий, как сквозь пальцы пробегающий песком срок на Радуге, что все утешительно похлопывали ее по плечу и делились на ходу какой-нибудь самой веселой новостью. А поздороваться Чуме хотелось буквально со всеми.
Она и с Годаром поздоровалась, протянув ему руку и, обняв его за плечи, сказала своим звонким, чистым голосом:
- Слушай, пойдем со мной на тот берег, а? Приехать-то я приехала, но как теперь жить без хороших сигарет? Кстати, имей ввиду, что если я вовремя не вернусь, то начальник меня точно выкинет в этот раз с работы. Он, конечно, привык, что я исчезаю без предупреждения, но в этот раз он сказал, что это будет… как его?.. последний случай.
Конечно же, Годар не смог отказать в столь трогательно поданной просьбе.
На том берегу Чума принялась очень смешно разгонять комаров – она с удивлением разглядывала их непрерывные кружева в воздухе и от души хохотала совершенно как ребенок. Что не мешало ей материться, когда они приземлялись к ней на спину. Весь облик, речь и поведение Чумы были абсолютно детскими и поэтому мат в ее устах становился невинным – казалось, что Чума не понимает смысла многих употребляемых слов.
- И что мне теперь делать? Со мной Умка не разговаривает. Уже два года. Я пыталась помириться с ней, но она делает круглые глаза и убегает, - со вздохом поделилась она с Годаром видимо нешуточно точившей ее внутри горестью. Он не думал, что Чума может быть так близко знакома – до драматической ссоры – с легендарной Умкой, про которую в лагере то и дело обменивались репликами на тему, приедет ли она в этом году на Радугу, будет ли ее большой концерт. Умка, - она же Аня Герасимова,- певица, лидер группы

«Умка и Бронивичок», как и певица Ольга Арефьева, певец Александр Никольский были отнюдь не дорогими гостями, а дорогими и может быть самыми лучшими друзьями Радуги. Приехав, они ставили свои палатки там же, где и все, и так же, как и все – наслаждались обществом и природой, бродя время от времени от стоянке к стоянке.
Еще Чума сообщила ему, что не понимает, куда делись одиннадцать тысяч рублей, которые дала на дорогу тетя? Она надеялась вернуться в Москву поездом, а теперь – вот те на, опять автостоп.
- Я еще стихи пишу, - мрачно добавила Чума под конец, - А тетя у меня хорошая: она редактор глянцевого журнала.
Но сколько не просил ее оживившийся Годар, признавшись, что и он литератор, почитать свои стихи, Чума оставалось абсолютно непреклонной и все больше мрачнела.
На прощание она опять торжественно приобняла его.
И через три дня – такая отовсюду видная – покинула Радугу.

Нет, Бемоля – он жил в небольшом городке Богородицке в Тульской области, Человека из Электрички из Пензы и его связывала не дружба. Но на Кругу они старались держаться вместе, посещали одни и те же семинары, разбегаясь после по какими-то своим, только им одним ведомым дорожкам.
Семинаров же – обычно они проводились в первую половину дня, так как во вторую – начинались концерты – было так много, что приходилось многое пропускать. Впрочем, без сильного сожаления, так как они обычно были вводными, а Годар предпочитал вгрызаться в те или иные темы углубленно.
Организовать семинар мог любой – для этого достаточно было придумать тему, время и место сбора. А после – сделать объявление во время утреннего Собрания на Кругу.
Каждое утро поляну на Кругу оглашали зазывающие кличи:
- Приглашаем на семинар по ролевым играм! Место встречи – палаточный городок из Перми! Сбор – ровно в полдень!
- Семинар по автостопу! Учим прямо в одиннадцать утра как доехать без сумы, хоть может и с посохом – хоть до самой Камчатки. Собираемся на берегу возле брода.
- Семинар по противостоянию НЛП!..
- Научим плести фенечки!.. Сбор в еловой стороне леса.
- Играть на флейте!.. Березовая сторона леса!
- Семинар по экопоселениям! Прямо здесь!
- Кто б научил меня всему-всему?.. Это – не шутка, а - название.
- Научу играть на варгане!..
- Семинар по Фрейду, семинар по Фрейду! В самую жару – ровно в два часа пополудни – по правую сторону поляны за чертой Круга! В то же самое время – по левую сторону поляны за чертой Круга - будет проводится семинар «Анти-Фрейд»! Желающие смогут перебегать туда и обратно!..

В один из дней, к примеру, Годар побывал на почти подряд следовавших друг за другом трех семинарах.
И всюду не обошлось без казуса.

Первый семинар расположился на пляже - огромной непрерывно веселящейся толпой, впрочем, комфортно и элегантно восседающей или возлежащей на уже прогретом солнцем песке. Ею дирижировал плавно размахивающий палочкой с прикрепленным к ней надутым презервативом – некий светлоголовый юноша, одетый только в прозрачные очки в тонкой золотистой оправе. Все очень живо обсуждали тему «Свободная любовь: миф или реальность?». А вернее сказать – со смаком пародировали ее, собравшись здесь из больше из любопытства.
Как вдруг в толпу затесался еще один любопытствующий, но любопытствующий-чужак.

Это был кто-то из местных, прошедший, тоже из любопытства, двадцать километров изнурительного пути по лесу, отделявшему фестиваль от ближайшего жилья. И надо же было случиться так, что сразу же возле брода его встретила толпа юношей и девушек, которая азартно передавала друг другу палочку с презервативом.
А парень к тому же был навеселе. И отличался недюжинной, требующей разрядки мускулатурой.
Он тут же впал в некий кризис, опьянел, как кто-то пошутил, «до самого конца», и немедленно выхватил у очередного оратора палочку с презервативом, удивленно протянув при этом:
- Да ты, приятель, гей!..
Слова его потонули в взрыве хохота.
Завязался уморительный диалог, во время которого пьяный, пытаясь держать позу и осанку, расспрашивал про то, кто они такие и чем тут занимаются, а люди давали ему ответы – то такие, то этакие…
Наконец пришелец так разогрелся, что попробовал хватануть за бедро одну из девушек. После чего всем стало скучно, и кто-то сказал:
- Ну, хватит уже стебаться над человеком. Зато все, наверное, теперь поняли, почему мы всякий раз организовываем фестиваль так далеко не только от так называемой цивилизации, но и от ее носителей-цивилов? Далекие от нас люди все понимают по-своему и это небезопасно в первую очередь для них.
А пришелец между тем уже храпел на песке. Хотя еще за минуту до того несколько парней пытались его так и сяк урезонить, изо всех сил стараясь не довести дело до драки. Впрочем, позже, протрезвев, он оказался вполне приличным и покладистым парнем и даже остался на выходные пожить в лагере, расспрашивая обо всем уже без прежнего напора.
Трудно было понять с ходу многим людям, что мужчины могут быть тонкими и не испытывать потребности в самоутверждении за счет женщины, не требовать от нее поклонения и уступок – и при этом не быть геями. И что женщины, принимающие участие в жизни общины наравне с мужчинами – обычные развитые женщины, далеко не все из которых даже внешне входили в категорию «сильных» – не амазонки.

Другой семинар был, напротив, очень малолюдный. На него пришли только человек пять. Его темой была футурология, а точнее, новое перспективное направление в футурологии, названия которого Годар не запомнил. Его представители считали, что в будущем человечество сольется в одну семью с компьютерами и даже пронижет себя, как венами, внутри проводами. И сможет тогда управлять не только собственными мыслями, но и эмоциями, настроением. Например, если у человека стресс, то он сможет его просто выключить с помощью кнопки. А если от него ушла жена, то – тут же развеять тоску, предупредив еще какой-то специально предусмотренной для этого кнопкой потенциальную депрессию.
Все это неторопливо и очень логично раскладывал по полочкам некий сухопарый человек лет тридцати пяти, приехавший с женой и сыном всего на пару дней и предложивший желающим поговорить на тему такого вот видения будущего. Согласны ли люди Радуги с таким поворотом цивилизации, предвидят ли его?
- А зачем выключать кнопкой стресс? – возразил Годар. – Если ушла жена, то, значит, существует проблема, которую надо проработать и стресс в данном случае выступает обнажающим ее механизмом.
- А проблем тоже не будет. Их будут убирать кнопкой «Кайф», - невозмутимо и в то же время хитровато возразил ведущий.
- Тогда и чувств подлинных не останется. Нет, это не жизнь!
- Понятно. Значит, вам больше всего жалко бы было расстаться с чувствами.
Годар, призадумавшись, хотел было прибавить еще целый перечень того, с чем

расставаться действительно не хотелось. Но один из участников – спокойный с виду длинноволосый парень в соломенной шляпе, руки которого были вместо проводов до локтей украшены радужными фенечками – а вены у него под ними были голубыми и тонкими, близко прилегающими к лишь слегка тронутой загаром веснушчатой коже, - вдруг встал и сказал:
- Простите меня, я дурак.
После чего повернулся и ушел.
За ним вскочил еще один человек – в браслетах с шипами и с малиновым гребнем на выбритой голове. Он выпалил:
- Вы знайте что… вы идите и проводите свои эксперименты в другом месте!.. Не надо тут втюхивать свои вавилонские понятия! Весь этот ваш глобализм, вся эта цивильность – от нее уже тошнит. Все это гниль, Система!.. Знаю я таких – ходят тут разные психологи, журналисты, гэбешники – вынюхивают. Изучают как кроликов, чтобы промывать потом мозги.
- Можно подумать ваша идеология не вавилонская… Ее же в свое время в ЦРУ разработали.
- Ошибаетесь! Это потом ее оседлала и взяла на вооружение Система. Как и всегда… А поначалу все чисто было. Да и если б и было иначе, если б действительно кто-то решил во властных структурах уводить молодежь от реального положения дел на Земле при помощи сказки о возвращении в золотой век путем культивирования самосознания и любви, то эта, с вашей точки зрения, вечная дурь – она ведь и в самом деле извечная и когда-нибудь подчинит себе даже вас, вы об этом не задумывались?..
В общем, семинар по футурологии развалился, словно вавилонская башня.

После чего Годар плавно переместился на стоянку растаманов на семинар по чаепитию, где человек двенадцать-пятнадцать – среди них было много девушек – уже сидели вокруг костра с пиалами, а точнее, на самом деле кружками, представляя, что держат пиалы, и внюхивались в ароматный чайный напиток, который разливал длинной деревянной ложкой ведущий. Другой обитатель стоянки наигрывал на гитаре регги и скоро все стало казаться крутящимся, куда-то вместе с дымом от костра плывущим, расходящимся вместе с развевающимися по ветру косичками, кругами по лесу, а потом медленно вспархивающим и уносящимся в заоблачную даль. Во всяком случае, такие образы рождали те не вполне ясные слова, которыми говорил о религии растафари ведущий.
- Погодите, а в чае нет травы? Только честно? – любезно спросила одна из девушек, - Нет, я буду не против. Просто интересно узнать.
- Что вы, конечно же - нет!... Ведь вы не посвященные, да и к тому же мы ничего не делаем против воли!.. Это вы сейчас чувствуете не траву. Это хлопочет о всех нас Джа.
А между тем к Годару подсел третий растаман – это про него сегодня на Кругу, взяв Палку-Болталку, громко сказал один из ораторов:
- Народ, этот человек, добираясь до Радуги, проехал девять тысяч километров от Владивостока до наших широт - автостопом! На это у него ушло десять дней. И теперь, дня через три – четыре, ему надо будет уже собираться в обратный путь, ведь он должен успеть вернуться домой до конца отпуска. Я люблю этого человека и горжусь им!..
Слова его утонули в бурных аплодисментах.
Этот человек был очень высок и был виден отовсюду – он был наполовину кореец и тоже, как и другие его собратья, не расставался с многочисленными косичками в длинных волосах, надо полагать, причинявших ему в наш лишенный терпимости век немало сложностей в дороге. Но, как видно, он был далеко не робкого десятка. Несмотря на то, что ему было самое большее лет двадцать пять, был он не по годам серьезным, собранным, немногословным. Другие растаманы сразу признали в нем вожака и так и ходили вокруг кругами, старательно прислушиваясь к его редким высказываниям.
И вот теперь этот человек шепотом предложил Годару подойти к нему после семинара и

когда Годар подошел, негромко посоветовал ему отправиться в лес и немного покричать.
- Да, просто покричать. Отойдите подальше, туда, где можно встретить лишь эхо – и выплесните негатив. Вы очень напряжены, так в вас Джа не войдет – вы не оставили ему места.
Годар поблагодарил человека за заботу и пошел своей дорогой, но не в лес.
Хотя слова эти больно кольнули его.
Он слишком хорошо знал, что они истинные.

Вместо того, чтобы кричать в лесу, Годар провел на следующий день свой собственный семинар.
Тему семинара он заявил во всеуслышание так:
- Люди Радуги! Я хотел бы поучаствовать вместе с вами в марафоне «Добрые сказки»! Приходим и рассказываем сказки – кто какие захочет и сможет. Он может продолжаться сколько угодно.
И люди пришли на пригорок в тенистой стороне леса – Годар выбрал его сам - там было много молодых березок, обступивших несколько стройных величественных сосен-верхоглядов, в вершинах которых прятались, изредка каркая, вороны. И – сменяя друг друга – не уходили потом до самого конца Радуги. Тем более, что пригорок скоро оброс новыми палатками и там образовалась стоянка.
Любителей сказок оказалось так много, что у вспыхнувшего на новообразованной стоянке постоянно потрескивающего костерка даже глубокой ночью можно было найти хоть два-три зачарованно слушающего очередного сказителя островитянина. А уж сколько тут побывало детишек с открытыми ртами! Стоянку даже назвали «Летящими сказками» в честь цикла сказок детского писателя Владислава Крапивина.
Сам Годар рассказал только одну сказку. Дальше его неожиданно дружно подхваченная инициатива развивалась уже сама собой, что было ему только на руку.

И вот тогда-то, рассказав свою сказку, Годар и встретил Риту.

Это было сказка Аркадия Гайдара «Горячий камень».

Про возвращающий молодость волшебный камень, который приволок с болота маленький мальчик деду - колхозному сторожу. Тот был так стар и болен, что едва мог шить лапти. Мальчик думал, что, разбив волшебный камень последним крепким ударом, дед вернется в прошлое и начнет жизнь сначала, но теперь уже проживет ее как-нибудь получше, не нажив прежних ран и болячек. Но мальчишку постигло разочарование – дед не стал разбивать камня, а повелел положить его на гору посреди большой дороги. Там ходило много окрестных жителей. Но и они не захотели начать жизнь заново. И даже сам рассказчик – писатель Аркадий Гайдар с его славной и многотрудной, не простой военной биографией – не захотел снова хлебнуть молодости. Потому что начать жизнь заново без прежней боли и ошибок означало – отказаться от опыта прошлых лет со всеми их обретениями, находками, радостями. Что уж там роптать на судьбу – не было бы горестей, то и счастья бы не было. Потому что ценой некоторых горестей счастье и добывается. Например, вот был вот у того же деда на щеке аж до самой губы большущий шрам – это полоснул его на войне враг. Значит, было за что воевать! Дед тот, к слову сказать, отвоевал у врагов место для счастья и – подарил своим внукам. Надеялся, что подарил… И что оно им - на что-то сгодится.
Когда Годар закончил пересказ, один из слушателей возразил:
- Спорное мнение. Есть такие ошибки, которые надо не только исправлять. За них надо платить. И у того красного деда, как и у самого Гайдара, их наверняка хватало. Только они пытались оправдать их. Оправдать, что у них руки были по локоть в крови. И вообще, чувствуется, что и эту сказку Гайдар написал для самооправдания – дескать, даже ошибки

становятся кирпичиками для будущего рая. А это уже ложь, а не сказка. То есть басня в данном случае, которую сладко петь в чьи-то юные уши. Неправильную вы рассказали сказку, товарищ Годар, как сказал бы товарищ Берия, не хипповскую, а советскую, авторитарную… Я читал, что Гайдар прославился еще тем, что столкнул, стреляя им в затылок, несколько десятков не то сотен хакасских крестьян в Соленое озеро где-то в сибирской тайге. Это когда банду белого атамана Соловьева гонял. У них там, в Хакасии, народ до сих пор передает своим потомкам изустные рассказы про эти преступления детского писателя.
Годар стремительно вскочил. Последние сведения неожиданно разволновали его.
- Где вы прочитали такую чушь?! – даже выкрикнул он, едва не наступив ногой в костер, который кто-то заботливо разложил и разжег, пока он пересказывал сказку.
- Не помню уже… В каком-то толстом литературном журнале.
- А то, что в прессе лжи стало не меньше, а даже больше, чем раньше, вас не волнует? Мало ли кому захочется облить грязью хорошего поэта или писателя – сейчас это стало модным!..
Еще кто-то произнес:
- Вот судьба сложилась у дедушки-Гайдара. Сын был советским контрадмиралом, а внук Егорушка – стал типичным Мальчишем-Плохишем и разрушил Советский Союз.
Завязался спор.

И вот тут-то к активно кому-то возражавшему, нервно ходившему взад-вперед по пригорку Годару и подошла невысокая девушка в вельветовых брюках и майке, в накинутой на плечи синей ветровке с рисунком из туманностей, напоминавших одновременно и медузы, и звезды, русоволосая, темноглазая, вся какая-то словно специально для него собранная на невидимой планете и специально доставленная в эту трудную для него минуту. Она глядела не прямо в глаза, а немного вверх и вбок, но взгляд при этом был слегка ироничным, озорным, а вообще-то – если попытаться проникнуть в него поглубже – загадочным. Она остановилась напротив и произнесла – а голос у нее был тихий, мелодичный и со смешинками – эти смешинки пересыпались в нем, как в калейдоскопе:
- Ну да – ну да... Вы правы вообще-то. Я вот тоже думаю, что на Советский Союз сейчас навешали много лишних собак. Словно он за железным занавесом теперь и можно безбожно врать, пользуясь случаем – это вы правильно заметили.
Годар приостановился и взгляды их, соприкоснувшись, так и поплыли… Они нырнули в друг друга. И сразу же - выпросталась изнутри тишина. Прежний мир качнулся и поплыл, пошел уходить дымчатыми кругами куда-то в сторону, а перед ними – выстелилась дорога. Отныне и навсегда. Только она была не где-то, а повсюду. Поэтому Годар спокойно выбыл на полуслове из все продолжавшегося набирать силу искрометного спора и они с девушкой куда-то побрели.
- Кстати, меня зовут Рита.
- Годар.
- О, это я уже поняла… Забавно… То есть на самом деле – великолепно!
Слова ее с перекатывающимися в них смешинками были сейчас – как морская соль в брызгах волны.
Они шли и играли в этой временами заливающей им слух синей волне словно дети и смеялись, смеялись непонятно чему.
Разноцветные стеклышки в этой воде превращались то – в стайки чаек, то – в стайки медуз. Покачивались кувшинки и кружили стрекозы, пробубнил что-то шмель и пронесся, как показалось, чуть ли с ревом, мощный жук с глянцевым блеском на спинке. Они, усмехнувшись, дружно посмотрели на это уже унесшееся вдаль глянцевое солнце и опять перевели взгляды друг в друга. И снова – вплыли невидимыми крыльями в невидимые пушистые перчатки.

- Надо же, кит!.. – вскрикнула Рита, обнаружив возникшее на их пути наполовину зарытое в песок существо.
Существо было панком, который крепко спал, подняв змейку до самого подбородка, в своем спальнике.
- Эй, вам там не плохо?.. Спрашиваю на всякий случай.
Рита попыталась потрогать кита носком своей миниатюрной туфли.
- Мне хорошо!.. – ответил басом кит.
Годар и Рита опять засмеялись и, подойдя к реке, мысленно переплыли ее и слегка отстранились друг от друга. На обоих лицах в уголках глаз замелькала рябь тревоги, легла тенью грусть, так как оба вспомнили про неизбежную разлуку.
Но это длилось недолго.
Расставшись на этом месте, они потом встретились вечером.
Присев в полутьме к костру, они опять заговорили о Советском Союзе, но уже как о чем-то далеком, мифическом. Теперь их сближали общие ощущения. Хотелось открывать не страны, а друг друга. Годар думал, в то время как Рита говорила, о ней самой и смотрел только на нее, не вникая в сказанное по сути.
- Я по малолетству уже многого не застала. Мне было лет семь, когда все это распалось и разделилось. Но вот что любопытно – незадолго до распада Союза и в том девяносто первом году, когда уже все окончательно рухнуло, я вдруг стала болеть. Меня словно выворачивало изнутри, словно это я делилась как географическая карта, хе-хе… Да-да, не смейтесь пожалуйста… Я даже все время температурила… Потом это прошло… Наверное, и карты ко всему привыкают!
- Действительно любопытно, - протянул с улыбкой Годар. Он не собирался смеяться. Странная географическая болезнь Риты умилила его и еще больше расположила к девушке, которая, как теперь выяснилось, была лет на 15 младше, и которую он готов был, как старший брат, немного опекать. Также он не собирался сходу рассказывать о том, как давно болеет он.
- И вот тогда – я хорошо это запомнила – меня очень мучила лившаяся не только в уши, но как бы и во все остальные части тела, не говоря уже о душе – какая-то клевета. Я дитем еще совсем была, но меня буквально выворачивало от лжи и несправедливости. Ложь, клевета… Очень много лжи и какой-то клеветы, это било в душу комьями несправедливо брошенной грязи… О! Фух!… Страшно вспомнить. А вы сами откуда будете?
- Я проживаю в Грузии. А вообще-то - нигде… Хах!.. Тоже наблюдается в моей жизни некая патовая ситуация: страна моя уехала, а я пока остался.
- Как от поезда отстал жеребенок. Помните у Есенина?
- Да, сошел с локомотива истории и пошел пока в чисто поле посидеть… Гляжу вот, размышляю. Иногда записываю свои размышления и выкладываю в Интернет.
- Так вы писатель?
- Писательский талант, по моему убеждению, - это потребность в живом или хотя бы воображаемом диалоге, он присущ практически всем, это такой высший инстинкт – инстинкт общности. Он раскрывается в диалоге. В наше время этой способности к живому диалогу дал зеленый свет Интернет - в сети очень много прекрасно пишущих людей, и не только на литературных сайтах. Так что я – лишь один из многих.
- Понятно… А мы с друзьями тоже вот представляемся музыкантами-художниками. Одними из многих. А так я экономист по образованию. А работаю в издательстве – редактирую иллюстрации.
Пламя костра свернулось в рубины углей и лежало перед ними среди пепла и золы как разгоряченная каракумская пустыня.
Рита задумчиво ворошила рубины, иногда рассыпая их подобранной с земли веткой. Один уголек отскочил в сторону и тоненько запел, заплакал, словно ребенок.

Глаза Риты расширились, она тревожно-вопросительно взглянула на Годара.
- Это капелька воды попала в уголек и теперь кипит там. Скоро уже перекипит, - обронил он, слегка усмехнувшись.
Они так и сидели потом лицом к лицу почти до рассвета, не имея возможности как следует вглядеться в глаза из-за темноты и продолжали свой разговор, который становился то веселым, то – серьезным, а точнее, постоянно сочетал в себе эти два мощно бушующих в них обоих подводного и надводного потоков: его серьезность была снаружи, ее – зеркально ее отражающая – внутри. И то же происходило с общей веселостью.
Их встречи, но уже более короткие, порой мимолетные – ведь на Радуге было много всякой всячины, а у каждого при этом дорожка была своя – продолжались еще дня три-четыре. Но они сделали его просто мотором – он целыми днями вышагивал, присоединяясь то - к одному, то - к другому, по их ласковой красочной земле и смотрел на все широко раскрытыми, излучающими и впитывающими живое тепло глазами.

Потом в лагере случилось беда.
Годар тогда был на семинаре, где, сидя прямо на поляне на Кругу, несколько человек обсуждали, кого из героев прошлого или, может быть, литературных героев можно бы было счесть предшественниками хиппи. Помянули, конечно, в очередной раз Керуака с его «Бродягами Дхармы», вспомнили про Диогена и Ивана Дурака, про Дон Кихота и Франсисска Ассизского, отметили Льва Толстого с его опрощением и даже в Серафиме Саровском усмотрели веяние духовной радости в простоте. Кто-то вспомнил синеокую девочку Улю из рассказа Андрея Платонова и его же Неизвестный Цветок, который вырос таким красивым и чутким, потому что ему было трудно – он рос практически в скале. И убитого людьми-злыднями будто бы юродивого, а на самом деле святого Юшку, без которого народ был не полон, тоже все вспомнили.
Потом все, с жаром заговорив, стали наперебой перечислять, проводя не такие прямые аналогии, и совсем уже, казалось бы, далекие вещи и связанных с ними людей.
- Народ Джан!.. Он не хотел жить без любви. А все думали, что ему просто не хватало пищи. Причем, не собираясь ее давать – даже животной. Тогда он стал выходить к людям, наслаждающимся сытной жизнью в оазисах, лишь изредка, когда совсем сводило желудок и вырывать у них пищу силой, а потом убегал опять к себе в на дно высохшего Саракамышского озера и умирал без любви дальше. Кстати, сам Платонов почему-то считал народ Джан носителем духа Аримана. А прожигающих жизнь в сытости он соотнес с Ормуздом, а точнее, наверное, псевдо-Ормуздом, поскольку с трудом можно поверить, что настоящий Ормузд мог так заплыть жирком и деградировать. Легенда о добре и зле перевернулась и прежде добрый брат стал карателем для уже не злого, а – просто умирающего.
- А я бы пригласил на Радугу королеву Антуанетту. Да-да, ту самую, которую обезглавили в французскую революцию. Она на самом деле никогда не хотела жить в этом чопорном дворце, править государством по лицемерным законам. Вот она и правила свой бал, не принимая близко к сердцу дел государственных. Она фактически изначально была сбежавшей из дворца принцессой.
- Ну, уж опрощением она точно не прославилась. А кто тогда был Людовик, который вечно сбегал из дворца на охоту. Панком?..
- Иногда я думаю: «Ну как они там все жили в их прошлом без нашей Радуги?!».
- А помните графа Альберта из романов Жорж Санд «Консуэло» и «Графиня Рудольштадт»? Вот вам панк и хиппи в одном лице. И он, и его полоумный друг Зденко. Да и сама Консуэло тоже родилась с этим духом и пронесла его по жизни, лишь внешне прикрываясь принятой тогда солидностью.
- А сама Жорж Санд тоже хиппи. Она горячо пропагандировала свободу любви, которую понимала как равную любовь мужчины и женщины, которая обязательно включает в себя органичную верность и постоянство. Но верность длится ровно столько, сколько длиться

любовь и не становится средством порабощения и манипуляций над партнером. А таким, вечно лишенным права на свободу чувства партнером, тогда, как правило, была женщина.
- И не только это. Вспомните, что говорил безумец граф Альберт, - это ведь в нем изобразила Санд свой внутренний портрет, который просматривается и в автобиографической героине ее раннего романа «Лелия», которая тоже страдала приступами каталепсии. Всюду поразительная глубина, самостоятельность и оригинальность мысли. Граф Альберт провидел и прошлое, и настоящее, и будущее. Многое из того, что он предсказывал, уже сбылось или сбывается на глазах. Интересно и то, что граф Альберт в какое-то время связал свою судьбу с масонами и они поначалу воздействовали на него благотворно, на многое открыв ему глаза… Ну, независимо мыслящему человеку все идет на пользу, даже то, из чего другие извлекают явный вред… Но позже он отошел от масонства, а точнее, само движение выродилось и распалось на своекорыстно рвущиеся к власти тайные союзы. Фактически – преступные группировки, расписывающие для мира исторический сценарий на десятилетия и столетия вперед, сталкивающие страны и народы, идеи и концепции, на пути к глобализму как свободе человека от элементарной человечности. И неважно, существуют ли сейчас политические организации масонов. «Масоном» может стать любой, даже не ведая об этом. Жорж Санд еще в первой половине девятнадцатого века показала механизм Системы, где прежде благие намерения, оказавшись вверху, в следующий момент уже давят то, что внизу. Как говорится, с чем боролись, на то и напоролись. Поэтому воз и ныне в Вавилоне.

- Только у графа Альберта и Лелии было странное отношение к религии. Они позаимствовала у масонов культ Денницы, которого они называли для конспирации Прометеем. Якобы Прометей и был истинным Распятым, низринутый за помощь людям за пределы видимого мира – в Бездну Тартара. И они ждали, когда он поднимется оттуда и тогда-то, по их верованием, и настанет новая эра свободного в Духе человечества. Традиционный же Бог-Отец, по их понятиям, стал к тому времени уже таким ветхим днями, что как тот… как его… пресытившийся в своем оазисе Ормузд – преследовал вечно мучавшегося и телом, и душой, ищущего внутри себя выход для людей Аримана. Сжигающегося себя для них, как Феникс, чтобы снова возродиться… Хотя вообще-то, если обратиться к Платонову, одержимый духом Аримана народ Джан вывел буквально за руку из его горького заточения в пустыньке-Тартаре простой советский человек Назар Чаготаев, только что закончивший землеустроительный техникум. Правда народ потом улизнул от него, - ведь Назар был не богом и многое мерил слишком человеческими мерками.

- А зачем графу Альберту, Лелии и масонам понадобился культ Прометея? Ведь в истории уже был «богоборец», бросивший вызов всему, что стало «ветхим днями». Его звали Иисусом, - задумчиво обронил Годар.
Он пытливо вслушивался, что-то чертя на песке, во все расширяющуюся кругами воронку новых значений, которые долетали до него в ходе этого чрезвычайно интересного для него диалога.

Однако слова его как в воду канули – из-за внезапно начавшегося смятения. Со стороны реки доносились крики, на которые, вскочив, тут же бросились бежать и они. Одновременно к реке бежали со всех сторон леса, что-то коротко выкрикивая друг другу, и другие люди.
Вскоре уже почти вся Радуга высыпала на берег и почти полностью заполнила его гудящей толпой. Многие бросались в воду и принимались беспокойно нырять, что-то ища, другие плыли и тоже как будто искали что-то, всматриваясь уже в поверхность.
Прибежал, скинув на бегу простыню, в которой чуть не запутался, Илу. Он держал в руке рацию.

- Они сказали, что вышлют вертолет. Если его уже не спасти, то тело прибьет вниз по течению – нам отсюда туда не добраться, но вертолетчики из МЧС сделают все профессионально… Как хоть его звали?.. Ребята, с кем он приехал на Радугу? Где была его стоянка?
- Его Арктуром звали. Он один приехал – кажется, позавчера. И жил тоже один. Вон его палатка здесь и стоит – на берегу.
Некоторые подошли к старой брезентовой палатке и, не смея заглянуть внутрь, окружили ее, продолжая негромко переговариваться.
- Жалко парня… Ему лет девятнадцать было.
- Ребята, ну почему такая лажа? Почему почти каждый год на Радуге кто-то тонет? На нашей Радуге!..
- Потому что говорили вам: не лезьте купаться в этой стороне Кокшаги – там одни коряги! Его видимо зацепило за штаны – некоторые зачем-то ходят освежиться прямо при всем параде… А там тело быстренько подхватило течение.
- Люди, а где Гудвин?
- А что, он тоже утонул?..
Толпа так и ахнула, качнулась в сторону реки и от нее опять отделилось не менее четверти ныряльщиков, которые принялись беспокойно нырять и плавать.
Потом появился растерянно улыбающийся смуглый паренек с охапкой хвороста, вышедший с ничего не понимающим видом откуда-то из лесу. Это и был искомый Гудвин, которого едва не задушили в объятиях, поздравляя со вторым рождением.

Рита, высмотрев Годара в этой суматохе, подошла к нему и протянула с усталой грустью:
- А я была на семинаре «Оранжевые стеклышки». Там один чудной человек учил смотреть на все сквозь оранжевые стеклышки. Он раздал всем предварительно по осколочку. И вот я сижу, гляжу в оранжевое стеклышко, а тут – все бегут, кричат, что кто-то утонул.
- Минутку, - говорит этот чудо-человек. – Задержимся еще только на минутку. Вы полагаете, что утопающий сейчас так уж нуждается еще и в ваших усилиях? Аннушка уже разлила масло… Продолжаем смотреть в оранжевые стеклышки!».
Не знаю, что удержало меня и еще некоторых других на месте. Но спустя какое-то совсем небольшое время вдруг опять бег, крики. Кричат, что еще кто-то утонул.
Я подумала: «Надо же, уже два трупа… А мы все сидим и глядим в оранжевые стеклышки». Вам не кажется, что если что-то и погубит Радугу, то это будут оранжевые стеклышки на наших глазах?..
- Но ведь большинство пока на берегу, - резонно заметил Годар.

Весь оставшийся день лагерь был каким-то притихшим, хотя музыка по-прежнему не умолкала – это было невозможно, чтобы она умолкла. Даже в горе люди Радуги что-то наигрывали себе на гитарах или губной гармошке, или изливали печаль в дудки, превратив последние как бы в армянский дудук. А тут настоящего горя, конечно, и не было – ведь погибший еще не успел обзавестись здесь друзьями, большинство не знало его даже в лицо. Но всем было явно не по себе. На экстренном собрании на Кругу, куда все пришли после происшествия стихийно, было решено не сворачивать палатки Арктура до завершения фестиваля, а потом отправить ее вместе с вещами родителям. Правда, было еще предложение раздать вещи на память нуждающимся в них, но никто не захотел ничего брать.
Потом все взялись за руки и долго молча молились за душу Арктура.
Часть людей ушла на потом на реку и спустила по воде цветы. Остальные же – просто разошлись в разные стороны.
А один человек, перекрестившись, сказал: «Эх!..», вздохнул, махнул рукой и, закинув за плечи мешок, пошел вброд на тот берег к непривычно свободному сегодня от налетчиков грузовику с продуктами.

За ним потихоньку стали подтягиваться и некоторые другие.
Жизнь продолжалась.

Уже на следующий день она словно в компенсацию за провал, вспыхнула бурной молодой силой и весельем с небывалой дотоле силой.

На реке показались байдарки – не менее пяти-шести штук. Бесшумно, как пироги, шли они полным ходом по течению Кокшаги. Изредка помахивающие веслами спортсмены, похоже, и не подозревали, в чьи владения они попали… Но вскоре они удивленно вытянули головы, а кто-то даже ошалело привстал, а затем – сделав некое усилие - приветливо махнул кепкой. Ибо из ветвей внезапно выскочили, усыпав весь берег, сотни красочно разодетых и голых людей и принялись кричать и свистеть, танцевать и подпрыгивать, посылая незнакомцам воздушные поцелуи.
Этот шумно гудящий конвой, вытянувшийся живой рекой, сопровождал оживившихся, перешедших на язык дружеских жестов типа «Вива, Куба!» байдарочников до тех пор, пока их лодки не превратились вдали в маленькие точки.

А палатка погибшего Арктура так и осталась стоять на песке пирамидой. Рядом с ней не ставили других палаток, не садились позагорать и вокруг, в радиусе десяти метров, образовалась пустыня, где, впрочем, постоянно появлялись два-три свежих цветочных венка.
Годар и Рита как-то приостановились там и Рита, вглядываясь издали в темноту неприкрытого входа – палатку не стали закрывать – задумчиво сказала:
- А давайте придем сюда ночью и, войдя внутрь, поразмышляем о смерти? Вам не кажется, что такие размышления – самое главное, самое достойное в жизни дело?
Годар же повернулся к палатке спиной и, слегка усмехаясь, предложил взамен продолжить разговор о мифическом народе Джан из повести Андрея Платонова, про который вспоминали на недавнем семинаре.
- Вы читали «Джан»?
- Нет, пока не привелось.
Он принялся пересказывать сюжет, а потом то, что говорили на семинаре, который Рита пропустила. При этом они медленно двинулись вдоль берега. В продолжении этого разговора они несколько раз прошлись взад-вперед вдоль реки, а потом, взобравшись на утес, присели там и обозрели далекую палатку-пирамидку уже сверху.
- Нда… Она похожа, наверное, еще и на могилу Тамерлана. Годар, а давайте мы с вами отправимся путешествовать в Азию? В Самарканд, где лежит Тимур! Я уверена – именно там, в краю неустойчивой, никогда не крепящейся, как перекати-поле к зыбким и зыбучим пескам, жизни и соприкасаются с настоящей вечностью! - взволнованно-возбужденно проговорила Рита. – Так вы правда родились близ Саракамышской впадины?.. Которая … как его… по мифологическим представлениям проживающих там народов – считалась воротами в Ад?..
- Да, в поселке Тахиаташ – там временно проживали после распределения мои родители-инженеры, делая какую-то работу для воинской части. Только во времена Платонова Тахиаташа еще не было – его заложили руками заключенных ГУЛАГа в 1950-ом году. Там планировалась грандиозная стройка коммунизма – строительство Тахиаташской ГЭС и Главного туркменского канала Амударья – Красноводск. Тысячи заключенных при этом погибли, но строительство канала после смерти Сталина было свернуто как нецелесообразное. Оно предполагало поворот русла Амударьи, чтобы река начала впадать в Каспий. Так надеялись проложить путь из России в Индию через Бухару и Хивы, а заодно – оросить наиболее засушливые участки пустыни… Но что-то у них не сраслось, и что именно – всего мы до конца не знаем.

- «Видишь вокзал на котором можно в Индию духа купить билет», - процитировала Рита, - Этот пазл у них не сложился.
- Да… Но это было уже в пятидесятые годы. А в тридцатые, когда Платонов ездил с группой других писателей в Среднюю Азию, эти проекты только-только вызревали в самых смелых фантазиях. Хотя о новом шелковом пути в этих краях мечтали еще задолго до революции. К тому же через Каспийское море, как образно говорили, переглядывались между собой, как в зеркале, Восток и Запад. Здесь проходил когда-то великий шелковый путь.
Назар Чагодаев приплыл в Нукус, который стал теперь столицей Каракалпакии, называвшейся в древности Хорезмом, по Амударье, - а потом оставил эти светлые пески и отправился в темную глубь туранской низменности на поиски народа Джан, среди которого когда-то и родился – один, уже пешком… Его в свое время нарочно прогнала, чтобы он не погиб, а прибился к большому русскому народу – собственная мать. Мой Тахиаташ и вылез потом этаким искусственным грибом в двенадцати километрах от Нукуса… А тогда, во времена Назара и задолго до его рождения народ Джан кочевал между дельтой Амударьи и Саракомышской впадиной. Лишь несколько недель в году он иногда работал в качестве тягловой силы - заменяя ослов - на плодородных землях Хиванского оазиса и других близлежащих цивильных земель, получая за это лишь скудные лепешки и рис. Или в отчаянии вырывал эти лепешки, бросаясь убивать и грабить своих медленных убийц, и тут же торопливо все съедал, за что его потом жестоко преследовали, гнали, истребляли и от народа сохранялся лишь жалкий остаток. Во всех этих случаях Джан опять уходил на дно Саракамыша и замирал, как мертвый. Но снова и снова возрождался - редея все более, становясь все бестелесней и тише.
Сама Саракамышская впадина, которую народ этот считал своей Родиной - представляла собой высохшее озеро и воды Амударьи иногда доносили сюда какие-то крохи воды. Но в основном здесь была соль. А воды были горькие, мертвые. В километре же или двух отсюда – возвышалось на 150 метров над землей тоже выложенное солончаками горное плато Усть-Урт – оно представляло собой высокую степь, пролегающую на огромной территории между Аральским и Каспийским морями. Но от воды эта территория была отгорожена отвесными каменистыми склонами-чинками... В общем, места были словно специально выбранные для смерти… Но вот что интересно – Назар Чагатаев, найдя Джан, который к тому времени не мог уже добраться даже до Саракамышской впадины и просто блуждал где-то около, уже, вероятно, в агонии, привел его на Усть-Урт. Он обнаружил там рядом с более менее сносной для земледелия и овцеводства долиной и водоемом какие-то пригодные для жилья пещеры и они построили там сначала один, а потом еще несколько общих домов, куда Советская власть стала вскоре подвозить на грузовиках продукты и предметы первой необходимости.. При этом Саракамышская впадина, куда можно было спускаться, никуда не делась, а тоже оставалась тут же, буквально под боком. Но у народа что-то не сраслось в сознании и в первой редакции повести он просто, после того как Назар, пробудив, накормил его, разбежался… А точнее - разбрелся жить в разные стороны, фактически, улизнув и от новой жизни, подразумевавшей оседлый социалистический уклад. Потом Платонову пришлось из цензурных соображений затушевать этот факт, изменив концовку на более благополучную. Но это уже не имеет большого значения.
- Ничего не понимаю. Такое чувство, будто Назар тоже основательно поморочил им головы, приведя еще и на какой-то мертвый Усть-Урт! Кстати, а что означает слово «Джан»?
- Джан – это душа или милая жизнь. Кроме души у них там от вечного голода и тоски уже ничего не осталось, даже тела. И вот тогда-то обнаруживалось перед теми, кто рисковал посмотреть прямо на эти полумертвые, обнаженные до последнего, уже практически призрачные существа, что душа человека – пустынна. Видимо, когда ее покидает истинный Джа, душа высыхает.

- А-а-а… Поняла!.. Вот оно как!
- Насколько я помню, Назар говорил про тех, из кого состоял Джан, буквально следующее: «Беглецы и сироты отовсюду и старые, изнемогшие рабы, которых прогнали. Потом были женщины, изменившие мужьям и попавшие туда от страха, приходили навсегда девушки, полюбившие тех, кто вдруг умер, а они не захотели никого другого в мужья. И еще там жили люди, не знающие бога, насмешники над миром, преступники… Но я не помню всех – я был маленький».
- Панки! – вскричала Рита, решительно вскочив на ноги и, загадочно сощурив глаза и слегка усмехаясь, заглянула к нему в глаза.
Не отрывая не мигающего, мягкого и лучистого, и, одновременно, затаенно-восторженного, сосредоточенного на чем-то своем взгляда, она присела на корточки, заглядывая теперь ему в лицо немного снизу и даже слегка подперла щеку рукой, как сущий ребенок. Ей все было чрезвычайно интересно.
Годар немного смутился, но не отвел взгляда и продолжал говорить углубившимся глуховатым голосом:
- А между тем прямо за Усть-Уртом начинался полуостров Манглышак. Усть-Урт считается его восточной границей. В некоторых источниках Манглышак даже называют Усть-Уртом Манглышаг. А там уже, среди заливов Каспийского моря, проживали в некие не такие уж и давние по историческим меркам времена другие безумцы – но уже святые… Здесь по верованиям бежавших сюда русских христан-бегунов, должно было начаться Тысячелетнее Царство Христа. Во всяком случае, здесь в разные времена, как говорят, жили и проповедовали 360 святых.
- Бедный народ Джан – он так и не узнал, что за горькой соленой горой, на которую поднял его тоже не ведающий этого Назар – вход в Рай.
- Про этот вход и никто бы не узнал, даже спустившись непосредственно к Каспию. Потому что живший там народ растерял былые преимущества из-за междоусобных войн и окончательно рассеялся после монгольско-татарского нашествия. Сейчас эту территорию делят между собой Туркменистан, Узбекистан и Казахстан. Манглышакская область Казахстана - одна из самых развитых в Средней Азии в промышленном и туристических смыслах. Кроме традиционного кремня, здесь добывают уран и множество других полезных ископаемых. А археологи раскопали древний Храм Солнца с обсерваторией. И множество подземных мечетей. И еще – много, много чего. Куда приезжают теперь туристы. А на самом Усть-Урте в 1983 году нашли гигантские каменные изваяния воинов неизвестной культуры. Одна их рука…
- Безумно интересно!.. Я готова присоединиться к какой-нибудь археологической экспедиции, только бы туда попасть! – сказала с чувством Рита. – Годар, может мы с вами поищем какое-нибудь сообщество вольных археологов? Или хотя бы подневольных? Я умею аккуратно работать с кисточкой!
- Но там есть одно препятствие… - возразил Годар, внимательно всматриваясь в глаза Риты, как бы переступая потемневшим взглядом через невидимую границу, отчего на самом их дне промелькнула опаска. – В семидесятые годы Саракамышская впадина опять стала озером – за счет стоков вод с ядохимикатами и пестицидами, которые сбрасывают сюда со всей округи после промывки хлопчатника по специальным отводным каналам. Говорят, что весь этот яд может когда-нибудь вернуться к людям… Но дело не только в мертвом озере с отравленными водами, а в кое-чем другом… В семидесятые годы проезжающие через Усть-Урт туристы стали сталкиваться с неведомыми существами-мутантами, которые вдруг появлялись перед машиной и окружали ее, заставляя испытывать панический ужас. Внешне эти существа были похожи на варанов…
- И держали в лапках трезубец Шивы, - быстро добавила Рита. Опаска в глубине ее глаз исчезла, а сами они стали необыкновенно светлыми, прозрачными. Рита торжественно поправила кофту, смахнула челку со лба. Щеки ее пылали. А на губах – играла тонкая добродушная усмешка.

- Что-то типа того!.. – рассмеялся Годар. – Правда, большинство этих существ истребила во время военных учений наша доблестная Советская Армия. Военные получили приказ прочесать Уст-Урт и под видом учебных стрельб – провести массовый отстрел всех хвостатых-полосатых. С тех пор все неизвестное и странное опять затаилось. Но, конечно, никуда не исчезло…
- А если вообще не заезжать на Саракамышское озеро и Усть-Урт? Фу – на эти гиблые места!.. Мы вроде с вами собирались на Манглышак?.. Или я чего-то не понимаю?
- А как же народ Джан? Вдруг и он, как те вараны, бродит призраком где-то у своего озера, куда самодовольные жители оазисов окончательно закрыли ему дорогу? У вас будет полуостров Манглышак на берегу Каспия, а у вашего черного брата за Усть-Уртом – не осталось даже пустого места в впадине, которую он считает своей Родиной.
- Нда… Дилемма. Надо что-то делать с народом. Или с его землей… Вот что, Годар – я к вам в Грузию приеду!.. А там будет видно – как помочь Джан!

Взгляды их – взволнованные и в то же время безмятежные – таким, наверное, бывает на глубине море – словно соединились в пенящийся водный мост с ласковыми солеными брызгами.
Все прежнее, что, быть может, огорчало, смешалось и разделилось.
Все доброе поднялось на поверхность, а злое – ушло на дно.

- На Манглышаке добывают уран, - мечтательно протянула Рита.
- А на Усть-Урте – помяните мое слово – обязательно когда-нибудь откроют плутон! А может, его уже открыли! - добавил он радостно, словно поставив, наконец, точку в нужном месте некого небесного диктанта.
После чего они, как водится, разлетелись любопытными до всего птицами в разные стороны Радуги.

Потом была еще встреча на концерте Леоны.
Однажды Годара зацепил бьющий как электричеством в грозу, как бы падающий в разверзшееся в груди простанство и затем мятущийся там в поисках выхода гитарный бой. В него вплетался змеящейся молнией словно бьющийся с невидимым спрутом глубокий, жесткий и в то же время на что-то жалующийся, призывный, как бы молящий о помощи женский голос. Он пошел на звук и вышел к стоянке, где сидела в окружении пяти-шести слушателей суровая с виду исполнительница в крепких мужских джинсах и безрукавке, с черной косынкой на голове. Эту молодую женщину он не раз видел на Кругу – она любила разливать еду по мискам и кружкам, присоединившись к дежурным кашеварам. Как оказалось, исполнительницу звали Леона – она пела панк-рок и уже только этим одним напомнила ему Янку Дягилеву, которую он в ранней юности очень любил. Хотя на самом деле, как он узнал позже, в ее стиле проскальзывал скорее рок-бард Александр Непомнящий, которого любила она, но еще не слышал он.
Годар выразил свое восхищение и предложил Леоне выступить с концертом. На что певица, взглянув на него пронзительным испытующим взглядом, резко сказала:
- А вы организуйте мой концерт! Найдите время, не пожалейте сил. Сделайте, никого не стесняясь, объявление на кругу. Тогда, быть может, я и приду и спою уже всем. А пока, кроме как от вас, мне предложений не поступало… Вероятно, я здесь никому не нужна.
Годар сразу же принял предложение. Он решил, что молодой исполнительнице просто не хватает веры в свое дарование и в этот же вечер, к немалому удивлению чему-то втайне омрачившейся певицы, собрал людей на концерт прямо на ее стоянке.
- Приходите на концерт, - сказал он на бегу и Рите.
И Рита, конечно же, пришла, хоть и почему-то нехотя.

Но вскоре, после того, как Леона два раза прервала пение, говоря поскучневшим голосом, что слышит какие-то шорохи и перешептывания, а значит, вероятно, ее тут слушать не хотят, встала и отправилась восвояси.
Годар тоже поднялся и ушел.
Догнав Риту, он взволнованно спросил:
- Вам не понравилось, как поет Леона?
- Отчего же, понравилось, - ответила Рита с усталой грустью. – Мне хотелось послушать песню про одинокий трамвай, которую я слышала в ее репертуаре, когда проходила мимо их стоянки. Но кто ж мне это дал… Эх, Годар-Годар… Как вы еще не поняли – здесь вообще-то все музыканты-художники. Глупо ставить себя над другими – просто глупо.
- Да, я заметил, что Леона несколько высокомерна. Но это, я уверен, пройдет. А огонь, от которого так и сыпятся искры, станет со временем чище.
- Не все так просто и на Радуге, Годар. Вот вы рассказывали про свои впечатления... А вы знаете, что Снежка запущенная наркоманка и что у нее уже цирроз печени?.. А почему убегает от Чумы Умка вы тоже не в курсе?.. Да потому, что у Чумы уже вырезали почку и половину желудка, а она по-прежнему тянется к бутылке. Умка, как рассказывают, увидев, как та потянулась к бутылке сразу после операции, выхватила у нее ту бутылку и грохнула о земь, а саму Чуму выставила из друзей – чтоб промыть тем самым мозги что ли, если они там еще остались… Я приезжаю на Радугу уже третий год и знаю о чем говорю.
- Я не думал, что все так грустно, - подавленно протянул Годар.
- Но хорошего тоже немало. Просто не надо идеализировать Радугу – здесь люди такие же, как и везде. Просто многие здесь как бы меняют на время конститенцию. Дай Бог, чтобы разъехавшись по домам, они не шибко быстро возвращались в свое более, так сказать, привычное состояние.
- А мне бы хотелось жить без разрывов в конденсатах.
- Мне тоже, Годар… В этом мы с вами похожи!.. Кстати, утром я уезжаю. К сожалению, отпуск подходит к концу и меня ждет нелюбимая работа… Автобус в Москву отправляется из Чебоксар в девять утра и мы договорились с двумя товарищами, у которых тоже билеты на этот рейс, выйти в путь на рассвете - пока еще тихо и большинство в лагере спит. Вы, пожалуйста, не приходите меня провожать… Вы тоже спите, а я – буду вспоминать вас по дороге и, может быть, приснюсь!.. Ну все!.. Вот мой адрес и телефон. И пишите скорее свой… А я, пожалуй, пойду. Что-то разболелась голова. Непременно вам приснюсь – это решено!..

Но Годару в то утро приснилась не Рита, а – Шри Шрила Прабхупада.
Этот уже ушедший с Земли главный учитель общества Сознания Кришны просто шел куда-то вместе с несколькими учениками своей неторопливой походкой, с немного усталым, постоянно сосредоточенным на чем-то внутри и в то же время сдержанно-приветливым лицом. Во всем его облике не было никакого стремления к величию. Чувство личной важности этого человека растворялось в какой-то неотступно сопровождающей его внутренней озабоченности, на чем он был постоянно сосредоточен, как бы глядя внутрь себя.
Так, глядя внутрь себя, но не забывая быть внимательным и предупредительным с людьми, он на секунду приостановился возле стоявшего у толпе у дороги Годара, который, видимо, проходил тут случайно. Приветливо улыбнувшись, Прабхупада слегка дотронулся до его плеча маленьким ключом, который держал в ладони, а после безмолвно указал на огромный храм на взгорьи, куда двигалось множества народа – но не только кришнаиты, но и самые разные люди, среди которых Годар узнал несколько своих знакомых из числа христиан и простых невоцерковленных, а то и вовсе не верующих людей.
Прабхупада, похлопав его таким образом по плечу, тут же ушел дальше, а Годар – тут же

проснулся.
У кришнаитов в этот день был какой-то большой праздник и они уже с рассвета нагнали к палаткам еще спящих, а точнее, только недавно прилегших после ночных посиделок людей Радуги – свои цветочные мантры.
Эти тихие в ранний час песнопения проникали в его развевающуюся под березой бело-оранжевым парашютом палатку вместе с тонко огибающим каждый лист, чтобы донести свой рассеянный свет, вечно утренним солнцем.
А еще они как бы осыпали своими лепестками еще теплые следы недавно ушедшей с Радуги Риты.

- Я люблю вас!
- Я люблю вас!
- Я люблю вас!

- Народ, я вас люблю!..

Эти вдохновенные выкрики вплетались цветочными гирляндами в каждое Собрание на Кругу. Всякий раз находились люди, которые выбегали на Круг и делились созревшей в груди за ночь маленькой росистой искоркой, что так и переливалась, играя своими потерявшими ясные очертания гранями, на никогда не бывавшим в этом краю жарким солнце. Некоторые из них, широко раскинув руки, посылали воздушные поцелуи, а иногда от избытка эмоций принимались танцевать.

С каждым днем Радуга все больше превращалась в Звучание.

Пение, музыка и танцы стали преобладающей формой общения. Вместо простого бытового разговора шли непрерывные концерты, причем, один другого краше и трогательней. При этом появлялось все больше людей, которые старались больше слушать, чем говорить. Хотя вообще-то люди Радуги за словом в карман лезть не привыкли.

Наконец настал день, когда Илу, послав воздушный поцелуй, широко раскинул руки и, выждав паузу, дожидаясь, когда прекратиться невероятно воодушевленный гул, во время которого все обменивались аналогичными приветствиями, с чувством произнес:

- Братья и сестры!.. Увы, скоро наш Слет заканчивается. Нам придется нести пылинки земли, которую мы собрали здесь на свои подошвы, так плодотворно трудясь, туда, где все отдыхают. Но давайте мы будем почаще напоминать им, страждущим, истекающим потом и кровью в сражениях друг с другом: «Граждане отдыхающие от Любви! Добро пожаловать Домой – на нашу Радугу!.. Только снимите, пожалуйста, ремни безопасности – с ними у вас ничего не получиться!». И обязательно приезжайте сами, когда там у вас получится, на один из следующих ежегодных Слетов. Да каждый год приезжайте!... Через три дня у нас состоится последнее Собрание, во время которого мы спустим Знамя Радуги и задуем Его Сердце. Но прежде прямо на Кругу мы проведем большой прощальный концерт. Я предлагаю подготовиться... Подходите потом к моему типи – записываться в участники. А пока, для разогрева, послушаем нашу Аню!..

Все так и грохнули со смеху, услышав слово «разогрев» в применении к Умке, которая была профессионалом своего дела.

Глаза маленькой, худощавой, похожей на мальчишку Умки, которые были как угольки и пронзительно-настороженно, порой с опаской, а порой с угрозой направляли на

подходивших к ней людей свою непроницаемую черноту, раскрылись как лепестки черной розы и оттуда полился чистейший белый огонь.

Глядя внутрь себя, Умка запела, все больше просветляясь лицом и выпуская все свое необычайное нежное, трепетное, легкое:

Я иду раслабленной походкой,
Чувствую себя ужасно кроткой,
Чувствую себя ужасно хрупкой,
Чувствую себя стеклянной трубкой.

Я иду по тоненькой дорожке,
У меня есть маленькие рожки,
У меня в ботиночках копытца,
Пусть меня милиция боится.

О-о-о! по тоненькой дорожке
О-о-о! качаясь от ветра!

Я иду качаясь от ветра,
Все меня обходят за три метра,
Бедные усталые уродцы
Видимо боятся уколоться.

Я иду с блуждающей улыбкой,
Чувствую себя стеклянной рыбкой,
Чувствую себя стеклянной птичкой,
Чувствую себя зажженной спичкой.

Потом черная роза опять сомкнула лепестки и обозначила шипы и далее пошли уже более жесткие песни.

После чего на Круг вышел с блуждающей улыбкой глядевший себе под ноги, как бы не разбирающий дороги, тот самый парень-исполнитель из Шуи, который пропел тогда на берегу всю ночь, и, прижав к груди гитару, как ребенка, запел песню, которая принадлежала перу Сергея Калугина:

Звезды и годы,
Лица и тени,
Снов хороводы,
Хитросплетенья.
С каждой минутой
Бегства из рая
Я забываю -
Мы забываем! -
Что наш Великий Господь -
Это маленький мальчик.
Всемогущий Господь -
Просто маленький мальчик.
Совершенный Господь -
Это маленький мальчик.
Беззащитный Господь...

Пьяные споры,
Волчьи метанья,
Блудные взоры,
Страх воздаянья.
А в поле над пропастью
В метре от края -
Маленький мальчик:
С ним не играют.
И он - наш Великий Господь -
Этот маленький мальчик.
Всемогущий Господь -
Этот плачущий мальчик.
Совершенный Господь -
Потерявшийся мальчик.
Беззащитный Господь...

Немного помолчав в наступившей непроницаемой тишине, тот же исполнитель спел песню, написанную, как он сказал, одним бардом по впечатлениям от повести Владислава Крапивина «Самолет по имени Сережка». Стихи были – самого Крапивина. Там были такие слова:

Сказка стала сильнее слёз,
И теперь ничего не страшно мне:
Где-то взмыл над водой самолёт,
Где-то грохнула цепь на брашпиле...

Якорь брошен в усталую глубь,
Но дорога еще не окончена:
Самолёт межзвёздную мглу
Рассекает крылом отточенным.

Он, быть может, напрасно спешит,
И летит он совсем не ко мне...
Только я в глубине души
Очень верю в хороший конец.

Годар не стал дожидаться когда Радуга свернет свои паруса.

На следующий день он переправился через Кокшагу с забавной парой молодоженов, которых все в лагере величали Кисой Алисой и Котом Базилио. Все трое договорились за небольшую плату с водителем торгового грузовика, что тот, закончив свою работу, вывезет их из леса.

- До свидания, Радуга! – прокричали, взявшись за руки, Кот Базилио и Киса Алиса через летящие воды реки и многозначительно посмотрели друг другу в глаза. А Киса Алиса даже торопливо перекрестилась.

Сдерживая усилием воли подступивший к горлу трепет, Годар машинально повторил про себя слова, которых на самом деле не слышал, оглушенный минутой отрыва:

- Радуга, до свидания!

И уже минут через пять кузов грузовика, где их отчаянно трясло и болтало и, вероятно, расшибло бы в лепешки или выкинуло за борт с остатками катающихся с грохотом продуктов, если бы хитроватый шофер не велел вцепиться в поручни, заволокло песочной пылью.

Песчаное облако рассеялось лишь тогда, когда грузовик выехал на трассу и остановился.

Кот Базилио ловко спрыгнул вниз и тотчас, протянув руку, спустил стоически опершуюся на нее, по-прежнему любезную Кису Алису.

Они перебежали на другую сторону трассы и принялись высматривать транспорт до Казани, а Годар, отойдя из деликатности метров на двадцать, остался на этой стороне – ему был нужен автобус, следующий в Чебоксары.

Часть вторая. **Сказка о Гайдаре**

- А жизнь, товарищи, была… совсем хорошая, - сказал Гайдар и резко встал.

Замредактора киностудии, смотревший до того в рукопись, разделявшую их разливистой, певучей, гудящей, кипящей водной стихией, которую надо огранивать, непрерывно вводить в берега, подтыкать с боков дамбами, бросая вдогонку поперек ее русла - строгие и величественные турбины, - словом, увлеченно, умеючи скручивать, или, лучше сказать, окучивать, как вольного буйного скакуна, дабы переориентировать сию страшную силу на полезные цели, - этот редактор вдруг с удивлением отметил, что видит перед собой великана – ведь сидевший до того молодой человек в гимнастерке с накинутой на плечи шинелью не просто встал и надел на голову, заломив ее на затылок, папаху, - это сочетание военной строгости и некой художественной вольности, некого анархизма во внешнем облике, особенно проявляющихся через взгляд, стало уже привычным и воспринималось знакомыми как отметина на крыле странной большой птицы, - но и, пошатнувшись, как огромный дуб на краю вдруг разверзшейся пропасти, стал падать назад…

- Аркадий Петрович!.. – беспомощно сказал замредактора, приподнявшись. Он неловко протянул автору, которого мягко направлял до того как бы отеческой рукой, подчеркивая что-то карандашиком в его рукописи, эту самую отеческую руку, хотя был младше того, наверное, лет на десять. Но Аркадий Петрович уже ощутил спиной холод бездны с ужасной темнотой, которая просачивалась в мозг, заволакивая его, в самые неподходящие моменты. Вместо руки редактора он схватил граненый стакан рядом с симпатичным граненым графином – и в сердцах швырнул его в стену.

Разлетелись брызги осколков.

И тотчас влетела стрекочущей сорокой секретарша. Захлопала глазами.

- Как это? Что это?.. Всеволод Михайлович, надо вызвать охранника. Может, сразу милицию? Стыдно, товарищ!..

- Доктора! – сказал Гайдар, глядя ей в лицо своими большими ясными – слишком ясными – синими глазами, в которых росла из ясной точки - лавина. Эта лавина – она сейчас может все. Страшно стоять у нее на пути. Вот что поняла секретарша. И благоразумно

согласилась:
-Доктора!

«Да скажи, чтобы к маузеру мне патронов привезли, — добавил он, опять срываясь на прежнюю мысль, — побольше патронов, мне очень нужны хорошие патроны. — Потом он помолчал и, точно принимая окончательно какое-то решение, добавил:

— И хорошие ребята тоже нужны. Только такие, которым бы на все наплевать.

— Как наплевать? — не понял его Федор.

— А так, в смысле жизни.

…….

Их было четверо, четыре человека без имен.
Демон — черный и тонкий, с лицом художника, Гром — невысокий, молчаливый и задумчивый, Змей — с бесцветными волосами, бесцветным лицом и медленно-осторожным поворотом головы, и Фома — низкий, полный, с подслеповатыми, добродушными глазами, над которыми крепко засели круги очков.
И в первую минуту все промолчали — посмотрели друг на друга, а на вторую — крепко пожали друг другу руки, и в третью — Змей повернул голову и спросил так, как будто продолжал давно прерванный разговор:
— Итак, с чего мы начинать будем?
— Найдем, с чего, — ответил Лбов. — Садитесь здесь, — он неопределенно показал рукой вокруг, — садитесь и слушайте. Я все наперед скажу. Я рад, что вы приехали, но только при условии, чтобы никакого вихлянья, никакого шатанья, чтобы что сказано — то сделано, а что сделано — о том не заплакано, и, в общем…
Револьверы у вас есть?» И потом, нужны винтовки, и потом мы скоро разобьем Хохловскую винную лавку, а потом — надо убить пристава Косовского и надо больше бить полицию и наводить на нее террор, чтобы они боялись и дрожали, собаки…
Он остановился, переводя дух, внимательно посмотрел на окружающих и начал снова, но уже другим, каким-то отчеканенно-металлическим голосом:
— А кто на все это по разным причинам, в смысле партийных убеждений или в смысле чего другого, не согласен, так пусть он ничего не отвечает, а встанет сейчас и уйдет, чтобы потом не было поздно».

Гайдар обладал феноменальной памятью – помнил в деталях местность, географические карты, даты и факты, обычно ускользающие от среднестатистического человека. И, конечно же, помнил однажды прочитанные стихи и собственные тексты.
Впрочем, он не верил в этого среднестатистического человека и считал, что миф о нем создал человек в футляре. А революция – выбила того, черного и глупого, трусливого, а по сути – несчастного человека из его футляра.
И теперь белому человеку настала свобода – рабство белого человека закончилось, бери вещи и – выходи!..
Но не тут-то было – белые люди по-прежнему пугливо жались к стенке и искали себе в пастухи человека в футляре.
Когда замредактора киностудии – типичный статист – как называл про себя Гайдар таких среднестатистических людей со стадным инстинктом – пытался в очередной раз запрудить текст его сценария, незаметно, быть может, и для самого себя, превращая его в болото из широкой реки жизни – он вспомнил свою раннюю повесть «Жизнь ни во что». Слово в слово, как читал наизусть друзьям и коллегам в редакции свои новые вещи – он прочитал про себя – сам себе – ибо сейчас это позарез было нужно – мгновенно предоставленные четкой памятью нужные слова из речей скупого на них Александра Лбова.

Они, как и многие другие, написанные Гайдаром тексты, помогали ему, как и всем настоящим пионерам, держаться – держаться, даже когда ты на самом краю, вместе с одной только своей правдой, один на один со статистами.
Так держался Тимур Гараев – тот самый мальчик-командир, по примеру которого мальчишки и девчонки их большой страны стихийно включились в игру, из-за которой партия поначалу чуть было не арестовала автора «Тимура и его команды» за создание подпольной детской анархической организации. Но книге о Тимуре повезло – ее за полчаса прочитал и – будучи в тот день в хорошем расположении духа - тем более, что книгу любила дочь Светлана, а ее он обижать не хотел – самый главный человек в футляре. И – не нашел в ней крамолы. После чего анархическую игру прибрали к рукам, назвав его тимуровским движением и влив в пионерскую организацию. С тех пор она стала, как это водилось в стране, запруживаться. Поэтому Гайдар старался без особого приглашения – не принимать в движении активного воспитательного участия, оставаясь как бы из скромности немного в стороне. Тем более, что все изменилось так неожиданно. Поначалу на читательски-писательских конференциях обыкновенные взрослые люди доказывали ему, что таких честных и благородных Тимуров, таких совсем уж заоблачно-нереальных, в Стране Советов еще нет, ведь коммунизм еще не построен! И лишь однажды нашлась необыкновенная девочка, которая вдруг встала и негромко сказала:
- А у нас в классе есть такой мальчик.
Гайдар тогда, расчувствовавшись, даже бросился ее целовать.
Теперь же – Тимуров видели повсюду, разыскивали их среди ударников и отличников, обязывали идти «все выше и выше», направляли и пестовали.
Но Тимуры в стране, вопреки этой в чем-то оправданной и очень правильной, а в чем-то – глупой, как газонная косилка, компании – все-таки оставались.
И это про них он увлеченно писал сценарий, наводя каждым новым поворотом страх на вроде молодых сотрудников киностудии.
Замредактора полагал, что Тимур – а он и был главным героем сценария «Комендант снежной крепости», задуманного Гайдаром в продолжение «Тимура и его команды», - сделал шаг в сторону индивидуализма. И Гайдару приходилось, скрепив зубы, все время выправлять поступки мальчишки, делая их, что называется – «правильными». Ведь у замредактора было свое руководство, тоже работавшее с ним над рукописью. А у того руководства – еще одно руководство. И где кончалась и начиналась эта лестница, никто по - настоящему не знал.
Такой правильный – никогда не сомневающийся в себе и том, что видят его глаза, Тимур - уже, право, рассмешил бы любого нормального пионера.
Гайдар попытался донести это до многоступенчатой команды цензоров с помощью введенной в сценарий линии с картиной начинающей художницы Нины, на которой люди разных национальностей – взрослые и дети – красивые, нарядно одетые, дружно и подозрительно легко идут по хорошей дороге в симпатичную гору, которая символизирует не слишком далекий коммунизм. А капитан Максимов и его шофер-красноармеец – только посмеиваются над этой женской мечтой о легком счастье.
Но там, наверху, не уловили иронии.
И Гайдар понял, что – проигрывает это сражение.

Как он не крепился, пытаясь в очередной раз привыкнуть к тому, что страной завладели статисты, - а их он порой приравнивал в глубине души к фашистам, не видя между ними разницы, - сдача своих позиций, пусть и вынужденная, повергала его в гнев и печаль.
- Нет, доктор необходим не мне. Вам необходим доктор!.. – сказал он в сердцах, как-то устояв на ногах и, пристально глядя в глаза секретарши, которая, видимо, была сейчас главной, добавил: – Всем!..

Он сгреб со стола папку с бумагами, поправил папаху, и, бросив стушевавшемуся у стены замредактору: «Я еще вернусь!... Когда внесу поправки в «Коменданта»… Но предупреждаю – эта правка будет последняя!» - направился коридорами к выходу. Толпящиеся в коридорах сотрудники разлетались, как бильярдные шары, а в спину дул шепот: «Это писатель Гайдар!.. Он немного *того*… Сказались ранения, контузия, ранний опыт войны…Куда?... Вероятно, в Сокольники».
«И это знают», - горько отметил он царапнувшую душу фразу.
Санаторием «Сокольники» Гайдар просто и с достоинством называл в своих скупых, местами зашифрованных дневниковых записях – ведя их, как разведчик, для себя одного – городскую психбольницу.
И ведь правы, правы были эти в общем-то, по средним человеческим меркам, добрые к нему люди – сказались ранения, контузия, ранний опыт войны. Плюс сыпной тиф и цинга. Нехорошо получилось – он опять вышел из колеи, то есть распустился.
Он уже клял себя за происшедшее.

Морозный воздух – это был январь 1941 года – был чист и свеж, на снегу прыгала сорока и клевали, незлобно толкаясь, корку сизари. Валялся дымящийся окурок. Гайдар затоптал его и задумчиво зашагал по тротуару, стараясь не допускать никакой несбалансированности, в том числе в походке.
Он думал о том, как бы поступил на его месте Комендант снежной крепости – такая теперь была должность у Тимура.
Гайдар так живо представлял себе этого серьезного темноволосого мальчика – серьезного в деле и простого и сдержанно-сердечного на досуге, среди своих, не допускающего в потаенную глубь души нецеломудренные взгляды и в то же время способного на лихость и озорство. Он хотел назвать его Дунканом – в честь знаменитого судна из жюльверновских «Детей капитана Гранта». Но цензоры поднапряглись из-за иностранного имени, усмотрев в нем намек на дореволюционное движение бойскаутов, - про то, что с бойскаутов, которые считались порослью буржуазии, была скопирована пионерия, все предпочитали забыть. И тогда его осенило – его идеальный мальчишка-командир будет, как и его подрастающий сын - Тимуром!
Так как бы поступил Тимур?..
Ну, его Тимур, так похожий на Альку из «Военной Тайны» – навеки маленького и вечно живого – наверное, для того, по какому-то неведомому закону, и так рано погибшего, чтобы все увидели, кого они теряют и навсегда запомнили и сохранили его в себе – просто подбежал бы сейчас к нему и, взглянув в глаза, звонко сказал бы: «Папа!..».
И, что-то быстро сообразив, пряча мелькнувшую в глубине широко открытых глаз боль – потянул бы его за рукав на пригорок с по-весеннему журчащей и гомонящей детворой, откуда слетали снежки и гордые люди на санках или кусках фанеры – и сделал бы шутливо на льду ласточку… А потом отступил в сторону, пропуская обступающих его со всех сторон ребят и галдящих, свободно заглядывая ему в глаза: «Аркадий Петрович!..».
Где бы не появлялся Гайдар, дети со всей округи выходили на него, как солдаты из окружения и наперебой стремились о чем-то поведать ему, предлагали свои услуги и охотно выполняли их. Охотно слушались. Более того – ждали указаний и распоряжений. А он обычно не давал их… Хитровато улыбаясь, он среди них, как ему думалось, жил на равных – просто жил-не-тужил, отвлекаясь от забот иного рода, как, наверное, и жил бы, если б не было войны. И непринужденно принимал на себя командование, когда необходимы были собранность, четкость и быстрота. Все запомнили, как эта невидимая армия нашла в одной из аптек Москвы дефицитное лекарство для тяжело заболевшего сына его друга-писателя, - лекарства не удавалось найти ни родителям, ни их друзьям. Но Гайдар догадался созвать маленьких дворовых командиров и, написав на бумажке название препарата, приказал разбежаться по аптекам… Несколько часов прибегали на квартиру болеющего ребенка к Гайдару посыльные всех мастей и возрастов, - зачастую

дальние, совсем не знакомые – и сурово рапортовали: «В такой-то аптеке указанного лекарства не обнаружено! Продолжаем поиски!» И лекарство - все-таки не нашлось!..

Гайдар чуть не прослезился, вспомнив про это.

Он поскорей свернул в переулок, чтобы дети не узнали его – сейчас в висках стучали молоточки, в правой стороне головы полыхала нарастающей огненной атакой почти уже невыносимая боль и это, как он знал по опыту, было только начало.

Но самым печальным было другое – он словно тонул в полынье…

Как тогда, в детстве, когда он с однокашниками катался в Арзамасе на льду Волги и, уже уходя, услышал за спиной крик: «Коля, выбирайся!».

Обернувшись, он увидел провалившегося под лед Колю Киселева, который безуспешно ломал руками, пытаясь выбраться, тонкий край стремительно разрастающейся полыньи. А все, отбежав подальше, с ужасом давали нестройными, срывающимися голосами – технические советы.

Не раздумывая, Гайдар подобрался к полынье и спрыгнул в нее. Он и сам не знал, как будет действовать дальше.

Но ноги, к счастью, сразу нащупали дно, и, взяв Колю за руку, он просто пошел по воде и они вышли вместе на берег.

Может это с тех времен появилось это ощущение полыньи? И черной воды? И льда кругом? И – грядущего жара если и не утонувшего, то жестоко простудившегося человека.

Алька, Алька!.. Милый, добрый, славный, даже в озорстве деликатный, не стесняющийся своей ласковости и какой-то еще не по-детски проницательный – знающий Военную Тайну - ставший живой искоркой – самой главной искоркой одного потока в пионерском лагере «Артек», про жизнь которого среди суровых и в то же время прекрасных реалий их молодой, широкой, еще не во всем правой и правильной страны, и была написана повесть. Это ведь не он, Гайдар, был его создателем и отцом. Это Алька воссоздавал Гайдара – вытаскивая его каждый раз из полыньи, выводил за руку на берег и передавал в руки стоящего перед ним с застенчивой улыбкой повзрослевшего Тимура. А перед Тимуром – невозможно было стоять, не подтянувшись. И Гайдар, скрепя размытое в хлябь сердце, сцепив зубы и разжав кулаки, выпрямлялся. Как почему-то подтягивался перед Алькой – встречающий его на своих повсюду проложенных тропах бунтарь Владик, вечно вляпывающийся на ровном месте в истории, на которого Гайдар в жизни был похож более всего.

Зайдя в какой-то пустующий двор, Гайдар достал из кармана пузырек с солдатским спиртом и судорожно отхлебнул из него. Так ему удавалось на какое-то время задерживаться на белом свете, прежде чем равносильная головной боли чернота не выключит его. И тогда – его отвезут в Сокольники незнакомые люди, быть может, наслушавшись кой-чего по дороге. Больше всего Гайдар опасался, когда был в полубессознательном состоянии или забытьи, своего языка. Это про опасения такого рода он однажды написал Рувиму Фраерману: *«Образовалась привычка врать от начала до конца, и борьба с этой привычкой у меня идёт упорная и тяжёлая, но победить я её не могу... Иногда хожу совсем близко от правды, иногда вот-вот - и, весёлая, простая, она готова сорваться с языка, но как будто какой-то голос резко предостерегает меня: берегись! Не говори! А то пропадёшь! И сразу незаметно свернёшь, закружишь... и долго потом рябит у самого в глазах - эк, мол, куда ты, подлец, заехал!..».*

Спирт накрыл пульсирующие лавой сосуды, немного прижал их и, поверх этих виляющих, издерганных сосудов с огненной кровью – рванула, как из бочки, мутная накипь. Сейчас он готов был разорвать всякого, кто сунется к нему.

Из серого тумана, в фуражке и шинели с развевающимися на ветру фалдами полами, вышел Тимур Гараев. Он, быстро посмотрев по сторонам, с сочувствием, без всякого страха подошел к Гайдару и попытался поддержать его за локоть. Но Гайдар –

попятившись, сделал шаг назад, отстранился. И, тем не менее, они стояли очень близко, на расстоянии вытянутой руки, друг против друга.
- Товарищ комполка в запасе!- сказал Тимур негромко, но твердо. – Я хоть и всего лишь комендант снежной крепости, но хочу сказать вам, что на спирте вы долго не продержитесь. Вам в больницу надо!..
- Опять больница… - тоскливо протянул Гайдар. – Знал бы ты, что это за санаторий.
- Но ведь, в Хабаровске, например, в сквернейшей из больниц, хоть они и все были скверными, была написана Сказка о Мальчише-Кибальчише и его Военной Тайне, как записали вы тогда в дневнике.
- Ну да – и хотел потом шарахнуть по этой больнице фельетоном – про подлецов в белых халатах, эксплуатирующих больных – обворовывающих их, сознательно попускающих равнодушие. Да только у главврача была хорошая спина – фельетон зарезали.
- А вы, товарищ комполка в запасе, действуйте через меня.
- Это как?..
- Нам в школе давеча историк рассказал легенду о Моисее. Ну, Моисей – он был настоящий боец, он рос среди свободной природы благодаря спущенной по течению Нила ослушавшейся фараона матерью корзине, в которой спасся младенцем. Тогда в Египте истребляли, за немногими исключениями, всех младенцев мужского пола – чтобы они, возмужав, не стали сознательными и не сбросили своих эксплуататоров. Но Моисею повезло вдвойне – корзину выловила, подобрав его, сама дочь того противного фараона - эксплуататора – она была хорошей – и воспитала его, как собственное дитя. Так Моисей стал сыном двух народов – свободного и пребывающего в рабстве. И даже проглотил пылающий угль вместо злата, схватив его с подноса, когда ему однажды лукаво предложили, желая узнать его потенциал, хитрые фараоновы учителя – злато или меч? – на выбор. В обоих случаях ему пришлось бы туго – прислужники фараона умертвили бы его ,и не помогло бы даже заступничество любимой фараоновой дочери. А он подобрал уголек. Но обжег при этом язык и с тех пор стал косноязычным… Ну, я думаю, это он на самом деле притворился – он, наверное, был прирожденным разведчиком. Понятное дело, что он уже в детстве задумал вывести свой народ из рабства. А тут, после этого детского выбора, все махнули на него рукой, решив, что он кто-то типа нашего Иванушки-дурачка– ни удали, ни смекалки. И уже без боязни обучили его воинскому искусству, полагая что он станет послушным командиром полка послушного фараонова войска… Но не тут-то было!
- Гм… Своеобразное у тебя воображение... Только скажи, пожалуйста, ты так уверен, что Моисей только притворился косноязычным? Я, например, не уверен. Но – что там было дальше?..
- А дальше, будучи свободным комполка, видя, как гнут спину обращенные в рабство израильтяне, он стал подбивать их к восстанию. Но ему не хватило выдержанности и организованности, а также дальновидности. И фараон тогда легко одолел его руками своих же рабов – они оттолкнули его, когда он попытался остановить их какую-то глупую междоусобную распрю, закричав: «Отойди! Не хочешь ли ты убить нас, как ты убил вчера Египтянина?». А он действительно убил и тайно похоронил одного особенно измывающегося над людьми начальника-стражника. Но нет пророка в своем отечестве. И после этих слов Моисей убежал от своего народа из страны его рабства, не находя себе земли под ногами, разуверившийся в людях, Боге и себе - в Аравию, в пустыню Мадианскую. И женился, вопреки расовым предрассудкам, на чернокожей женщине, имя которой переводилось с языка тамошних жителей как «Птица». И сорок лет о нем не было никаких вестей. И верховный главнокомандующий Вселенной – Господь Бог – расслабьтесь, Аркадий Петрович, это всего лишь легенда! - тоже не подавал ему никаких вестей… Легенда не сохранила сведений о том, о чем Моисей при этом думал… Но, по прошествии сорока лет случилось чудо – Верховный Главнокомандующий обратился в куст и предстал в пустыне Мадианской в виде ослепительного огненного растения.

Представляете, какой шок испытал Моисей, - он даже боязливо поежился, когда из этого внезапно образовавшегося не то оазиса, не то миража вдруг раздался голос!.. Этот голос сообщил ему, что земля, которую он так искал, у него под ногами. Но теперь предстоит привести на нее и свой народ, сорок лет водя его по пустыне, ибо только тот, кто прошел пустыню, знает ее карту и сможет провести через опасности и искушения, радости и злоключения также и других. Но тяжко рабство фараона и много предстоит потерять пота и крови, прежде чем народ выдавит его из себя… А когда Моисей скромно и даже испуганно возразил, что он, дескать, не речист и потому не готов взять на себя руководство такой массой людей, Бог не принял самоотвода, повелев ему идти сквозь пески навстречу его брату Аарону, которому также повелел выйти в пустыню. И там же они вскоре встретились и крепко обнялись. После чего красноречивый и деятельный Аарон – стал устами Моисея. Это он, слушая Моисея, который слушал Бога – передавал потом народу – как по телеграфу – приказы и указания.
Так они и выбрались из окружения.
- И что – Аарон правда понимал Моисея? А он случайно не своевольничал? Не пописывал ли иногда втихаря – свои собственные приказы?
- Случалось… Однажды, он, например, пока Моисей отсутствовал, научил народ профессионально поклоняться золотому тельцу, расплодив всяких нэпманов… Моисей, узнав про это, так рассердился, что даже разбил в сердцах данные ему Богом скрижали. Но Бог был талантливым военачальником и не прогневался на Моисея, а дал ему взамен скрижалей – свой Завет. Да только тот Завет тоже был временным. Его потом разбил, когда на него тоже стали молиться как на истукана, другой Моисей – некий Иисус из Назареи… И вот, Аркадий Петрович, я вам и предлагаю – сделайте меня своим Ааароном! Я буду говорить со страниц ваших книг только то, что вы держите в уме. А вы в это время – просто покуривайте свою любимую трубку и хитровато помалкивайте. Не лезьте вы уже в эти кулачные битвы с опричниками! Поберегите голову на плечах – ведь она у вас золотая!.. А с меня, мальчишки-командира, спрос маленький… Тем более что я – всего лишь бумажный.
Ветер дует в тающий в полынье лед и в грудь стоящего в ней по пояс человека. Жжет морозом раскрасневшиеся, но уже пошедшими пятнами бледности щеки, тело как дубовое. Кто этот не знающий как ему быть человек с словно выброшенным на лед золотой рыбкой сердцем – упрямо, бешено бьющимся между льдом и водой? Победа в любом случае – обернется поражением и – ни льда тебе, ни покрышки.
Неужели это в самом деле происходит с ним?!..
Но рядом мальчишка-командир и он не должен ничего заподозрить и тоже шагнуть в полынью.
- Спасибо, комендант, - немного сухо говорит Гайдар, изо всех сил сдерживая гримасу боли. Но глаза его улыбаются, а если в них сейчас недостает живой теплоты, то мальчик поймет – в бою ее ценят на вес золота и отхлебывают, как из походной фляги, скупыми глотками. – Я подумаю над вашим предложением. А теперь – кругом, шагом марш! И – по хатам. Вы – домой, а я – в санаторий. Поеду и в самом деле на несколько дней, подлечусь. Спасибо тебе, Тимур, за легенду. А теперь иди…
- Аркадий Петрович, а можно вопрос?
- Конечно.
- А за что расстреляли Блюхера?
- Что?!
Вскрикнув, Гайдар рванулся грудью на лед, но только разломал его тонкие края и еще больше расширил прорубь. Нащупав какой-то камень и встав на него одной ногой, он гневно подумал, что – не только Блюхера, под командованием которого он воевал на Дальнем Востоке, но и умнейшего, культурного, талантливого Михаила Николаевича Тухачевского, который сумел прислушаться к совету Гайдара – тогда безвестного командира-мальчишки, - когда тот осмелился подать легендарному командарму свой план

амнистии для восставших от перегибов продотрядов крестьян в Тамбовскую компанию – и шесть тысяч крестьян из десяти вышли из леса и сложили оружие, а потом – разошлись по хатам.
Не говоря уже о многих других советских офицерах и простых граждан, в число которых попали и пять директоров «Детиздата», был арестован и расстрелян и муж его сестры Талки – боевой, действующий генерал. И сестра теперь пряталась, то есть жила как простая, ничего не видящая и не слышащая обывательница, перебравшись из Арзамаса, где арестовали мужа, в Москве, на квартире, которую он оплачивал для нее из своих никогда не задерживающихся в карманах гонораров.
И бывшую его жену, Лию Соломянскую, мать Тимура – статисты-фашисты тоже кинули в застенки, словно Марицу из «Военной Тайны», когда расстреляли второго ее мужа.
Гневно рассказывал другу-мальчишке, клянясь никогда не быть успокоенным, такой сидящий у многих в печенках - от такого не отмахнуться! - Владик, про то как томилась в Румынии в застенках у буржуинов - его сестра-коммунистка. И как он все равно пойдет ее выручать, переплыв даже Черное море.
«Военная Тайна» была написана еще в 1935 году, но пророчества ее, к сожалению, сбывались.
Это своих ответов на такие вопросы – а они никогда не выходили у него из головы – и боялся Гайдар, когда лаконично написал Рувиму – а тот понимал о чем речь – про готовую сорваться с языка простую и якобы веселую правду, которую давишь, давишь, словно запихивая ее под полы шинели и под лед, чтобы не выдать. И так изоврешься, что уже от начала и до конца живешь в липкой паутине транслируемого наружу образа. И порой уже и не можешь вымолвить простого и ясного слова.
Своих ответов, брошенных в лицо фашистам – вслух!
Этого он, как бывалый разведчик, боялся больше всего.
Ведь от этого зависели жизни других людей.
А в заложниках у главного человека в футляре была практически вся страна, не исключая его ближайших родственников и соратников, а также их жен, мужей и детей. И даже – страшно даже подумать – мужей и жен своих подрастающих собственных детей, как догадывался Гайдар, когда придет время, главному человеку в футляре тоже ничего не стоит отправить в застенки.
Точно такой же вопрос – про Блюхера – задал ему однажды подрастающий сын Тимур.
Но персонажа «Тимура и его команды» Гайдар назвал не только в честь сына… Книги его были двусмысленны или, лучше сказать – многослойны. Первый их слой был как маскировочная трава-мурава под затаившимся в поле полком, ожидающим команды: «В атаку!..». Полк нервно, но терпеливо выжидал момент, когда подтянуться все резервы и – они перейдут в контрнаступление по всему фронту! И некоторые имена – тоже были многослойными, отдавшись связанным с ними ассоциациям, многое можно было понять об их носителях и связанных с ними реальных ситуациях.
Под прикрытием имени собственного сына – хотя он и правда назвал своего героя в честь сына и был несказанно рад этой удачной находке - Гайдар запечатлел и память о дорогом ему человеке – Михаиле Васильевиче Фрунзе. Тот принял участие в его судьбе и можно даже сказать жизнь спас, влив в него новые силы и надежду, когда он чуть руки на себя не наложил после того как его окончательно комиссовали из армии. Фрунзе тогда посоветовал двадцатилетнему командиру-пенсионеру обратиться к писательству и поделиться тем, что видели его глаза на заре революции, с такими же молодыми людьми - кому не довелось понюхать пороха.
А потом Михаила Васильевича зарезали на операционном столе хирурги-статисты, уговорившие его силами чуть ли не всего ЦК немедленно заняться здоровьем. С теми, кого в народе очень любили, выгодней было расправляться без большого шума.
Ну не мог он ответить тезке Тимура Фрунзе – известного в стране военного летчика, выбравшего вслед за своим легендарным отцом военную карьеру – как ответил когда-то

собственному сыну – что Блюхер, наверное, допустил какие-то просчеты в командовании, когда служил на Дальнем Востоке.
И Гайдар, посмотрев своему легендарному литературному Тимуру в глаза долгим и даже каким-то настойчивым взглядом, отрывисто обронил:
- За что был арестован Блюхер?.. Неправильная постановка вопроса. Надо бы спрашивать – почему он был арестован? Потому что у нас в стране еще слишком много негодяев и трусов, мой мальчик… А теперь иди… И, пожалуйста, не оглядывайся.

Гайдар почти уже заворачивал за угол дома к трамвайной остановке, когда в спину ему донеслось:
- Аркадий Петрович, вы тоже там – держите язык за зубами… Не выдавайте военную тайну!.. Они вас пытать будут – шоковой инсулиновой терапией. Говоря, что вы как настоящий офицер-коммунист должны испробовать все способы лечения – а это сейчас самое новое – и даже одним из первых испытать на себе внедряемый в советскую психиатрию метод. Я знаю, что люди с волей послабее теряют от него сознание, но вы ни разу не теряли. И все-таки…
Гайдар резко оглянулся.
Но за Тимуром уже и след простыл.
- Вот хитрец, - усмехнулся он, поднимая воротник, - хотел еще убедить меня, что это он, а не я – Аарон…

«Я знаю, что я буду делать, чтобы не сойти здесь с ума. Я буду плыть», - подумал Гайдар прежде чем постучать во второе отделение Первой Московской психиатрической больницы. Это ее он, чтобы не пугать самого себя, как и все другие пациенты и жители Москвы, называл в дневниках – «санаторий в Сокольниках». И предпочитал приезжать сюда из года в год сам – как только появлялись первые предвестники сумеречного состояния. Редко когда доводилось привозить его уже в полубессознательном или буйном состоянии – все это наступало уже здесь, в отдельной палате, под присмотром уже порядком постаревшего неизменного доктора Абрама Моисеевича.

Минуя охранников, тоже знавших его в лицо и зачем-то приставлявших к козырьку руки, а также приемное отделение, откуда высыпали поглядеть в след по-военному одетому писателю-психу молоденькие медсестры, он сразу направлялся к массивной красно-коричневой двери у одного из двухэтажных корпусов и, содрогаясь от неизбежности, стучал в грохочущее железо.

Охранник, тоже узнав его, молча отодвигался вместе с хорошо смазанной задвижкой замка, и за спиной вошедшего Гайдара что-то сухо защелкивалось.

Теперь уже отсюда даже писателю и бывшему комполка было не выйти без особого разрешения, разве что на небольшую прогулку в сопровождении медсестры, на что тоже требовалось распоряжение.

Он обратил внимание, что в помещении неспешно наводят косметику – стены припорошила свежая побелка и стоял боком на полу, прислоненный к одному наполовину отштукатуренному полуразвалившемуся углу – красный стенд с выведенной белой краской надписью, содержание которой он нарочно пропустил.

Здесь, прямо у входа, и был кабинет Абрама Моисеевича – он был заведующим Вторым отделением.

Слева от порога сидел на корточках какой-то старик в трусах и чистил большим изогнутым ножом паркет. Гайдар сначала подумал, что это рабочий, но тот поднял голову и, не отрываясь от дела, быстренько рассказал ему с большущей простодушной улыбкой на гладко выбритом лице, что у них сегодня был банный день и он славно попарился, а теперь хотел бы, чтобы кто-нибудь плюнул ему в глаз.

«Плюньте, пожалуйста, мне в глаз», - сердечно попросил человек, поднявшись со своим ножом и встал напротив с немигающим взором - и глядя на вновь вошедшего, и в то же время – как не глядя.

Гайдар дунул ему в глаз.
Человек блаженно осел на пол и опять принялся водить по паркету заплававшим в дрогнувшей руке лезвием. Теперь было видно, что это не старик, а человек лет пятидесяти.

Гайдар толкнул дверь в кабинет.
Моисей Абрамович сидел за своим массивным столом и быстро писал.
- А-а-а!... Аркадий Петрович! – проговорил он, широко улыбаясь, и сразу встав, крепко пожал ему через этот стол руку, слегка задержав ее в своей мягкой, влажной ладони. – Опять к нам!.. Что-то вы зачастили – мы, вроде, виделись в последний раз месяца два назад. Ну ничего-ничего, вы же знаете – пройдет каких-нибудь два-три дня, ну, от силы неделя-другая и мы вас от этой напасти ос-во-бо-дим!.. Ну что у вас там опять случилось? Опять пили, пикировались с женой?.. Хотя, насколько я помню, жена у вас, наконец, теперь подходящая – она с вас пылинки сдувает, и вы ее тоже не огорчаете своими неожиданными поступками, разве что здоровье ее ваше огорчает. Сегодня, я думаю, она уже начнет звонить, справляться.

- Да какие там неожиданные поступки, - проворчал Гайдар. – Я сейчас даже практически не выезжаю из Клина – разве что в Москву. Война на носу.

Он осекся. Хорошо, что Абрам Моисеевич, который лечил его еще с двадцатых годов, был сейчас один, без своего нового зама, который носил под халатом всегда отутюженную и накрахмаленную гимнастерку. Первый зам профессора был не военным медиком в отставке, а действующим сотрудником ОГПУ. Гайдар это знал наверняка, а все остальные могли и не догадываться.

О надвигающейся войне говорить было запрещено – в лучшем случае за это могли обвинить в распространении панических настроений. Поэтому Гайдар, кашлянув, добавил со смешком:

- Что-то я и правда совсем раскис. Видимо, скоро отправлюсь в паническую атаку!..

Моисей Абрамович умел пропускать мимо ушей то, что слышал иногда от Аркадия Петровича. Проворно выскочив из-за стола, он схватил молоточек и, не теряя дружелюбия, вкрадчиво предложил:

-Может поднимете гимнастерочку?

Вздохнув, Гайдар расстался с папахой и шинелью, которые были тут же помещены рукой профессора в шкаф рядом с собственной шубой, и обнажил покрытую шрамами грудь, где виделись несколько запекшейся свежих порезов.

Это произошло с ним утром, когда Дора ушла на базар, а он готовился к встрече с редактором. Приемная дочь Женя, в честь которой он назвал подругу своего литературного Тимура, еще спала и он, бреясь, не выдержал, и провел несколько раз бритвой по коже – это почему-то помогало пересиливать боль и темноту в голове, останавливать скопившуюся черной копотью ярость.

- Нда… - произнес Моисей Абрамович тоном знатока и ценителя той живописной картины, которая существовала под гимнастеркой известного детского писателя. – Вы бы, дорогой наш человек, хоть бы йод с собой носили. Стыдно, товарищ!.. А болевой синдром облегчается смоченным в растворе соли полотенцем… Кстати, а вы знаете, что птицы выщипывают себе перья, когда их жизненное пространство оказывается уже, чем это необходимо их природе?.. Вот и думайте теперь… Ну, так что, будем лечиться?.. Ваша палата свободна. Там у нас три дня лежал настоятель одного из московских храмов, но Сергей Иванович перевел его в общую палату, чтобы был, светоч тьмы, поближе к народу. Так что – милости просим… Ступайте уже, Аркадий Петрович. Мы сделаем для вас все, что можем. Постучите там непосредственно в отделение – дежурная сестра вам откроет.

Абрам Моисеевич тоже умел в отсутствии Сергея Ивановича – вплетать в беседы притчи, словно усмешку в усы.

- Если Дора позвонит, передайте ей, пожалуйста… Хотя ладно – просто скажите что приехал сам, а она пусть не приезжает.

- Да, дорогой Аркадий Петрович, еда у нас хорошая – супруге печь пирожки ни к чему. Пусть лучше потихоньку сушит сухари… Шутка!.. Профилактическая!.. Ха-ха…

Слабо улыбнувшись, Гайдар развернулся и, как и планировал, поплыл. Краем глаза он успел зацепить край облака за оконной решеткой. В нем запутался обрывок проволоки, в котором он разглядел журавля, оставшегося в заводи, когда другие его братья улетели. Тот остался потому что и не помышлял улетать в жаркие страны – он был слишком привязан к родной земле. Этот журавель плавал в своей полынье, как ошпаренный, поглядывая стекленеющим глазом на растущий повсюду снег.

Гайдар мысленно поманил его и указал на забытую на еще не окрепшем льду каким-то незадачливым, торопливо обратившимся в бегство рыболовом жестяную коробочку с крючками. Одними глазами – предложил в нее сесть, сдав природе крючки. Плотно закрыться крышкой.

И двинуться в путь.

Но по земле, а по воде.

Не по горизонтали, а по вертикали.

Не вверх, а вниз…

Дальше Гайдар долго стоял у огромной как ворота белой двери и стучал, иногда отступая на шаг и переминаясь, в ее гулкую жесть. Но этот стук тонул в шуме, который царил внутри. Иногда кто-то подбегал с той стороны и, глядя в замочную скважину, молящее спрашивал:

- Ты кто?.. Посмотри, пожалуйста, нет ли там, в комнате для свиданий, моей мамы?

Но Гайдар молчал, как капитан Немо. Ведь ему было необходимо дотянуть «Наутилус» до Таинственного Острова. Надо было спасти журавленка!..
Задыхаясь, он заколотил в дверь кулаками изо всех сил и тогда она открылась. И санитарка, сухо заметив: «В первый раз вижу больного, который ломится в больницу», - пропустила его дальше по коридору, где ходили в пижамах и невзрачных халатах принявшиеся сразу же с жадным любопытством всматриваться в его руки больные – здесь были и мужчины, и женщины, и дети. Он не понял, почему такое смешение, да и не стремился понять – он шел как сквозь желтые пески в свою норку, а она была справа – третьей по счету от конца коридора, который заканчивался стеной, но имел поворот в маленькую столовую без окон.

Ну, вот он и дома – в своем «Наутилусе»!.. Сам себе – командир!..

Вот единственная койка с простым зеленым одеялом, тумбочка и стол с двумя стульями. Сейчас ему принесут пижаму и новое белье. Пижаму он будет надевать – такое исключение делали только ему – как и все нормальные люди, только ночью. А днем – по-прежнему ходить в гимнастерке, на левой стороне которой, прямо где сердце – висел его талисман – орден «Знак Почета».

Орден – он в это крепко верил – прикрывал его от смерти. Поэтому с гимнастеркой он не расставался ни при каких обстоятельствах.

Он иногда машинально поправлял его, как бы подержавшись рукой за сердце.

Израненное, сочащееся алой кровью сердце, словно плавало в полынье – там, на поверхности воды, смешавшейся с его подавленными, тщательно скрываемыми слезами. Оно размывалось этими слезами и теряло спасительную соль, которая превращает в таких случаях другие сердца в кремень. Вместо твердости – снег. Вместо воздуха – смутные, туманные очертания невидимого берега. Где взять размах крыльев, когда они уже заперты в этом неумолимом к нему чужеродном пространстве, бывшим когда-то, пока длилось лето, таким милым, ласковым, своим.. Откуда эта жестокость покрывшейся пустынными льдами некогда родной земли?..

Но он сам – такой большой, сильный и в то же время непосредственный, похожий, как все говорили, на большого ребенка – был еще не в полынье. И мог еще выжить, дотянув до тепла. Для этого надо было добраться до своих, вырваться из замкнутого круга льдов. Не превратиться, подобно Лотовой жене, в соляной столб.

Что ж… Капитан Немо с горькой улыбкой оглядел свой подводный корабль. Внутри он был полон всеми возможными и невозможными вещами, как реальными, так и воображаемыми, - в нем, как в Ноевом ковчеге, было «от каждой твари – по паре». Это всего лишь означало, что он обладал всеми потенциальными возможностями, на какие был способен человек. Всего лишь потенциальными возможностями… Но люди не замечали «Наутилуса», даже если он стоял во весь свой рост прямо в их гавани. Они не привыкли замечать невозможного, а когда вынужденно сталкивались с кораблем в нейтральных водах, то принимали его за излучающего электрическое сияние необычайной мощности и красоты – гигантского кита. И тут же принимались охотиться, чтобы убить и изучить.

Но их стрелы были недосягаемы до него. У «Наутилуса» была такая броня, что от нее отскакивали даже бомбы, причем любого калибра – даже потенциальные, еще не воплотившиеся в видимом мире в качестве изобретения. В то время как живущий внутри

капитан поглядывал с хитроватой улыбкой изнутри в маленькую прорезь из своего наблюдательного пункта – одного из самых своих любимых мест на корабле. Потом он, насладившись зрелищем человеческой глупости, уходил к еще более любимым и плодотворным делам – он шел в лабораторию, где было все для того, чтобы творить.

Там он ежедневно совершал удивительные открытия, молниеносно черпая знания словно из ниоткуда, и тут же записывал их быстрым почерком в книги, которые потом присоединял к хранящейся здесь Всемирной библиотеке. Он твердо знал, что здесь его открытия никогда не пропадут и обязательно принесут пользу человечеству, когда станут своевременными.

Сегодня у капитана Немо было особенно важное и непростое, немного в чем-то заманчивое, а, в общем-то – очень грустное дело: он решил написать книгу о том, как человек раскалывается на куски, после чего самое лучшее, что в нем есть – выпадает в осадок, оказавшись за бортом его собственной видимости. Поэтому, едва обмакнув перо в простую чернильницу с фиолетовыми чернилами, он ненадолго призадумался, но тут же, спохватившись, решительно отвел властной рукой всякие мысли, отряхнув их как сор.

Кругом, иногда с любопытством приблизившись к стеклу, плавали за огромными люками всевозможные обитатели океана. Косяки проплывающих сейчас рыб были как золотистые струйки, они казались осенними листьями на белых ветках кораллов и напомнили ему милые сердцу березы, которых он не видел с тех пор, как отправился в свое бессрочное одинокое плавание, поклявшись никогда больше не показываться людям. Умение создавать такой совершенный мир в глубинных водах океана, где тоже царило совершенство, далось ему слишком дорогой ценой – ценой вынужденного молчания. Ведь он говорил или –что еще хуже - когда говорили другие, корабль его испарялся как призрак. Особенно когда они оживленно показывали на него пальцами, не говоря уже о тех случаях, когда кто-то принимался хватать гарпуны или заряжать пушки. И лишь однажды к нему на корабль случайно попали трое потерпевших кораблекрушение пассажиров самого мощного из посланных на поимку столь таинственного неизвестного зверя полувоенного судна и один из них – профессор Аронакс, который мог бы стать для него Аароном, каким-то образом попал на его волну и, кажется, все понял без объяснений.

Но Аронакс ушел к людям и капитан Немо с болью в сердце сам благословил его на этот побег с корабля, куда невозможно вернуться, однажды его покинув.

Впрочем, в этом последнем пункте он был уверен не так крепко и теперь собирался изучить этот вопрос. То есть – узнать ответ у батюшки Нептуна, используя свою библиотеку.

Откинувшись на спинку стула, он посмотрел в толщу воды затуманившимся взором, оглянулся на ряды книг на полках и сразу же лицо его стало спокойным, а взгляд опять прояснился и озарился таким же таинственным светом, какой излучал «Наутилус» в ночи, когда этот свет в нем не сливался с солнечным.

… Но в палату тихо вошли двое. Это были профессор Абрам Моисеевич и его первый зам Сергей Иванович, вероятно, доцент. Возможно, они хотели как лучше, но рука Капитана Немо застыла и перо выскользнув из руки, как из вывихнутого крыла, упало на пол. От этого по всей Вселенной прошел такой грохот, что вздрогнули даже улетевшие в Африку грачи.

- Перо, поднимите перо… - слабо простонал он.
- Вы ручку потеряли, Аркадий Петрович?- торопливо сказал профессор и, наклонившись к полу, незаметно для своего зама достал из нагрудного кармана одну из своих ручек, которые носил там на всякий пожарный случай, и положил на тумбочку, - Вот, возьмите, пожалуйста. Или пусть пока полежит, пока вы отдыхаете. Ведь вы, наверное, утомились с дороги и хотели бы прилечь?..
- Прилечь?.. Да… Хорошо…
- Ну вот и ладненько. Вы отдыхайте, а Сергей Иванович – чисто из бюрократической необходимости – задаст вам несколько вопросов. В прошлый раз – когда вы промелькнули у нас всего за трое суток - он не успел с вами познакомиться. Знаю-знаю, голубчик – вас ждали на партконференции, мы вас подлечили и немедленно выпустили, как птицу дозорную - важную, перелетную.
Оба доктора, взяв стулья, садятся у кровати. И Сергей Иванович – человек с непроницаемым, практически лишенным мимики лицом, маленькими холодными глазами, глядящими прямо на собеседника, пронизывающими его насквозь мелким сеющимся светом, который не задерживается и идет куда-то дальше, возможно сквозь стену, и, выйдя наружу, растворяется во всеобщем зимнем дне, - принимается за форменный допрос:
- Итак, пациент Голиков Аркадий Петрович, тридцати шести лет. Он же – детский писатель Аркадий Гайдар. Детские годы провел в городе Арзамасе Нижегородской области. Состоит в гражданском браке с Дорой Матвеевной Чернышевой. Имеет приемную дочь Женю и сына Тимура. Последний живет с матерью – бывшей супругой пациента…э…э… Рахилью Лазаревной Соломянской, - дочерью старого большевика, уроженкой Пензы. Переименованной пациентом на заре их знакомства в Лию, что и закрепилось в качестве имени. Недавно отбывшей срок наказания. Бывшая супруга к встречам отца и сына не благоволит и чинит всяческие препятствия. Я правильно все говорю?..
-Да-да, все верно, - машинально вставил профессор.
Сергей Иванович, не моргнув глазом, проводит пальцем по маленьким усикам над пухлой губой и приглаживает ладонью жидкие светлые волосы. На секунду-другую отводит взгляд в сторону и, как бы прицелившись, опять погружает его в лицо лежащего перед ним человека.
- А правда говорят, что это после вашего звонка, точнее, даже ряда звонков врагу народа Ежову, бывшего тогда наркомом НКВД, срок вашей законной супруги – ведь официально вы еще не развелись, не так ли? - сократили до чисто профилактических двух-трех лет?
- А это тоже вписано в историю болезни?
Стараясь изо всех сил не терять самообладания и именно из-за этого обычно и теряющий его, Гайдар спросил это с деланным, не лишенным иронии спокойствием, однако в голосе его, который сразу приобрел глубину, ощетинилась гордость. Про то, что сказал этот наглый, приставленный к интеллигентному профессору зам – знали только два его умных и надежных друга-писателя – Рувим Фраерман и Костя Паустовский. Они познакомились давно – на московской квартире супругов Фраерманов, где собирались, шутливо называя с легкой руки Гайдара как бы в честь пушкинского «Арзамаса» свои вечера Конотопами - Малыми, Средними и Большими – тогдашние молодые писатели. На Большие Конотопы собиралось, порой, человек двадцать. Шумно веселились молодой гудящей гульбой. И не знали, не ведали, какое время скоро будет на дворе… Только с Рувимом и Костой он говорил как на духу, хотя, впрочем, и с ними не все и не обо всем, - по неписанному кодексу чести все трое старались не отяготить совесть друг друга лишней информацией, которую можно невольно выдать - ведь в подвалах Лубянки ломались почти все.

Три друга – Гайдар, Фраерман и Паустовский, - годами жили в ожидании ареста. Это ожидание стало частью их повседневного существования и одним из стимулов

регулярных побегов из Москвы в Мещерскую сторону под Рязанью, где Паустовский прикупил в деревеньке Солотча, перестроив под дачу, сарай с простым не ухоженным двором. Там они обычно и говорили обо всем, что накопилось в душе, - не прямо, а скорее по касательной, полагаясь на понимание без слов. Охота и рыбная ловля, многодневные походы с ночевкой по окрестным лесам, сбор ягод и грибов – были тут не только отдушиной, но и прикрытием для встреч, когда приоткрывались и залечивались дружеским теплом многие раны. Особенно был он близок с Рувимом – добрым, интеллигентным человеком, написавшим тонкую повесть о первой любви «Дикая собака Динго».
В доносчиках эти люди точно не значились. Значит, Сергей Иванович пополнял картотеку своего слишком точного ума из секретных источников. И ими, источниками, было приказано палить в Гайдара, как и во многих других людей, выделяющихся из массы и, следовательно, имевших влияние на народ, непрерывной очередью, но – пока холостыми патронами. Да народ, собственно, и собирался в народ, когда в нем появлялась соль, которую составляли эти люди. Вот только соль эта была кристально чиста и сияла из неведомой Глубины, растворяя прежнюю соль, лежащую как скорбная память, вдоль русел всех высохших рек, которые когда-то выплакал и не смог забыть потом человек. И именно это-то не устраивало всех любителей вечных соляных столпов.

И не глядя на глядевшего сквозь него в стену, на которой, видимо, вырисовывались какие-то только ему одному понятные узоры, доцента-психиатра с погонами ОГПУ под халатом, у которого, он почувствовал это кожей, задвигались желваки, Гайдар хрипло выпалил:
- Да, Ежов был самый настоящий враг. И я, хлебнув, конечно, для храбрости… да нет, не для храбрости… а для того, чтобы притвориться дураком, спрятать свой рост… ведь..э-э… нарком был ростом не ахти… В общем, я звонил ему из автомата несколько раз. Несмотря на то, что присланный им товарищ после первого же звонка, явившись ко мне ранним утром домой, срезал мой телефонный аппарат и демонстративно унес, перерезав и необходимые для связи провода, а я после этого спал одетый, так как был готов ко всему. Но я наркому, вопреки чьим-то надеждам, не грубил – я тонко разговаривал, как с его величеством тигром. Наверное, это и спасло Лию. С тигром поговорили как с тигром. Признали его могущественность. А могущественный тигр может позволить себя даже маленькие слабости в виде случайно промелькнувшей доброты.
Гайдар устало прикрыл глаза. Он очень обнажился и теперь тяжело дышал, а в горле нарастало удушье. Когда такое случалось не за больничными стенами, он мог даже внезапно выпрыгнуть в окно первого этажа, как это однажды произошло, например, в Перми, во время беседы с редактором газеты, где он тогда работал. Или сломать какие-то вещи, перебить посуду, ударить любого высокопоставленного подлеца и, увы, толкнуть в грудь или оттолкнуть любого друга, который сунется с поучениями.

- Забавно, - обронил зашелестевшим голосом Сергей Иванович, склонив голову к своим бумагам и легкая улыбка, промелькнув змеей, словно юркнула в ровные шаги по осеннему лесу практически не видимого в тумане человека. Доцент оставлял только шум шагов, вот Гайдар и не пытался говорить с ним лицом к лицу, вслушиваясь не столько в слова, сколько в шорохи, - это, наверное, желая спасти наше юное поколение от рыщущих повсюду тигров – увы, устранив деления на антагонистические классы мы не смогли выжечь каленым железом биологическую иерархию с ее борьбой за выживание – вы написали в 1938 году «Судьбу барабанщика»? В основе повести – судьба хорошего и талантливого мальчишки, который катится под откос после ареста отца, когда общество культурно делает вид, что не видит его беды. Мальчишка справляется, так как вы, как автор, проводите его через такие ситуации, которые только закаляют его. К тому же вы ненавязчиво даете советы и другим мальчишкам - уже читателям – как устоять и не сломаться в мире мелькающих чуть ли не за каждым кустом тигриных хвостов. В

официальной редакции отец был арестован за кражу, но мы-то с вами знаем, что вырезала цензура. Невинный человек сел в тюрьму по доносу. И слава Богу, вскоре вышел… Еще бы, ведь автор «Судьбы барабанщика» можно сказать, дал звонок своей трогательной историей на самый верх!.. И это в то время, когда постановлением правительства были разрешены расстрелы детей врагов народа начиная с двенадцатилетнего возраста… А вы заметили, что ваши усилия оценили?
- Да, заметил… Полетели с должностей люди, занимавшиеся в редакции текстом. Были и аресты. А тираж после первого бурного успеха у читателей был изъят из книжных магазинов и библиотек. Я сам ходил по магазинам и пытался спасти, выкупив, хоть что-то. И, простите, тоже спал одетым – ожидал человека, перерезающего тончайший провод связи.

- Ну-ну… Не будьте так мнительны и не благодарны. Все это мелочи. Главное, что в итоге вы, лежа одетым, в конце концов развернули свежий номер «Правды» и увидели свое имя в списке награжденных орденами писателей. Вам тогда дали орден «Знак Почета» - тот, который вы никогда не снимаете. Это, конечно, не орден Ленина, но все же, поверьте, ваше имя не вычеркнули из составленного Фадеевым списка искренне. А какой триумф был потом, когда вся эта мелочь ринулась срочно набирать заново вашу «Судьбу барабанщика». Издатели наперебой принялись заключать договора на переиздание и всех других ваших книг. Они стали не только популярными, но и неплохо оплачиваемыми.

- Вы хотите сказать, что там, наверху, мне, как и герою «Судьбы барабанщика»… э..э… как бы это выразить поточнее… устроили испытание?
- Да, да, дорогой вы наш писатель, именно так. И вы его прошли с честью. Не то что ваш коллега по писательскому цеху некто Пастернак, который, когда ему позвонил Сам, чуть не омочил подштанники не то от страха, не то от подобострастного восторга и так не вступился за еще одного своего коллегу – некого Мандельштама, которому грозил тогда арест. Несмотря на то, что Сам два раза спросил его: «Как нам быть с Мандельштамом? Посоветуйте нам что-нибудь. Ведь он ваш товарищ». Но Пастернак был так экзальтирован, что ответил: «Вам виднее. Я просто хочу говорить с вами, товарищ Сталин». Этот неприличный разговор не оставил никакого следа в душе Главного. А вы – вы давали звонки наверх сами, причем неоднократно. Вам вообще очень подходит это звонкое слово «Товарищ».

Теперь был несколько экзальтирован Сергей Иванович – Гайдар улавливал это по треску сухих веток у того под ногами в его туманном лесу. Видимо, кое-что из сказанного было правдой. Этот кем-то инспирированный спектакль включал в себя не только испытания кнутом и пряником, - а в пряниках была прописана и обязательная лесть, - но и крупицы правды, которую Гайдар привык чисто по-военному машинально отмечать.
Как ответить на эту куцую правду – способной хлынуть как кровь из горла правдой своей? И стоит ли вообще отвечать тигру, случайно оказавшись с ним у водопоя накануне большой засухи, когда, по законам джунглей, объявляют временное перемирие? Такой большой засухой была надвигавшаяся неизбежная война, и тигр был вынужден обзаводиться союзниками.
Нет-нет, стоп!.. Не нужно сдавать себя с потрохами тигру. И других через эту комом идущую изнутри свою правду – подставлять под удары непредсказуемой судьбы под лапой коварного и непредсказуемого тигра – тоже не следует! Но все-таки ответить надо, и ответить как следует. Беря огонь на себя, но отбежав в сторону, противоположную от ни в чем не повинных людей.
- Слово «товарищ» вообще-то не звонкое, а твердое, - сказал он, приподнявшись рывком на локте и метнув свой взгляд в глаза несколько отстранившегося и сжавшего губы Сергея Ивановича, - я понимаю про испытания и все прочее… Социализм не устранил

человеческую подлость и именно это и стало камнем преткновения для коммунистов старой, не ленинской закалки. Троцкий даже собирался физически устранить крестьянство как вид, так как понял, что инстинкт собственника у этой категории советских граждан не устраним в принципе. Но с этим надо было жить дальше – с этой внезапно открывшейся правдой про то, что с улучшением и уравниванием условий материального существования люди не становятся лучше автоматически. Ленин это понял, и поэтому ввел нэп, хоть после этого и повылазило изо всех щелей попрятавшееся от лихих кавалерийских атак мещанство. Я сам был в революцию кавалеристом. И поэтому тоже тогда понял: эту дрянь из человека саблями не выкорчевать. Людские души поднимает и зовет в высоту чистой и свободной жизни только благородство. Благородство – это единственная суть, которая скрывается под одеждами мнимой сложности любой религии, в той числе нашей, которая зовется «коммунизм». Одежды привлекают обывателей и экстремистов, а людей доброй воли – зовет ввысь суть с ее полетом духа и непочатым краем работы. У нас же некоторые товарищи, вроде того же так сильно преткнувшегося товарища Ежова, по-прежнему веруют в кавалерию Троцкого, хоть на словах и открестились от троцкизма. Вместо того, чтобы зажигать души слабых людей собственным благородством, они запугивают их, обращаясь в оборотней в погонах. Так удобней – просто безжалостно вырывать плевелы в самом зачатке. Не отставляя тем самым шанса пойти в рост настоящему хлебу вместо какой-то куцей, опасливой, уравненной, пресной, и, вероятно, лишенной подлинной питательной ценности пшеницы…А знаете… эти горе-троцкисты в конце концов так слепнут, что уже совсем перестают видеть новый день и народившихся новых людей. Как тот пугающий соседей по даче прогулками по саду с маузером и саблей старый дед-инвалид, которого изображает на сцене любительского театра в «Тимуре и его команде» дядя Тимура Георгий. Я, пожалуй, даже процитирую по памяти:

«Георгий и Ольга стояли на подмостках, такие простые, молодые и веселые, что Жене захотелось обнять их обоих.
Но вот Ольга накинула ремень на плечо.
Глубокая морщина перерезала лоб Георгия, он ссутулился, наклонил голову. Теперь это был старик, и низким звучным голосом он запел:

Я третью ночь не сплю. Мне чудится все то же
Движенье тайное в угрюмой тишине,
Винтовка руку жжет. Тревога сердце гложет,
Как двадцать лет назад ночами на войне.
Но если и сейчас я встречуся с тобою,
Наемных армий вражеский солдат,
То я, седой старик, готовый встану к бою,
Спокоен и суров, как двадцать лет назад.

- Ах, как хорошо! И как этого хромого смелого старика жалко! Молодец, молодец... - бормотала Женя. - Так, так. Играй, Оля! Жаль только, что не слышит тебя наш папа».

Если вы припомните, - когда после подвига Павлика Морозова в нашей литературе началась компания по массовому производству Павликов, меня тоже попросили написать повесть об очередном Павлике Морозове. Что было сигналом большого доверия и большой ответственности. Я назвал ее «Синие звезды», но после командировки в родное село настоящего Павлика – запил и повесть забросил, несмотря на то, что ее начало уже печатали в «Пионере». В дневнике я записал: «Очевидно,"Синие звезды"должны быть закрыты тучами». А в «Пионер» написал: «И вообще: никаких кулацко-вредительских

сенсаций! Довольно плакать! Это пусть Гитлер плачет ... ". К счастью, меня оставили в покое.

- Я понял вас, господин Д,Артаньян из Арзамаса, - сказал Сергей Иванович, переставший изучать узоры на невидимой стене, так как был пойман в петлю взгляда человека, которого это он должен был поймать, отчего в голосе его появились сердитые властные нотки, - Что ж вы тогда сразу после того как «Пионерская правда» начала печатать «Тимура и его команду», сбежали в свой Клин под крыло к двум женщинам – жене и маленькой приемной дочери, вылили под забор чернила, закопали ручки и перья и повестили объявление на забор: «Здесь живут охотники и рыбаки, а писатели здесь не живут?». Так сильно струхнули на сей раз, ожидая прихода срезающего провода человека?..
- Нет. Признаюсь – просто устал. Я понял тогда, что все равно вы, взрослые люди, в Тимура не поверите и тоже со временем выкорчуете его с нашей почвы путем привития к культовым сортам пшеницы. Обяжете постоянно держать, как штангу на плечах, свое твердое слово – то, какое подсказывает партия. А ведь он и так умеет держать твердое слово, держать до последнего, пока оно не станет комом под тяжелым-тяжелым камнем. Жалко мне стало Тимура. Вот так.

- У вас богатое воображение и причудливые ассоциации. Ну, это и понятно – вы человек не здоровый. Фрейд бы сказал, что это последствия детских травм.
- А разве Фрейд уже перестал быть представителем чуждой нашему духу буржуазной науки? Неужели вы и к Фрейду меня привьете?.. Ей Богу, не ожидал!
- Ну, это он для вас буржуазный, а мы, специалисты, читаем все. Поскольку безличны.
- Безличны?.. Это как?

- Мы не руководствуемся эмоциями и субъективными пристрастиями. Мы делаем дело. Только дело. Только и всего. И поверьте: только в белых перчатках его не сделать. Поэтому извольте выслушать мнение специалиста – вам испортила жизнь не война, куда вы в первый раз сбежали в русско-германскую войну на фронт к отцу, будучи еще совсем ребенком, - тогда вас вернули с дороги, - а ваша мать. Склонная, как и вы, к экзальтации и неожиданным поступкам, она воспитывала вас как анархиста. Вы не усвоили никаких ограничений внешней и внутренней среды, так как с вами с пеленок говорили как с равным и показывали вам жизнь такой, какая она бывает лишь в сказках об Аркадии, волшебной стране волшебного рая, где люди просты и нелукавы, как боги. Но Бога, дорогой любитель всяческого волшебства, попросту нет. Поэтому кто-то должен делать на Земле его черную работу: отделять похожих на лягушек людишек от их болотной грязи и мыть их, мыть. Промывая в том числе и мозги.

- Не как боги, а как дети…
- Что-что?..
- Уже ничего… Ладно, проехали. Уважаемый товарищ, мне даже стало жалко вас почти так же как Тимура. Ведь вы даже представить не можете, насколько у меня была хорошая мать и каким подарком судьбы был мне отец. Они дали мне прекрасное воспитание и образование, и это действительно им я всем в себе обязан. Моя мать, Салькова Наталья Аркадьевна, дворянка из обедневшей семьи, дальняя родственница М. Ю. Лермонтова и Голиков Петр Исидорович, внук простого крепостного крестьянина – записывайте, записывайте, я сразу перевожу на язык протокола… они оба были учителями. Отец учительствовал после окончания семинарии, а мать окончила учительские курсы. Хоть их участие в революционных выступлениях 1905 года и перекрыло им потом путь в тогдашние школы, и мать, окончив фельдшерские курсы, в дальнейшем стала работать по

этой линии, а отец - стал заниматься акцизным делом. В общем, мои мать и отец поженились вопреки воле отца моей матери и социальным предрассудкам. И - слава Богу! - которого, вероятно, нет в небесах, поскольку он превратился в человека и человек теперь ходит по Земле как по Аркадии, требуя своего – чистого и возвышенного, духовно радостного бытия!.. В нашем доме – такая чистая жизнь окружала меня с раннего детства, нет, даже с младенчества. Я, собственно и родился во все это - звучали стихи и музыка, читались всей семьей вслух книги, рассказывались в живых красках истории из самых разных областей человеческой жизни, включая науку и искусство, и как-то само собой, непринужденно, делались все самые необходимые в быту дела. И, конечно же, мы, дети, много играли, и родители не чинили нам препятствий, предохраняя нас только от чрезмерного, жестокого баловства. Культура человечества была для нас, четверых детей, не сухой конструкцией из учебников, а таинственной Книгой, преподаваемой нам, любопытным и жадным до всего живого, прирожденными родителями-педагогами, которых мы уважали не просто по привычке. Мы тоже были уважаемыми людьми. Нас уважали наши родители - любящими нас и друг друга люди с тонкой душой. Я действительно был с младых ногтей Д,Артаньяном, который с великой охотой опекал своих трех маленьких сестер, не гнушаясь и работой по хозяйству, с которыми оставался по вечерам, когда мать уходила на дежурства. Поэтому анархистом, как вы изволили выразиться, я не был. Я был естественно ответственным человеком. Это чувство естественной ответственности и естественный, ничем тяжелым не придавленный ум помогали мне потом всю жизнь быстро ориентироваться в событиях, поэтому уже в тринадцать лет я писал на фронт отцу не мыслимые с точки зрения других взрослых и других детей, выросших в ежовых рукавицах, письма, спрашивая про тогдашнюю войну так:

"Милый, дорогой папочка!
Пиши мне, пожалуйста, ответы на вопросы:
1. Что думают солдаты о войне? Правда ли, говорят они так, что будут наступать лишь только в том случае, если сначала выставят на передний фронт тыловую буржуазию и когда им объяснят, за что они воюют?
2. Не подорвана ли у вас дисциплина?
3. Какое у вас, у солдат, отношение к большевикам и Ленину? Меня ужасно интересуют эти вопросы...
4. Что солдаты, не хотят ли они сепаратного мира?
5. Среди состава ваших офицеров какая партия преобладает? И как вообще они смотрят на текущие события?.. Неужели - "Война до победного конца", как кричат буржуи, или "Мир без аннексий и контрибуций"?..
Пиши мне на все ответы, как взрослому, а не как малютке".

- Ну чего же вы врете, дорогой пятнадцатилетний капитан. Даже в этой истории болезни имеются сведения о том, что когда и отец, а потом и вы ушли на фронт, Наталья Аркадьевна уехала из Арзамаса в Туркестан, как тогда говорили – « с сахарозаводчиком», оставив своих трех еще несовершеннолетних дочерей на попечение дальней родственницы. А на самом деле – фактически без попечения. Вначале, правда, она обосновалась в Семиречье, приехав туда с дочерями Олей и Катей. Но дети скоро возвращаются в Арзамас, а мать едет в Киргизию – к месту новой работы в Пржевальске. Там она, правда, много и честно работала в должности заведующей Губздравотделом, командированная туда с помощью «своего сахарозаводчика» - председателя Пржевальского Угорревкома Александра Федоровича Субботина. Занимая одновременно должность секретаря Пржевальского Угоревкома. Там же, в Средней Азии, она подхватила скоротечную чахотку и скончалась на лечении в Крыму, в Алупке, где и была

похоронена. А вы согласились с ней встретиться и смогли простить ее только когда она уже была неизлечимо больна. Вы тогда приехали к ней в санаторий. И что удивительней всего, она, сама, фактически, и вытолкнувшая вас мальчишкой на фронт, пристроившая вас, четырнадцатилетнего гимназиста, выгнанного из гимназии за отказ сдать отцовский маузер, адъютантом командира местного рабочего батальона и потом упросившая того взять вас с собой в армию, когда его вдруг назначили начальником охраны всех железных дорог новой республики – она и перед лицом смерти истово напутствовала вас и дальше не щадить живота за Родину и Советскую власть. Конечно же, этот порыв сам по себе прекрасен, но в этом было что-то истерическое, вам так не кажется?
«Два с половиной года прошло с тех пор, как я порвал всякую связь, мой друг, с тобою. За это время я не получил ни одного письма, ни одной весточки от тебя, мой славный и дорогой папа… Я ушел в армию совсем еще мальчиком, когда у меня, кроме порыва, не было ничего твердого и определенного. И, уходя, я унес с собой частицу твоего миропонимания и старался приложить его к жизни, где мог… ».
Это письмо к отцу, написанное вами в 1923 году, хранится, конечно, не в этой, а в более углубленной истории вашей болезни. Вы кому тут рассказываете сказки?..

- А жизнь вообще на своей глубине протекает в виде сказки. Только не все могут до нее донырнуть.
- Вы-то, полагать, донырнули. А нам что прикажете делать – все нырять и нырять, глядя сразу в обе стороны – реалистическую и сказочную - и мешая правду с выдумками, чтобы лечиться потом в психиатрических клиниках?
- Да, именно так – глядеть двуглавым орлом сразу в обе стороны. Это с древней поры хорошо умеют русские, у которых за спинами трех богатырей стоит тщательно ими оберегаемый главный, четвертый богатырь – Иван Дурак. А про родителей своих я вам скажу так: я сожалею, что я осуждал их. С годами я кое-что понял. Человека ломает рок событий, когда он мчит неведомо куда. На этом несоответствии ожидаемого и реального - многие сбиваются с пути, - особенно люди степенные, в годах. Поэтому им обязательно должны помогать младшие. Ученики должны помогать учителям уяснить то новое, что появилось в жизни за ее очередным поворотом, а дети – должны помогать родителям прежде всего в этом, внутреннем смысле. А я об этом не позаботился. Я должен был хотя бы писать с фронта письма, где бы подробно описывалось наше коммунистическое движение в его подлинной, не замутненной демагогией сути. Ведь мои родители были хорошими родителями и учителями, а, следовательно, сумели воспитать сына-ученика, который превзошел их. Только тот учитель велик, у кого ученики прошли чуть дальше, чем он. И в этом смысле моих родителей, - я на это очень надеюсь, - можно поздравить с победой. Но в одном я дал промах – я не стал им вовремя, когда они осиротели в своих мыслях и чувствах и растеряли душевную теплоту, из-за чего и ринулись восполнять ее на стороне – отцом и учителем, то есть настоящим Другом… Не забывайте также, что у меня в Арземасе был еще один хороший учитель – учитель словесности Галка… Ну, вы читали, наверное, мою «Школу»… Учитель Галка сильно меня продвинул. Это он – Николай Николаевич Соколов – приоткрыл передо мной деятельность большевистского подполья. Я даже нашел его, уже став взрослым, чтобы показать свою первую повесть «В дни поражений и побед», услышать его мнение и поблагодарить. Но он принял меня сухо. Он не понял моего направления.

- Послушайте – да это вы просто потрясающий демагог! Вы вывернетесь из любой ситуации, выворачивая все наизнанку!
- Не забывайте поглядеть и в другую сторону. Там вы заметите, что мать очень заботилась обо мне, когда просила красного командира взять меня на фронт. Товарищ Еремин был хороший и теплый, осторожный дядька. И мать надеялась, что при нем я, может, и не пропаду. Ведь знала – все равно сбегу на фронт.

- Всех обманув - прибавив себе два года. И став комполка в пятнадцать лет.
- После командирских курсов, и, причем, не одних. Про это тоже необходимо помнить. Как и про то, что в те годы грамотный человек в отряде был такой редкостью, что на возраст тут не смотрели.

- Ну хорошо, допустим… А чего ж вы тогда сами всю жизнь мыкались по бабам? Чего это у вас нормальная семья сложилась только в тридцать восьмом - с этой – тоже еврейкой – Дорой Матвеевной Чернышевой, дочкой владельца обувной фабрики? Говорю «тоже», - потому что Лия Соломянская, как известно, огорчала вас своей природной меркантильностью. Она ушла к настоящему еврею – такому, какой не косит под дурачка и умеет обеспечивать. Поэтому и сына старалась от вас оградить, к тому же и не вашего сына… Ваш-то сын Женя, родившийся от первой вашей гражданской жены Маруси Плаксиной, умер еще совсем младенцем. А все остальные ваши дети были приемными. И маленькие дочери вашей другой, после не оформленного официально развода с Соломянской, гражданской жены, тоже детской писательницы Анны Трофимовой – Света и Эра. От которых впоследствии, когда два детских писателя, устав от своего богемного житья-бытья, разбежались, вас тоже фактически оторвали. И только теперь вот – обрели дочь Женю, опять приемную. Правда, вы строго-настрого приказали всем говорить ей, будто вы – ее настоящий отец.

- А все на свете дети – она вообще-то, - так уж и быть – выдам вам военную тайну – мои…
- Ого, какое самомнение! Впрочем, иного я и не ожидал.
- Погодите глядеть в одну сторону. Ведь я и в самом деле - поганный отец. Я увидел своего сына Тимура только в двухлетнем возрасте. А до того я просто жил один, уйдя с головой в работу, и не торопился ехать в Архангельск, где жена, родив, осталась жить у родственников. Я почему-то был уверен, что сын был не мой, так как по моим подсчетам, не мог стать отцом, будучи в поездке по Средней Азии. Но я просчитался – ребенок, видимо, просто родился немного недоношенным. И это все, что я имею сообщить вам о своей личной жизни.

- Глупый позер!.. Но - ваше счастье, что признались. Мы-то все это знаем.

- Все, все! Хватит! Я прерываю эту дуэль! Больному необходим отдых, а моего заместителя еще ждут другие пациенты, а их тут – пруд пруди, - внезапно вскричал еще один еврей – профессор Абрам Моисеевич. Он взволнованно водрузил на нос очки, которые чуть не протер до того до дыр, хмуро прислушиваясь к звенящей натянутым как через обрыв нервом практически бесконечной беседой. Поднявшись, он с шумом отодвинул стул и слабо махнул в коридор какой-то маячащей в темноте тени. – Сестра, где вы там?.. Микстуру больному!
Поднялся рывком, красиво отведя свой стул назад, и спешно приходящий в свой невозмутимый вид Сергей Иванович. Из колючих и в то же время округлившихся и опечалившихся его глаз, за которыми внезапно обнажилась зияющая бездной пустота, все еще сыпались черные, как угли, искры. Эта обнаженность повергла его на доли секунды в растерянность и смятение – казалось, что он вот-вот провалиться внутрь себя: в тот самый провал, который привык готовить другим. Поэтому собравшись в одну точку, напружинившись, он почти бегом направился к выходу и уже с порога, круто обернувшись, еще раз колюче посмотрел на Гайдара.

Но вдруг на лбу его обозначилась складка, а взгляд опять опечаленно погрузился в туман и нащупал стену.

Он снова расслабился, как налившись силой, и на губах проступила привычная, как галстук-бабочка, едва приметная полуулыбка.

Он хотел было сопроводить это возвращение в панцирь некой назидательной колкостью в адрес Гайдара. Но почему-то передумал и, горько махнув рукой, в сердцах сказал:
- Ладно, Аркадий Петрович! Буде!.. Блаженные нам тоже нужны.
И только теперь – вышел.
За ним, не оглядываясь, грузно протопал профессор.
А медсестра с мензуркой, вбежав в палату, в мгновение ока с профессиональной сердобольностью напоила Гайдара лекарством с хорошо знакомым вкусом, от которого внутри разливалось потом час-другой влажное спокойствие и в нем можно было немного отдохнуть.

А это означало, что Капитан Немо мог вести свой корабль дальше.

Он мастерски справился с задачей – посол недоброй воли сошел с его борта, так и не добившись своего. Он не смог опрокинуть его журавленка на спину и подчинив своей воли, погрузить в царство мертвящего ледяного панциря. Да, к тому же, разговор крутился только вокруг него одного, и имена других людей – его родных, друзей и коллег, остались не затронутыми. Упоминались лишь жены, да и то, в контексте его перед ними вины.

И еще упоминались дети – а от этого у него холодела кровь.

Как долго сможет продержаться его журавель? Ведь судя по всему, настоящие холода еще и не начинались.
Значит, необходимо разогревать чужеродную среду, в которой плавало сейчас журавленком его сбивчивое сердце - собственной кровью. Другого выхода нет.

А сердце питать – влагой воспоминаний.

Надо бы перебить лезущую в голову муть, подтачивающую и сосущую его изнутри все нарастающей беспробудной тревогой, - чем-то, что придает силы, а не слабость.

Но как нарочно, накатила волна жалости к себе – вспомнились разом все свои непутевые женитьбы и романы. И сморщенное личико умершего младенцем Женьки тоже явственно встало из никогда не умолкающей, нашептывающей упреки памяти. Вместе с заплаканными глазами ясноглазой Маруси – его первой большой любви, которая, потеряв сына, потеряла и доверие к не уберегшему его такому же юному, как она, отцу, носившемуся тогда по фронтам. После чего, помыкавшись года два в Арзамасе у его матери, навсегда уехала от него, находившегося в это время на фронте.

И немудрено – когда родился Женька, молодоженам едва исполнилось шестнадцать.

Но, пожалуй, только одна Маруся и понимала его – только с ней у него было внутреннее сходство.

Дора понимает его по-другому – по доброте душевной из-за всех сил стараясь понять. И – принимая то, чего понять не в силах. Наверное, это сейчас самое лучшее для него.

Но все-таки нет подлинного соприкосновения какими-то внутренними гранями – очень тонкими гранями – какими-то хрустальными.

А с Марусей это было.

И он – повсюду искал потом Марусю.

И в Лие Соломянской, пока она была семнадцатилетней комсомолкой и с удовольствием отдавалась активистской работе – это она, озорная темноволосая девчонка, организовала первую в Перми пионерскую газету «Муравей-чудодей», и при этом была слушательницей совпартшколы - он поначалу тоже увидел Марусю.

А когда начал прозревать вылезшую из нее, как из куколки, взрослую особь иной породы, – стало уже поздно.

Он уже привык к Лие и упорно продолжал думать о ней как о юной и трогательной, искренней, идейной и романтичной комсомолке. Тем более, что она была талантливой личностью – недаром же ей потом в Москве доверили редактировать «Пионерскую правду».

То, что Лия эту комсомолку, вероятно, сбросила с себя, как лягушачью шкурку, еще, вероятно, с выпускным платьем, он в расчет не брал практически до того дня, когда она объявила спустя пять лет после их настоянной на скандалах брачной жизни, что уходит к другому. И увезла к тому, другому, его сына, продуманно умыкнув Тимура в машину прямо на вокзале.

Но он не посмел бороться за то, чтобы оставить у себя Тимура, с которым они обожали друг друга – он помнил, как был виноват перед Лией и сыном из-за своей гордости. Оставив жене их комнату в коммуналке, он ушел мыкаться по чужим углам и только в 1938 году писательская организация предоставила ему другую комнату – в мрачноватом Большом Казенном переулке, к которой он так и не привык.

Откуда вскоре он перебрался на свое счастье в Клин, где и встретил Дору с Женькой – дочь и внучку хозяина дома, у которого пришлось снять комнату, лишь бы быть подальше от Кремля и соседей-стукачей.

Он тут же удочерил маленькую Женю и даже попросил сказать ей, что он – ее биологический человек. Ведь совсем недавно, когда они разбежались с неплохой, но тоже далекой от него Аней Трофимовой, он лишился своих приемных дочерей Эры и Светы. И очень хотел, чтобы больше никто никогда не посмел оторвать от него детей под предлогом отсутствия кровного родства. Как он ненавидел этот варварский приоритет родства по крови над родством душ!..

А ведь все могло бы в его личной судьбе сложиться иначе, если бы Рита тогда выбрала его… Быть может – сложилось бы иначе.

Это была его очередная сказка, которая грела ему душу, когда это было крайне необходимо. И он сам понимал это. И, тем не менее – продолжал верить в некую Риту в Рите. В большую и хорошую, настоящую Риту – в той, маленькой, которая встретилась ему на дорогах судьбы, показавшись большой.

Похоже, что этот мыслитель-хирург, работающий с душой без перчаток, - Сергей Иванович – упустил из его биографии Риту.

Да и вряд ли могло быть иначе – Гайдар даже близких друзей, включая Рувима с Костой – не допускал до своей личной жизни и выудить не то что подробности, а просто имена всех его женщин – их, вопреки байкам, было не так уж много, а сам он, кроме Маруси, вспоминал только одну – опричникам было неоткуда.

Но загвоздка была в том, что именно историю с Ритой он сам изобразил почти такой, какой она и была, в своей повести-хронике «Рыцари неприступных гор». (Это потом редакторы обратили с его легкого, прекраснодушного соглашательства в мелочах – рыцарей в всадников).

Позже он уже не интересовался своим ранними, - сырыми и сумбурными, на взгляд состоявшегося мастера – повестями, и не переиздавал их. Из них он считал относительно сильной лишь «Жизнь ни во что», - но и ее тоже в дальнейшем не включал в свои новые сборники.

Но «Рыцари» были ему дороги как страницы личного дневника, где он так обнажился, что стоял практически без прикрас, - как человек среди бьющих его ветров. Так, как и стоят обычно люди, пока не лягут в землю.

Странно, что легшую в основу повести историю любви все языки – и добрые, и злые – как сговорившись, обошли стороной. Всем запомнилось только то, что он, получив гонорар за «Жизнь ни во что», отдал в редакцию полную авторскую версию повести «Р. В. С.», напечатанной до того в сокращении – как рассказ – ленинградским журналом «Звезда», и в марте 1926г вместе с тогдашним своим другом Николаем Трофимовым уволился из пермской «Звезды». После чего они рванули вдвоем в авантюрное путешествие по Средней Азии - не имея ни соответствующих средств, ни сноровки, ни даже лишнего костюма. И как вернулись потом в середине лета исхудалые, вдрызг обтрепанные, так как ночевали на улице, пока зарабатывали на обратную дорогу. Причем, вернулись порознь и с той поры раздружились.

А про то, что их было не двое, а трое – про это как-то дружно забыли.

Еще бы – ведь тогда Гайдар и Лия были уже женаты, а третьей путешественницей была женщина. Тем более, что, вернувшись из поездки, он узнал, что Лия беременна. Хотя до отъезда он прямо сказал ей, что подаст по возвращении на развод, так как полюбил другую. Их последняя супружеская ночь должна была действительно стать последней – об этом они договаривались… Оба они как будто поняли, что слишком разные и, как тогда казалось, окончательно потеряли надежду сойтись внутренне.

Тогда он был насчет Лии трезв как никогда. Он не цеплялся за Марусю в ней, так как переселил воображением художника свою легендарную Марицу - Марусю в другую женщину.
Той же, другой, он хотел подарить всего себя на просторах далекой земли.

Но не как сказитель Шахерезаде - очередную сказку древности.

В Самарканде, где лежал в гробнице воитель древности Тимур, заря новой советской жизни только занималась.

Там, вероятно, все еще было как встарь – новое мешалось со старым, прорастая из него, из старья, к чему-то такому, чего еще не учли и не охватили планами бюрократы.

Там можно было догнать прежнюю весну, оставив позади вместе с российскими вокзалами лютующие перед оттепелью последние морозы. Догнать – или, что точнее, сделать во времени петлю, обогнать, соскочив на некий короткий период с мчащегося в будущее локомотива истории.

Там, как ему чудилось, небо было высоким, а земля бескрайней.

И повсюду – ходило величественными семимильными шагами словно никогда не заходящее солнце.

… Прикрыв глаза, он отчетливо увидел качающийся над ним терпким дубовым листком текст своих «Рыцарей» - самое начало:

«*Вот уже восемь лет, как я рыскаю по территории бывшей Российской империи. У меня нет цели тщательно исследовать каждый*
закоулок и всесторонне изучить всю страну. У меня просто — привычка. Нигде я не сплю так крепко, как на жесткой полке качающегося вагона, и никогда я не бываю так спокоен, как у распахнутого окна вагонной площадки, окна, в которое врывается свежий ночной ветер, бешеный стук колес, да чугунный рев дышащего огнем и искрами паровоза. И когда случается мне попасть в домашнюю спокойную обстановку, я, вернувшийся из очередного путешествия, по обыкновению, измотанный, изорванный и уставший, наслаждаюсь мягким покоем комнатной тишины, валяюсь, не снимая сапог, по диванам, по кроватям и, окутавшись похожим на ладан синим дымом трубочного табака, клянусь себе мысленно, что эта поездка была последнею, что пора остановиться, привести все пережитое в систему и на серо-зеленом ландшафте спокойно-ленивой реки Камы дать отдохнуть глазам от яркого блеска лучей солнечной долины Мцхета или от желтых песков пустыни Кара-Кум, от роскошной зелени пальмовых парков Черноморского побережья, от смены лиц и, главное, от смены впечатлений.
Но проходит неделя-другая, и окрашенные облака потухающего горизонта, как караван верблюдов, отправляющихся через пески в далекую Хиву, начинают снова звенеть монотонными медными бубенцами. Паровозный гудок, доносящийся из-за далеких васильковых полей, чаще и чаще напоминает мне о том, что семафоры открыты. А старуха-жизнь, поднимая в морщинистых крепких руках зеленый флаг — зеленую ширь бескрайних полей, подает сигнал о том, что на предоставленном мне участке путь свободен.
И тогда оканчивается сонный покой размеренной по часам жизни и спокойное тиканье поставленного на восемь утра будильника.
Пусть только не подумает кто-либо, что мне скучно и некуда девать себя и что я, подобно маятнику, шатаюсь взад и вперед только для того, чтобы в монотонном укачивании одурманить не знающую, что ей надо, голову.
Все это — глупости. Я знаю, что мне надо. Мне 23 года, и объем моей груди равен девяносто шести сантиметрам, и я легко выжимаю левой рукой двухпудовую гирю. Мне хочется до того времени, когда у меня в первый раз появится насморк или какая-нибудь другая болезнь, обрекающая человека на необходимость ложиться ровно в девять, предварительно приняв порошок аспирина, — пока не наступит этот период, как можно больше перевертеться, перекрутиться в водовороте с тем, чтобы на зеленый бархатный берег выбросило меня порядком уже измученным, усталым, но гордым от сознания своей силы и от сознания того, что я успел разглядеть и узнать больше,чем за это же время увидели и узнали другие.

А потому я и тороплюсь. И потому, когда мне было 15 лет, я командовал уже 4-й ротой бригады курсантов, охваченной кольцом змеиной петлюровщины. В 16 лет — батальоном. В 17 лет —пятьдесят восьмым особым полком, а в 20 лет — в первый раз попал в психиатрическую лечебницу».

Фраза о больнице заставила его открыть глаза и он словно впервые увидел эти хорошо знакомые стены, недавно покрытые свежей масляной зеленой краской – как что-то близкое и в то же время далекое. Это действительно была его каюта, его Самаркандский сад. Почему бы «Наутилусу», который бороздил не только океанические глубины, но и раздвигал своим ходом полярные льды, не проникнуть теперь вглубь пустыни? Это – махина широкого профиля!

Поднявшись, он зачарованно сделал шаг, потом другой… И словно ощутил в ладонях уже не трясущихся рук, поднеся их к глазам – нежные лепестки урюка.

Как все-таки хорошо, что он не поехал тогда в Париж, где собирался не только отдохнуть от редакционных забот и от раздумий над судьбой Лбова и лбовщины, но и развеять дурман своего неудавшегося брака. Он любил дальние страны также и за их способность гасить миражи. С этой задачей, пожалуй, справился бы и Париж. Но Гайдар не обрел бы тогда в своем сердце Азию. То есть не прибавил бы к своей земле того нового, что узнал и увидел за глупыми пределами из мелочей, растущих сорняками из чьих-то личных, включая его собственные, амбиций. Вот это была бы – потеря потерь!..

«Я решил уехать за границу. Две недели для практики я изъяснялся со всеми, вплоть до редакционной курьерши, на некоем
языке, имеющем, вероятно, весьма смутное сходство с языком обитателей Франции. И на третью неделю я получил в визе отказ.
И вместе с путеводителем по Парижу я вышвырнул из головы досаду за неожиданную задержку.
— Рита! — сказал я девушке, которую любил. — Мы поедем с тобой в Среднюю Азию. Там есть города Ташкент, Самарканд, а также розовый урюк, серые ишаки и всякая такая прочая экзотика. Мы поедем туда послезавтра ночью со скорым, и мы возьмем с собой Кольку.
— Понятно, — сказала она, подумав немного, — понятно, что послезавтра, что в Азию, но непонятно, зачем брать с собой Кольку.
— Рита, — ответил я резонно. — Во-первых, Колька любит тебя, во-вторых, он хороший парень, а в-третьих, когда через три недели
у нас не будет ни копейки денег, то ты не станешь скучать, пока один из нас будет гоняться за едой либо за деньгами на еду.
Рита засмеялась в ответ, и, пока она смеялась, я подумал, что ее зубы вполне пригодны для того, чтобы разгрызть сухой початок
кукурузы, если бы в том случилась нужда.
Она помолчала, потом положила мне руку на плечо и сказала:
— Хорошо. Но пусть только он на все время пути выкинет из головы фантазии о смысле жизни и прочих туманных вещах. Иначе мне все-таки будет скучно.
— Рита, — ответил я твердо, — на все время пути он выкинет из головы вышеозначенные мысли, а также не будет декламировать
тебе стихи Есенина и прочих современных поэтов. Он будет собирать дрова для костра и варить кашу. А я возьму на себя все
остальное.
— А я что?

— А ты ничего. Ты будешь зачислена «в резерв Красной Армии и Флота» до тех пор, пока обстоятельства не потребуют твоей
посильной помощи.
Рита положила мне вторую руку на второе плечо и пристально посмотрела мне в глаза. Я не знаю, что это у нее за привычка заглядывать в чужие окна!
— В Узбекистане женщины ходят с закрытыми лицами. Там цветут уже сады. В дымных чайханах перевитые тюрбанами узбеки
курят чилим и поют восточные песни. Кроме того, там есть могила Тамерлана. Все это, должно быть, очень поэтично, — восторженно
говорил мне Николай, закрывая страницы энциклопедического словаря.
Но словарь был ветхий, древний, а я отвык верить всему, что написано с твердыми знаками и через «ять», хотя бы это был
учебник арифметики, ибо дважды и трижды за последние годы сломался мир. И я ответил ему:
— Могила Тамерлана, вероятно, так и осталась могилою, но в Самарканде уже есть женотдел, который срывает чадру, комсомол,
который не признает великого праздника ураза-байрам, а потом, вероятно, нет ни одного места на территории СССР, где бы
в ущерб национальным песням не распевались «Кирпичики».

И убежал Моисей, после того как во время его попытки разнять дерущихся - обижающий ближнего оттолкнул его со словами «Не хочешь ли ты убить меня, как вчера убил египтянина?!».
Он убежал в пустыню Мадиамскую. И встретив там ефиоплянку, женился на ней.
Этот достопочтенный человек, всегда шедший против течения, не смирялся ни с чем мелким, пошлым, общепринятым и, якобы, - только потому – общеобязательным. Об этом Гайдар помнил еще с гимназических уроков Закона Божьего - он перекладывал тогда в своем воображении библейские истории, которые рассказывал монотонным голосом учитель, на понятный человеческий язык.
Сейчас Гайдар с удовольствием бы пожал ему руку через вечность!
И тогда – он тоже хотел протянуть Рите руку – нет, обе руки! – подав вторую Николаю – на весь белый свет, который можно обозреть, как площадку для грядущего взлета в еще более глубокий и широкий мир, который еще предстоит построить, - уехав далеко-далеко, на самый край мира.
Этот новый мир дул им в лицо теплым попутным ветром даже когда они, уже хлебнув приключений в Самарканде, покачивались, видя каждый - свои таинственные сны – в вагоне мчащегося сквозь ночь дальше – теперь в Бухару – поезда. Поэтому вор с легкостью оставил их без чемодана, а они – оставили в душах других пассажиров и проводника – впечатление странных и несерьезных людей, про которых не поймешь - жалеть их или ругать. Уж слишком легко они отнеслись к потере. Гайдар и Рита, разбуженные обнаружившим пропажу Николем, просто переглянулись и Рита, обозвав их для порядка идиотами, просто повернулась на другой бок – смотреть сон дальше. Встретившись взглядами, они тут же отпустили все эти волнения. И только бдительный Николай, вероятно, по причине того, что не успел бросить между ними клинок взгляда своего, некоторое время громко возмущался и чем-то грозил путевому начальству, которое устроило потом форменный допрос всем потерпевшим и свидетелям. Но чемодан, это было понятно с самого начала, им в результате этих хлопот никто не вернул.
Когда Гайдар впервые заметил этот отравленный клинок?
Увы, не сразу… Он еще очень долго, да практически до конца, полагал, что Николай просто слегка ревнует, но, в общем-то, это настоящий товарищ – ведь они когда-то служили в одном полку и ходили вместе в дозор. Хотя любой здравомыслящий человек попросту расхохотался бы, узнав, что он пригласил в поездку с любимой женщиной,

которой собирался сделать предложение, ее другого воздыхателя. Ведь то, что Николай, не смотря на то, что у Риты и Гайдара уже были отношения, был по-прежнему влюблен, хотя Рита и не давала ему повода надеяться на что-то, кроме дружбы, знал даже Гайдар. Так на что же надеялся Гайдар?
На дальние страны, смывающие с глаз настоящих людей их иллюзии и вливающие в их грудь ветер странствий.
Странниками надо входить в эту великую, смелую жизнь, странниками-великанами. Безжалостно выметая сор из собственных душ.
Так он полагал.
Поэтому он верил в Николая и как бы протягивал ему руку.
Его боевой товарищ справится – думал втайне Гайдар.
Но он не любил обнажать своих потаенных дум и не любил людей, воровато заглядывающих ему в глаза, как в чужие окна.

Повсюду – в Самарканде, Бухаре, в недавно переименованном в честь погибшего чекиста в Полторацк - бывшем «саду любви» Асхабаде, в пригорюнившимся на берегу Каспия мертвенном Красноводске, а потом и на Кавказе, куда они рванули после того, как с трудом заработали денег на дорогу, работая грузчиками в красноводском порту – продолжался этот некрасиво затеянный Николаем у могилы Тамерлана спор о красивом. Он был особенно странен среди их неприхотливого, полного опасностей быта – ночевок в развалинах заброшенного сада, на вокзалах, в старых вагонах, а то и просто – под открытым небом - среди людей, которые только-только открывали в себе людское, например, - среди путевых рабочих, которым после изнурительного трудового дня приходится коротать ночь в отцепленном вагоне.

«Мы с Николаем сели на большой белый камень и закурили, а Рита легла на траву и, подставив солнцу лицо, зажмурилась.
— Мне нравится этот город, — сказал Николай. — Я много лет мечтал увидеть такой город, но до сих пор видел только на картинках и в кино. Здесь ничего еще не изломано; все продолжает спать и видеть красивые сны.
— Неправда, — ответил я, бросая окурок. — Ты фантазируешь. Из европейской части города уже добирается до тюбетеечных
лавок полуразвалившегося базара узкоколейка. Возле коробочных лавок, в которых курят чилим сонные торговцы, я видел уже
вывески магазинов госторга, а поперек улицы возле союза Кошчи протянут красный плакат.
Николай с досадой отшвырнул окурок и ответил:
— Все это я знаю, и все это я вижу сам. Но к глиняным стенам плохо липнет красный плакат, и кажется он несвоевременным, заброшенным сюда еще из далекого будущего, и уж во всяком случае, не отражающим сегодняшнего дня. Вчера я был на могиле великого Тамерлана. Там у каменного входа седобородые старики с утра до ночи играют в древние шахматы, а над тяжелой могильной плитой склонились синее знамя и конский хвост. Это красиво, по крайней мере потому, что здесь нет фальши, какая была бы, если бы туда поставили, взамен синего, красный флаг.
— Ты глуп, — ответил я ему спокойно. — У хромого Тамерлана есть только прошлое, и следы от его железной пяты день за днем
стираются жизнью с лица земли. Его синее знамя давно выцвело, а конский хвост съеден молью, и у старого шейха-привратника
есть, вероятно, сын-комсомолец, который, может быть, тайком еще, но ест уже лепешки до захода солнца в великий пост Рамазана
и лучше знает биографию Буденного, бравшего в девятнадцатом Воронеж, чем историю Тамерлана, пятьсот лет тому назад

громившего Азию.
— Нет, нет, неправда! — горячо возразил Николай. — Ты как думаешь, Рита?
Она повернула к нему голову и ответила коротко:
— В этом я, пожалуй, с тобой согласна. Я тоже люблю красивое…».

Больше всего Гайдар расстраивался, хоть и не подавал виду, от того, как слепа на подлинную красоту Рита.
Она очень скоро угодила в липкую паутину из красивостей, которую ловко сплел Николай,- сплел совсем как тот злой влюбленный шиповник, выросший меж могил двух убитых им любящих людей, чтобы они не смогли склонить друг к другу даже головки выросших на могильной земле белых роз. Эту сказку, воинственно поглядев на Гайдара, его друг рассказал еще в начале путешествия.
Собственно говоря, он не уважал не только Гайдара, но и Риту. Называя ее про себя «девушкой из кабака», он опасался обнаружить в ней потенциальную проститутку. Вероятно, такова участь всех горе-спасителей. Ведь это Николай устроил Риту в редакцию. До того эта талантливая, не получившая образования девушка, была ресторанной певицей.
Столь же противоречивым было и отношение Николая к революции. Считая что с введением нэпа все достижения советской власти вылетели коту под хвост, то есть оказались в руках спекулянтов и бюрократов, он – сдувал пылинки с пещерной старины, восхищаясь тем же «железным» Тимуром и – одновременно… цветами.

«Рита и Николай сидели у костра. Они не заметили, что я подходил к ним. Николай говорил:
— Все равно… Рано или поздно… Ты, Рита, чуткая, восприимчивая, а он сух и черств.
— Не всегда, — помолчав, ответила Рита, — иногда он бывает другим. Ты знаешь, Николай, что мне нравится в нем? Он сильнее
многих и сильнее тебя. Не знаю, как тебе объяснить, но мне кажется, что без него нам сейчас было бы намного труднее.
— При чем тут сила? Просто он больше обтрепан. Что это ему, в первый раз, что ли? Привычка, и все тут!
Я подошел. Они оборвали разговор. Рита принесла мне умыться.
Холодная вода подействовала успокаивающе на голову, и я спросил:
— Обедали?
— Нет еще. Мы ждали тебя.
— Вот еще, к чему было ожидать? Вы голодны, должно быть, как собаки!
Перед тем как лечь спать, Рита неожиданно попросила:
— Гайдар, ты знаешь сказки. Расскажи мне!
— Нет, Рита, я не знаю сказок. Я знал, когда был еще совсем маленьким, но с тех пор я позабыл.
— А почему же он знает, почему он не позабыл? Он же старше тебя! Чего ты улыбаешься? Скажи, пожалуйста, что это у тебя за
манера всегда как-то снисходительно, точно о маленьком, говорить о Николае? Он тоже это замечает. Он только не знает, как
сделать, чтобы этого не было.
— Подрасти немного. Больше тут ничего не поделаешь, Рита. Откуда у тебя эти цветы?
— Это он достал. Знаешь, он сегодня зашиб себе руку и, несмотря на это, залез вон на ту вершину. Там бьет ключ, и около него
растет немного травы. Туда очень трудно забраться. Почему ты никогда не достанешь мне цветов?
Я ответил ей:

— У меня мало времени для цветов».
Никогда не забыть ему истории со змеей. Он тоже не подал тогда виду, не выдал вдруг нахлынувших воспоминаний.
Это было в Асхабаде.
«Мы забрались на холмы. Внизу была долина, а невдалеке начиналась цепь гор. На горах были видны белые пятна нерастаявшего снега. Там за вершинами, в нескольких километрах отсюда, чужая сторона, чужой край — Персия!
Спустились в сухую песчаную лощину. Было интересно идти по извивающемуся и завивающемуся руслу высохшего ручья, ибо из-за отвесных кручин обрывов ничего, кроме палящего солнца,— будь оно проклято! — не было видно и нельзя было определить, куда выйдешь.
— Смотри! — крикнула Рита, отскакивая. — Смотри, змея! Мы остановились. Поперек дороги, извиваясь черной лентой, ползла полуторааршинная гадюка. Николай поднял большой камень и швырнул в нее, но промахнулся, и змея, засверкав стальной чешуей, шмыгнула вперед. Но Николай и Рита пришли в неописуемый азарт: на берегу, поднимая камни, они неслись за ускользающей змеей до тех пор, пока в голову ей не попал тяжелый булыжник; она остановилась, закорчилась и зашипела. Долго еще они швыряли в нее камни, и, только когда она совсем перестала шевелиться, подошли поближе.
— Я возьму ее в руки, — сказала Рита.
— Гадость всякую! — возмутился Николай.
— Ничего не гадость. Смотри, мы, кажется, всю ее разбили огромными кирпичинами, а на ней ни одной кровинки, ни царапины!
Она вся — как из стали. — Рита потрогала змею тросточкой, потом хотела прикоснуться пальцем, но не решилась.
— Смотри-ка, а ведь она еще жива!
— Не может быть! — возразил Николай. — Я напоследок бросил ей на башку десятифунтовую глыбу.
Но змея была жива. Мы сели на уступ и закурили. Змея пошевелилась, потом медленно, точно просыпаясь от глубокого сна, изогнулась и тихонько, как больной, шатающийся от слабости, поползла дальше.
Николай и Рита посмотрели друг на друга, но ни одного камня, ни одного куска глины вдогонку ей не бросили. Тогда я встал и одним рывком острого охотничьего ножа отсек гадюке голову.
Крик негодования и бешенства сорвался с уст Риты.
— Как ты смел! — крикнула она мне. — Кто тебе позволил?…
— Мы здесь будем отдыхать на лужайке, и я не хочу, чтобы рядом с нами ползала змея, обозленная тем, что ее не добили до смерти. И потом… чего это вы с Николаем не кипятились, когда сами три минуты назад добивали ее камнями?
— Да, но она выжила все-таки! Она страшно цеплялась за жизнь, и можно было бы оставить, — чуть-чуть смущенно заступился за Риту Николай. — Ты знаешь, существовал обычай, что преступнику, сорвавшемуся с петли, даровали жизнь.
— Глупый обычай, — ответил я. — Или не надо начинать, или, если уж есть за что, то пусть он сорвется десять раз, а на одиннадцатый все-таки должен быть повешен. При чем здесь случай и при чем здесь романтика?»

Пожалуй, он перехлестнул тогда с эмоциями, когда сказал про сорвавшегося с петли преступника. И поэтому долго шел потом молча, в отдалении от о чем-то шепчущихся, колющих ему спину взглядами друзей. Он шел и мучительно трудно давил на себя самого, чтобы заворочавшаяся внутри глыба воспоминаний о войне не поднялась и не опрокинула его в этой сухой безжалостной лощине. Ведь она состояла не только из подвигов и суровых будней, когда плечо каждого товарища – это больше чем плечо. На войне приходилось казнить преступников, а оступиться на ней людям, которые привыкли

быть забитыми, а потом вкусили вседозволенности, когда стихия вынесла их в центр и поставила судить мир, было проще простого. Ему, как командиру, приходилось отдавать приказы о расстрелах своих. Он делал это - сжав зубы. Малой кровью на войне предотвращают большую. Это понимают все мужчины.
Но однажды ему пришлось расстрелять собственного товарища, убившего ради забавы ни в чем не повинную проходящую деревенскую женщину.
Все было почти так, как он описал в «Жизни ни во что»:

«— У меня, в Первом революционном отряде пермских партизан, бандитов не должно быть и не будет никогда, — холодно и громко проговорил Лбов. — Так я говорю?
— Так… правильно, — послышались в ответ хмурые голоса.
— Лбов… что ты хочешь? — удивленно спросил его Фома, почувствовавший недобрые нотки в его голосе.
— Оставь, не твое дело, — резко ответил тот.
Затем, перед глазами всего отряда и окружающих мужиков, схватил за руку и дернул вперед стрелявшего так, что тот очутился
рядом с Чебутыкиным.__
— У меня, в пермском революционно-партизанском отряде, который борется против царизма, бандитов не было и не будет, —
повторил он опять.
И в следующую секунду в глазах Чебутыкина сверкнул маузер, в уши ударил грохот, и Чебутыкин покачнулся, считая себя уже погибшим, но потом сообразил, что стреляли не в него, потому что бывший лбовец зашатался и с проклятием грохнулся на землю, срезанный острой пулей сурово сверкающего глубиной разгневанно-жестоких глаз атамана Лбова, неторопливо вкладывающего дымящийся маузер в кожаную кобуру».

Да, Гайдар отдавал приказы о расстрелах и сам орудовал маузером, чтобы люди, воскреснув, не погибли, сраженные своим внутренним зверем. Он отвоевывал вместе с тысячами почувствовавшими себя живыми бывшими рабами бывшей российской империи – а рабами, обслуживающими прихоти других или купающимися в этих прихотях, здесь были почти все – пядь за пядью чистую землю.
На этой чистой земле, как они надеялись, свинцовым мерзостям жизни просто не останется места.
Но все они просчитались – зверь оказался сильнее и теперь, уже в мирной жизни, насмешливо разил их изнутри все более тонко и осмотрительно.
Поэтому у Гайдара иногда опускались руки.
Он понимал, что на этих руках должны быть закатаны рукава, потому что зверь истребляется внутренней работой, внешним отражением чего являлась их кипучая деятельность на стройках коммунизма. Эта великая стройка продвинулась даже вглубь никогда не меняющейся Азии – он убедился в этом воочию.
Но все-таки – пока этот зверь побеждал, и дальние страны – подлинные Дальние Страны – до их советской страны еще не доехали.
Однако, несмотря на весь трагизм этого положения, Гайдар, как и все остальные желающие благих перемен люди новой страны, жил в предчувствии будущего, которое – он не сомневался в этом! – непременно придет и будет светлым.
Из этой светлой дали он и черпал силы.
И только снились по ночам глаза товарищей, убивших других, быть может, еще не знакомых, товарищей, которых убил потом он.
«Снились люди, убитые мной в детстве», - именно так, как записал он в своем дневнике.
Потому что был на той войне – пятнадцатилетним капитаном.
Человеком с обыкновенной биографией в необыкновенное время.
Он сам разрубил и распял своего внутреннего змея.

Легко, без особых затей.
Поскольку его, змея, в нем – отродясь - никогда и не было…
Он как-то умудрился обойти его при помощи нехитрого мальчишеского приспособления – змея бумажного. Таких, похожих на воздушные белые кораблики, ласково бороздящих синеву неба бумажных змеев они запускали ввысь с мальчишками еще в Арзамасе. Поэтому дико ему было видеть, как преследуют, чтобы распять чужака, его друзья встретившегося им на свою беду змея внешнего.

Долго шел тогда Гайдар в отдалении и поглядывал на горы Копендага, стараясь представить себе Хорсан, где жил светлый Ормузд.
Легенду о двух братьях – лучезарном Ормузде и противостоящем ему черном душой Аримане – рассказал ему случайный попутчик по ночевкам на вокзалах - смешной и ловкий человек-артист Некопаров, сумевший за свою бродячую жизнь поработать даже в труппе турецкого городка Сарокамышев. А про здешние места, откуда рукой подать до мертвого Сарокамышского озера, про которое Некопаров говорил, что, якобы, там– ворота в Аид, Некопараров отзывался как о погибшей земле.
И был, по понятиям Гайдара, кругом не прав.
Потому что именно в гиблые места, где жизнь не ставится ни во что – и должны идти с пароходами и поездами, спустившись как с небес на белых воздушных змиях, все настоящие капитаны.

Постепенно углубляясь от оазисов в сухое сердце пустыни и все больше отдаляясь друг от друга, теряя имущество, физические силы и себя прежних, - еще недавно счастливых, теплых, живых – они добрались до последнего пункта своего среднеазиатского путешествия - города-порта Красноводск.
Это уже был берег Каспия.
Отсюда уходили – уже пароходами.
Но как мертвенны здесь были воды.
И как жгучи – словно пылали на сковороде – пески.
В них, как пятна экземы, проступал белый налет соли.
Здесь были только горы с одной стороны и пески – с другой.
И зияли как дыры потухших звезд одиноко разбросанные там и сям обтрепанные кибитки.
Запомнилось, как стоял, равнодушно глядя в тысячелетнее прошлое, страшно измученный верблюд. К нему приткнулась облезшая собака. Было такое чувство, что они стоят так века.
Тут они с Николаем две недели трудились не покладая рук, зарабатывая на то, чтобы просто выбраться отсюда.
Таскали в унылом, монотонно позвякивающим, как судья молоточком, всеми своими ржавыми мощами, порту, мешки с солью и сушеной рыбой, бочонки с прогорклым маслом, тюки с трухлявым сеном.
Здесь, в маленькой комнатушке на окраине города у подножия горы, где Рита кормила их только рыбной похлебкой и кашей, Николай обманул его, взяв в придачу к захваченной душе Риты еще и ее тело. Правда, он понял это не сразу.

Но Гайдар все равно повез их обоих на Кавказ – сначала в Баку, а потом в Тифлис.
Трудно сказать, зачем это ему было нужно.
И еще труднее было понять это им, теперь уже прямо, без обиняков упрекающих его за любую трудность на их нового пути – теперь уже пути в горы.
Они прошли Тифлис, Мцхету, Анаури и двинулись к снеговым вершинам Гудаурского перевала.
Ночевали они у костра под прекрасным южным небом – пили ключевую воду и ели баранью похлебку.

Странно, но Гайдар был и тут по-своему счастлив и все прощал этим двум горемыкам, которые походили в его глазах на двух связанных спинами пленников, глядевших каждый в свою сторону и – вероятно - ничего не видящих.
Грустный комизм положения был в том, что, вероятно, они понемногу начинали принимать за пленившего их врага-узурпатора его, Гайдара. И все больше - тихо ненавидеть его.

А потом ночью появились всадники из банды местного контрреволюционера Чалакаева.
Рита и Николай тогда безмятежно спали у попыхивающего угольками костра.
Тонко исходя ароматом травяного чая, висел черной луной практически невидимый в темноте котелок.
И появившиеся всадники тоже были практически не видимы.
Но Гайдару все равно заметил их, так как ему почему-то не спалось и он, отойдя от костра, спустился к Арагве.
Там, у Арагвы, один из бандитов напал на него, ранив кинжалом в ногу. Меж ними завязалась смертельная драка.
Гайдар сумел одолеть противника и несколько раз выстрелил в воздух, чтобы отвлечь внимание на себя.
Он добился своего – когда примчавшиеся всадники после первой попытки разглядеть в темноте стрелявшего вновь рванулись к костру, - там уже никого не было.
И тогда удовлетворенный, уже и не рассчитывающий на собственное спасение, он прыгнул в воды бешено несущейся Арагвы.

Как ни странно, он не погиб.
Пули его не достали, а река зачем-то вынесла на берег, куда бандитам было не пробраться, и он добрел, истекая кровью, к вечеру следующего дня до поселка.
В висках тогда уже постукивали молоточки и сознание предательски заволакивала тьма.
Как он ждал, что сейчас распахнутся двери в доме, куда вызвался проводить его мальчишка-грузин, поскольку там остановились его спутники, и он окажется в объятиях все понявших и все простивших ему друзей.
Но вместо этого хозяин дома подал ему письмо.

«Я распечатал. Письмо — полное ненависти и презрения.
«Ты эгоист. Ты черств и сух, как никто, и думаешь только о себе. Вместо того, чтобы остаться с нами, ты при первых же выстрелах
предпочел бросить нас, чтобы самому, не связанному ничем, прятаться и скрываться. В сегодняшнюю ночь я разгадала тебя. Николай
ранен в руку, но все-таки не оставил меня. Твоя дорога отняла у меня много здоровья и нервов. Странствуй лучше один.
Счастливого пути.
Рита».
Внизу приписка Николая.
«Я никак не ожидал от тебя этого. Это нечестно!»
— Нечестно, — пересохшими губами прошептал я. — А это честно — умышленно подтасовывать все? Даже если бы Рита,
которая знает меня меньше, могла допустить, разве ты… не должен был доказать, что это ложь, что этого не может быть? Это
честно?
Молоточки застучали с удвоенной силой».

Гайдар заправил постель, где пролежал в забытьи две или трое суток, борясь с кем-то невидимым, кто тянул его, как водяной, в непролазную тьму и с кем они, вероятно, успели как следует полазить по дну этой тьмы.
Потом закурил трубку.
Одернул гимнастерку.
Пригладил еще непослушной ладонью волосы.
Поправил орден у гулко стучащего сердца.
И шагнул в коридор.
Всюду, несмотря на ранний час, двигались, негромко переговариваясь, люди. Это были мужчины, женщины и дети – из-за ремонта всех пациентов без разбора пола и возрастов собрали только в это, уже отремонтированным отделение. Женщин разместили в палатах по одну сторону узкого коридора, мужчин – по другую. Ну, а детей – их было не более пяти-шести – разместили среди взрослых своего пола. И взрослые, несмотря на все свои проблемы, трогательно опекали их. Единственное, от чего не могли защитить здесь детей – так это от дыма. Курили здесь все и всегда. Повсюду – в палатах и коридоре – шествовали или сидели, порой раскачиваясь на стульях, люди с дымящимися папиросами и от этого кругом стоял туман.
- Нет ли у вас сигаретки? – сразу спросили у Гайдара. Несколько человек, просительно заглядывая в лицо, окружили его, протягивая руки за куревом.
Гайдар жестом показал на пустые карманы и тут же задал встречный вопрос:
- Послушайте, а нет ли в отделении девочки … Точнее, она уже выросла… Нет ли тут молодой женщины по имени Екатерина Никитина?
- Не знаем мил человек… А ты спроси у сестры. Сестра, сестра, к вам новенький с вопросом!
Вышагнула в завесу из дыма из ординаторской медсестра с суровым лицом, строго провела, как фонариком, рассеивающим дурь взглядом по их кучке и, увидев Гайдара, внезапно заулыбалась.
- Какой же это новенький… Это же наш Гайдар, - певуче произнесла она и, подойдя вплотную, подала ему руку.
- Здравствуйте, Регина, - сказал Гайдар, пряча глаза, в которые та с полуулыбкой настойчиво вглядывалась, от чего водоворот внутри Гайдара становился еще черней и опасней. – Как ваши дела?.. Скажите, пожалуйста, в отделение не поступала женщина, которую зовут Екатерина Никитина?
- Увы, дорогой писатель, вашей любимой героини тут нет.
- Спасибо, - сухо сказал Гайдар и последовал дальше. Он отметил про себя, что все относительно молодые медсестры становятся с ним одинаковыми, словно их провели через копирку.

Это уже стало среди лечивших его медиков притчей во языцех: во всех психиатрических больницах Гайдар спрашивал про Екатерину Никитину. Абрам Моисеевич даже говорил в минуты, когда на него находила едкая шутливость, что Гайдар нарочно сбегает в болезнь, чтобы найти в больнице «свою Никитину». И, пряча глаза в дыму от его трубки, в котором вечно кутался, как в уютном теплом шарфу, иронически прибавлял: «Кому – что, а Гайдару – хоть раз в год, да полежать в любимой клинике». Вообще же, Абрам Моисеевич был умен, проницателен и загадочен. Невозможно было понять, что у него на уме и эта загадочность, к которой Гайдар тянулся, отчасти и продлила их союз на долгие годы. Абрам Моисеевич иронизировал: «Вторым самым любимым местом после верхней полки поезда у писателя Гайдара - была койка в психиатрической лечебнице».
Да-да-да, шутить на эту тему не переходя при этом грани, - шутить коротко и вскользь – было можно. Но ни дай Бог кто-то посмел бы смаковать эту тему у него за спиной или распространять байки. Этот человек бы тут же узнал, что такое Гайдар в гневе!..
Наверное, по причине деликатности темы – в «байки про Гайдара», к которым он

прислушивался с добродушной хитринкой, обычно не выдавая своего отношения, - она не попала. Да и знали про Никитину – только медики и отдельные обитатели психиатрических клиник. Для всех остальных эту область своей жизни - он строго засекретил.

Екатерину Никитину он и сам никогда не встречал. И даже не знал, как она выглядит. Не знал адреса и телефона. Вообще ничего не знал, кроме истории, которую рассказали ему некогда в Екатеринбурге случайные попутчики, - они были родителями ученика одной из школ в уктусском районе города.
Эта история так задела его за живое и так взбесила, что он тут же отправился в школу, желая найти несчастного ребенка и защитить его от обидчиков, но – уже никого не нашел, так как семья Никитиных выехала в неизвестном направлении. Ему ничего не оставалось как, отшумев в учительской, откуда все сразу культурно разбежались, укрывшись за дверями директорского кабинета, пионерской и библиотеки, шарахнуть по школе фельетоном.
Фельетон назывался «Ярлык» и сразу же пошел в местную газету. Он помнил в нем каждую запятую. Этот реющий как пионерское знамя текст по сей день нередко вспыхивал у него перед глазами:

"Ярлык". 17.04.27 г. , N 88

Объявить здорового человека сумасшедшим в сущности не так трудно. Стоит только обратить внимание окружающих на ту или иную привычку человека, на его походку, на странную манеру как-то особенно громко сморкаться или на подозрительный способ зажигания спичек о подошву. Ну мало ли еще на что? И тотчас же найдется масса людей, которые не только согласятся с самым абсурдным заявлением, но больше того, - тотчас же будут утверждать, что они сами уже давно замечали, подозревали и т.д.
И стоит тогда подозреваемому человеку потянуться рукой за зажигалкой, как найдутся очевидцы, которые будут утверждать на всех перекрестках: что зажигалка вовсе не зажигалка, а финский нож, и что глаза у человека горели в тот момент безумным и явно злодейским блеском.
Пропадает тогда человек ни за что, ибо чем больше он будет злиться, спорить, доказывать, тем меньше ему будет веры.
Однажды некая уктусская комсомолка зашла в местный магазин и, энергично проталкиваясь к кассе, заметила, что впереди ее очутилась маленькая худенькая девчурка лет 11-12. комсомолка попробовала было вытеснить девчонку, но та, будучи уже дважды отталкиваема взрослыми от кассы, продолжала настойчиво пробираться к кассе, с упорством зажимая в руке пятак. Тогда комсомолка оттолкнула маленькую покупательницу и, назвав ее сумасшедшею, стала на ее место.
Вероятно, дело этим и ограничилось бы, если бы эта комсомолка, встретившись с заведующей уктусской школой, гр. Кузнецовой, по пути, для красного словца, не приврала ей, что видела сейчас в лавке девчонку Екатерину Никитину, которая "так нахально толкалась, что, вероятно, сошла с ума".
По странному стечению обстоятельств, Никитина оказалась ученицей школы Кузнецовой и не просто ученицей, а дочерью той самой "негодной матери", которая недавно имела смелость публично бросить обвинение преподавателям школы в том, что подготовка учеников хромает и преподавание ведется крайне небрежно.
Воспользовавшись полученным заявлением о ненормальности девочки, зав. школой Кузнецова приступила к действию.
Через некоторое непродолжительное время девочку посадили на заднюю парту, а все учащиеся ребятишки были информированы о том, что среди них есть сумасшедшая. "Сумасшедшую" начали травить, за ней ходили ватагами, улюлюкали, дергали ее за руки,

щипали и били, а когда однажды, выведенная из себя, она попробовала было сопротивляться, то учительница Кузнецова взяла ее за руку, провела через весь класс и, бросив ее на пол, приказала ей лежать, а сама, усевшись среди ребятишек, прочитала им короткую популярную лекцию: "О вреде сумасшествия и об опасности совместного с ним пребывания".
В продолжение всего этого девчурка лежала на полу, не смея подняться, и плакала, но... слезы - это еще не аргумент, а особенно слезы маленькой девчонки, к тому же еще объявленной ненормальной.
Не помогли и справки докторов-специалистов, категорически отрицающих всякую ненормальность девочки. Не помог приезжавший из РайОНО специально присланный товарищ, приказавший прекратить эту травлю. Было созвано совещание школьного совета, на котором матери Никитиной объявили, что ее ребенок исключается из школы за ненормальностью.
Причем, воспользовавшись удобным случаем, матери Никитиной громогласно заявили, что девочке, конечно, нечего делать в той самой школе, на порядки которой с возмутительной дерзостью нападала мать!..
То есть: расчет был произведен полностью на все сто процентов, ибо, как это говорится, каждому воздастся по его заслугам, а мораль отсюда - держи язык за зубами!..
Девочке этой сейчас лет одиннадцать-двенадцать и, вероятно, с этого времени на ней навсегда останется ярлык "сумасшедшей", крепко приклеенный тяжелой рукой Кузнецовой. Впрочем, в будущем, возможно, ярлык этот будет вполне соответствовать содержимому, ибо, если самого здорового человека - хотя бы вас, читатель - упорно и настойчиво изо дня в день объявлять сумасшедшим, то рано или поздно, а все-таки человек надолго, всерьез и по-настоящему сойдет с ума».

Эту девочку Никитину – неизвестно где живущую и живущую ли вообще, и, если живущую, то давно уже ставшую взрослой, Гайдар и высматривал во всех своих больницах, - просто для того, чтобы сказать ей несколько утешительных слов. Но ему не везло. И, не смотря на легкую грусть, он даже был этому рад – возможно, что Никитиной удалось избавиться от ярлыка и потому-то следов ее пребывания психиатрические лечебницы не сохранили.
В его воображении Екатерина Никитина была белой лилией, растущей среди упорно глушивших ее сорняков. Такой, как его первая большая любовь Мария Плаксина, которую, как он считал, он вырвал из ее невежественного окружения, приобщив к подлинной жизни. Или как погибшая под пытками бандита Соловьева шестнадцатилетняя разведчица Настя Кукарцева, - их с Гайдаром связывала трогательная дружба. Он тоже перенаправил тогда только что пробудившиеся юные силы этой необычной хакасской девушки на праведное, с его точки зрения, дело.

Не найдя опять Никитиной, Гайдар еще острей ощутил собственное одиночество, которого было ничем не заткнуть, и в то же время что-то тонкое, светлое, нежное, коснувшись груди как незримым лучом, затеплило в ней искру, вдохнуло утраченную легкость. Тело, наконец, окутало что-то отдаленно похожее на спокойствие – дальнее, как небеса. Но это уже опять была глубина – некая недосягаемая глубина над головой, а, пожалуй, именно этого он и искал за так сросшимся с ним образом «сумасшедшей» Никитиной.
Он свернул в просторную палату с распахнутой дверью, откуда доносился хохот.
Это была женская палата. Но тут сидели на стульях и мужчины.
Когда он вошел, мужчины сразу вскочили и бросились к нему, пожали руку, спросили, нет ли курева, и, смертельно разочарованные ответом, усадив на стул в середине палаты, забыли.

К счастью, его тут никто не знал и поэтому байки не шли впереди Гайдара, как ходит, беспечно шествуя по кем-то проложенным рельсам локомотив, заставляя прохожих глядеть ему вслед.
Пока локомотив мчится в свою предсказуемую даль, люди просто идут по своим маленьким делам и худо-бедно делают их. И только некоторые – стараются сделать свои дела хорошо.
А надо бы – иначе: надо бы делать только хорошие дела и как можно старательней и лучше, и не из какого-то там скучного чувства долга, а с огоньком, вынося из этого радость.
Это последнее и называется настоящей историей.
Зная про такое его понимание истории, его друзья завели себе обычай слагать байки про его личную историю, поскольку, как они правильно понимали, большая история, как хорошая повесть, складывается из малых.
В этих байках было много шуточного, феерического и это занятие так увлекло их, что существовал риск возникновения некой легенды о Гайдаре, настоянной на пусть и ироничном, но все же культе его личности.
Попыхивая трубкой, в подражание Главного Кормчего, Гайдар обычно только усмехался, хоть у него и не было усов. Сам он усматривал в этом потоке мыслей в не всегда трезвых и горячих головах «про нашего Гайдара» – некое противоядие от культа и даже антикульт.
И в самом деле - деяния ему приписывались какие-то мальчишеские. Великий Кормчий, услышав про них, наверняка бы нахмурился, а потом рассмеялся и с презрением отвернулся, не найдя тут пищи для ума и сердца и – почему-то не обнаружив криминала, что было для него тяжелей всего, потому что в этом случае надо было копать глубже, а взрослой лопаты под рукой не было. Всюду на земле валялись только детские лопатки.
Одной из таких баек, была например история, про то, как он помогал живущей этажом ниже больной девочке. Это было в доме на Большой Дмитровке. У девочки японцы убили отца на дальневосточной границе, от чего она слегла в постель и могла видеть только кусочек неба за окном. Когда это небо затягивалось тучами, приходил Гайдар с конфетами и игрушками и пел ей песни.
Ну да, было такое дело, - думал, слушая все это, Гайдар. Конечно же он не мог оставить без внимания больного ребенка, у которого к тому же, погиб с оружием в руках отец. Только что ж в этом героического?
Или взять байку про то, как он посоветовал другу-однополчанину, у которого оторвало в гражданскую на Киевском фронте ногу, заняться переплетным делом и сам нашел ему заказчиков, а потом – на первых порах - сам разносил им готовые книги.
Разве же так надо было заботиться о ветеранах-инвалидах?!
Вся страна должна была каждое утро петь гимн в честь таких героев, принимать их в качестве почетных работников - на все предприятия, заранее зарезервировав места. Да еще и приводить к ним школьников на экскурсии, чтобы те делились с молодой порослью опытом. Вот это была бы – забота!
А забота одного Гайдара – это, простите, слишком мало. Ее все равно на всех и на все не хватит. Тем более что у него есть еще и другие собственные дела, каких за него не переделать никому.

Но друзья таки сумели выкрутиться и сочинили байку про разбитое соседскими мальчишками окно в квартире Гайдара. Когда он, отдав тем мяч, неожиданно посоветовал им играть не только в футбол или разбойников в тоже полюбившимся ему в детстве «казаках и разбойниках», а – в хороших людей. И предложил отнести яблоко той самой потерявшей с отцом счастье жизни соседской Марусе. А заодно – спеть ей песню.
Так, по мысли друзей, Гайдар, сам того не ведая, стал отцом- основателем тимуровского движения – еще задолго до того, как написал «Тимура и его команду».

Байка, конечно, была интересная. И так оно, наверное, и было. Да вот только роль его, опять-таки, была преувеличенной – он всего лишь обнажил мальчишкам и девчонкам их настоящие желания, живущие в потаенных от взрослых уголках души.

А еще ходила удивительная байка про случай в трамвае.
Когда пассажиры поймали за руку смущенного человека в военной папахе, который лез в карман к бедному студенту, который за минуту до того чуть не был оштрафован кондуктором, так как не нашел чем заплатить.
Как возмущались пассажиры столь неслыханной черствостью вора!
А потом, когда появившийся милиционер провел молниеносное дознание, все как один замолчали, словно солдаты в почетном карауле. Никогда не видели они карманника, который лезет в карман затем, чтобы положить туда деньги.
Но опять-таки, как полагал Гайдар, хитровато улыбаясь вместо отсутствующих усов в свой легкий дымок из трубки, - друзья промахнулись. Подумаешь – какая-то мелочь на несколько дней. Карманы студентов не должны быть пусты! Он всего лишь показал пример государству…

И была еще история про то, как он отучил Тимура бояться лягушек.
Он просто увлек его в далекий поход в лес, где лягушки так и скакали по болотистым кочкам. А потом, когда сын уже готов был разреветься, приподнял его на руках высоко над головой и Тимур вдруг увидел вдали похожую издали на лягушку крышу родного дома.
Где бы ни был человек, родной дом всегда с ним и что ему – какие-то лягушки. Вот что хотел сказать своему сыну отец.
Да, все это так.
Вот только кто бы ему самому показал этот счастливый родной дом, когда вокруг так и скачут вымахавшие с курицу лягушки.

Больше всего Гайдара удивляло другое – несмотря на то, что он то и дело отлеживал бока в санатории в Сокольниках, ругался с женой, не приносил в дом приличной зарплаты, а приводил – сомнительных друзей, был любителем выпить и, когда разозлят, во хмелю разбуяниться, мог совершать неожиданные поступки, вроде купленного вместо полезной для хозяйства утвари портрета Буденного на всю стену или регулярных побегов из дому без предупреждении в какое-нибудь увлекательное многодневное путешествие, когда Лия искала его потом по больницам и моргам, и даже – что было дико даже ему – зачем-то резался бритвой, – несмотря на все это - байки про подлого Гайдара так никто и не сложил.

- Вы фронтовик? – спросил его один из сидевших мужчин. Это был очень моложавый худощавый человек его лет, про каких обычно говорят, что они никогда не станут мужчинами. Несмотря на развитую мускулатуру, при помощи которой он, как Гайдар убедился в дальнейшем, охотно переносил вместе с рабочими кровати и тумбочки, таскал, вышагивая впереди повара, ведра с кипятком и громадные кастрюли с кашей и борщом, а также разнимал дерущихся, если замечал таковых раньше охочих до потасовок санитаров с веревками – словом, несмотря, на доблесть – этот человек казался хрупким, как ребенок. Сквозь тонкую чистую кожу на узком нервном лице просвечивались жилки, да и натура его – пылкая, беспокойная, погруженная в какие-то горькие горячие думы, смертельно, наотмашь вдумчивая и в то же время опасливая, словно вжавшаяся из этой опасливости в самое себя – была вся, как на ладони.

Когда Гайдар коротко сказал, что воевал в гражданскую, человек этот – его звали Иваном – необычайно оживился и, сверкая болезненным жаром в глубине серых глаз, разразился проклятиями.
- Проклятая война! Я пришел с нее инвалидом и с тех пор лечусь. Я ничего не могу забыть – вот в чем моя проблема. Скажите, а как вы-то смогли… Вот вы – вы носите гимнастерку, у вас орден на груди – неважно, что он не боевой, я это понял, не беспокойтесь – я разбираюсь… Как вы смогли забыть?.. Каждую ночь мне сняться ужасные сны… Я часто вижу перед глазами все один и тот же эпизод. Молоденькая восемнадцатилетняя красавица-медсестра. Только что из гимназии. Только закончила медицинские курсы. Ей просто разорвало в клочья гранатой живот. На глазах у всего взвода… Я ее даже не любил, а просто… Понимаете, он для историков эпизод. А для нее – это конец ее единственной жизни. Был бы хоть Бог, чтобы приветить ее там. Но я не верю в Бога. А поскольку его нет, то за что ей все это было, скажите? Нет, прав был Достоевский – если Бога нет, то, значит, все - позволено. Но как тогда жить?
Гайдар, побледнев, молча похлопал его по плечу, и встал. Не заметив, как упал его стул, он сделал шаг к выходу, но остановился и, повернувшись в вопрошающему, тихо обронил:
- Я понимаю тебя, друг… Держись, браток. Так, значит, нам всем и надо. Наши отцы так запустили жизнь на Руси, что нам пришлось разгребать... Никто не остался чистым. Но поверь – так было необходимо. Необходимо!... Зато народ стал более цельным и все равно счастливым, назло всем смертям. Нельзя было больше тянуть на горбу этот рай для богатых. Это понимали даже лучшие люди из дворян.
- Да я не об этом. Это все понятно. Я о яме говорю, которой заканчивается жизнь. Вот жил человек, а потом после него – яма. Разве это справедливость? Где такая бомба, чтобы ее устранить? Вот ты, святой отец, придуриваешься тут малохольным, чтобы у тебя коммунисты не отобрали приход. Ты хоть думаешь, зачем тебе масло, сыр, яйца – зачем ты все это тянешь в свою норку? Я понимаю, что доверчивые граждане несут тебе все это сами. Я спрашиваю – зачем тебе это, когда ты завтра сдохнешь?
- Да иди ты… - беззлобно мотнул головой крепкий кряжистый мужчина с черной курчавой бородой и зачем-то подмигнул Гайдару. После чего, вдруг осекшись, кашлянул и, отбросив свой стул, отчего он с грохотом свалился, протянул волосатую руку: - Целуй, комиссар!.. Перед тобой настоятель московского храма во имя благоверного князя… Впрочем, не будем обсуждать имен… Антонина!.. Отдай журнал!..
Стремительно подскочив к надевшей очки, взявшей в руки старый желтый журнал и набожно перекрестившейся степенной женщине, стоявшей лицом к востоку у угловой койки, он попробовал вырвать у нее журнал. Но не тут-то было. Женщина с такой силой огрела его по спине могучей, как лопата, рукой, что у того, должно быть, вместе с пылью, перетряхнуло дух, отчего батюшка, присмирев, но не забыв еще раз подмигнуть Гайдару, поспешно ретировался из палаты.
- Вот ирод, - сказала женщина еще кипящим голосом, и, взявшись за журнал как следует, обеими руками, - принялась читать акафист Пресвятой Богородице. Но – внезапно обмякла. Глаза налились слезами. Поведя ими с тоской по стенам, она с тяжелым, растерянным взглядом опустилась на койку, положила акафист на колени и принялась читать через силу про себя. По лицу ее катились беззвучные слезы.
Все молчали.
Когда женщина положила журнал на тумбочку, ее соседка с койки напротив осторожно спросила:
- Когда вы выписывайтесь, Антонина Михайловна? Что сказал врач?
- Да ну!… Обещал в среду, а потом говорит – рано еще, надо еще какую-то там диагностическую процедуру пройти. Потерпите уже, говорит, до следующей среды.
- А вы и потерпите. Немного осталось…
- У них всегда так – одни обещания. Я лежу здесь уже пятый раз и все время приходится

считать дни до выписки по новой. Вы хоть понимаете, что такое неделя?
- С другой строны, Антонина Михайловна, а куда торопиться. Вот что вам делать дома?
- Как что делать? Стирать, убирать!..
Последнюю фразу Антонина Михайловна произнесла как о ребенке, горестно всплеснув руками и, не выдержав, разрыдалась.
- У вас хоть дом, а у меня – взаправдашнее дитя… Сыну, правда, уже, двадцать лет, но для матери он – все дитя. Все время думаю, собрал ли перед работой ужин. Мне еще хуже вашего. Но пока вот держусь. Пойдемте, соседушка, пройдемся по коридору – так время бежит быстрее.
После короткого горестно-мечтательного диалога о том, кто что будет делать после выписки, женщины, взяв друг друга под руку, отправились на «проспект» - так тут называли коридор, где все гуляли и обменивались новостями, а иногда и пели.
Это была знакомая Гайдару картина – больше всего пациентов психиатрической клиники угнетала необходимость все время находиться наедине с собой – с собственными и мыслями и чувствами. Время было болью и казалось бесконечным. Поэтому, завидев докторов, все, торопливо поправляя халаты и всячески прихорашиваясь, вытягивали головы и спрашивали, как правило, издали, заискивающе и осторожно, боясь услышать ответ:
- Доктор, а, доктор… А когда моя выписка?
Некоторые просились в цех, где клеили бумажные пакеты, но там все места были заняты. Трудно передать словами, как маялись тут люди, оставшись без работы.
И только самые отчаянные решительно спрашивали, как Иван:
- Эй, доктор! Ты долго меня тут держать будешь? Мне еще, между прочим, надо кормить мать. Я и так еле устроился со своим белым билетом грузчиком. А то что меня загребли сюда из драки, так это не правильно! Я морд просто так бить не стану.

Легкий, звонкий как колокольчик смех нежно коснулся слуха со стороны койки у самой двери. Это рассмеялась чему-то в себе сидевшая строго посередине кровати очень тонкокостная черноволосая черноглазая девушка с необычайно прямой осанкой. Все время молчащая девушка, на что-то – очень печальное - глядящая впереди себя. Богатая гамма невыразимых чувств отражалась, непрерывно изменяясь, в ее прозрачном, бездонном, как во время приступов у других больных, светящемся изнутри взоре. Когда, раскачиваясь, как на качелях, она вдруг рассмеялась, улыбка, смешавшись с печалью, выпорхнула, как из печной трубы, - и завилась, заструилась черным дымом. Словно черная флейта зазвучала в ушах Гайдара.
Он не запомнил, сколько это длилось.
Он тихо вышел в коридор.
Там шагали и пели.
Как огромный тонкий кот прошел, приостановившись, еще один батюшка – молодой и высокий, очень стройный, благообразный. Сочувственно прикоснувшись к нему грустным, полным какого-то доброго сияния, взглядом, протянул яблоко.
Потом, пока Гайдар ходил в толпе по коридору, он подошел опять, уже с книгой в руке.
- Так это ради вас меня перевели в общую палату? – спросил он любезно. – Я хочу сказать вам спасибо! Ведь я не хотел быть изолированным от других, это администрация посчитала мое соседство опасным для народа… Но писатели, как видно, опасней. Вероятно, вы тоже помечены Богом.
Опять Бог!.. Как это уже надоело. Сегодня все словно сговорились. Золотом на черном – выбито название книги в руке у очередного собеседника, мнящего себя водителем душ: «Епископ Игнатий Брянчанинов – Приношение современному монашеству».
- Простите, но мне кажется, вы ошиблись. Ваш коллега бегает тут недалече. Кажется, он все-таки вырвал из рук гражданки дореволюционный журнал.
- Вы отца Спиридона имеете в виду? Это шпик в рясе. В революцию он торговал

оружием, а после подался в тайные служители властей. Таких в церкви много. Но к подлинной церкви они отношения не имеют.
- А где она – подлинная церковь?
- Вы не поверите – везде. И самое интересное, что в наши дни в нее можно войти прямо отсюда. Не только, конечно, отсюда… Есть еще другие места скорби. Есть тюрьмы, лагеря, брошенные старики, беспризорные дети, никому не нужные женщины, калеки-мужчины… Есть прикованные к постели инвалиды. Некоторых прикованных к перу писателей, периодически спускающихся в сей предрай, я полагаю, тоже можно приравнять к обреченным стучать. Стучите, коллега, и – вам откроется!..
- Милый товарищ, я вырос в Арзамасе, в шестидесяти верстах от Саровской пустыни. Но что-то мало благодати досталось моей малой дореволюционной Родине от батюшки Серафима Саровского. Разве что крепкие доски икон, за которыми укрывались, отстреливаясь от пуль, красноармейцы. Их, плененных, загоняли в храмы вместо темниц. Что же касается этого места – то это скорей предад.
- А это уже – дело вкуса и личного выбора. И зависит – от тяжести содеянных в этой и прошлых жизнях грехов. Здесь люди не видят внешнего солнца, потому что оно перемещается вовнутрь. Солнце пришло и стучит, но глаза, ослепнув, не видят. Лицом к лицу лица не увидать. Что же касается святого Серафима, то – может это он вас и хранит?
- Помилуйте, вы еще и в реинкарнацию верите? Ваши коллеги учили нас в арзамасской гимназии другому.
- Позвольте повторить еще раз – подлинная церковь состоит не только из опустившихся попов. Это братство живых и мертвых всех исповеданий. Взять, к примеру, астрологию. До пришествия Христа она была действенным способом читать предписанную Богом судьбу. Другое дело, что Иисус своей крестной смертью освободил нас от цепей кармы, взяв ее на себя. И все теперь зависит – от святой Свободы. Человек может взять свой крест – эту свою написанную звездами в натальной карте судьбу – и пойти вслед за Христом. И тогда он не будет ощущать тяжести кармы даже когда она убийственно тяжела, потому что на подлинно воцерковленного человека изольется Благодать и он поймет что к чему без того, чтобы учиться из жизни в жизнь на одних и тех же ошибках. Так, к примеру, сбрасывают груз кармы раскаявшиеся и вставшие на путь Истины преступники. Но не у всех такое знание. Некоторые до сих пор молятся на идолов прошлого и ту же астрологию – истолковывают как раз и навсегда данное неподвижное знание. Это и есть те самые язычники, которых по-отечески корят, стараясь обратить в христианство, в Новом Завете. На самом же деле знание оживает только в движении. Это не более чем подпорки для роста духа в душе. Язычники были по-своему правы, пока не знали этого. Но Христос-то показал всем свой своей жизнью это движение живого духа в человеке. Однако большинство – и по сей день предпочитает статику.
- Как и некоторые коммунисты. Я бы даже сказал – многие. В нашей вере тоже можно держаться за букву, не понимая Ленина. В этом смысле вы мыслите верно, но, материал для работы ума почему-то берете из ветхого прошлого.
- Не торопитесь отрекаться от прошлого. Его можно превзойти только движением по вертикали. А вы увлеклись горизонталью. Вот вы – вы, на мой взгляд, стали раздвоены потому, что, уж простите меня – стоите на гнилой опоре. Человек не верующий – гнилая опора. Потому что он не ищет Бога в себе. Он судит о Боге по наружной жизни. А наружную жизнь – выстраивает под себя, не имеющего с Ним контакта. Еще и возлагая на Бога вину за этот построенный без него, как вы правильно сказали – предад. Вы думаете, что снаружи – шумит подлинная жизнь? Нет, это лишь призрачный свет умершей звезды. У нас, как у больных чахоткой, просто взыграла напоследок животная жажда жизни – вот что такое современная жизнь с ее лихорадочно ускоряющимся прогрессом техники. И вот представьте, вы, которому позарез необходима подлинное, а не призрачное бытие, потому что вы-то Бога в себе чувствуете, хоть и не знаете к нему дороги – вы следите взглядом за горизонталью, шагая по ней наружно. А солнце-то внутри… Вот вас и выбрасывает в 12

дом принудительно, согласно законам еще не познанной вами духовной природы. В астрологии имеются так называемые 12 астрологических домов. Последний, 12 – это дом безличного служения Абсолюту. Точка высшего призвания человека. Но проблема в том, что он выделился искусственно. Я думаю, что когда человек был с Богом, двенадцатого дома просто не существовало. Цельный человек был без Тени. Теперь же в тени бессознательного – живут не только связанные с Сатаной бесы, но и изгнанный из личности образ самого Бога. Этим местом управляют они оба – и Бог, и Сатана. И оба – ведут отсюда сражение за душу человека. Вот что такое возникший после грехопадения 12 астрологический дом. Приземленный человек сбросил своего Бога с помощью уклонения в горизонталь Времени. Об этом повествуется и в мифологии всех народов – например, в мифе о древнегреческом Кроносе, сбросившем своего отца-Урана. Но семя Отца осталось – оно пребывает в водах бессознательного. И – у всех есть шанс родить из морской пены Афродиту Уранию. Сфера бессознательного – это и есть сфера 12-ого дома. Пациенты и врачи трудятся здесь, как каторжники на галерах, чтобы найти и спасти…
- Капитана Немо? Вы хотите сказать, что 12 астрологический дом – это «Наутилус»?
- Можно сказать и так… Но, заметьте, в море есть еще и «Дункан». Ваш настоящий дом – одиннадцатый, а не двенадцатый. Потому что вы – русский писатель, и, по-видимому, хороший, хоть я и не знаю ни вашего имени, ни ваших книг, хотя, быть может, и читал их. Просто это видно по лицу… Одиннадцатый дом – это дом Водолея – мистического знака России. 12 астрологический дом – есть его подлинная, а не гнилая, опора. Но опора со спины. По ней можно плыть, поставив Алые Паруса. Но ни в коем случае нельзя тонуть. Выбирайтесь поскорей наверх, дорогой капитан! Смысл 12 дома – только в воскресении из мертвых. В том, чтобы вернуться из него в свой одиннадцатый - с чертежами Новой Земли.
- Кстати, мой знак Зодиака – Водолей. Все это, конечно, лестно. Но скажите, пожалуйста, а что в таком случае, делаете здесь вы?
- А я рожден - Рыбами. И в знаке Рыб – обители 12 дома – веду лицом к лицу битву с Сатаной. Выдавливая из воды муть собственного демонического начала. В астрологии сей персонаж называют еще злым Сатурном… А прямая борьба с собственным злом – самое трудное в жизни дело. Я вижу глубже. Но я хуже вас. Я уже утонул. Но не умер, а спасся с помощью дельфина и могу теперь спасать, превращаясь в дельфина, других. Но вам в эти воды погружаться не нужно. Вы еще цельный. Вы просто сейчас глядите не туда. У вас чисто мировоззренческая ошибка. А душой вы – чисты. Плохо только, что вы все забываете. Вот отойдете сейчас от меня – и все забудете. Как Алиса, которая растет во сне. Точнее, это, наверное, так и должно быть. Господь управляет всем мудро.
- А что это за книгу вы читаете?
- Это монах прошлого века – епископ Игнатий Брянчанинов. Он в свое время полемизировал с Герценом. Когда указом царя отменили крепостное право, отец Игнатий, всеми силами души приветствовавший манифест, так как всегда ратовал за свободу от эксплуатации человека человеком, написал статью, где утверждалось, что отмена внешнего рабства не уничтожает, однако, рабства внутреннего и даже, напротив, при ослаблении внешних уз, внутренний хам может обрести небывалую силу, распоясаться. Мудрость Бога в том, что он налагает внешние узы как механизм по защите человека от самого себя. Это как смирительная рубашка на не смиренном человеке. Скрытую за такими актами гуманность мы по своей неопытности можем оценить лишь впоследствии. Нельзя выпрыгнуть из кармы, не беря своего креста и не идя за Христом… Но либеральная общественность не поняла главной мысли отца Игнатия и навесила на него ярлык песнопевца рабства. Впрочем, он не находил должного понимания и в тогдашней православной церкви. Ведь он констатировал, что дух настолько выветрился из современного христианства, - даже из православного, которого он считал единственно-подлинным, - что представления о духовном пути человека, в том числе понятия о смирении и послушании извратились до полной противоположности. Непримиримость с

греховностью – подменилось смирением с подлостью в окружающей действительности и своим с этим – молчаливым соглашательством. Поэтому благостное послушание наставнику в условиях отсутствия духоносных учителей отныне не только не всегда возможно, но и, по мысли отца Игнатия, может в целом ряде случаев нанести непоправимый вред – то есть научить противоположному. Поэтому в наше время лучшие учителя – это книги. Но, разумеется, написанные духоносными наставниками. Игнатий Брянчанинов подразумевал под таковыми святых отцов православия, поскольку те уже выиграли свое сражение… Ладно, прощайте. Наверное, мы больше с вами не увидимся. Завтра меня, если Бог даст, выписывают.
- Постойте… Можно попросить вас об одной услуге?.. Я дам вам телефон жены. Позвоните ей, пожалуйста, и попросите принести сигарет. Очень много сигарет. Пачек тридцать. И фруктов, печенья, пирожного, пирожков. Как можно больше. Можно корзины три или четыре. Деньги пусть возьмет в моем столе. Скажите, что это задаток за сценарий. Она - поймет.
- Хорошо, а как вас зовут?
- Неважно.
- Ну, тогда с Богом, Алиса.
- С Богом.

Пробежали какие-то люди, стуча в громадную крышку от кастрюли. Распахивая двери по обеим сторонам коридора, они радостно выкрикивали «Ужин!». За ними шли, сдерживая улыбку, вслед за несущим в обеих руках по ведру Иваном – держащие с двух сторон за ручки саму кастрюлю степенные поварихи. И – этот поток, в который тотчас стали вливаться, появляясь из палат, жаждущие простых, вечно дефицитных удовольствий, пациенты, разделил Гайдара с этим удивительным человеком. Тот пропал из поля видимости.
Вложив яблоко в руку пробегающего мальчишки, Гайдар тоже отправился в столовую. Наевшись большим куском хлеба с маслом, который прилагался к жидкому и невкусному борщу и практически несладкому чаю, Гайдар и вправду почти забыл о разговоре. Во всяком случае, он позже поручил позвонить жене еще одному человеку – одной молодой журналистке, которую привезли в больницу из-за хулиганской хулы в адрес управдома в момент подпития. Протрезвев, журналистка, осознала свою неправоту, слезно раскаялась и была через три дня отпущена домой. Но почему-то дома ей не сиделось, и на следующий день она опять постучалась в отделение – уже с гостинцами. Войдя с полной сумкой всяких вкусностей и сигарет, улыбаясь сквозь слезы, она принялась раздавать все это бывшим коллегам по несчастью, пытаясь за этим делом украдкой гладить некоторых по голове. Отчего не выдержала и разрыдалась. И немудрено. Она успела так сдружиться с обитателями отделения за свою тут бытность, что распевала втихомолку, за полуночными беседами, по ночам «Лучинушку», а утром – гуляя то с одними, то с другими под руками – и «Марсельезу». Выписывали ее тоже всем отделением. Дав на прощание наказ никогда сюда не возвращаться. Но ослушавшаяся разумного совета журналистка с тех пор частенько наведывалась в гости – по - прежнему с гостинцами. Поэтому Гайдар мог не беспокоиться за свое поручение.

На следующий день все было как всегда. С первыми лучами солнца в коридор вышагнули еще похожие на тени люди-жаворонки. Они наполнили его вьющимся теплым дымком легкими, негромко переговаривающимися голосами. Проснулись и привели себя в порядок ночующие на длинных скамьях в фойе санитары. Открыла процедурную зевающая медсестра, вышла к людям и они любезно поприветствовали ее, после чего некоторые попытались уточнить день своей выписки, но ответа, как водится, не получили, зато медсестра включила радио, висевшее в фойе большой круглой дыней почти под самым потолком – для этого ей пришлось взобраться на табурет. Зазвучали сигналы

новостей. На которые сразу подтянулись, выходя из нор-палат, даже самые угрюмые из обитателей. Новости обычно слушали молча, после чего, однако, вспыхивали обсуждения, иногда настолько бурные, что медсестре приходилось решительно рекомендовать очистить помещение перед процедурной.
Расхаживали петухами, зорко посматривая по сторонам, мнящие тут себя первыми – санитары. Они останавливали некоторых больных, здоровались с ними за руку и расспрашивали о том, как прошла ночь, интересовались самочувствием. Пациентам приходилось отвечать. Некоторые отвечали угрюмо, некоторые - заискивающие, а иные – радушно, от всей души. Все понимали, что – случись какое ЧП – и те же санитары-благодетели мгновенно станут, подобно цепным псам, по другую сторону баррикад. В арсенале их средств имелись веревки, которые они пускали в ход весьма профессионально. Эти товарищи были неумолимы как никто другой. Столь же обманчивой – была любезность медсестер, которые тоже могли отдавать приказ «зафиксировать с помощью веревок» чрезмерно разошедшегося, требовательного или просто очень горюющего пациента. К тому же, все они следили и подслушивали, донося каждое слово старшей медсестре, у которой был специальный журнал, куда заносились наблюдения за больными.
Потом – приходило счастливое время завтрака.
Потом – все выстраивались у процедурной и входили в нее по одному, где медсестра, заглядывая в журнал с назначениями, вкладывала в руку целую горсть заранее расфасованных таблеток и подавала стаканчик с водой. А стоящий рядом санитар потом осматривал рот – чтобы никто не вышел отсюда, не проглотив своих лекарств.
К этому времени в палатах и коридоре было уже очень шумно и смех мешался с плачем. Некоторых выкрикивали по именам, прося подойти к массивным запертым дверям, за которую их выпускали в специальную комнату, где их ожидали пришедшие навестить родственники. Это был самый долгожданный и взволнованный момент в жизни здешних обитателей.
Другим самым впечатляющим моментом было появление докторов.
Докторов здесь было человек пять - и каждый из пациентов с самого утра напряженно ждал своего, чтобы уточнить день выписки.
Но доктора, едва появившись, шли, в отличие от петухов-санитаров, никогда не отказывающих себе в общении с находящимися у них во власти безвластными людьми, как ничего не видящие, крадущиеся по своим только им понятным делам коты и, что-то отвечая на ходу так и липнущим к ним пациентам, старались не встречаться с ними взглядами. Они укрывались за массивной дверью докторской и защелкивали замок.
После доктора все-таки пробежавшись по палатам и выкрикивая своих пациентов, что-то записывали в свои бумаги. После обеда их уже никто не видел, хотя они еще оставались в больнице почти до вечера, слоняясь где-то вне отделения.
Единственным человеком, который вступал в пациентами в реальный, не лишенный некоторой сердечности, контакт, был Абрам Моисеевич. Его тоже обступали вопрошающие о выписке больные, но он никогда не гнал их, а щедро обещал всем скорую выписку, не называя, однако, сроков. И – удивительно – большинство отходили от него, несмотря на всю неопределенность информации, с чувством глубокой удовлетворенности. После посещений Абрама Моисеевича обычно устанавливалась некоторая естественная тишина – какая бывает после сытного обеда перед полуденным отдыхом.
Главной особенностью Абрама Моисеевича было умение никогда не говорить «Нет», не говоря однако и «Да». Он умел соглашаться даже со своим тезкой.
У входа, опершись спиной в железо двери, сидел тот самый кажущийся стариком еще не старый человек, который попросил Гайдара в первый день плюнуть ему в глаз и говорил всем входящим и выходящим, что он – Моисей, потерявший свое лицо. Он просил не смотреть поэтому в свое нынешнее лицо, так как считал, что у человека тысячи лиц, а слишком пристальный взгляд может поймать и зафиксировать только одно.

- Хорошо, хорошо, голубчик, - говорил Абрам Моисеевич, бодро поправляя кепку на его голове, - вы будете у нас текучим, как Волга. Я не смотрю на вас!
Привезли и зафиксировали веревками шумевшего с вытаращенными глазами, все еще пытавшегося с кем-то драться пациента. Медсестра пригвоздила его к постели еще и уколом. Поговаривали, что это сотрудник иностранного посольства. Некоторые пациенты подходили к нему, лежащему в коридоре как сельдь в обмороке, и внушали шепотом что-то ободряющее.
- Гайдар, к вам пришли! – прокричала санитарка. Эту фамилию повторили как позывной, передавая друг другу по цепочке, несколько находившихся в коридоре больных.
Высокий человек в гимнастерке с орденом стремительно прошагал к выходу. Дверь раскрылась и в нее шагнула журналистка с кошелками. Одну кошелку она, улыбаясь как доброму другу, передала человеку в гимнастерке.
Потом они оба проследовали в коридор.
Там они принялись раздавать сигареты и гостинцы стремительно подбегающим отовсюду пациентам.

Потом человек в гимнастерке вошел в палату, где его уже все знали, держа в руке маленький глобус – он одолжил его у любившего коллекционировать у себя в кабинете всякую всячину Абрама Моисеевича. В другой руке он нес под мышкой одолженный у рабочих-ремонтников мяч – они любили перекидываться им в перерыв на погруженной в священную пустоту спортивной площадке, которая, по-видимому, существовала здесь в качестве памятника активной и здоровой жизни.
Глобус он поставил на стул посреди этой палаты, а сам сел на другой стул.
Под глобус он положил гостинцы.
Антонина Михайловна и ее более молодая подруга в это время тщетно пытались заставить печальную черноглазую девушку, по-прежнему сидевшую на своей угловой койке у входа и глядевшую святящимся изнутри взором в невидимую точку – пойти помыться в душ.
- Это безобразие! От тебя постоянно исходит дурной запах. Пойди, наконец, вымойся и постирай трусики. Мы с Ириной Николаевной моемся каждый второй день. Ведь вам же нравится, Ирина Николаевна?
- Очень нравится, Антонина Михайловна, вода всегда теплая, платить за нее не надо – отчего б не мыться? Пойди, пойди, Кристиночка. А то мы позовем санитара и тогда ты пойдешь уже с ним.
- Пошли вон, шлюхи! – внезапно выкрикнула Кристина, взметнувшись со своего места и приняв бойцовскую позу. – Я знаю, что вы держите в своей голове – я слышу все ваши мысли… Я слышу… А вы… Я… Вы…Вы… Меня…
- Ой… Кажется, она опять хочет драться. Сестра, санитар!.. Ну, сейчас они устроит тебе баню.

- Не нужно никого звать, - сказал человек в гимнастерке. – Давайте лучше поиграем.
- А во что ты, Аркадий, умеешь играть?
- Я умею играть в планеты. Присядьте, пожалуйста, на кровати. Да, вот так… Спасибо. А теперь смотрите – вот это наша Земля.
Он поставил на ладонь глобус и вытянул перед собой руку.
Аккуратная, компактная, покрытая картой с крошечными океанами, которые, незримо сообщаясь, создавали иллюзию превосходства стихии воды, отсвечивающая голубоватым глянцем собственная планета в большой человеческой ладони – навеяла какое-то безотчетное благоговение. Всем захотелось ее потрогать.
Гайдар стал поочередно подносить ко всем Землю поближе.
Он подошел в том числе к поступившей накануне старухе, глядевшей в потолок со сложенными на груди руками. Та, не поворачивая лежащей на подушки седовласой головы с бледным лицом, поглядела на нее искоса, как птица и глубоко вздохнула.

Перед Кристиной Гайдар присел на корточки и тихо спросил:
- Хочешь подержать?
- Да-Нет! – опасливо сказала Кристина. И схватив тут же глобус, поставила его на свою ладонь и тоже вытянула руку – тонкую и дрожащую, обтянутую черным свитером. Она тихо рассмеялась.
- Ты знаешь, я сегодня ходила слушать радио и там сказали… Охо-хо-хо… Я все время смеюсь внутри. Я буду слушать радио каждый день… Они сказали… Что… Ты……. Я… Уйди, ты кто тут такой?!
Отбросив глобус, словно он был кипящим чайником, она взобралась на кровать с ногами и прижалась, вся дрожа, к стенке.
Гайдар поднял глобус и, вернувшись на середину комнаты, бережно опустил его на стул. Взял в руку мяч.
- А теперь – поиграем в города и звезды, - сказал он дрогнувшим, изменившимся голосом.
- Это как?
- Вы будете называть друг за другом города, как это делают дети – по последней букве. Свои любимые города. А я – зажигать над ними звезды. Над каждым городом – свою, хранящую его планету.
- Это вроде как планету-мать? Хорошую ты придумал игру. Я в Москве родилась. Кто там у нее матерь?
- Юпитер. Это самая большая из благостных планет. Одна из самых возвышенных. В женской ипостаси ее называют Юноной. Она несет в себе качества своего еще более высокого покровителя – Урана. И в то же время – она не лишена и страсти, из-за чего может искажать волю самого божественного Урана. Из-за этой своей чрезмерности и напыщенности, гордыни, одним словом, она иногда делается приземленной и недалекой, как научивший свой народ в отсутствие Моисея поклоняться золотому тельцу Аарон. Держите, Антонина Михайловна, мяч!..
- А я родилась в Ленинграде.
- Стоп, Ирина Николаевна, Москва кончается на «а». Следующий город, стало быть, – должен на «а» и начинаться. А вы тут разякались. При чем здесь ваш Ленинград?
- Бог с вами, Антонина Михайловна, я просто узнаю свою планету, а назову - город Арзамас.
- А Ленинград, я думаю, стоит под Сатурном. Он сдерживает страсти Юпитера и направляет его необъятные силы в духовное русло. Это Моисей, учащий Аарона вырабатывать стержень. Но сам он – лишь обратное отражение Венеры. Той самой, которая еще спит в священных водах океана. Ее еще называют Афродитой Уранией. Сейчас ваша подруга перекинет мяч вам.
-Я… Я… Я… - сказала, все больше заикаясь и волнуясь, медленно отодвигающаяся от стены Кристина. Лицо ее покрылось красными пятнами. – Отдай!..
Она властно и в то же время опасливо указала на глобус и тут же одернула руку.
Гайдар, присев к ней на кровать, снова вложил глобус в дрожащую ладонь.
- Знать бы, где родилась ты… – обронил он задумчиво, не ожидая ответа.
Но Кристина вдруг отчетливо произнесла:
- Саратов.
- Нептун, - вскричал Гайдар. – Вашему прекрасному городу на Волге покровительствует Нептун!
- Нептун… - тепло повторила Кристина и звонко рассмеялась. Прижав глобус к груди, она принялась покачиваться с ним, словно и правду сидела в лодке.
- Кто там у нас сказал «Арзамас»? Этот маленький городок рядом с Саровской пустыней и есть земная обитель главного небесного покровителя России - Урана. Точнее, Саровская Пустынь – это второй Арзамас. Вечный Город-спутник того, первого Арзамаса. Пожалуй, Уран - это самая таинственная планета. Она связана с созвездием Водолея. Недаром на гербе старой России был двуглавый орел. Это символ двуликого Януса. Этот всегда

скачущий впереди всадник умеет глядеть сразу во все концы земли и неба. Он носил солнце глубоко внутри. Не все его понимают… Афродита Урания, семя которой дремлет в глубоких водах Нептуна – его дочь. Но она пока спит в своем зернышке. Не родился еще богатырь, который ее разбудит. Вот так, мои дорогие.
- А кто ж ты тогда будешь?
- А я… считайте меня просто сказочником. Мне пришлось проглотить Плутон.
Гайдар, глядевший все это время как невидящим взором поверх голов своих удивленных друзей, словно проснулся.
Он и сам не понимал, откуда пришли к нему все эти знания – ведь он не был силен в астрономии.
- Кажется, нас всех зовут принять яду. Пойду-ка я встану в очередь первым, - сказал он с прежней улыбкой – простой и добродушной, не лишенной, однако, не скрываемой хитринки. – А вы пока угощайтесь: на стуле, где Земля – конфеты, печенье, пирожки, пирожное.
В коридоре действительно передавали друг другу как звенящую мелочь, без которой не купишь билета в трамвай, звонкий, строгий, местами надрывный клич: «Лекарства!.. Все в процедурную! И – поживей!».
Но тут случилась неожиданность.
Кристина, поймавшая мяч, брошенный ей Ириной Николаевной, вместо того, чтобы вернуть его Гайдару, вдруг, стремительно вскочив, кинула его в окно.
Стекло рухнуло и мяч вылетел во двор, проскочив в просвет между решетками из-за недостающих в одном месте прутьев.

Как в замедленной съемке заплавали люди.
На самом деле они бегали, суетясь возле зияющей дыры. Кто-то пытался просунуть в нее голову и был, должно быть, похож на пробующую высунуться из панциря черепаху. Кто-то держал в руках фанеру и словно плыл, налегая на нее всем туловищем. Постукивали молоточки. Смеялась в воде как русалка Кристина. Да он и сам улыбался – неизвестно чему. Должно быть – куску серого заснеженного неба, который пролез в дом скорби как честный черный хлеб.
Потом появился Сергей Иванович, держа на протянутой руке мяч. Под развевающимися на сквозняке полами наспех надетого его халата обнажилась грудь в гимнастерке. На ней были три орденские нашивки.
- Вот вам и хаос, управляемый парами доброты. Хаос может стать управляемым, только если человек станет послушным. Иначе он всегда будет врагом себе самому. И пока это так, управлять хаосом в его душе будут те, кто выше - умеющие подчиняться, и, следовательно, подчинять. Это и есть подлинная иерархия журавлей. Вы же пытаетесь дуть теплым ветром на синиц… Это путь к загниванию. Но будь вы честным парнем, каким пытаетесь выглядеть – то это было бы просто смешно, и только. Но вы-то ничем не лучше нас. Я знаю еще один город на «А». Это город Абакан. Вы помните, что вы сделали с хакасами? С десятками хакасских крестьян?.. Теми, кто обрел свой покой на дне Соленого озера? Помните, за что вас тогда турнули из партии и чуть было не расстреляли? За вас тогда заступился Тухачевский. Только это вас и спасло. У нас поговаривают, что Иосиф Виссарионович однажды обмолвился в узком кругу, когда кто-то посетовал, что детский писатель Гайдар не обласкан, что «мы-то, может, и простили бы Гайдара, но простят ли его хакасы»?

Нет, должно быть это опять бред. Опять стучат в висках молоточки, вбивая гвозди непрерывно терзающих его мозг воспоминаний. Не может быть, чтобы этот чекист среднего звена знал о военной тайне давно отгремевшего времени. В 1922 году, в Хакассии, во время войны с бандой белого атамана Соловьева, против Гайдара, который возглавлял тогда отряд ЧОН по ликвидации банды, особым отделом Енисейского отдела

ГПУ было возбуждено дело № 274. Позже к расследованию присоединились еще три ведомства. Гайдара обвиняли в неслыханном даже для тех суровых времен злоупотреблении служебным положением. Поэтому дело одновременно и рассматривали сразу четыре инстанции: ГПУ, ЧОН, прокуратура 5-ой армии и контрольная комиссия при Енисейском губернском комитете партии. На время следствия он был отстранен от командования, хоть и почему-то не арестован. Несмотря на то, что вины он не признал, и более того - решительно и - как мог - доказательно отвел все обвинения, признав только незаконный расстрел пяти человек при их попытки к бегству - незаконный только потому, что некому было составлять протоколы допросов и расстрельный приговор - его действительно собирались расстрелять. Но сверху пришел приказ. Его озвучил в своей резолюции командующий штабом губернского ЧОНа Кокоулин: «Арестовывать ни в коем случае, заменить и отозвать». Потом его еще осудили по партийной линии и исключили на два года из партии с лишением возможности занимать ответственные посты. После чего отозвали в Красноярск, где он подал рапорт с просьбой о возвращении в Москву - доучиваться в Академии Генерального штаба. Из Академии его всего за три с половиной месяца до суда и направили, оторвав от учебы, как необычайно толкового и талантливого курсанта с проявленными на фронте задатками большого военачальника - на борьбу с неуловимым Соловьевым. Губернское начальство просило тогда 1500 бойцов со штыками. А Москва - прислала одного 18-летнего Голикова. Увидев его, местные начальствующие князьки, так называемые хозяйственные и военные бары - про таких не изменившихся по сути, но поменявших цвет шкурки замшелых буржуев он позже напишет фельетон «Табель о рангах» - сразу же невзлюбили посланца Москвы. Они усмотрели в таком смешном, с их точки зрения, ответе на свою просьбу - какой-то обидный и, вероятно, коварный подвох. И с самого начала принялись следить за безусым командиром, дав ему в подчинении для ловли Соловьева всего 102 красноармейца с четырьмя пулеметами и 26 кавалеристов. Позже этот отряд увеличился до 165 человек. Несмотря на то, что, согласно принятым в «табели о рангах» церемониальным действам должность Голикова называлась важно - начальник Второго боевого участка Ачинско-Минусинского боевого района - он, фактически, был под постоянным присмотром. Начальство обязало его два раза в день передавать через трех приставленных к нему чекистов письменные отчеты о всех-всех передвижениях по громадному Ачинско-Минусинскому району, присовокупив к ним описания всех-всех своих действий. И он их послушно составлял, не успев составить только одного протокола о расстрелах. Кроме того, были и соглядатаи в собственном отряде. Он понял это быстро. Как понял и то, что они, несмотря на тупость и малограмотность, а может, и благодаря этому - регулярно строчат на него доносы, вероятно, что-то присочиняя и от себя. Но это в его глазах - были мелочные люди. А на мелкие пакости в свой адрес он не привык обращать внимания. Он обратил на них внимание только когда перед ним раскрыли толстую папку собравшихся со всех концов таежного участка - сведений о его преступной деятельности.

Это позже, наверстывая упущенное за войну образование, Гайдар прочитает в «Былом и думах» у Герцена: "Чиновничество царит в северо-восточных губерниях Руси и в Сибири; тут оно раскинулось беспрепятственно, без оглядки... даль страшная, все участвуют в выгодах, кража становится res publica. Самая власть царская, которая бьет как картечь, не может пробить эти подснежные, болотистые траншеи из топкой грязи. Все меры правительства - ослаблены, все желания искажены; оно обмануто, одурачено, предано, продано, и все с видом верноподданнического раболепия и с соблюдением всех канцелярских форм." Он поймет, что губернские помпадуры Красноярского края на момент его прибытия на службу не изменились, а только перекрасились.

Что же написал Голиков в своем первом большом отчете своим командирам в Красноярске?

Он крайне шокировал их своими выводами о причинах затянувшейся войны с Соловьевым.
Поскольку выводы были верны.
Но разили не в бровь, а в глаз.
За чем могли последовать, окажись все это доказано практикой, масштабные отставки. Карьеры нынешних руководителей на всех звеньях могли развалиться, как карточные домики.
Во-первых, в отчете говорилось, что ошибки в проведении операций – носят тактический характер. Чоновцы слишком увлеклись стратегическим духом, не выработав никаких конкретных планов. Слабые они, одним словом, были оперативные работники. Даже не удосужились за два года войны с столь хитрым и талантливым противником создать агентурную разведку.
И это он, мальчишка в их глазах, написал, правда, в сухих казенных выражениях, своим командирам!
А выводы между тем базировались на главном открытии посланца Москвы.
Голиков раскрыл главный секрет широкой поддержки Соловьева местным хакасским населением.
Тот попросту дурачил хакасов при помощи своих двойников!
В один и тот же день и час в разных селениях, затерянных в громадной тайге на протяжении 10 000 километров - появлялись стразу четыре отряда во главе с человеком, внешне одетым, как Соловьев, похожего на него и внешностью.
Вот и распространялась среди выросших среди шаманских культов малограмотных хакасов весть о том, что Соловьев вездесущ.
А это уже – мистическая вера. Хакасы помогали ему как посланцу своих родовых духов.

Голиков создал агентурную разведку и очень скоро – не прошло и три месяца – Соловьев дал понять, что собирается сдаться. Затянувшаяся война измотала и его. Он понимал, что развязка когда-нибудь наступит и будет не в его пользу. А грамотный и смелый, эффективно теснивший его новый чоновский командир мог ее значительно ускорить. Его не сломило даже то, что Соловьев убил его шестнадцатилетнюю подругу-разведчицу – хакаску Настю Кукарцеву. Более того – отныне Соловьеву не уйти от возмездия. Это он почувствовал всем нутром.
Но этот же командир был прагматиком, а не мстителем и если надо - умел договариваться.
И Соловьев – пошел на переговоры.
Стали обсуждать детали. Предполагалось, что, сдав республике награбленное в золотопромышленном районе золото – а его, по слухам, водилось у Соловьева немало – тот вместе с разоружившимися бойцами своего отряда отправится в места заключения на минимально возможный срок. У Голикова уже был опыт таких переговоров, когда по предложенному им главкому Тухачевскому плану в тамбовскую компанию сдались и разошлись по домам более половины восставших против Советской власти крестьян.
И тут-то – Голикову предъявили обвинения.

Вначале он не поверил своим глазам и даже рассмеялся. Перед ним лежала пухлая папка с доносами, донесениями и жалобами от собственных боевых товарищей, а также жалобы крестьян-хакасов – на его многочисленные жестокие выходки. Пьяный кураж, грубость с подчиненными, бранная речь, применение пыток и грабежи в отношении местного населения. Не снится ли ему это все?.. Он пил не больше других, практически не употреблял мата, не грубил подчиненным, а просто говорил все как есть, а что касается пыток и грабежей, то – все знали, что такому в его отряде не бывать! Чоновцы привыкли разбойничать, пользуясь тем, что – Бога теперь нет, а Москва далеко – но в его отряде это моментально стало вчерашним днем. Это знали все.
Так кто же составил эту кипу бумаг?

Вначале он подумал, что у них – один автор. И его надо просто разоблачить. Это, по-видимому, какой-то предатель, возможно даже затесавшийся агент Соловьева, решившего обыграть его таким образом.
Но на дознание стали приходить некоторые его подчиненные и непосредственные начальники – и все как один показывали: «Виновен!».
Приводили хакасов и те, гневно показывая на него руками, выкрикивали: «Архашка Голиков!.. Хайдар!». И – принимались рассказывать о его бандитских расправах с населением.
Этот облик Архашки Хайдара словно в насмешку над ним – содержал все то, что Гайдар, который еще не был тогда Гайдаром, а был просто юным красным командиром, выходцем из семьи выступивших в революцию на стороне большевиков интеллигентов – никогда в себе не имел и что – еще важней – ненавидел в других.

Однажды, когда он въехал с отрядом в одно село, одна пожилая хакасская женщина, подойдя к нему, еще сидевшему в седле, любовно погладила коня и, взглянув ему в лицо, ласково сказала: «Хайдар».
Кто-то из сослуживцев коротко объяснил ему, что так в Хакасии называют всадников, скачущих всегда впереди.
Еще это слово можно было истолковать как просто «Вперед». А еще как – просто «Куда?».
Последнее значение сразу всколыхнуло фантазию.
«Куда ведет твоя дорога?» - почудилось ему еще одно значение столь необыкновенно емкого слова.
- Спасибо, мать, - сказал глубоко тронутый, польщенный Гайдар. Который был тогда – просто Голиковым. Он воспринял это как благословение.
Как видно, благословение было подслушано предателем.
И теперь, по странному стечению обстоятельств, почему-то фигурировало в бумагах и устах хакасских крестьян, которых приводили на дознание – в качестве клички какого-то дикого архаровца.
Он конечно с гневом, который местами переходил в смех, все еще в чем-то доверчивый, простодушный, все отрицал.
И с жаром предлагал заняться выявлением соловьевской агентуры, сочинившей все это безобразие.

Но потом последовал главный, оставленный напоследок удар. Перед ним положили дело о Соленом озере. Засекреченное дело.
В нем говорилось о массовых расстрелах с утоплением трупов в Соленом озере близ села Форпост десятков местных жителей бывшим начальником Второго боевого участка Ачинско-Минусинского боевого района Аркадием Голиковым. Также в деле говорилось об аналогичных бесчинствах вокруг знаменитого Божьего озера.
Подробности этих расстрелов, после чего мистически настроенные хакасы стали утверждать, что воды Соленого озера стали красными от крови, были ужасны.
В документах даже было сказано, что шаманы прокляли Голикова за это преступление над своим народом.
Да, так это и называлось в документах – преступление над народом.
И самым страшным было то, что Гайдар внезапно понял – его действительно кто-то совершил.
Как, по-видимому, совершил и большинство тех дел, о которых, выкрикивая в его лицо проклятия, охотно рассказывали приходившие на заседания комиссии местные жители из числа хакасов.

Но как?!..

Он понял – его подставляют свои.
Это была круговая засада.
Громадная и подлая подстава.
Очень хорошо спланированная и хладнокровно осуществленная, несмотря на всю нелепость нестыковок чисто морально-психологического плана.

Этого он не ожидал.
Не ожидал, что представляющие Советскую власть люди, многие из которых были коммунистами, хладнокровно пойдут на такое преступление над народом, - и все только для того, чтобы обелить себя перед московским командованием, выставив их посланца – поскользнувшимся от опьянения слишком большим доверием и властью неуравновешенным юнцом. Тем более, что, видимо, все тут издавна охотились за мифическим соловьевским золотом, втайне надеясь «войти в долю». План Голикова по добровольной сдаче Соловьевым золота – резко пошатнул эти надежды.
Расчет был верен – из Москвы пришел приказ засекретить дело о Соленом озере, а документы по нему – уничтожить. Поэтому официально его судили по другому делу – за отдельные, более адекватные, случаи превышения своих полномочий, которых он тоже не совершал. И многое списали на – «молодо-зелено». А также – на открывшуюся у Голикова нервную болезнь.
Из Красноярска вскоре после завершения дела, он написал сестре:

«Мне приходится уехать на месяц в Физиобально-терапевтический (физиобальнеотерапевтический???) институт в Томск. На днях по поручению губкома был созван консилиум, и врачи определили: истощение нервной системы в тяжелой форме на почве переутомления и бывшей контузии, с функциональным расстройством и аритмией сердечной деятельности».

«Недовольно посмотрел Лбов, прерывая речь, и сказал Матросу строго:
— Чего это там твой конвой разорался? Опять перепились. Да исам-то ты, всегда от тебя несет, как от винной бочки!
— Полно, — ответил Матрос, играя двухфунтовым брелком, —что ты, Лбов, святыми, что ли, нас хочешь сделать?..
— Не святыми, а распускаетесь здорово, грабить без толку начали. Вон вчера у Ворона один другого ножом пырнул, поделить не сумели чего-то.
— Так то у Ворона, а у меня этого нет, у меня, брат, всегда распределено, кому сколько.
— Ой, смотри, Матрос, — и усмешка мелькнула у Лбова, — не всегда и не на все у меня глаза закрыты, не слишком ли у тебя уж
распределено, кому, что и сколько? Бандитом настоящим, того и гляди, станешь.
Бросил играть брелком Матрос, отвернул глаза и сказал Змею, но негромко, так, чтобы не слышал Лбов:
— Что же нам, монахами, что ли, быть? На то и разбойничали, чтобы грабить, на то и живем, чтобы пить, а то что ж тогда, волчья жизнь совсем получится. Да что он, с ума, что ли, сошел, аль не видит — все кругом пьют, а не мои только, а нас-то теперь, если всех подсчитать, так много будет… Я думаю, что около четырехсот наверняка наберется.
Но Змей посмотрел на него злыми, желтыми глазами, перекривил свое и без того искаженное лицо:
— Много… Это наша и беда, что много.
……
А в это время Лбову принесли три тяжелых известия.
На станции полиция по указке одного из лбовцев-провокаторов арестовала Фому.

У Ворона, опять не поделившие что-то, несколько человек убили друг друга.
Моряк ограбил деньги крестьянской потребиловки.
И Лбов остро почувствовал вдруг, как поляна под ним дрогнула,колыхнулась, будто это была не лесная поляна, а плот, брошенный
на волны седой Камы.
…С арестом Фомы, умевшего как нельзя лучше улаживать всякие вопросы с подпольной Пермью, у Лбова, не знающего, чего
он, собственно, сам хочет, порвалась всякая связь с революционной партией. Бесцельные грабежи начали входить в систему, и
тщетно Лбов со своими помощниками пытался установить порядок, дисциплину.
Он заколол штыком однажды Моряка, убил Зацепу, убил Великоволжского, начинавших предаваться разнузданному грабежу,
и выработал даже нечто вроде устава «Первого революционного
партизанского отряда». Но ничто не помогало.
Лбова погубила его оторванность от подпольной рабочей массы, его анархичность и его собственная слава, так как со всех
концов Урала к нему начали стекаться неустойчивые, чуждые делу рабочего класса элементы, желающие хотя раз в жизни погулять,
повольничать, пограбить, пострелять в ненавистную полицию, но совершенно не задумывающиеся о конечных целях вооруженного восстания».

Однажды в пятнадцать лет он несся на коне в атаку. И вдруг ворвался в бездну. Внезапно погрузившийся в черноту мир - исчез. Раненый конь, взвившись на дыбы, сбросил всадника на спину. Это разорвался шрапнельный снаряд. Несколько пуль и осколков попало в ногу. Дико болел позвоночник. Но он превозмог боль и добрел до полковых медиков.

Тогда он быстро пошел на поправку. И лишь иногда – мучили с тех пор приступы мигрени, да летали перед глазами фантомами разлетевшихся осколков мушки.

Фигура с орденскими нашивками… На самом деле безголовая, укрывшаяся за мяч. Овеваемая реющими в сквозняке полами будто снятого с чужого плеча докторского халата. Как хочется сдернуть под ним погоны!.. Надо просто сделать шаг… Протянуть руки и сомкнуть их на горле. Чтобы никогда больше никто не погиб в хватких объятьях паука… Но фигура течет между пальцев, как зыбкий туман. А вместо нее вырисовывается еще одна морда в погонах, которая однажды шепнула ему: «Лучше бы вы со славой погибли в бою». Эта фигура тоже тогда растаяла в воздухе и он долго ловил потом руками просто воздух… Почему-то ему показалось тогда, что это Титов. Это был его приятель по работе в дальневосточной газете. Они снимали тогда с ним и Борей Саксом в Хабаровске комнату на троих. К счастью, Титов к тому времени уже ушел на работу и не видел как забредивший Гайдар усмотрел врага в нем. Только что приятели безуспешно пытались устроить Гайдара в больницу, но там его не приняли, не поверив, что больной мог явиться в такое учреждение сам, к тому же, ничем еще не проявив и других своих отличий от «людей нормальных». Тогда он еще пытался шутить, пока сидел в вестибюле на ступеньке, куда, уже теряя нить мыслей, опустился, едва переступив порог учреждения: «Хорошие у меня товарищи, куда привезли».
Позже Сакс рассказал ему, что, вернувшись домой, он схватил стул, повыбивал им стекла и, взяв в другую руку боржомную бутылку, стал поджидать Титова, чтобы расправиться с ним за какую-то клевету. Но беду как-то отвел живший во флигеле позади дома старый чекист, с которым у Гайдара нашлись общие воспоминания о военной юности. Гайдар тогда выбрался из тумана при помощи простого разговора за бутылкой. Они просидели тогда в саду немало времени. саду. Он слышал как его собеседник воскликнул в ответ на

упрек Сакса, что напрасно тот снова отпустил его в дом, ведь туда может вернуться Титов: « "Это прекрасный парень! Я за него ручаюсь Мы, старые чекисты, умеем разбираться в людях».

Тогда, уже очень давно, - но все это стояло перед глазами как сейчас, - в мчавшемся из Сибири поезде, на котором он возвращался в Москву, он опять припомнил тот эпизод с конем. Мир снова померк, как от взрыва шрапнельного снаряда и он едва доехал, давя в себе внезапно разрезавшую мир пополам тревогу.
Он остался в этой тревоге как за черным стеклом, через которое виделся теперь мир. Безуспешно пытался он выбраться из охватившей все тело липкой слабости, в которой он с беззвучно катящимися по щекам слезами беспомощно ворочался, как в туго спеленатых пеленках. Мышцы мелко дрожали, под спиной скапливался пот, а в позвоночник словно вонзили штык, вертя его там внутри с нечеловеческой болью.
Он тогда так и не смог доучиться в академии.
Два года он лечился у невропатологов.
И был в итоге – комиссован из Армии с диагнозом «постравматический невроз». К которому позже его главный лечащий доктор Абрам Моисеевич стал задумчиво прибавлять: «Вероятно, еще и истериопсихоз». Но какой смысл он вкладывал в эту расплывчатую, так и не попавшую в бумаги формулировку, понять было невозможно. Сказались, как ему объяснили с самого начала доктора, последствия контузии.
Эта болезнь – травматический невроз – часто носит, по их словам, отсроченный характер и настигает бойцов позже, иногда уже в миру.
Тем более таких юных бойцов, с еще не выработавшимся психологическим иммунитетом против мерзостей жизни.
В двадцать лет – когда у других военная карьера только начинается – все для него было кончено.
Это только потом, через месяцы и годы, он как-то притерпелся к этому невыносимому для него повороту судьбы и написал свою первую повесть «В дни поражений и побед», которую опубликовал в 1925 году ленинградский журнал «Ковш». Но это было очень слабое в литературном смысле произведение. Что и донесла ему литературная критика. Тогда он ушел с головой в журналистику. Работал, насколько позволяла болезнь, прежде чем перебраться в Москву, в газетах Перми, Свердловска, Архангельска. Уже живя в Москве и будучи известным писателем – уехал после ухода жены в Хабаровск и работал какое-то время в «Тихоокеанской Звезде». Писал в журналистике много, приобрел даже у читателей Перми славу лучшего фельетониста. Собственно, повесть «Жизнь ни во что (Лбовщина)» – первая его относительно удачная вещь для взрослых – и печаталась вначале с продолжениями в местной «Звезде» как чисто газетный материал. Однако в сроки сдачи материалов, как правило, укладываться не удавалось. Да и с начальством отношения складывались не всегда.
Он был, например, однажды судим за фельетон «Шумит ночной Марсель», направленный против пермского следователя Филатова, подрабатывающего вечерами в ресторане игрой на гармони. Судом был частично оправдан, а потом – окончательно оправдан выступившими в защиту своего любимого журналиста пермяками. Точку в этом деле поставил фельетон «Преступление Гайдара» в его защиту – он был напечатан аж в самой московской «Правде». Но местная редакция все равно отказалась брать его дальнейшие материалы с расследованиями и он, разругавшись с начальством, перебрался на время в Свердловск. А сколько путешествовал!.. Ради путешествий Гайдар мог отодвинуть в сторону все! Буквально сбежать по дороге на рынок, как это случилось однажды в Архангельске, когда Лия послала его перед воскресным обедом за малосольными огурцами. Тогда он встретил плотогонов-сплавщиков, уезжавших за город на северную реку, и, пристав к ним, двадцать дней с увлечением перегонял плоты, питаясь только

воблой. Забыв, правда, - что случалось далеко не однажды - предупредить жену.
География его поездок по стране обширна.
И столь же непоседлив он был, когда уже переехал в 1927 году в Москву, устроившись поначалу корреспондентом газеты «Красный воин». Можно даже сказать, что в подмосковном Кунцево, где он обосновался на первых порах и куда перевез в 1930 году жену и сына, а потом в доме на Большой Дмитровке, а после – в своей коммуналке в Большом Казенном переулке, - он жил только наездами.
Но больше всего, пожалуй, поначалу его приветила Пермь.
Он встретил в Перми Лию и Риту.
Там же - узнал о беременности жены.
И там же, в 7 ноября 1925 году – впервые подписал под своим произведением в той же пермской «Звезде» – это был рассказ «Угловой дом» - имя Гайдар.

Впрочем, он отождествил себя с этим именем гораздо раньше - когда узнал про Соленое озеро.
Он написал в 1923 году в Красноярске, где ожидал после суда разрешения вернуться на учебу в Академию, такие стихи:

Все прошло. Но дымят пожарища,
Слышны рокоты бурь вдали.
Все ушли от Гайдара товарищи.
Дальше, дальше вперед ушли.

Его внезапно осенила тогда, - тоже отсрочено, как последствия былой травмы - спасительная догадка: а ведь его командиры повернули против него то самое психологическое оружие, секрет которого он раскрыл, добросовестно изложив свои мысли в первом же донесением, собственному командованию в Хакасии.
По примеру талантливого бандита Соловья – они создали отряд-двойник во главе с командиром-двойником. А может, и систему таких двойников. Этот рядящийся в Архашку Голикова-Хайдара двойник и наделали в Ачинско-Минусинском районе столько черных дел, введя в заблуждение местное население. Это не ему, а в лицо того архаровца бросали с праведным гневом хакасы свои проклятия, от которых холодело внутри и появлялось чувство неизвестной вины.

Эта вина навсегда укоренилась в нем, ведь он был виноват уже в том, что служил с такими архаровцами в родной Красной Армии. Как говорится, вместе пил, вместе ел, и – ничего не подозревал. Проворонил такую беду!.. Причем, в самом сердце района – в селе Форпост, где и квартировал с ядром своего отряда. Там, Соленом озере – озере Тус - где издавна добывали соль, кто-то бросил под лед несколько десятков человек. А ведь среди них были и старики, женщины, дети.
Кроме того, стариков, женщин и детей из-за него мучили и убивали, отбирали у них скот и имущество по всему Ачинско-Минусинскому району.
Какой он был еще глупый и неумелый!..
Зря, действительно, столичное командование доверило ему это дело.
Не удивительно, что ему никто не поверил на слово.
А поверили – многочисленным доносчикам, поскольку те подкрепляли свои наветы свидетельствами живых очевидцев подлинного преступления.
Причем, поначалу у него и самого пошла кругом голова. Перед глазами все разом смешалось и сместилось. И в этой сместившейся, загнанной в плоскость реальности, он чуть было покорно не признал, как, вероятно, признавали самые невероятные обвинения в свой адрес в подвалах Лубянки нынешние «враги народа», - что, вероятно, оступился во хмелю.

«Неужели, - мучительно думал он сквозь навалившиеся дремоту и усталость, - я действительно страдаю приступами неконтролируемой ярости, которые потом совершенно изглаживаются из памяти? Моя нервная система действительно вот уже шесть лет работает на пределе возможностей, я истощен, но подкрепляю себя алкоголем, потому что война не окончена».

К счастью, у него была очень хорошая логика.
И позже пришло другое понимание.
Но сны про плавающие в Соленом озере окровавленные трупы будут сниться ему всю жизнь.

Что ж!... Тогда он действительно станет этим скачущим всегда впереди всадником.
Но не отвратительным преступником Хайдаром, трусливо прикрывающимся за чужим именем и лицом – а Львом-Гайдаром! Ведь арабы, как ему рассказывали в свое время те из хакасов, что встали на сторону Советской власти, эти многозначным словом называли также львов. Примерно так же, в несколько другой огласовке, украинцы называли овцеводов, пастухов. А если немного пофантазировать, то получится, что Гайдар – это «Голиков Аркадий из Арзамаса». Вроде как «Д'Артаньян - из Артаньяна». Так он всем и будет говорить. Впрочем, он лучше никому ничего не скажет, а будет по-прежнему больше слушать, как давно привык. Пусть люди жарко спорят, поворачивая его имя то так, то этак, а он будет просто таинственно улыбаться, выпуская кольца дыма из любимой трубки. Главное, чтобы не сажали за имя в печь… А имя – оно просто имя. Хоть за него он готов пойти и на смерть. И потом – в имени могут обнаружиться по мере того как он растет, выметая из головы шелуху прежних понятий и вытягивая из омута душу, и какие-то новые, неизвестные ему значения. Ведь имя – это дом. А Родина – это вся бездонная вселенная с его периодическими мировыми пожарами.

Ах, если бы писатели всегда знали сами, о чем они пишут!.. Но тогда литература бы умерла. Так как некому бы больше стало нырять в глубину, чтобы когда-нибудь встать на твердую опору. И если она – твердая опора? Пока что он опирался только на Путь.

Гайдар против Хайдара!
Друг армии Голиков Аркадий – против красных бандитов!
Новый Тимур – Тимур Гараев - против новой Орды: пока это орда хулигана Квакина и тому еще не поздно остановиться!..
Отец Альки с пионерами «Артека» и сам погибший от рук бандитов малыш – против рядящихся в своих кулаков.
Барабанщик - против бросившего его на произвол после ареста отца общества.
Мальчиш-Кибальчиш – против предавшего их общее Дело за банку варенья и корзинку печенья Мальчиша-Плохиша, бывшего только пешкой в руках мировой нечисти.
Благородный воин Гайдар – против серого кардинала партии, впервые в истории ставшего ее главной фигурой, Человека в Футляре номер один.
Но это уже – Военная Тайна…

Первый революционный отряд пермских партизан, образовавшийся в подавленную царским правительством первую русскую революцию, просуществовал недолго. Он развалился из-за опьянения своей поднявшейся из глубин мутной силой.
Его не спасло даже то, что отряд возглавлял такой честный и ответственный человек, как рабочий Александр Лбов.
Но и командиру - тоже по-своему не хватало сознательности, не хватало понимания конечной цели борьбы.
Последний удар пришел оттуда, откуда он меньше всего ожидал.

К нему явился представитель самого Азефа - члена ЦК революционной партии эсеров – и пообещал прислать опытных инструкторов, которые помогут поднять уровень сознательности лбовцев. Но никто тогда не знал, что Азеф был опытным провокатором – шпиком царской охранки. Внедренный им человек и довершил гибель пермского восстания.
Сам же Лбов был - арестован и повешен.
Но перед тем как он взошел на эшафоте, ему напоследок принесли в камеру письмо женщины. Это было письмо богатой и образованной, пылкой, несколько взбалмошной дворянки Риты Нейберг. Но она поняла и полюбила Лбова и его высокую, быть может, непонятную и еще и ему самому душу. И как могла, помогала ему и отряду, хоть он и до последнего отталкивал ее, не доверяя как чуждому, с его точки зрения, элементу. Это последняя ласка – даже от чуждого как будто стана - стала для него признанием-откровением его правоты. Лбов понял – жизнь прожита не зря.

Но это не значит, что ему было не больно!..

«Подлец!.. Убийца!.. Предатель!..», - хотел крикнуть Гайдар в лицо этому подлому заму профессора из новых чекистов-головорезов, обросших в мирное время орденскими нашивками неизвестно за что.
Но вместо этого, повернувшись к тому спиной, выбежал из палаты.
Там он прижался к стене лбом.
Вот чертовщина! Стена была всюду – куда не повернись.
Глухая стена - из своих.
Глухая стена – из чужих.
Три метра коридора – на жизнь.
Почто она ему, такая?!..
Он прижался, повернувшись, к стене спиной и сел на пол, обхватив колени руками.
Так он сидел однажды в Крыму на скале. Сидел и плакал.
В одном из писем маленьким приемным дочерям Эре и Свете – а он разговаривал с ними как с самыми понятливыми в мире людьми - он потом написал:

«…Вчера ночью над горами пронесся могучий ураган — даже земля дрожала и деревья так и кланялись чуть не до земли. А потом, утром, взошло горячее солнышко, и все зверюшки запрыгали, все птицы запели, и даже в море рыбины заскакали, а петь они не умеют, а то в рот вода нальется… Сегодня мы видели змею, пили какао и пели песни…

…Это письмо пишу вам на другой день после того, как спустился я с угрюмых скал Геленджика в солнечную долину пионерского лагеря. Серые туманы окутывали нас почти двое суток. Стремительные ветры да дикие орлы кружились над нашими головами. Мы лезли такими опасными и крутыми тропинками меж гор и пропастей, по каким мне еще не приходилось лазить с далеких времен гражданской войны. На вершине скалы Ганзуры я сидел один и плакал о потерянной молодости ровно один час и 24 минуты. Вероятно, поплакал бы и больше, если бы снизу от костров не донесся запах чего-то жареного, и мне захотелось поесть. Поспешно тут спустился я в ущелье, и было самое время, потому что все уже успели захватить себе куски получше, а мне достался какой-то костлявый обглодок.

После этого закутался я в свое серое солдатское одеяло и, подложив под голову тяжелый камень, крепко заснул.

Видел я во сне чудный месяц, который плывет над рекой.

Видел Теремок у речки над водичкой.

Видел я обезьяну — Черный хвост. И ужасно кричала эта проклятая обезьяна, когда уклюнула ее смелая птичка-синичка.

Вдруг раздался гром, и я проснулся. ...».

В письме многое, конечно, осталось за кадром.
Как и в большинстве его скупых на подробности о личном, внутреннем, письмах и дневниках.
Осталось за кадром, вечно отзывающееся болью и слезами, чувство жуткой вины за свою доверчивость и неосмотрительность, за способность скоропалительно портить отношения с некоторыми начальниками и подчиненными тем, что говорил им все как есть. Как ни крути, а командиром отряда ЧОН Ачинско-Минусинского района был тогда он и, значит, это он пропустил расстрелы на Соленом озере и все другие преступления. Проморгал отряд своего черного двойника.
От этого иногда становилось так больно, что он ненавидел и себя и свою жалкую шкуру с негодной ни на что жизнью.
В такие минуты он и хватался за бритву или нож.
Невыносимая боль в голове, ворочающаяся штыком даже в позвоночнике, была лишь только одним из отягчающих это противостояние с собственной телесностью моментом.
В то время, как люди полегли там, на дне озера, он смеет жить и писать книги, получать за это гонорары, путешествовать, радоваться, любить… Знал бы кто как позарез ему нужно вернуться вновь в Армию и искупить свою вину, отдав за Родину все-все свои силы, умения и навыки! А лучше – самую жизнь!
Но Красная Армия не хочет его жизни, она его щадит!
В такие часы к нему лучше было не подходить. Несколько раз родным и друзьям удавалось вырвать у него, запершегося в комнате, лезвие в самый последний момент. От этого по всему телу оставались шрамы – так выворачивалась наружу его рыдающая душа.

Ну и конечно, за кадром в письме осталось глубоко личное. На скале в Геленджике он не мог не вспомнить свое первое посещение «Артека». Тогда он был там с маленьким Тимуром. И не знал, что это были их последние счастливые дни вдвоем. Это тогда, сразу же по их приезду Лия, объявив, что ушла от него, увезла сына прямо с вокзала жить к своему новому мужу.
Пронзительная тоска по сыну вылилась тогда в трогательную, скупую на внешние проявления и «слова», от чего она стала только пронзительней и глубже, целомудренную историю зарождающейся большой любви. Тоска офицера Сергея и пионервожатой Натки по погибшему Альке – спаяла их, как должны были догадаться юные читатели, на всю оставшуюся жизнь. Их жизнь, как и жизнь тоже горюющего по своему маленькому другу некомфортного пионера Вадика, будет всегда посвящена борьбе за все подлинное и светлое, но такое хрупкое, подставляющее спину невидимым врагам именно потому, что оно – настоящее.

Что же касается его самого, то до появления Доры с Женькой, - о нем некому было позаботиться. А всякому человеку, как глоток воздуха, была необходима забота.
Расставшись с Лией, он даже написал, расхныкавшись, в дневнике, что вообще-то было ему не свойственно:

«Выступал по радио - о себе.
А в общем - сутолока, вечеринки. И оттого, что некуда мне девать себя, не к кому запросто зайти, негде даже ночевать... В сущности, у меня есть только три пары белья,

вещевой мешок, полевая сумка, полушубок, папаха - и больше ничего и никого, ни дома, ни места, ни друзей.
И это в то время, когда я вовсе не бедный, и вовсе уже никак не отверженный и никому не нужный. Просто - как-то так выходит. Два месяца не притрагивался к повести "Военная тайна". Встречи, разговоры, знакомства... Ночевки - где придется. Деньги, безденежье, опять деньги.
Относятся ко мне очень хорошо, но некому обо мне позаботиться, а сам я не умею. Оттого и выходит все как-то не по-людски и бестолково. Вчера отправили меня, наконец, в дом отдыха Огиза дорабатывать повесть».

Другое дело, что женская забота – даже такая мудрая и ненавязчивая, как у Доры - это еще не все.
Тем более была не нужна ему плаксивая забота - под причитания женщин о том, что «и зачем вы, мужики, затеяли войну, - лучше бы, хоть худо да бедно, жили как встарь».
Как ненавидел он эту мещанскую старь!
Недаром он дал своему Лбову – реальному историческому персонажу – в хранящие его издали подруги отчаянную чудачку Риту Нейберг. А этой чудачке – имя своей любимой женщины. Чем нарушил документальную правду, на что ему посетовали некоторые оставшиеся в Перми очевидцы тех дней, не понимавшие правды художественной.

Но как назло, когда ему было больно, из него как ржавый гвоздь, вылезал черт, который вкрадчиво говорил ласковым женским голосом: «Перестань воевать, Аркаша… Жизнь у человека одна. Побереги ее. И если каждый будет ее беречь – вот эту свою самую простую жизнь – то он тем самым сбережет и миллионы других жизней. А так – посмотри на поле за окном. Это же сплошное Куликово поле».

- Борись, Арджуна! – говорил с интонациями Рувима другой голос. Глуховатый, но твердый. Ласкающий его лаской кремня. – Борись, друг. Разве же можно оставить всех этих бессознательно прячущихся в свою скорлупу людей – наедине с их тиранами и собственными тиранящими их страстями?
- Да плевать на людей, - зло отвечал Гайдар. – Я стал инвалидом, как Бумбараш. И душа моя – тоже очерствела и вот-вот погрузиться в немоту. Я хочу жить неспешным бытом где-нибудь под Рязанью. Или хотя бы в том же Клину. Всех я хороших людей люблю на этом свете. Восхищаюсь чужими домиками, цветущими садами, синим морем, горами, скалами и утесами. Но на вершине Казбека мне делать нечего – залез, посмотрел, ахнул, преклонился, и потянуло опять к себе, в нижегородскую или рязанскую. Милый Рувим, если хочешь, отрекись от меня, но только не бросай.
- А ты бы почитал тогда дневники Толстого.
- Ну да, я читал недавно его статьи. Он тоже призывал бросить оружие и просто не поддерживать существующую власть. Никакую власть не поддерживать, а просто жить по совести без всего этого регулярно всплывающего наверх человеческого дерьма. Только он не учел, что дерьмо-то движется с самого низу. Ох и насмотрелся я, Рувим, на фронте на низовое дерьмо. Я тебе про это никогда не рассказывал. Хрен редьки не слаще. Поэтому и досадно, и тревожно мне было читать Толстого. Я бы хотел научиться у него не буянить и не есть мяса. И – только. Послушай, Рувим... Неужели я стал Бумбарашем?
- Да никогда тебе им не стать! А если станешь, то эта страшная сила внутри – святая сила – раздавит тебя. Ты еще слишком сильно ненавидишь зло. Поэтому ты и попал в это место и в это время, когда на головы привыкшим врать себе людям стали рушится возведенные ими прежде вавилонские башни. У всякого народа – своя башня. У нашего она – будет еще долго обваливаться, - этаж за этажом. Главное, чтобы ты действительно не оказался на верхних этажах. Эти, верхние, не понимают, что стоят в огне. Выноси пока из горящего

здания тех, кого еще можно спасти. Даже если они падают – с самого верха. Это и есть обыкновенная биография в необыкновенное время.
- Легко тебе, милый Рувим, говорить. Когда отца забрали на русско-германскую войну, я долго бежал с плачем за уносившим его поездом. Позже я даже попытался сбежать к нему на фронт, но меня вернули. Я написал ему в письме: «Мне сейчас ужасно хочется куда-нибудь ехать далеко-далеко, чтобы поезд меня уносил подальше, туда, за тобой, по той же линии, где ехал ты, с того же вокзала, где я так горько плакал. Бедный папочка, как у меня сжимается сердце и как мне тяжело при каждом воспоминании этого мимолетного сна. Когда я был у тебя, все разобрано мною до мельчайших подробностей -- выстрел, Покровка, и дальше и глубже, а особенно последнее, так и встают картины одна за другой. Эти тихие теплые вечера, когда мы брали извозчика и ехали в город, и встают они одна за другой, заставляя снова переживать моменты. Помню, когда рота остановилась, я залез на гору, я смотрел на тебя и сдерживал слезы, "неужели" -- пронеслось в голове, "неужели" -- подумал я, "неужели его могут убить?" -- точно сдавленный, рыдающий стон, вырвалось у меня... А поезд уходил все дальше и дальше, мерно ступал он по рельсам, и отрывалось от души что-то и уносилось вдаль за поездом к нему, милому и дорогому. Это один отрывок из дневника моей души. Пиши, дорогой, цветет черемуха, цветут цветы, расцветает великий красивый цветок свободы России, все, кажется, должно бы цвести, а не умирать, как умирают там на войне». Нет, я совсем не был похож на сурового пермского рабочего Лбова, который взяв однажды в руку маузер, как отрезал ту часть души, где живут сантименты. Но я тоже взял спрятанный отцом мне в подарок маузер – взял его, несмотря на протесты матери, до срока. Я хотел во всем походить на отца, - ведь он был большевиком-подпольщиком. Эту историю я, немного изменив, изобразил потом в повести «Школа». Маузер для меня был – как шпага для мушкетера или как комсомольский билет. Я не отдал бы его никому. С ним я чувствовал себя - превосходящим себя… Трудно передать это чувство словами… Нет, не героем. А кем-то, кто отвечает за всех и за все. Поэтому я потом вникал во все детали жизни подчиненного мне подразделения. Я даже навещал своих красноармейцев в тифозных бараках. Отдавал, выслушивая медиков, не абы какие, а дельные распоряжения. Наверное, потому и выжил, когда и сам подхватил в дальнейшем тиф и холеру… Так вот – я однажды понял еще мальчиком, что не надо писать отцу писем о своем горе – это только добавляет тяжести в его суровый быт. Более того – не надо бояться за жизнь. Надо бояться – изменить себе, подлинному. В глубине нас есть святость – она теплится, как едва приметный огонек. Не надо его задувать. А вот раздувать его – насколько хватит, а хватить может на весь белый свет – можно и нужно!.. С тех пор я перестал бояться чьей-либо смерти. А нарком по морским и военным делам Украины Подвойский, приехав на наш выпускной на Киевские командные курсы, где мне довелось учиться, на последнем построении на плацу, откуда мы уходили прямо на фронт, окончательно развеял все мои страхи. Он напутствовал нас так – он сыграл нам на прощание похоронный марш. Чтобы мы заранее попрощались с собой и товарищами, если кому придется умереть, но – все равно сделали свое воинское, необходимое будущему, дело... К тому же я поклялся продолжать жить и драться за двоих – своему смертельно раненному в бою товарищу - Яшке Оксюзу. Он был нашим командиром, а я его – заменил… Но когда я узнал про Соленое озеро, это огонек внутри как накрыло стеклянной крышкой. Мне кажется, что в тот день пошатнулась моя вера в человека… Потом я, конечно, выплыл… Но, как видишь, я до сих пор иногда – плаваю. Где они, рыцари?..
- Арджуна, борись!.. Вот и все что я могу тебе сказать как твой брат по духу, как названный отец. Вы с Костой Паустовским для меня как дети. Вы оба – так рано вылетели из разрушенных этой всемирной перетряской семейных гнезд, что, кажется, так и остались сиротами на всю жизнь. Будем же и дальше слетаться в наше гнездо в Солотче. А там времена и люди могут и поменяться.

- Но как бороться, Рувим? Когда я не Лев-Руставели, а всего лишь Гайдар. Витязь в тигровой шкуре все-таки имел дело с благородными царями. Да и мои Рахиль и Лия… все мои женщины оказывались, прямо скажем, отнюдь не царицами Тамарами. Да и я был не лучше их. Я потерял часть своей души – мою Нестан-Дареджан. И вынужден теперь сражаться за нее – как изгнанный, пораженный лев. Я скрываюсь вместо пещеры от людских глаз – в этом «Наутилусе». Называя его, чтобы обмануть тревогу – санаторием в Сокольниках. И зачем я так изоврался?.. У меня нет ни Автандила, ни Фридона, а есть только Рувим и Коста, и милая Дора, которая опекает меня как Асмат. А еще, быть может, я просто снюсь сам себе, как сказали бы индусы, и вся эта катавасия кругом – просто отраженные в увеличенных кривых зеркалах грани моей разбившейся натуры. Господи, как собрать из осколков Фаэтон, чтобы подняться к Солнцу?
- Но у тебя все-таки еще кое-что осталось. Осталось горячее сердце – Сердце Льва. Так что не скромничай, королевич. И хватит уже лить слезы. Вспомни погибшего, но не сломленного Рума. Его душа – его Нора - тоже устремилась за ним в эту поднимающую их в небеса погибель!

Ох, недаром он написал для одного Конотопа про Рувима шуточные стишки:"В небесах над всей вселенной, Вечной жалостью томим Зрит небритый, вдохновенный, Всепрощающий Рувим ..."

«Тук- тук-тук.
«Травма, — мелькнула у меня мысль. — Опять Моисей Абрамович».Я долго смотрел на хозяина, потом сказал ему:
— Это пройдет. Позвоните по телефону 1-43-62 и передайте, что я опять болен.
Дальше обрывки.
Помню: проходил день, наступала ночь, потом как будто наоборот.
Помню, у изголовья подолгу сидел старик, успокаивал меня и рассказывал. Рассказывал он что-то странное: о какой-то горной, дикой стране, замкнутой и неприступной.
— Откуда это?
— Это? Это из страны рыцарей.
— Разве и сейчас есть рыцари?
— Да, и сейчас.
— А где?
— Там, — он мотнул головой по направлению к ущелью. — Надо идти много-много дней в горы. Но с этой стороны туда никто не ходит. Никто даже настоящих троп отсюда не знает. Кроме того, эти люди не любят, когда к ним приходят чужие.
— Кто они?
— Они… хевсуры.
Доставали какие-то бумаги у меня из карманов. Писали куда-то письма.
Однажды под вечер я проснулся. То есть я и не спал вовсе, но впечатление было такое, будто проснулся.
«Рита! — вспомнил я с ужасом. — Рита! Что ты делаешь?»
В доме было пусто. Порывисто встал, схватил какой-то мешок, сунул в него несколько чуреков. Снял со стены свой охотничий нож.
«Надо торопиться! — подумал я. — Надо скорей спешить, скорей объяснить все!»
Я выскочил из дома и незаметно вышел из селения. В сумерках быстро зашагал по дороге. Прошел с версту и вдруг опомнился.
«А куда я, собственно, иду? К Рите? Объяснять? А зачем? Стоит ли? Да и поздно уже, пожалуй, объяснять. Не стоит. Но куда же
тогда? Если идти вперед некуда, то обратно нельзя. Но не стоять же посреди дороги!»
Я оглянулся.

В сумеречной торжественной тишине под заоблачной вышиной торчал хищный коготь снежной птицы — вершина далекой мрачной горы. Внизу — черное ущелье, внизу леса.
«Там — та горная страна, — подумал я. — Впрочем, все равно!»
Не раздумывая, не рассуждая, я свернул с дороги и быстро зашагал в открытую пасть загадочного ущелья.
Мне трудно сейчас сказать, сколько дней — четыре или шесть — я шел вперед. Кажется, лазал, как лунатик, по головокружительным карнизам, натыкался на перерезающие путь скалы, возвращался обратно, загибал вправо, завертывал влево, кружил и, наконец, потерял всякое представление о том, куда иду и откуда начал путь.
Кажется, ночи были прохладные. Ночами свистели разбойные ветры, ревели потоки, и выли по ночам не то волки, не то совы,да шумели листья дикого звериного леса.
Скоро наступил голод. Я лазал по деревьям. Доставал яйца каких- то черно-синих птиц. Поймал однажды в норе зверька, похожего
на суслика, зажарил и съел.
И чем дальше забирался я, тем глуше, молчаливей и враждебней смыкалось кольцо гор, тем беспощаднее давили голову каменные громады уродливых скал. Не было ни малейшего признака человеческого жилья, дикой каза-лась сама мысль, что здесь может жить человек.
Только один раз была встреча. В тревожном шорохе дрожащего кустарника я столкнулся лицом к лицу со старым облезлым медведем.
Он поднялся из логова, пристально посмотрел на меня, помотал головой и, лениво повернувшись, спокойно пошел прочь.
Эти дни голова у меня была горяча, ибо в ней, как в глиняном сосуде, в котором бродит виноградное вино, бродит ли без толку, бились о стены черепной коробки неокрепшие еще и не сложившиеся мысли. Потом все перебродило, улеглось, страшная усталость начала сковывать тело. И однажды, взобравшись на поросший мхом каменистый холм, я уснул тяжелым, крепким сном.
Тем самым сном, которым заканчивается припадок, сном, во время которого проходят сумерки и настает серый, но настоящий день.
Проснулся я от укола в спину. Повернулся, открыл глаза:
— Что это? Наяву или опять галлюцинация?
Прямо надо мною, возле двух коней, стояли два спешившихся всадника — два средневековых рыцаря. Один из них, с тонким ястребиным лицом, пересеченным шрамами, трогал меня кончиком острого копья.
Лица обоих незнакомцев выражали изумление и любопытство.
Я хотел подняться, но острие копья не позволило мне. Человек сказал что-то своему товарищу, потом поднял надо мной это узкое металлическое острие.
Меня поразило выражение лица этого человека. С таким выражением мальчишка стоит в лесу над прикорнувшей ящерицей и думает: разбить ей голову камнем или не стоит? Собственно, не к чему разбивать, а можно все-таки и разбить!..
Но другой ответил ему что-то и покачал головой.
— Камарджоба! Амханако! — по-грузински сказал я из-под копья».

Нет, Гайдар и тогда жестоко обознался. Это опять были не рыцари, а только их жалкие наружные подобия. Они взяли его в плен и увезли в Хевсуретию, где поселили как раба в замок местного царька. Его звали Улла. Он был старшим сыном хозяина замка и он терроризировал свой народ.
Он собирался выдать свою сестру – прекрасную Нору – за какого-то тоже богатого и знатного иноплеменника.
Нор же любила единственного настоящего тут джигита – прекрасного и телом, и душой Рума. А Рум любил – Нору.
Все жители этого глухого, затерянного в горах ущелья, куда не добралась еще Советская,

как и впрочем, любая другая власть – были предоставлены сами себе. Это были своего рода Маугли. Они принимали самолеты – за железных птиц.
И все-таки Гайдар встретил среди них рыцарей.
Рум, который готовил восстание, чтобы привести в этот затерянный уголок Хевсуретии Советскую власть, поклялся умереть, но вызволить Нору из рук брата -тирана.

«— Рум! — сказал я, подходя ближе. — Я знаю, что ты готовишь восстание.
Он вздрогнул и тигровым прыжком бросился ко мне.
— Что ты сказал?… Кто сказал тебе? И я ответил:
— Мне сказал это человек, голова которого торчит сейчас на пике у ворот замка. Он поверил мне, и ты можешь верить мнетоже.
Рум опустил руку с кинжалом.
— Шпионов у Уллы так много… — как бы объясняя свою вспыльчивость, тихо проговорил он.
Мы стояли на мшистом холме. Позади, врезаясь в небо, торчали вершины скалистых гор.
— Рум, — спросил я, — чего ты хочешь и чего добиваешься?
— Жизни, — помолчав, сказал он. — Мы мертвый народ. Мы живем в каменных норах тысячу лет все там же и все так же! Я
был внизу, я видел, что там работают, живут свободно, спокойно. Я видел там такое, чему здесь даже не верит мне никто. Что у нас есть? Полусырое мясо, сухие лепешки, конь, шашка и всегда, всегда одно и то же. Улла говорит, что зато мы свободны, зато нас никто еще не покорил. Это не так! Нас просто
позабыли, и мы, забившиеся сюда, в горную глушь, мы, маленькое племя, просто никому не нужны! Надо все менять, надо перерезать горло всем главарям, таким, как Улла, потому что они мешают жить! Все равно по-старому не живут. Старики говорят, что первого человека, который принес в горы винтовку, разорвали на куски, когда он выстрелил. А сейчас? А сейчас за винтовку отдают двух быков. Старики говорят, что когда-то один хитрый грузин принес в горы
маленькие куски блестящего зеркала и менял их на масло у женщин. Тогда всем женщинам, у которых нашли зеркала, обваривали кипятком лица, чтобы они не думали о своей красоте, а грузину набили рот осколками битых стекол и зашили губы кожаным шнуром! А теперь всякая девушка старается достать зеркало, и у самого Уллы висит большой кусок на стене. Все равно, раз старое уходит, надо, чтобы оно скорей ушло.
Облокотившись рукой на шашку, он насторожил слух и уставился в небо. Я ясно слышал как откуда-то издалека доносится едва уловимое, но знакомое жужжание. Я прикрыл глаза ладонью и тоже взглянул туда, куда, окаменев, уставился Рум. И увидел в синеве осеннего неба, над лесами, над громадами неприступных гор летящий с севера на юг аэроплан…
Долго смотрели мы, как исчезал он за облаками, склонившимися на грудь могучих гор.
Молчали. Я думал: «Дикая горная страна Хевсуретия, в которую так трудно пробраться и из которой еще труднее выбраться, — только маленькое пятнышко под взором быстролетных всадников воздуха».
Рум сказал:
— Эту железную птицу тоже сделали люди снизу. Я всегда смотрю на нее, когда она пролетает по небу. Я отдал бы свою серебряную шашку, коня и свой замок за то, чтобы у меня была своя железная птица.
— Зачем тебе, Рум?
— Так, — ответил он уклончиво. — Так. По-моему, тот, у кого есть эта птица, знает все, что только можно узнать во всем мире».

Гайдар, приближая тем самым свою гибель - его ждала здесь смерть, которую Улла только то и дело отсрочивал из каких-то своих расчетов – помог Руму с его людьми

выступить против Уллы.
Но Улла со своими людьми перебил их.
Сражаясь до последнего, как лев, Рум погиб.
Но Нора, высвободившись потом из плена с помощью кинжала, убив им Уллу, освободила и Гайдара.
Но она все равно погибла.
Она прыгнула в пропасть, чтобы воссоединиться с Румом.

Потом оказалось, что история Рума и Норы – была лишь сном, который привиделся ему после того как он прочитал письмо Риты и Николая.

Гайдар закончил свою повесть про всадников неприступных гор так:

«На этом месте тропинка была настолько узка, что двоим нельзя было идти рядом. Я пошел вперед и, поглядев на небо, усыпанное звездами, вспомнил Рума с его мечтой иметь «железную птицу», чтобы знать и видеть все, что только можно узнать в этом мире. И я подумал, улыбнувшись: «Рум! Не только тебе, но и мне нужна птица, которая научила бы меня видеть и понимать все. Но еще до сих пор я не встретил ее ни в голубом небе, ни в зеленых лугах. И если даже я и встретил ее случайно, то еще не узнал ее…»
Я вздрогнул от шороха осыпающихся камней. Я обернулся и увидел, что на узенькой тропинке над пропастью не было никого, кроме меня. Нора, тоскующая о Руме, исчезла в темной пустоте пропасти…
Далекий сон — страна умирающих рыцарей, страна железных кольчуг и каменных замков — этот сон уплыл прочь.
И доктор Владикавказской нервной клиники, не Моисей Абрамович пожимал мне руку и говорил:
— Ну, смотрите, больше никаких потрясений. Травма. Истеропсихо… Образ жизни — самый регулярный. Больше пейте молока, и чтобы никаких Хевсуретий.
Я вышел на улицу. Легкое солнце… Мягкой улыбкой расплывалась золотистая осень. Я жадно хлебнул глоток свежего воздуха и улыбнулся сам.
— Хорошо жить!
«Рита…»- вспомнил опять. Но на этот раз это имя вызвало только смутные очертания, тень, неясную и призрачную. Я позабыл лицо Риты…
Девять суток плыл пароход по Волге от Сталинграда вверх.
Девять суток я выздоравливал час за часом. И когда на десятые заревела сирена у пристани, где кончался мой путь, когда замелькали знакомые дома, прибрежные бульвары и улицы, я смешался с веселой, бодрой толпой и сошел на давно покинутый мною берег…
И вот я, вернувшийся из очередного путешествия по обыкновению ободранным и усталым, валяюсь теперь, не снимая сапог, по кроватям, по диванам и, окутавшись голубым, как ладан, дымом трубочного табака, думаю о том, что пора отдохнуть, привестивсе в систему.
Рита замужем за Николаем. Они официально зарегистрировались в загсе, и она носит его фамилию.
Вчера, когда заканчивал один из очерков для очередного номерамоей газеты, Рита неожиданно вошла в комнату.
— Гайдар! — крикнула она, подходя ко мне и протягивая руку.
— Ты вернулся?
— К кому, Рита?
— Сюда… К себе, — ответила она, чуть запнувшись. — Гайдар! Ты не сердишься на нас? Я теперь знаю все… Нам писали из грузинского поселка, как было дело. Но мы же не знали. Мы были сердиты на тебя за ту ночь! Ты прости нас.

— Прощаю охотно, тем более что это мне ничего не стоит. Как живешь, Рита?
— Ничего, — ответила она, чуть опуская голову. — Живу… Вообще…
Она помолчала, хотела что-то сказать, но не сказала. Подняла матовые глаза и, посмотрев мне в лицо, спросила:
— А ты?
Я не знаю, что это у нее за манера заглядывать в чужие окна…
Но на этот раз шторы моих окон были наглухо спущены, и я ответил ей:
— Я жаден, Рита, и хватаю все, что могу и сколько могу. Чем больше, тем лучше. И на этот раз я вернулся с богатой и дорогой добычей.
— С какой?
— С опытом, закалкой и образами встречных людей.
Я помню их всех: бывшего князя, бывшего артиста, бывшего курсанта. И каждый из них умирал по-своему. Помню бывшего басмача, бывшего рыцаря Рума, бывшую дикарку-узбечку, которая знала «Лельнина». И каждый из них рождался по-своему…»

Как ладья, выплывает из-за поворота коридора на банную комнату легкой, мягкой походкой тонкая девушка с короткими льняными волосами и глубокими синими глазами. Эти глаза – как чистая гладь синего моря. Разбросаны по щекам летящими чайками веснушки.
Опустившись на корточки, она бережно берет его за руку и, говоря что-то ласковое тихим мелодичным голосом, куда-то тянет.
- Ты Никитина?.. – спрашивает он с так и взвившейся, перевернувшей все внутри надеждой. – Неужели ты нашлась?
Он покорно идет за ней в ее палату, где в эту минуту нет больше никого.
Не устояв, опять садится на пол.
Девушка, обняв его за плечи, тоже садиться рядом.
Это само синее море пришло, приобняло за плечи теплой пенной волной и молчит. Это святое молчание.
- Как тебя зовут?... –спрашивает он спустя время, просто для того, чтобы хорошего не стало слишком много и оно не исчезло.
- Галя.
- Кто ты, откуда, что здесь делаешь?
- Я здесь на профилактике. А так я – работаю на фабрике спортивных костюмов. Я окончила облегченную школу… Для умственно отсталых, в общем. И иногда меня помещают сюда для профилактики как бывшего ребенка-идиота.
- Я люблю детей-идиотов. Это чудесные дети. Однажды я подружился с двумя маленькими идиотами, когда странствовал без денег по Новороссии. Они сбежали из интерната и помогали мне прокормиться тем, что воровали в огородах картошку и тыквы. Я потом описал тот случай в очерке… Только идиотами в очерке вышли, конечно, не те пацаны, а дядьки и тетьки, которые таким смышленых и сердечных ребят записали в идиоты.
- Я тоже помогаю с восьми лет прокормиться взрослым. С тех пор, как умерла мать. Отец сразу привел мачеху с двумя малышами-близнецами. И отец, и мачеха – сильно пили и работать не могли. Пришлось мне… Приходя из школы, я отправлялась побираться. Потом, когда немного подрасла, стала вязать шапки и шарфы, шить платья. Продавали соседям... На это и жили… Потом мачеха попала в эту больницу и прожила здесь два года. За это время отец привел другую и хотел выгнать близнецов. Но я ему не позволила. Я уже работала на фабрике и дала слово, что этот груз будет только на мне… Другую мачеху – она тоже оказалась пьющей – тоже пришлось взять на содержание. И первую тоже – я ношу ей обеды в общежитие. Но ничего, близнецы уже скоро окончат школу и сами встанут на ноги. И тогда я, наверное, уеду. У первой мачехи есть родня в Киеве. Я Киев хочу посмотреть… И, может, останусь там жить. Мачеха мне обещала… Я, может

быть, там даже замуж выйду. Хотя у меня есть тут жених… Он тоже учился в нашей школе. Он очень хороший человек, только он лилипут. Он ростом как двенадцатилетний пацан… Вот он уже пришел под окно – он всегда тут стоит, с самого утра. Мы переговариваемся жестами и он смешит меня. Придет под окно – и начинает смешить. Я хохочу и время до выписки тянется быстрее. Я посылала его в булочную за пирожками. Сейчас нам с вами их передадут – он перезнакомился со всеми дежурными на дверях и вообще со всеми, его тут все любят. И я его тоже очень люблю. Только не так как мужей.
- Ах ты, горемычная. Что все мои беды в сравнении - с твоими? Ты чем-то похожа лицом на моего умершего младенцем сына Женьку. С тех пор я очень боюсь за жизнь детей. Особенно детей командиров. Я тогда был на фронте и может быть - кто знает? – ребенку просто не хватило отцовского тепла. Поэтому мы с моей второй женой договорились обманывать этих… в общем, разных прохвостов в погонах, если кого-то из нас арестуют, будто Тимур – не мой сын. Чтобы он не стал сыном врага хотя бы по одному из родителей. Нет отца – стало быть, нет врага… Вот как мы теперь живем – хорошие люди!.. Но я все равно очень виноват перед сыном. Когда я вернулся из поездки по Средней Азии и Кавказу без Риты, я собирался все равно уйти от жены. Но она преподнесла мне сюрприз – она сказала, что она беременна. И представь – я, идиот, не обрадовался, а распсиховался. Я решил, что это такая военная хитрость, чтобы сохранить наш брак. Поэтому наши пути с женой разошлись на целых два года. Вскоре она уехала к родителям в Архангельск и там мой сын и родился. Я только сухо сказал ей на прощание, что хотел бы, чтобы, если будет сын – его назвали бы Тимуром. А если дочь – то Женей… В общем, мы впервые встретились с Тимуром в Архангельске, а потом опять сошлись с его матерью и переехали все в Москву, лишь когда ему уже было два года. Я знаю, ты все понимаешь и поймешь меня… Я взял бы тебя в жены, милая девушка. Но у меня уже есть Дора и Женька. И поэтому я могу быть тебе только старшим братом. Я обязательно найду тебя и буду приходить в гости. И ты станешь ходить к нам. Я пришлю тебе свои книги – они так просты, что их могут понимать все идиоты.
Вместе они подходят к окну и видят пританцовывающего на морозе маленького мужичка. Он, улыбаясь, поднимает над кажущейся непомерно большой взрослой головой на детском теле - пакет с пирожками и показывает рукой на вход.
- Я мигом! – певуче говорит Галя и выплывает из палаты.
Потом опять вплывает, протягивает ему, сидящему уже на стуле – еще дымящийся пирожок.
И это – единственный доставшийся им пирожок, который они по-братски разломят пополам.
Все остальное - расхватали по дороге другие обитатели больницы.
Они с удовольствием едят и неведомо чему – хохочут.
Но вдруг Галя начинает плакать.
Она просит дать ей бритву.
- Посмотри, - говорит она, показывая ему руки, - это шрамы от парезов. Когда я нервничаю, я режу себя, чтобы выпустить кровь… И если мне не дают этого сделать, то крови внутри становится так много, что я нервничаю все больше и больше больше. А иногда я ее слизываю – свою кровь.
- Бедная ты моя – как мы с тобой похожи… Мы с тобой махнем летом в Крым, в «Артек». Я устрою тебя работать пионервожатой. Меня там все любят и поэтому слушаются. Ты видела когда-нибудь море? Своей Женьке я писал в письме: *«Уважаемая Евгения! Плыву сейчас на пароходе по Черному морю. Море это очень глубокое, и если поставить сто домов один на другой, то все равно потонут. В этом море водятся разные злые рыбы, веселые дельфины, блестящие медузы, а коровы в этом море не водятся, и кошки с собаками не водятся тоже*». Только надо нам всем крепко верить в Тимура. Слышишь меня?.. Крепко верить в Тимура! Эти слова я говорил год назад здесь, в санатории в Сокольниках, одной десятикласснице, которая проходила здесь реабилитацию после

менингита и каких-то страхов. Ну, она была ни в пример многим другим – глубокой девушкой, она хотела видеть все как есть… И поэтому болела. Мы с ней крепко подружились – тогда еще не было ремонта и нас, пациентов, лежавших в этом отделении для легких больных, действительно, как в хорошем санатории, отпускали под присмотром медсестры гулять в парк. Вместе с этой девушкой мы стали ходить в парк на лыжах. Мы лепили снежных баб, строили снежные крепости, играли в снежки, катались на коньках и делились впечатлениями о прочитанных книгах. Мы читали стихи и много говорили. Она умела прекрасно читать «Фауста» Гете. Как-то она спросила: "Аркадий Петрович, что такое счастье? Только, пожалуйста, не отвечайте мне, как Чуку и Геку: счастье, мол, каждый понимает по-своему. Ведь есть же у людей одно, большое, общее счастье?» Я подумал и ответил: «Есть, конечно, такое счастье. Ради него живут и умирают настоящие люди. Но такое счастье на всей земле наступит еще не скоро». Она воскликнула: «Только бы наступило!». Я пообещал: «Непременно!». Ее звали Зоя Космодемьянская. У нее тоже, как у нашего с тобой барабанщика, был арестован отец. Он был из семьи священника. Я потом подарил ей свою книгу, где вместо дарственной надписи написал слова из «Чука и Гека»: «Что такое счастье - это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной».

И в это-то время на пороге палаты появляется еще один человек.
Это заместитель профессора отделения некий Сергей Иванович, про которого Гайдар уже настолько забыл, что с трудом может припомнить, что когда-то говорил с ним.
Тем более, что халат его наглухо застегнут на все пуговицы и орденские планки больше Гайдара не злят.
- Что здесь происходит?! - сумрачно кричит он сквозь сжатые зубы. Руки сцеплены за спиной. Не обнаружим доказательств криминала, он продолжает, уже поостыв: – Аркадий Петрович, а, ведь вы – очень гордый и властолюбивый человек. Узнав о том, какая слава свалилась на молодого поэта Сергея Михалкова после того, как он написал «Колыбельную Светлане» - все сразу поняли и без посвящения, что она предназначалась дочери нашего вождя – вы написали «Голубую чашку», главную героиню которой – маленькую девочку шести с половиной лет – тоже зовут Светланой. Не отрицайте - не отрицайте! Нам известно, что вы не раз встречались в то время с Михалковым – будучи коллегами по журналистскому цеху, вы пересекались тогда в коридорах «Известий». «Колыбельная Светланы» была опубликована «Известиями» 29 июня 1935 года. А ваша «Голубая чашка» появилась немногим позже – в январском номере «Пионера» за 1936 год. Но в то время как Михалков просто баюкал Светлану Сталину, обещая ей крепкий сон, охраняемый четко работающей страной и не смыкающими глаз пограничниками, вы осмелились прочитать ей проповедь!.. А ведь вы знали, что Светлана для всех нас – это не просто ребенок, а символ. Это – символ нашей юной страны. Недаром вслед за вождем и другие члены ЦК, а также другие партийные работники, да и простые граждане – стали с воодушевлением называть своих дочерей Светланами. Светлана – это и наш светлый путь к будущему, и одновременно – наша русская душа. Это как бы живое воплощение лампочки Ильича. Отличающаяся по-пушкински - всемирной отзывчивостью, и – одновременно – лиризмом, как героиня знаменитой баллады Жуковского, который и придумал это имя. Правда, без свойственного этому реакционному романтику налета мистицизма. А вы – вы посмели рассказывать в своей «Голубой чашке», ведя Светлану за руку, как отец, про то, какой, по вашему разумению, должна быть страна. А между тем имени товарища Сталина вы в своем творчестве за свою литературную карьеру почему-то так ни разу и не упомянули. Более того, вы подбивали Светлану Сталину сбежать из дома, а, может, и вовсе из страны, которую символизирует строгая, внешне холодная к девочке мать. Вы как отец пытались повлиять на Родину-Мать – перестроить ее для душечки-

Светланы на иных государственных началах. Вы захотели стать отцом – Советскому Союзу!

Как ни был Сергей Иванович осведомлен о непредсказуемости склонного к неожиданным поступкам Гайдара, что бесило его едва ли не больше всего, он все равно был ошеломлен, когда Гайдар, вдруг обернувшись во весь свой огромный рост, сделал два стремительных шага вперед и, прижав его к груди, с чувством расцеловал в обе щеки:
- Спасибо, друг! – сказал он звонким счастливым голосом. – Как ты мне помог!.. Ты сказал мне, что я могу стать отцом!

Да! Он может стать отцом Советскому Союзу. Тому, что цвел у него внутри еще тогда, когда он слушал маленьким рассказы отца про то, какое их всех ждет будущее, если они станут бороться за него. Позже эти образы, не теряя святой наивности, и в то же время - меняясь, росли вместе с ним. Это из них он создал потом в качестве писателя свою Гайдарию. И действительно свято верил, что может донести ее до сердца всех Светлан, включая дочь вождя. Верил, что любившая его книги Светлана Сталина шепнет про эту Гайдарию отцу, а тот вспомнит и воскресит в себе гимназиста Сосо Джугашвили, который был все же тоже немного мечтателем, раз написал такие стихи:

Ходил он от дома к дому,
Стучась у чужих дверей,
Со старым дубовым пандури,
С нехитрою песней своей.

А в песне его, а в песне –
Как солнечный блеск чиста,
Звучала великая правда,
Возвышенная мечта.

Сердца, превращенные в камень,
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме.

Но вместо величья славы
Люди его земли
Отверженному отраву
В чаше преподнесли.

Сказали ему: “Проклятый,
Пей, осуши до дна...
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!”

Святую правду юноши отвергли. А он – отверг из-за этого собственную душу.
Вот что понял только теперь Гайдар.
Нельзя смеяться над детским сердцем!
Детскую правду надо хранить в своем сердце глубоко-глубоко, как самую важную Военную Тайну, как пытается хранить его, несмотря на холода, он сам.
Последнее же он понял гораздо раньше, когда написал «Школу» - первое свое произведение, сознательно написанное для детей, с которого и начался в литературе его путь как большого писателя уже со своим, крепким голосом.

Он сумел посмотреть тогда на жизнь страны с самого низа – глазами ребенка.
И низ и верх вдруг - поменялись местами.

По образу и подобию Гайдарии, но только непременно такой, какая растет вместе с ним, а после его смерти будет расти с другими ее сынами и дочерями – и нужно строить новую Россию, со всеми ее общественными и государственными структурами: от детской площадки и школы - до армии и правительства.
Раз она есть внутри, то, значит, должен найтись и ее физически ощутимый, воплощенный в жизнь образ. Сопутствующий тому, чтобы, быть может, преодолеть когда-нибудь даже притяжение материи. Поскольку все, что непреодолимо – преходящее по определению. Поэтому рост вечно находящейся в Пути страны – бесконечен.
Вот только начинаться он должен – с мудрого умаления.

Вот идет рука об руку в «Голубой чашке» его лирический герой со своей дочерью Светланой. Дочери – всего шесть с половиной лет. Но есть в ней что-то не только от Светланы Сталиной, которую, Гайдар, несомненно, тоже имел ввиду – зам профессора ошибся не в фактах, а в мотивах! – но и от Эры и Светы, которые считали его тогда своим отцом. От Светланы-дочери вождя - его Светлана взяла стратегический ум, который предполагался в той по умолчанию. От младшенькой рыжеволосой подвижной и озорной Эры – его Светланке достался необыкновенно рыжий цвет волос и вся прелесть озорства. От старшей Светы – внутренний свет, тактичность, грация. И, конечно же, не мог не вложить он в этот созвучный, да что там говорить – слитый с ним образ души – и кое-чего от Никитиной. От нее Светлана переняла правдолюбие и отчаянную неприкрытость ребенка.
Но странные дела происходят в жизни маленькой Светланы. На что она не бросит взгляд – первый свой взгляд человека, привыкшего органично и в чем-то еще простодушно совмещать в своей маленькой жизни внешнее - с внутренним, как перед глазами ее оказываются перевертыши. И что бы делала Светлана, не будь у нее такого молодого душой отца, с которым они идут вместе по жизни, ненавязчиво поддерживая друг друга! Оба они, стараясь обнажить в происходящем глубину, постигают на практике – сначала в малом, а потом и большом – а может, оба эти процесса у них происходят одновременно, - что самого главного – глазами не увидеть.
Вот семья приехала на дачу. Дочь и отец полагали, что сразу отправятся по ягоды и грибы, сядут в лодку и поплывут по реке – отец на веслах, мать – на руле, а дочка – пассажиром. Но пришлось по указке Маруси – так они называют мать – три дня подряд подметать двор и чинить забор.
Потом появился товарищ Маруси – полярный летчик. И они с Марусей долго сидели с ним в саду под вишнями, вместо того чтобы сесть наконец всей семьей в одну лодку. А потом Маруся пошла провожать летчика на вокзал, а Светлане велела выпить молока и лечь спать.
И это несмотря на то, что они с погрустневшим отцом в это время с горя влезли на крышу и с увлечением устанавливали вертушку, которую только что смастерили.
Не послушались они Маруси и не слезли с крыши, и, та, вернувшись, уже сердито велела им идти спать и вертушку они так и не установили.
А утром случилось и вовсе странная вещь – Маруся обвинила их в том, что они разбили в чулане ее голубую чашку, когда лазили за мукой, чтобы приготовить для вертушки клейстер.
А они с отцом не разбивали голубой чашки!
Но Маруся почему-то не поверили их твердому слову, и уехала в город.
И тогда отец предложил – уйти от Маруси туда, куда глядят глаза.
А глядели эта глаза – на весь тот большой и широкий мир, который, начинаясь за порогом их дачи, так и манил в свою даль.

Собственно, костяк сюжета «Голубой чашки» и составлял рассказ об этом предпринятом отцом и дочерью побеге-странствии.
Чего только они не увидели, не перечувствовали и не ощутили за этот долгий день! Чего не передумали!
Эти удивительные встречи с природой, людьми, их судьбами и ситуациями – глубоко жизненны и полны скрытого в них света и мудрости. Вбирая эту мудрость как свет ясного солнца, как нежную росу и неприметное на первый взгляд тепло человеческого сердца – Светлана растет не только ввысь, но и в глубину.
И к концу этого удивительного, очень светлого, полного увлекательных приключений дня – душа ее обретает способность видеть во взрослом мире за его обманчивой сложностью – его простую внутреннюю основу. Она находит единство между внутренним и внешним, но единство не прямое, а опосредованное. Внешнее – не обязательно равно внутреннему. Правое – не обязательно равно левому. Не стоит сужать многообразие жизни, подгоняя одни его стороны – под другие, исходя из только сугубо своего, личного видения. Разные взгляды разных людей – при всей их преходящей важности, к чему тоже надо уметь уважительно прислушиваться – одновременно и перегородки, отделяющие людей друг от друга, создающие между ними – зону непонимания и отчуждения.
Но суть-то все равно не в разделениях, а в единстве!
Все люди на глубине едины и хотят одного! Они любящие и желающие любви души! Вот что поняла своей глубокой любящей душой Светлана.
И - смогла понять изнутри чувства матери и отца, скрытую от глаз причину их раздора. И – даже ненавязчиво помогла им в конце этого трудного, но радостного дня – снова найти друг к другу дорогу.
Нет, голубую чашку никто не разбивал – ни отец, ни Светлана, ни сама так часто принимавшая в последнее время внешнее за внутреннее Маруся: это разбилось внешнее понимание счастья у самой Маруси. Да и у отца и дочери – тоже разбилось некое сугубо свое, пусть и более тонкое и красивое, чем у Маруси, но все-таки еще в чем-то ограниченное понимание сути вещей.
А посуда, как известно, бьется к счастью!..
Вернувшись из города, Маруся сняла платок, снова надела свое красное платье, влезла босой на крышу и сама установила их роскошную сверкающую вертушку. А после - стала дожидаться своих домочадцев с прежней, теперь и проявленной так же и наружу, любовью.
А возвратившиеся поздно вечером отец и дочь, ни словом ее не попрекнув, окончательно решили, что никто голубой чашки не разбивал – ее, вероятно, случайно задели глупые серые мыши. И просто – отодвинули ногой еще валяющиеся осколки.

Это рассказ – о Доверии.
Так бы он охарактеризовал свою «Голубую чашку» теперь.

В нем он снял мнимое противостояние между «своим» и «чужим», приводящее к наклеиванию всяческих ярлыков:

«Увидал нас Пашка, но не испугался, а бросил огрызок в собачонку и сказал, ни на кого не глядя:

– Тю!.. Шарик… Тю!.. Вон идёт сюда известный фашист, белогвардеец Санька. Погоди, несчастный фашист! Мы с тобою ещё разделаемся.

Тут Пашка плюнул далеко в песок. Кудластая собачонка зарычала. Испуганные воробьи с шумом взлетели на дерево. А мы со Светланой, услышав такие слова, подошли к Пашке поближе.

– Постой, Пашка, – сказал я. – Может быть, ты ошибся? Какой же это фашист, белогвардеец? Ведь это просто-напросто Санька Карякин, который живёт возле того

дома, где чьи-то свиньи в чужой сад на помидорные грядки залезли.

– Всё равно белогвардеец, – упрямо повторил Пашка. – А если не верите, то хотите, я расскажу вам всю его историю?

Тут нам со Светланой очень захотелось узнать всю Санькину историю. Мы сели на брёвна, Пашка напротив. Кудластая собачонка у наших ног, на траву. Только Санька не сел, а, уйдя за телегу, закричал оттуда сердито:

– Ты тогда уже всё рассказывай! И как мне по затылку попало, тоже рассказывай. Думаешь, по затылку не больно? Возьми-ка себе да стукни.

……

……

Посмотрели мы на Саньку и подумали: «Ну, брат, плохая у тебя история. Даже слушать противно. А мы-то ещё собирались за тебя заступиться».

И только хотел я это сказать, как вдруг дрогнула и зашумела мельница, закрутилось по воде отдохнувшее колесо. Выскочила из мельничного окна обсыпанная мукой, ошалелая от испуга кошка. Спросонок промахнулась и свалилась прямо на спину задремавшему Шарику. Шарик взвизгнул и подпрыгнул. Кошка метнулась на дерево, воробьи с дерева – на крышу. Лошадь вскинула морду и дёрнула телегу. А из сарая выглянул какой-то лохматый, серый от муки дядька и, не разобравшись, погрозил длинным кнутом отскочившему от телеги Саньке:

– Но, но… смотри, не балуй, а то сейчас живо выдеру!

Засмеялась Светлана, и что-то жалко ей стало этого несчастного Саньку, которого все хотят выдрать.

– Папа, – сказала она мне. – А может быть, он вовсе не такой уж фашист? Может быть, он просто дурак? Ведь правда, Санька, что ты просто дурак? – спросила Светлана и ласково заглянула ему в лицо.

В ответ Санька только сердито фыркнул, замотал головой, засопел и хотел что-то сказать. А что тут скажешь, когда сам кругом виноват и сказать-то, по правде говоря, нечего.

Но тут Пашкина собачонка перестала вдруг тявкать на кошку и, повернувшись к полю, подняла уши.

Где-то за рощей хлопнул выстрел. Другой. И пошло, и пошло!..

– Бой неподалёку! – вскрикнул Пашка.

– Бой неподалёку, – сказал и я. – Это палят из винтовок. А вот слышите? Это застрочил пулемёт.

– А кто с кем? – дрогнувшим голосом спросила Светлана. – Разве уже война?

Первым вскочил Пашка. За ним помчалась собачонка. Я подхватил на руки Светлану и тоже побежал к роще.

Не успели мы пробежать полдороги, как услышали позади крик. Мы обернулись и увидели Саньку.

Высоко подняв руки, чтобы мы его скорее заметили, он мчался к нам напрямик через канавы и кочки.

– Ишь ты, как козёл скачет! – пробормотал Пашка. – А чем этот дурак над головой размахивает?

– Это не дурак. Это он мои сандалии тащит! – радостно закричала Светлана. – Я их на брёвнах позабыла, а он нашёл и мне их несёт. Ты бы с ним помирился, Пашка!

……

……

….

– Странные я слышу разговоры, – двигаясь вперёд, сказал бородатый старик. – Видно, я шестьдесят лет прожил, а ума не нажил. Ничего мне не понятно. Тут, под горой, наш колхоз «Рассвет». Кругом это наши поля: овёс, гречиха, просо, пшеница. Это на реке наша новая мельница. А там, в роще, наша большая пасека. И над всем этим я главный

сторож. Видал я жуликов, ловил и конокрадов, но чтобы на моём участке появился хоть один фашист – при советской власти этого ещё не бывало ни разу. Подойди ко мне, Санька – грозный человек. Дай я на тебя хоть посмотрю. Да постой, постой, ты только слюни подбери и нос вытри. А то мне и так на тебя взглянуть страшно.

Всё это неторопливо сказал насмешливый старик и с любопытством заглянул из-под мохнатых бровей… на вытаращившего глаза изумлённого Саньку.

– Неправда! – шмыгнув носом, завопил оскорблённый Санька. – Я не фашист, а весь советский. А девчонка Берта давно уже не сердится и вчера откусила от моего яблока больше половины. А этот Пашка всех мальчишек на меня натравливает. Сам ругается, а у меня пружину зажулил. Раз я фашист, значит, и пружина фашистская. А он из неё для своей собаки какую-то качалку сделал. Я ему говорю: «Давай, Пашка, помиримся», – а он говорит: «Сначала отдеру, а потом помиримся».

– Надо без дранья мириться, – убеждённо сказала Светлана. – Надо сцепиться мизинцами, поплювать на землю и сказать: «Ссор, ссор никогда, а мир, мир навсегда». Ну, сцепляйтесь! А ты, главный сторож, крикни на свою страшную собаку, и пусть она нашего маленького Шарика не пугает.

– Назад, Полкан! – крикнул сторож. – Ляжь на землю и своих не трогай!

– Ах, вот это кто! Вот он, Полкан-великан, лохматый и зубатый.

Постояла Светлана, покрутилась, подошла поближе и погрозила пальцем:

– И я своя, а своих не трогай!

Поглядел Полкан: глаза у Светланы ясные, руки пахнут травой и цветами. Улыбнулся и вильнул хвостом.

Завидно тогда стало Саньке с Пашкой, подвинулись они и тоже просят:

– И мы свои, а своих не трогай!»

- Отбой! – приказал комендант снежной крепости Тимур, увидев во главе войска своего главного противника по военной игре – Сашу Максимова, у которого, как он ошибочно полагал, только что погиб на финской войне отец. – Сдать крепость без боя!

Его непримиримый противник – командир отряда противника в их игре - был болен, но убежал из дому с температурой, чтобы во что бы ни стало взять этой ночью крепость, возглавив свое войско.
Тимуровцы с легкостью могли бы отбить эту атаку.
Но комендант приказал выбросить Белый Флаг.
Он понял – мальчик, у которого погиб в честном бою отец-командир – сейчас «свой».
А со своими – не воюют!

- Капитан Грант! Отец! – закричали Тимур и Женя.

Тут сердце Гайдара – вдруг опять встрепенулось и принялось, как и душа Светланки, что называется, светить во все концы.
Туман перед глазами рассеялся и он обнаружил, что больше не стоит в полынье.
Тогда он дал капитану Немо команду: «Поднять «Наутилус» наверх!»
И – стал готовиться к выходу на сушу.

Через два дня писатель Аркадий Гайдар выписался из больницы.
Провожали его – Сергей Иванович, Галя и Иван.
Прежде чем повернуться на каблуках и быстро уйти, Сергей Иванович отчеканил:
- Аркадий Петрович, не забудьте: 25 января вас ждут на совещании в ЦК ВЛКСМ по вопросам трудового и военного воспитания детей. Если сдадите этот экзамен, ваш «Комендант снежной крепости» немедленно пойдет в печать.
Галя просто кротко улыбалась, стараясь не выдавать тихой грусти.

Иван же строго повелел:
- Иди, командир, и больше не возвращайся.
- Нет, я непременно вернусь, - пообещал им обоим Гайдар. – Это очень серьезно.
А на улице сияло, катаясь на снегу рыжим озорным мальчишкой, даже в этот крепкий мороз ясное, требующее от жизни своего – январское солнце.
Вокруг было много разных людей и все они не всегда знали, как понять чужую границу, не теряя своей, и – часто это приводило к печальным, а порой и забавным потерям.
Но он твердо верил – внутренне и внешнее когда-нибудь сойдутся и на их материке снова наступит Золотой Век.
Главное, что его ждут повсюду – его дети.

Вскоре по всей стране молнией разлетелась речь Гайдара, обращенная к своим юным читателям с трибуны ЦК комсомола. В ней в частности говорилось: «Пусть потом когда-нибудь люди подумают, что вот жили такие люди, которые из хитрости назывались детскими писателями. На самом же деле они готовили краснозвездную, крепкую гвардию».

Осенью 1941г военный корреспондент «Комсомольской правды» Аркадий Гайдар, которого не взяли на фронт по здоровью, отказался эвакуироваться из осажденного немцами Киева.
По словам очевидцем, он сказал, что уезжать ему было стыдно – в окружении, фактически, на произвол судьбы, была брошена высшим командованием 600-тысячная группировка киевских войск.
Вместе с другими командирами он вывел, разбив на три штурмовые колонны, с боями в леса около 4 000 бойцов, которые стали потом прорываться мелкими группами дальше.
Сам же Гайдар собирался организовать свой собственный партизанский отряд и увести его в Черниговские леса.
Но 26 октября 1941г он был убит выстрелом в сердце на железнодорожном переезде близ села Лепляво Каневского района Черкасской области, нарвавшись вместе с четырьмя другими бойцами на немецкую засаду.
Приняв огонь на себя, Гайдар успел махнуть оставшимся за насыпью товарищам, благодаря чему тем удалось спастись.
По крайней мере, двое из них дожили до Победы.
По их словам, на гимнастерке командира в те дни отсутствовал неизменный орден: сослуживцы в целях конспирации уговорили товарища Гайдара что называется – не светится.

Часть третья. **Сожженный путь**

Сосны с березами пролетали мимо окон. Струились навстречу веселыми, повсюду растекающимися по песку ручьями – струи хлынувшего вдруг дождя. Над ним возвышалась в розоватой водяной пыли немного отуманившееся солнце.
Годар, не спуская рюкзака, стоял в самом конце автобуса. Пассажиры украдкой поглядывали на него, желая удовлетворить какое-то любопытство.
Наконец, один из них не выдержал и спросил:
- А что – у вас пионерский слет?
- Да какие из них пионеры, - посмеялись с сидений, - и где они теперь - пионеры?..
- Пионеры-пионеры, - с улыбкой согласился Годар, - с главного пионерского слета.
- А то я езжу на дачу и все время вижу – идут и идут с рюкзаками – то туда, то обратно.

Молодцы, ребята. Так и надо. Не уматываетесь, как мы.
Некоторые пассажиры, оглянувшись, открыто посмотрели ему в лицо добрыми прищуренными глазами.
Большинство из них были одеты по-городскому, в лицах чувствовалось уютное спокойствие и некая дымка задумчивости незримо витала над головами – по ней словно передавался друг другу почерпнутый из льющего за окнами солнечного дождя - дух скрытого в невидимой глубине простора.
Но когда автобус, высадив на предыдущих остановках добрую половину пассажиров, въехал в центр Чебаксар, дождя уже не было.
И один недобрый пассажир желчно выругался, когда Годар замешкался в проходе, вытягивая рюкзак из не до конца открывшейся дверцы.
Годар проводил его, куда-то стремительно убежавшего, после того, как тот оттолкнул его, с улыбкой – все еще прозрачной и легкой, сквозящей на легком ветру ласковым березовым листом.
За окнами выросли элегантные здания и дома – каждый из них был ладен и отличался какой-то особинкой. Этой особинки не затмевали даже рекламные щиты и другие признаки излишеств. Этот город лежал на хорошо вымощенных и вымытых мостовых, то спускающихся, то взмывающих вверх.
Годар быстро понял, что если идти по спуску, то – попадешь на Набережную, а если взбираться в гору – то на холмы, где виднелись вдали золотые купола изысканных в архитектурном отношении храмов.
Но для начала надо было добыть себе пищу.
Он вошел, как входят, наверное, в здание вокзала только что приехавшие туристы, в какой-то продуктовый магазин и с любопытством остановился посередине, оглядывая многочисленные полки. И опять отметил лад и уют – все было красиво разложено по полочкам и это убранство не отличалось крикливостью. Продавцы у кассы не кидались с предложениями, а спокойно и сосредоточенно занимались какими-то своими делами.
Взяв кефир, ацидофилин и ряженку, овсяные печенья, замечательный черный дарницкий хлеб и местное лакомство – маковый рулет, – Годар расплатился, с трудом скрывая от немного нахмуренной от каких-то своих мыслей немолодой продавщицы свою необъяснимую улыбку и, погрузив все это в рюкзак, отправился гулять по городу.
Разыскав среди нескольких автовокзалов тот, откуда можно было уехать в Москву, он взял билет на завтрашний утренний рейс.
Где он будет ночевать сегодня, он еще не знал. Но хотел бы провести ночь под открытым небом. Поэтому вариант с ночевкой в здании автовокзала, куда его могли и не пустить, он оставил на крайний случай.
Дальше он долго шел куда-то вниз, по узкой, местами вымощенным булыжником старинной улице, где было много клумб и причудливо изогнутых скамеек. Некоторые здания по обеим сторонам имели шпили. Многие окна были резными. Деревья были аккуратно подстрижены, их стволы – опрысканы белой краской.
Вместе с ним в этом оторванном от суматохи уголке, чем-то напоминавшем ему Ригу, но только без рижской размеренности и тишины, шли или сидели – чаще по двое-по трое – негромко переговаривающиеся молодые люди. У некоторых в руках были большие пластиковые стаканы с пивом, из которых они отхлебывали на ходу, причем некоторые – через соломинку.
Тут он, осмотревшись, догадался, что улица вела в три направления – в центр, в университет и на набережную.
Из центра он уже пришел, а университет его сейчас интересовал не очень. Поэтому он ускорил шаг в прежнем направлении и скоро вышел на набережную.
Первым делом он увидел огромную водную гладь со многими передвигающимися по ней водными велосипедами, среди которых встречались и медленно плавающие лодки. Из глади вырывались фонтаны и поднимались на тонких ножках похожие на большие белые

одуванчики – круглые фонари. Вдали же виднелся холм со статуей стоящей со знаменем женщины и коленопреклоненным мужчиной в гимнастерке с орденами. Это была, как узнал он чуть позже, переговорив с каким-то проходившим добрым человеком – Мать-Покровительница, установленная в честь Победы над немецко-фашистскими захватчиками. Мужчина-воин, преклонив колено, присягал ей и знамени, за которое уверенно держалась ее рука – на вечную верность.
Водную поверхность пересекал красиво украшенный фонарями мост.
И такими же встающими в линии большими и маленькими фонарями-одуванчиками была усеяна вся огромная площадь Чебоксарского залива.
Эта площадь представляла собой комплекс разнообразных, органично переходивших друг в друга более мелких площадей и площадок, парков и памятников, лестниц, крытых ларьков и кафе. Здесь сошлись и выложенная узорными плитами мостовая, и пляж со светлым песком, и зеленая лужайка.
Поняв, что не хочет отсюда уходить, Годар бродил здесь до вечера.
Наконец, насмотревшись на вспыхнувшие на потемневших водах одуванчики, среди которых раскинулась фонтанирующая электрическая радуга, он отправился приискивать место для ночлега.
Он дошел до храма, который был огорожен небольшим забором с незапертой калиткой. Войдя в калитку, заметил могилу с большим деревянным крестом. Подошел и немного постоял, прочитав, что тут лежит некий старец, похороненный в девятнадцатом веке. Стараясь держаться благоговейно, тихо отошел в сторону и присел на камень… Тут был еще палисадник и несколько скамеек. А в стороже, судя по всему, эти места не нуждались. Можно было, конечно, примоститься на скамейке, но через дорогу напротив - слышались музыка и девичий смех. Там, на первом этаже двухэтажного здания, располагалась аптека. Ее сотрудницы то и дело выходили на крыльцо и что-то громко, суматошно рассказывали друг другу. Иногда у аптеки останавливались автомобили и их владельцы, проворно взбежав по ступенькам, уводили чуть притихших работниц фармацевтической промышленности в их напоенные микстурами покои.
Поэтому Годар не нашел ничего лучшего, как кинуть свой коврик в глубине палисадника.

Но ночь так и не наступила – она лишь присела странной смеющейся феей часа на четыре – и начался рассвет.
Чебоксарцы тоже встали с первыми лучами солнца, хоть и, казалось, не ложились: всю ночь отовсюду наплывали дальние переговаривающиеся голоса, ездили где-то авто, а нервный смех на крыльце аптеки тонул в чьих-то объятьях.
Позавтракав, Годар покинул свое укрытие и куда-то пошел – чисто наобум.
Вскоре он вышел к скверу, где уже были два-три посетителя, выгуливающие в розоватой туманной полумгле носящихся кругами собак. Присел на лавочку, а потом даже прилег на нее, убаюканный крутящимся в хрустальной тишине собачьим дыханием, легким хрустом мелких веток, тихим шелестом чьих-то редких шагов по гравию.
Вдруг в сознание проник гвоздем монотонный, потухший, безразлично-грустный, словно все про всех знающий и ко всему притерпевшийся голос:
- Брат, ты не голоден?..
Годар рывком вскочил.
- Лежи-лежи… Отдыхай. Менты тоже еще отдыхают. А мы тут насобирали вот… присоединяйся. Мы вон там с товарищем живем – видишь подстилку под бугром? Так что если голоден – подходи… Товарищ только что отошел – бутылки пошел собирать.
Перед ним стоял бомж.
Это был человек его лет, весь в лохмотьях, но с еще густой непричесанной шевелюрой цвета соломы и большими зелеными глазами, которые были словно покрыты предсмертной пленкой. Эти глаза не смотрели ни на собеседника, ни на окружающую жизнь, но в то же время машинально выхватывали из нее, жизни, все самое необходимое.

Этот нехитрый набор необходимого заставлял человека цепенеть, чтобы тот вдруг не очнулся и не принялся истошно кричать, протягивая ко всем руки за помощью. Люди вокруг могли бы вытянуть его из трясины, в которую он когда-то попал – уже не помня где и как – для этого надо было кричать, а сил уже не было. Да и веры в руку помощи – тоже.
Поэтому человек предпочитал брать от жизни только самое необходимое – то, что лишь поддерживает тело, но не греет душу. Самым страшным для него было – оттаять душой, отогреться.
И это – создавало между ним и обычно торопливо проскальзывающими мимо с опущенными глазами другими людьми еще одну незримую преграду – преграду из, казалось, неодолимого отчуждения.

Годар тоже почувствовал это смешение чувств – смешение вины, чисто физической неприязни, желания как-то помочь и в то же время - поскорей пройти мимо, желания поскорей убежать, чтоб непробудное чужое горе не зацепило своим краем, чтоб не заголосить самому при виде приоткрывшейся правды – при виде грозящей отовсюду любому человеку погибели. Бежать, бежать, поскорей бежать!... Это самая привычная привычка людей при встрече с чьим-то непролазным горем.
Обычно мы соглашаемся помогать людям, лишь если это греет нам чем-то душу. Помогать беспросветно горюющим без отдачи – мы не согласны.
Наверное, такие моменты обнажают всю призрачность нашей якобы хорошести, нашего якобы – тепла и света.

Поэтому Годар быстро понял, что он по отношению к этому стоящему за чертой жизни человеку – просто подлец. Так как у него нет за душой - что предложить ему. У него не было уже даже рулета и кефира с ряженкой. Был только хлеб, который он торопливо отдал собеседнику, объяснив ему, что сам он – турист, и ни в чем не нуждается.

Бомж ушел. Потом опять вернулся, переделав какие-то только ему понятные необходимые дела и вдруг, застенчиво улыбнувшись, сказал:
- Пойдем, я тебе Волгу покажу.

И вскоре они уже стояли на холме, откуда была видна не только Волга, но и весь город – все это лежало внизу и, взобравшись еще на обломок бетонной плиты, пошатываясь и балансируя на ней, Годар вдруг почувствовал себя наравне с пролетающими птицами. Тяжесть отпустила его. Он весело воскликнул, чуть не упав с этого случайного постамента:
- Красиво-то как!..
- Да, Чебоксары – славный город, - откликнулся его спутник с непритворной гордостью. Видимо, он был еще начинающим бездомным и на первых порах приобрел обострившуюся способность оттаивать от малейших проявлений внимания. Он жадно искал человеческую ласку, вынюхивая ее в прохожих подобно всюду рыскающему голодному псу. Это потом – наступит окончательное бесповоротное отчаяние и тогда до него уже будет невозможно достучаться никому. – Ты в курсе, что у нас родился Чапаев?.. Не в курсе… Ну правильно, сейчас никто и не вспомнит такого имени. А раньше у нас каждый год в его честь проходили – большие торжества. Вон там погляди – квадратик виднеется – там целый музейный комплекс. И памятник его стоит. Пионеров-то было сколько раньше – съезжались со всего СССР. И ты не поверишь – я там был главным барабанщиком. Я в детстве по барабану так и стучал…
- Вы умеете играть на барабане? А хотите опять попробовать сыграть? Или не обязательно сыграть, а просто послушать… Но если вы попросите барабан, то вам его непременно дадут. Это совсем недалеко – надо сесть на автобус в сторону Казани и где-то через

двадцать минут выйти у поворота на село Иван Беляк, а там пройти лесом двадцать километров до острова на речке Кокшаге. У меня есть схема – я вам дам. Я и на автобус дам. А что касается продуктов и ночлега, то там все это бесплатно. Там собираются музыканты и вообще – добрые люди. И там как раз намечается – грандиозный концерт! В общем, давайте, лучше я теперь расскажу все заново и по порядку.
Годар принялся рассказывать про Радугу, усиленно склоняя как будто внимательно слушающего, поддакивающего, переминающегося с ноги на ноги спутника к тому, чтобы тот немедленно отправился в путь. Но в какое-то мгновение, когда речь Годара запнулась, спутник вежливо сказал:
- Нет, брат, наверное, не получится. Мне еще Павлика ждать надо… У меня тут друган есть – Павлик. Он, кстати, скоро уже придет и что-то, наверное, принесет. Может быть даже пивка – тут народ часто оставляет недопитые стаканы. Присоединяйся потом к нам, если хочешь. А мне нужно еще отойти по одному неотложному делу… Ты пока к Волге спустись. А вон слышишь – колокола зазвенели? Это Троицкий Монастырь. Заметил, какие у него могучие стены?.. То-то брат… Сейчас его отопрут и начнется служба. Туристы понаедут, паломники… Будет нам с Павликом работа – просить у них на хлеб. Ты сходи туда – тебе там хорошо будет.

Оставшись один, Годар сделал все так, как посоветовал ему этот так и не представившийся по имени, хоть Годар и аккуратно расспрашивал его, в чем-то мудрый и добродушный человек: он спустился к Волге, а потом – направился в монастырь.

Но к Волге он решился подойти не сразу – эта утренняя суровая река была очень далека от того уютного берега в фонтанах на пристани, где он проводил время вчера. Та, вчерашняя, одуванчиковая – казалась декорацией из растаявшего к утру сна. Настоящая же Волга – показалась ему бледной сестрой неба – отвернувшейся от него сестрой, глядящей в собственные глубины, а посему - закрывшей свой лик свинцовыми водами туч. Она была похожа на огромного, преследующего только свои цели, куда-то степенно и уверенно следующего волка. Эти непроглядные воды, медленно ворочаясь, проносились мимо своих берегов как мимо бревен. Казалось, они могли иметь дело только с очень крупными объектами – пароходами, баржами, паромами. А человек, зверь или даже целый город на берегу – были тут не более чем пеной, которую река методично выбрасывала на песок вместе с кусочками водорослей и другого мусора. Такая же серая ворона прыгала у этой пены, выуживая добычу. И шел от поражающего душу простора с неизвестностью в глубине, разливаясь в воздухе и обнимая даже со спины и подталкивая подойти поближе – могучий, суровый и какой-то пьянящий холод.
Этот холод рождал своеобразную поэзию.
Ее главным содержанием была хвала этому холоду – отрицающему все теплое, уютное, декоративное и, как мнилось, быть может, уже этим одним приподнимающему отчаявшегося человека к подлинному небу.
Но что-то в этом было не то.
Как было что-то не то в барственном поэте Некрасове, написавшем всем известные строки: «"Ты и убогая, Ты и обильная, Ты и могучая, Ты и бессильная, Матушка Русь!». Некрасов проезжал мимо народа, тяготы которого размашисто изображал своей расчетливой лирой, в роскошной карете. Он презирал просителей, стоявших у парадного подъезда – собственного парадного подъезда.
Это была поэзия удавов и кроликов.
В лучшем случае - поэзия бурлаков, поэзия смирившихся перед удавом кроликов.

Но странное дело – когда Годар, преодолевая это поэтическое оцепенение, немалую долю которого составлял почтительный страх на грани с восторгом, все-таки спустился к воде, прогнав ворону и, присев на корточки, погрузил раз-другой в нее ладони – эта вода

предстала перед ним уже совершенно другой. Сама вода была хоть и холодна, но чиста и сквозь нее был виден на дне каждый камешек. Тут сердце охватывала нежность. И – нисходило молчание, откуда легкой таинственной дымкой струилась в небо какая-то другая, уже светлая, невыразимая в словах глубина.

Опять возникла ассоциация с Некрасовым, но только уже с умирающим - горько кающимся в своей двойственной и, должно быть, непонятной и ему самому, заново пролетающей обратно к истоку жизни, в которой уже ничего не поправить.

Да, изначальная субстанция, из которой все и состояло – была чиста.
Но настрой губил все.
Волга была прекрасна.
И Волга же была ужасна, когда вела за собой бурлаков.

Но, конечно же, Волга тут была не причем, а причем был – человек.
Это человек ощущал жизнь как рок и то бежал от него в декорации, играя в свои оранжевые стеклышки, то – безжалостно разрушал их.
Он бежал от вида в других - своей нищеты и убогости, прикрытой роскошной каретой.
И лишь у некоторых из людей возникало желание найти виновного за этот миропорядок и задать ему соответствующие вопросы.
В старину, как правило, на роль виновного назначался Господь Бог.
Потому его заменило Государство или его Враги.
Потом – опять Бог. А также – на выбор – опять Государство или его Враги.
И это виновный должен был накормить всех бездомных и оттереть всякую слезу, отогреть любую душу.

Вот и он отправится сейчас в монастырский собор и станет вопрошать невидимого Бога.
Ведь от вопросов все равно не уйти.
Не уйти хотя бы от последнего, самого главного вопроса: «Почему мое сердце мертво?»
От ответа на этот вопрос зависел ответ на другой классический русский вопрос. Им некогда задался родившийся на Волге антипод Некрасова – настоящий Человек с большой буквы Николай Гаврилович Чернышевский, отправившийся за свои убеждения на полжизни в Петропавловскую крепость. Вот уж у кого – слово и дело были во всем едины, хоть, он, наверняка, в чем-то и заблуждался.
Так что же делать, Господи, что же всем нам делать, чтобы найти для всех Дом?!..

... У входа в монастырь уже стоял автобус с туристами. Слышался смех. Щелкали фотоаппараты. Служители встречали гостей с непроницаемыми лицами и, велев убрать фотоаппараты, вели их в главный храм, где на входе стоял с отрешенным видом молодой послушник, протягивая суму для пожертвований. Параллельно он раздавал не догадавшимся прихватить с собой косынки женщинам – казенные платки.
Влившись в этот поток, Годар вскоре оказался во внутренних покоях храма. Здесь была полумгла и мальчик-пономарь читал на клиросе молитвы. За ним, метрах в пяти позади, стоял пожилой монах и, казалось, внимательно слушал, думая параллельно какую-то свою, крепкую думу. «Должно быть, этот человек молится за мир», - подумал Годар, перебрав в памяти то, что когда-то слышал о православии.
Вероятно, из-за обилия туристов здесь имелось много скамеек. Сзади они стояли рядами. Присев в самый конец, Годар поставил у ног рюкзак и попытался отдаться течению молитв.
Увы, это не удалось – в голову помимо разной чепухи, вроде забот о том, чтобы не опоздать на вокзал, лезли и вечные критические мысли – привычно-критические, каким он привык отдаваться при виде служителей культа. Кроме того, его мучила жажда и он,

наконец, вышел в коридор и выпил целый стакан свяченой воды, которую набирали желающие все испробовать туристы. Но жажда не утолилась. И он потом еще не раз выходил в коридор и опять выпивал не меньше стакана, хоть и помнил откуда-то, что такими вещами злоупотреблять не стоит. Он рассудил, что если очень хочется, то – стоит.
В какой-то момент пожилой монах оглянулся и лицо его, которое было до того как бы вне времени и озарялось изнутри, печально нахмурилось и потухло.
- Милая моя, нельзя сюда в брюках – поймите, нельзя!.. Я это для вас говорю. Не нам от этого плохо, а вам!.. Но вы этого, к сожалению, не понимаете.
Нечувствие – это болезнь нашего времени!
Он обращался к туристке, которая торопливо вышла потом в придел, а Годар ощутил его слова про нечувствие как обращение к себе.
Да, он тоже болен нечувствием – это несомненно. Он может откликаться на радость и боль других людей, да и на все другие чувства, только когда те сами проявят эти чувства хотя бы в зачаточном виде, как проявил их бездомный мужчина, сделав к нему шаг первым. Как долго он будет жить лишь отраженным светом, а не так, как этот внешне суровый, озаряемый изнутри монах, из строгого поучения которого – сияла живая доброта?
Годар не сомневался – монах обладал неподдельной силой Добра, потому что оно покрыло его сердце, – так покрывает своим телом, обнимая крыльями, мать собственного птенца. И в нем, так неожиданно и незаслуженно обласканном – тоже слабо-слабо затеплился огонек. И осветил происходящее уже на другом, чуть более глубоком уровне. Он почувствовал всеобщую связь, которая собрала поутру в эти стены якобы случайно съехавшихся, тоже страдающих нечувствием людей, которые просто забыли, что их природа родственна природе свечей. Их самая большая жажда заключалась в желании светить, но почему-то не было огня, потому что Источник был вынесен из их сердец вовне. И люди маялись и суетились, желая скрыть от других и, в первую очередь, от самих себя, свою лишь изредка озаряемую созависимость.

Но почему же оказался вынесенным так необходимый всем Источник?

Даже в этом новом изменено-углубленном состоянии сознания Годар по-прежнему чувствовал в происходящем двойственность.
Ведь в храме, а значит, и в умах служителей, тоже наблюдалась какая-то нестыковка.
Взять хотя бы те же добрые увещевательные слова монаха в адрес девушки в брюках.
По содержащейся в ней субстанции они были добрыми и несли свет.
А по сути – если и не темными, то – пустыми.
Потому что заботились о форме, не вмещая нового, стоявшего за формой, содержания.

Да, мужчины и женщины стали равны – и что из того, что мужчина поделиться с женщиной частью своего традиционного гардероба, поделившись в том числе и частью своих прав и обязанностей?
Но в том-то и дело, что патриархально настроенная церковь не желала расстаться с консерватизмом как в этом, так и во многих других вопросах. Ее не устраивало именно равенство. Желание предписывать старые формы было тут – следствием. Например, в данном конкретном вопросе, мужчина, по понятиям церкви, представлял дух и должен был быть водителем иерархически подчиненной природы, которая по-прежнему по старинке отождествлялась с женской природой. Хотя на самом деле – все люди независимо от пола были по образу и подобию Божьему изначально - чистыми духами и, следовательно, были равны. Деление на дух- и не дух, на дух-душу-тело, женское - мужское как антагонизм – возникло в результате какой-то внутренней катастрофы, названной в Писаниях грехопадением. Ведь в образах совершенного духовного мира – в той же рублевской «Троице» или в даоском символе «Инь-Ян» нет превосходства того

или иного начала. А если б и было превосходство мужского, как начала солнечного и активного, то – подлинное превосходство проявляется в жертвенном умалении, радостном делегировании части своих прав и другим, - тем, кому они по силам, но кто пока находится на предыдущей ступеньке. Это называется на светском языке - подать даме руку.

Таким образом, и в церкви живая вода – соседствовала с мертвой.
И было непонятно, как они смешиваются в одном сосуде.

Годар даже подумал, что, может быть, мертвая вода - это просто неудачная форма существования живой.
Но как может быть неудачной – величественная Волга или лучезарный белокаменный собор с золотыми куполами? Как может быть неуютно тут человеческой душе, которая проецирует себя в эти прекрасные формы?
Может быть, все дело в том, что даже самые прекрасные формы рано или поздно отживают свой век, как отживают костюмы растущего ребенка? И могут радовать глаз и греть душу воспоминаниями лишь в качестве добрых памятников старины?
Но ни дай Бог пытаться снова и снова влезть в старые одежды!
Например, жить по домострою или вечно плестись со слезами на глазах только за матушкой- Волгой, когда есть над головой великое бескрайнее небо и многие другие реки, страны и города.
Тогда-то нещадно эксплуатируемая старая форма может опрокинуться, и свет окажется запертым внутри!
Тогда, должно быть, мертвая вода и начинает заливать снаружи – воду живую.
Наверное, поэтому люди все меньше верят в слова, которые так часто превращаются в дурно пахнущих мертвых пчел, как красиво написал об этом поэт Гумилев.
Но почему-то все ищут и ищут за ними доброту.
И она, как ни странно, там часто есть, причем, даже тогда, когда слова - внешне злы и бессмысленны.

Так в слове, как и в пользующемся им человеке, разделились суть, содержание и форма.

Наверное, это обожествление формы, обожествление мертвой буквы когда-то справедливого, но отжившего свой век закона и было наглядно опровергнуто Христом перед изумленными иудеями и римлянами, а также еще больше закостеневшими язычниками – закостеневшими в еще более древних формах. «Не человек для субботы, а суббота для человека». Даже храм собственного тела, не говоря уже о каменных храмах в головах, не является в этом смысле непреходящим: его можно разрушить и – воскресить в новом качестве заново.
Но суть этого переворота многие до сих пор понимают в ветхозаветном духе.

Годару припомнилось его любимое место в Новом Завете - слова Апостола Павла из Послания к Римлянам: "Ибо не понимаю, что делаю, потому что не делаю то, что хочу, а что ненавижу - то делаю".

Эта дисгармония приводит к застою содержания в форме и рано или поздно старые мехи прорываются, и тогда уже – быть беде.
Так или иначе, содержание проложит себе дорогу, но уже кривым и болезненным революционным путем, - через тернии в форме общественных и природных мутаций, болезней и болезненных отклонений. Используя, допустим, тех же большевиков, которые, надо полагать, разрушали храмы из бессознательной потребности освобождения субстанции от ее оков.

Что такое революция?
Это крайняя степень истерии содержания, внезапно выдернутой из своей рухнувшей формы.
Рухнуть же – может только крайне закостеневшая форма, и лучше до этого не доводить.
Лучше вовремя превратить свое тело, свою страну, а правильнее сказать - всю Мать-Землю – в сияющий храм.
А в прежние храмы – входить с благоговейным трепетом, но и – с благоговейной улыбкой, как входят взрослые люди в школьные классы, где когда-то сидели за партой.
Тогда не придется закладывать под отчий дом динамит, чтобы не умереть стариками, так и не повзрослев.
Обычно это запоздалое скоропалительное взросление оборачивается после недолгой бесформенной истерии – новым рабством.
Так, в Советской России мощный подъем раскрепостившихся народных сил привел к едва ли не еще большему закрепощению в новых, уже советских, формах.
А все потому, что и консерваторы, и новаторы понимали христианство и коммунизм все еще формально.
Подлинное христианство и подлинный коммунизм имеют один дух и пропитаны единой, как и повсюду, субстанцией.
Причем, субстанция раскрывается и течет здесь свободно и легко, как может течь река Волга, когда люди вспоминают, кто они есть.
И консерваторы, и новаторы помнят на словах, что Жизнь есть Движение.
Но забывают продолжить этот постулат до его логического конца: «Жизнь есть движение Любви».
В Любви же нет и не может быть эксплуатации и антагонистичных разделений.
Поэтому на общественном срезе реальности - коммунизм есть христианство, а христианство есть коммунизм.
Но чтобы это понять, надо добровольно отказаться от инертности, от темной, материальной косности. А это выполнимо лишь при следовании понятым в духе христианским заповедям. И тут нужна – постепенность.

Эгоизм – консервирует и консервируется.
А Любовь – развивает и развивается, замещая прежние окостеневшие границы – все более тонкими и широкими, находя для своих разливов наиболее оптимальные русла.
Пока однажды часть падшей субстанции – не вернется к себе: к свободной безграничной Любви – любви Триединой.
Ведь форма – это просто потерявшая скорость течения и оттого заледеневшая, замкнувшаяся в своих берегах всемирная Волга.
Впрочем, до этого пока далеко.
Возвращение Любви – это развитие от простого к сложному: восходящее развитие.
Здесь каждая предыдущая ступень благоговейно умаляется, уступая дорогу следующей и становясь для путника честной, чистой опорой – преобразованной опорой: на нее можно смело наступить, чтобы сделать следующий шаг.
Совершенная Любовь течет свободно, органично заменяя границы вещества нематериальной субстанцией, то есть попросту растворяя их своим преображающим началом. В ней косность, ставшая материей – а это именно ее мы ощущаем как мертвую воду, - теряет свою закостенелость и вновь возвращается к Живой, Небесной воде, к своей чистой Сути.

Итак, есть единая субстанция – назовем ее Любовью, или Мировой Душой – которая имеет содержательную суть (Св. Дух), выраженную в тех или иных материальных формах (Природа, Материя, Церковь, Храм, Тело, Вещь).
Все это вместе и есть Господь Бог.

Чем больше проявлена Суть, тем тоньше и не обязательней фиксированная Форма жизненной Силы, а, следовательно – тем полнее Свобода.

Все эти мысли надуло в голову Годара как ветром, пока внутри еще теплился какой-то отдельный от других огней, разгоревшийся сам собой, слабый, трепещущийся огонек. А потом, как это с ним частенько случалось, сложившаяся в уме картинка была благополучно забыта, поскольку огонек слишком быстро прогорал, превращаясь в уголек. В автобусе на Москву он уже ничего из этого не помнил.
Теперь он сидел и неторопливо просматривал купленный в монастырской лавке двухтомник в зеленоватой обложке - это были «Аскетические опыты» святителя Игнатия Брянчанинова.
Он не знал, что это такое и не знал, почему выбрал именно их.
Для начала – он решил познакомиться с кратким жизнеописанием святителя, и, начав читать его, так увлекся, что вскоре уже желал немедленно всем рассказать о жизненном пути этого человека. Тем более, что православная церковь причислила его в 1986 году к лику своих святых.
Тот был на редкость благородным человеком, причем, при всем своем внутреннем и внешнем смирении – человеком явно не комфортным. Писал в молодости стихи, даже дружил с поэтами пушкинского круга, а может, имел честь знать и самого Пушкина. Но при этом был одарен и математическими способностями. Да и, пожалуй, не было такой области, в какой бы ни был одарен этот зачисленный в санкт-петербургское Главное военное инженерное училище стройный и приветливый юноша из знатной дворянской семьи из Вологды. Молодого Дмитрия Брянчанинова даже заметил сам Николай Второй и включил в число своих пенсионеров – так тогда называли получавших царскую стипендию подающих надежду студентов. Видимо, надеясь, что со временем тот станет его гвардейцем, а может быть, и вырастет в большого государственного деятеля.
С первых дней в училище всеобщий любимец Дмитрий стремительно продвигался по службе, и получал воинские звания, которые были выше, чем у других студентов.
Но перед самыми выпускными экзаменами он вдруг подал прошение об отставке от воинской службы в связи с желанием уйти в монастырь.
И после долгих мытарств такое соизволение получил, несмотря на решительное сопротивление царя и противодействие родителей. Да еще и увел вместе с собой в духовное странничество своего лучшего друга Михаила Чихачева, тоже решившего не вступать на путь светской карьеры.
Он кратко изобразил свои мытарства той поры в небольшом произведении под названием «Плач»:
«Вступил я в военную и вместе ученую службу не по своему избранию и желанию. Тогда я не смел — не умел желать ничего, потому что не нашел еще Истины, еще не увидел Ее ясно, чтобы пожелать Ее! Науки человеческие, изобретение падшего человеческого разума, сделались предметом моего внимания: к ним я устремился всеми силами души; неопределенные занятия и ощущения религиозные оставались в стороне. Протекли почти два года в занятиях земных: родилась и уже возросла в душе моей какая-то страшная пустота, явился голод, явилась тоска невыносимая по Боге. Я начал оплакивать нерадение мое, оплакивать то забвение, которому я предал веру, оплакивать сладостную тишину, которую я потерял, оплакивать ту пустоту, которую я приобрел, которая меня тяготила, ужасала, наполняя ощущением сиротства, лишения жизни! И точно — это было томление души, удалившейся от истинной жизни своей, Бога. Воспоминаю: иду по улицам Петербурга в мундире юнкера, и слезы градом льются из очей...
Понятия мои были уже зрелее, я искал в религии определительности. Безотчетные чувствования религиозные меня не удовлетворяли, я хотел видеть верное, ясное, Истину. В то время разнообразные религиозные идеи занимали и волновали столицу северную, препирались, боролись между собою. Ни та, ни другая сторона не нравились моему

сердцу; оно не доверяло им, оно страшилось их. В строгих думах снял я мундир юнкера и надел мундир офицера. Я сожалел о юнкерском мундире: в нем можно было, приходя в храм Божий, стать в толпе солдат, в толпе простолюдинов, молиться и рыдать сколько душе угодно. Не до веселий, не до развлечений было юноше! Мир не представлял мне ничего приманчивого: я был к нему так хладен, как будто мир был вовсе без соблазнов! Точно их не существовало для меня: мой ум был весь погружен в науки и вместе горел желанием узнать, где кроется истинная вера, где кроется истинное учение о ней, чуждое заблуждений и догматических, и нравственных».

Где бы не появлялся в дальнейшем будущий святитель – повсюду внешние дела вдруг приобретали глубокое внутреннее измерение.

Он возродил из руин в качестве настоятеля Троице-Сергиеву Пустынь под Санкт-Петербургом, где и прослужил двадцать четыре года, назначенный туда вместо пустынной иноческой жизни, к которой чувствовал призвание, тем же поначалу недовольным, а потом очень довольным и им, и его последующей деятельностью, императором.

Потом, уже ближе к старости, отец Игнатий все-таки подал прошение о переводе с всегда тяготившей его респектабельной должности настоятеля – в скит Оптиной Пустыни. Но был вместо этого – направлен в Ставрополь на должность епископа Ставропольского и Черноморского, где, несмотря на болезни, вступил в противоборство с чиновниками из числа самодуров и казнокрадов, а также с некоторыми самодурами от церкви, и восстановил и там за четыре года, тоже ценой колоссальных усилий - полноводное течение жизни.

В последние свои годы епископ Игнатий получил разрешение удалиться на покой. В тихом Николо-Бабаевском монастыре Костромкой епархии он обрел, наконец, возможность, вплотную заняться писательством.

Впрочем, он занимался писательством на протяжение всей жизни, несмотря на непрерывные проблемы со здоровьем.

Святитель поставил перед собой цель проверить на собственном жизненном опыте писания древних монахов – тех из них, кого Церковь причислила к лику святых и называла святыми отцами.

Он обнаружил, что современные люди не понимают их слов, так как в силу изменившихся понятий и углубившегося всеобщего падения – вкладывают в их слова совсем другой смысл. И даже нередко – противоположный смысл.

Задавшись целью перевести внутренний смысл святоотеческих писаний на язык реалий своих современников, святитель Игнатий и написал свои знаменитые «Аскетические Опыты», а также их продолжение – «Аскетическую Проповедь», «Приношение современному монашеству» и некоторые другие книги.

Особенно Годара заинтересовало то, что святитель Игнатий так и не обрел духовного наставника, который мог бы вести его за собой в соответствии с его собственным внутренним опытом. Так как не нашел в тогдашней церкви, включая монахов-насельников Оптиной Пустыни, никого, кто бы действительно понимал Евангелие и святоотеческие писания в духе, а не в букве. Недолгое руководство в самом начале монашеского пути оптинского старца Леонида – принесло ему лишь временную и больше внешнюю, чем внутреннюю пользу. А с чем-то он был и прямо не согласен.

Видимо поэтому святитель Игнатий рекомендовал подходить к выбору наставников с большой осторожностью. И, если нет подходящего руководителя, руководствоваться просто книгами, но только при условии, что они написаны святыми отцами. Которых, однако, необходимо еще правильно интерпретировать.

- Интересная книга? – поинтересовался у него с вежливым любопытством сосед – пожилой чуваш в очках. Маленький, сухопарый, он держал на коленях чемоданчик-дипломат, положив на него обе руки.

Годар тут же вдохновенно поделился с ним мыслями о прочитанном и только потом

осекся и, взглянув искоса на сдержанно кивающего слушателя, несколько грубовато и отрывисто бросил:
- Наверное, вам это не очень интересно.
- Нет, отчего же, - возразил сосед и, мягко улыбнувшись, извлек из чемоданчика книгу, - я тоже завсегдатай библиотек. Я даже везу на научный симпозиум только что изданную собственную книгу – правда, это всего лишь учебник. Я географ и описал в этом учебном пособии – это на самом деле итог многолетних исследований - природу Чувашии. Это самое полное ее научное описание на сегодняшний день. Не знаю, в курсе ли вы, что наш регион – один из самых экологически чистых по России. У нас власти местные хорошие – заботятся об этом специально. Я писал эту книгу много лет по собственному почину, путешествуя с таким рюкзаком, как у вас. А работал - школьным учителем. Это сейчас я – преподаю в Чебоксарском университете, меня туда пригласили несмотря на то, что я не имел научного звания. Теперь оно у меня есть, но я скучаю по прежней работе. Может, еще и вернусь обратно в школу. Но я не для того вам это рассказываю, чтобы похвалиться. А чтобы вы не смущались как бы. Очень хорошо вы рассказываете об этом… как его?... Брянчанинове. Расскажите, пожалуйста, еще.
Но Годар уже ничего не смог больше рассказать. Он смущенно развел руками:
- А больше я пока что ничего о святителе и не знаю. Этот двухтомник, кажется, тоже только что из типографии.
- Ну… и ладненько. А давайте тогда поиграем в города? Просто для того, чтобы быстрей летело время. Только пусть это будут – российские города. Ведь по России же едем.
Они принялись перебрасывать друг другу звонкие названия городов, и Годару вскоре стало казаться, что города – это невидимые днем звезды и бегут над ними повсюду как скрывающая свой лик гвардия солнца, которое всегда над головой.
Потом Годар понемногу отстранился от игры и незаметно задремал.
За это время двое молодых рабочих-чувашей, что стояли в проходе, так как не имели билетов, распили пиво и – устроили с кем-то потасовку. После чего один из хулиганов стал просить водителя остановиться и выпустить его по нужде.
Водитель нехотя остановился, но когда хулиган вышел, двери за ним захлопнулись и автобус рванул на всей скорости дальше.
- Эй, ты куда?! – закричал оставшийся попутчик, - Зачем ты моего товарища кинул?.. У него же тут вещи!
- Ничего, доедет как-нибудь. Пусть побегает, проветриться. А вещи не пропадут, - сердито ответил водитель.
Все это Годар слышал сквозь дрему.
И слышал, как долго ворчал второй рабочий со смесью бессильной злости, удивления и смирения – голос его становился все трезвей и спокойней:
- Он же без денег там и даже без документов. Эх… люди-люди.

Когда они расставались на Московском вокзале, географ, достав блокнот, записал в него номер автобуса:
- Когда вернусь домой, зайду в дирекцию автовокзала. Надо им дать сигнал, что у них водители берут на международные рейсы безбилетных пассажиров. Эта беда с отставшим товарищем случилась из-за нарушения правил перевозок.

Дальше Годар ехал уже в поезде, не успев посмотреть Москвы, так как у него поджимал срок визы.
Он ехал до Владикавказа, чтобы пересесть потом на маршрутку в Тбилиси. Несколько раз по вагону проходил милицейский патруль – проверяли документы. У кавказцев – особенно тщательно. В последний раз, деловито собрав все иностранные паспорта – в основном, грузинские и армянские – двое милиционеров, запершись в купе проводника, принялись вызывать их владельцев по одному с вещами и – устраивали досмотр.

- Сколько? – с тревогой спрашивали люди в очереди, когда дверь, наконец, приоткрывалась, и из него выносил свои вещи раскрасневшийся от сдерживаемого гнева, вынужденный быть кротким, как ягненок, очередной кавказский лев.
- Пятьсот вытянули, собаки, - зло бросал, не останавливаясь, лев.
- Много… Надо было больше трехсот не давать.

- Что везете? Нет ли лекарств? – спросили Годара, подчеркнуто бесцеремонно попинав его рюкзак и пару раз опустив в него вслепую руки. Он обратил внимание, что будь у него в рюкзаке граната, - ее бы, скорей всего, не заметили.
- Только фенозепам.
- Да вы что! – милиционеры даже переглянулись от удовольствия. – Этот препарат включен в список наркотических!
- Не может быть – я им просто тревогу снимаю.
- А рецепт у вас есть?
- Зачем мне рецепт, если есть лекарство?
- Все равно – надо иметь при себе рецепт. Это доказательство, что препарат действительно вам назначен. А так – мы можем вас ссадить на ближайшей станции и отправить на наркоконтроль. Кстати, а где документ о пошлине за провоз вещей?
- Какая пошлина? У меня и вещей-то почти нет.
- Должны были заплатить еще на въезде! Сейчас мы вам такой штраф выпишем – будете в следующий раз знать. Радуйтесь еще, что вы уезжаете. Если бы мы вас по дороге в Москву остановили, то – отправили бы обратно на КПП Верхнего Ларса – за квитанцией об уплате пошлины.
- А что же теперь делать? Если хотите, можете отправить меня на наркоконтроль или обратно в Москву, ведь все равно…
- Не надо. Положите на стол триста рублей – и больше не попадайтесь. А фенозепам мы просто конфискуем.
- Нет у меня таких денег. Точнее, есть, - но ваша проверка еще не последняя и дальше тоже захотят – триста рублей.
- Ты что ж это – решил расплатиться с другими за наш счет?! Двести – и ни рублем меньше!

Как и всем гостям с Кавказа, Годару приходилось раскошеливаться. Его попытки возмущаться никого тут не трогали – система была четко налажена. Здесь умело использовали незнание пассажирами своих прав. Дело довершала специально организованная на всех звеньях пути неразбериха, включая якобы случайно не выписанные квитанции в одном пункте, которые могли потребовать в другом, причем, никто не знал, нужны ли были, допустим, те же пошлины, в самом деле. Основным методом давления – было давление на психику через прививание приезжим чувства вины и соответственно, подсознательного чувства справедливости примененного к ним упреждающего наказания – ведь государство-то теперь, как ни крути, иностранное, и ты знать не ведаешь, что еще ненароком нарушишь. Тем более, что кое-кто действительно нарушал, устраиваясь на нелегальную работу. И неопределенное чувство вины разрасталось - до глобального чувства вины за всех своих непутевых соотечественников.

То, что Годар – по национальности русский, в данном случае, не обеспечивало ему алиби. Разве что разговор с милиционерами проходил в чуть в более вежливой форме, ввиду хорошего владения иностранцем – русским языком.

Потом была маршрутка «Владикавказ – Тбилиси».
Водитель сразу собрал с пассажиров деньги, чтобы расплачиваться по дороге с проверяющими - без всякой проверки.

Они выстояли длинную многочасоввая очередь на КПП Верхний Ларс. Причем, водитель опять предложил скинуться, чтобы миновать ее быстрей и куда-то ушел. Так прошло невесть сколько времени – может, час, может, два. Но потом, вернувшись с каким-то человеком в форме, водитель действительно перегнал маршрутку на несколько машин вперед.
Непосредственно на КПП выяснилось, что его виза просрочена на один день – он должен был покинуть территорию Российской Федерации не в последний указанный в визе день, а днем раньше. Разумеется, об этом его никто не проинформировал. Да и негде было уточнить, так ли это.
Здесь Годар сильно возмутился. Чтобы отстоять свою честь ни в чем не виновного гражданина, он даже был не прочь, чтобы его отправили для проверки личности во Владикавказ, как грозились пограничники. Тем более, что за нарушение визового режима в паспорт могли поставить штамп, делающим его владельца на пять лет не въездным. Это было возмутительней всего – он вынужден был сражаться за право посещать Россию!.. Но пограничники не дали ему развернуть сражение как следует, и, внезапно сменив в лице появившейся молодой вежливой осетинки в погонах гнев на милость, просто выписали штраф на сто рублей. Квитанции, правда, не выдали.

А потом они ночевали высоко в горах – на высоте почти 2200 метров над уровнем моря. Потому что жители села Казбеги перекрыли дорогу, требуя от властей свет.
Это уже была Грузия, а село Казбеги – было самым первым большим населенным пунктом, заброшенном вдоль военно-грузинской дороги высоко-высоко в горах, и даже несколько возвышающимся над этой стратегически важной дорогой. И тут люди маялись от нехватки элементарных благ цивилизации – хороших дорог и постоянного электричества, которое, как и по всей Грузии, тогда частенько отключали.
Казбегские старики, одевшись в национальные одежды джигитов и буквально вооружившись кинжалами, дружно стали поперек дороги и так и простояли всю ночь – стеной, несмотря на то, что их уговаривала разойтись, суля скорые блага, целая комиссия из Тбилиси, срочно прибывшая в сей край вертолетом.
На дороге скопилось уже немало машин, включая фуры с скоропортящимися продуктами. То и дело попыхивая фарами, водители и пассажиры заперлись на ночь в своих кабинах. Но некоторые не захотели запираться и разожгли костер, куда иногда подходили погреться и выпить по двое - по трое и казбегские старики. Они же принесли еще вина и лаваш. Слышался смех и в какой-то момент - послышались песни.
В общем, к утру стариков, кажется, подкупили.
И колонна из машин с первыми лучами солнца двинулась сквозь туман дальше.

Измотанные физически и морально пассажиры чрезвычайно обрадовались, - в дороге их настроение менялось, как сошедшая с ума ртуть в градуснике. Оживившись, они принялись честить правительства.
- Это все олигархи устроили – разделили меж собой советскую землю, а нас не спросили. Ох, и бараны же мы были. Я живу в Ереване и не могу теперь ездить через Баку. Зачем мне это? Что нам, армянам, делить с азербайджанцами? Это президенты делят. А страдают – народы.
- Ошибаетесь, дорогая. Президенты пикируются только для нас, а сами втихаря ездят друг к другу в гости и вместе кушают, отдыхают. Я осетинка, жила раньше по эту сторону Верхнего Ларса, а потом была вынуждена бросить дом и переехать на ту. Еду теперь в Тбилиси, чтобы продать квартиру покойного брата, и еще не известно, разрешат ли. Видит Бог – нам нечего было делить с грузинами.
- Это все Россия – это она всех ссорит. Разделяй и властуй – это сказал еще… как его?
- Цезарь. Да только не Россия тут виновата, а Америка – это Америка всех разделяет, чтоб отдалить от России.

- Правильно говорите: Россия только отбивается.
- Но страдаем-то мы. И ссоры вспыхивают – тоже меж нами.
- А вы читали книги Александра Казбеги? Это тот самый грузинский писатель, живший в девятнадцатом веке, по имени которого и назвали потом его родное село Степанцминда, у подножия которого мы с вами ночевали – селом Казбеги. Он был дворянином, сыном наследственного правителя Хеви – так назывался тогда местный край, где жили еще родовой племенной общиной грузины-мохевцы. Но, вместо того, чтобы вступить после смерти отца в должность хевисбери – то есть, попросту говоря, стать правителем, он, освободив крестьян своего родового имения от лишних податей, вдруг ушел в пастухи. Правда, он до того успел пожить и в России, - он только что окончил в Москве сельскохозяйственную академию. Казбеги жил пастухом среди простого народа на равных семь лет: узнавал его обычаи, поверья, законы. И так проникся, что, переехав потом в Тбилиси, одну за другой написал за шесть лет все свои знаменитые книги, где и изобразил жизнь горцев – одновременно и отсталых, и величественных – противопоставив такую жизнь современности с ее гнилой опорой. Книги были очень проникновенные и приобрели громадную популярность. Но, к сожалению, через шесть лет писатель умер от душевной болезни, причем, в нищете.
- Вай? С ума сошел?.. Как тут не сойдешь, когда есть сердце.
- Так вот, перегоняя с другими пастухами стада на более сочные пастбища Чечни, Казбеги столкнулся с вымогательствами на дорогах. Власти в лице казаков и находившихся на службе осетин повсюду ставили им препоны, инкриминировали какие-то нарушения, спрашивали какие-то документы… Ну, вы все понимаете… В итоге стадо баранов к концу перегона заметно уменьшалось – баранами в ту пору расплачивались, баранами. Казбеги даже описал потом эти дорожные приключения в своих «Пастушеских воспоминаниях». Я вам процитирую дословно то, что написал Казбеги про тогдашний Верхний Ларс: «Не успели мы опомниться от приключения у Дарьяла и пройти около девяти верст, как ларсские стражники преградили нам путь и стали требовать себе по барану с отары; на каком основании, по какому праву, – никто этого не мог нам объяснить. Мы, конечно, на это не шли, и драка была бы неизбежна, если бы не случился тут же ларсский акцизный, который объяснил сотнику, кто я такой, и нас оставили в покое». Как видите, с тех пор ничего не изменилось.
- Если б я это знал, поехал бы другой дорогой. А тут я все деньги оставил.
- Да сейчас везде так.
- Повсюду с нами обращаются, как с теми баранами – мало того, что ведут неведомо куда, так еще и стригут по дороге.
- Главное, найти бы этих пастухов в овечьих шкурах. Эти волки – как кошки ночью – за нашими серыми буднями не видны.

Годару вдруг опять припомнились его недавние размышления о формах проявления единой субстанции.

«Зря Казбеги высматривал солнце позади, идеализируя родовую общину горцев, - подумал Годар со смесью гордости и боли за любимого писателя. Он называл его вполушутку в компаниях русскоязычных тбилисских литераторов - первым грузинским хиппи. – Этим он и загнал в итоге субстанцию своей горячей души в давно омертвевшие формы. Вместо того, чтобы любоваться прошлым, как реалистичной картиной – забирая в путь лучшее и отбрасывая темное или просто отслужившее свой срок – он молился на него и в то же время, другой частью своей души, представленной в его книгах рыцарственными героями-одиночками, бросал вызов его ограничениям. Молился и – бросал вызов – одному и тому же Богу, раскалывая его тем самым, как и собственную душу, надвое: на доброго Бога и – злого Бога. На Бога и – Люцифера. И в конечном итоге, когда к нему, умирающему от мучительной душевной болезни, принесли в больницу

только что вышедший из типографии трехтомник его сочинений, он с ужасом и гневом отбросил его. Он уже испытывал глубокое отвращение и к книгам, и к жизни, и, надо полагать, к оставившему его Богу».
Годар вспомнил, как они говорили на Радуге про судьбу графа Альберта из романов Жорж Санд «Консуэло» и «Графиня Рудольштадт». Тот тоже был болен странной душевной болезнью. Приступы болезни графа Альберта переходили на пике в сонное оцепенение, каталепсию. Это, наверное, и есть предельное давление на душу человека некой мертвящей ее формы.
А ведь граф Альберт втайне ожидал пришествия Люцифера.
И опять Годар с удивлением задался прежним вопросом: «А зачем благородному мятежнику графу Альберту, в душе которого была одна чистота, понадобился Люцифер в его борьбе с ветхим Богом? Ведь в истории уже был человек, который вполне эффективно расправлялся с идолами, уже был в этом смысле «богоборец», которому можно было подражать удобней всего – его звали Иисус».
Непонятно было ему и зачем некоторым эксцентричным эзотерикам, вроде Алистера Кроули, был так уж необходим их "сатанизм", когда Христос на самом деле всех круче? Говоря языком современной массы, Христос - самый крутой из "люциферов"!

Возможно, что расколотый, сузившийся, ставший плоским – распятый на кресте из давно высохшего древа жизни прежних форм бытия Бог – превратился в подсознании графа Альберта, как и в подсознании Казбеги, в узника совести. Ему бросали с высоты разума в лицо обвинения за то, чего он не совершал. Под пристальной атакой несовершенного, желающего все обнять, собственного ограниченного рацио – Бог тушевался и забивался в угол. И, в конце концов, забивались в угол и умирали – хотя бы на время, уйдя в каталепсию – казнящие его богоборцы.
Их жестко обманувшиеся души были настолько чисты, что обращали гнев Люцифера, в которого мог превратиться всякий страдающий, до ручки доведенный Бог – на самих себя. Они обращали свой гнев – против себя.
А гнев против себя на бессознательном уровне – это страх: страх и тревога.

Почему-то все забывают, что солнце – не позади и не впереди. Оно всегда – рядом. Просто то и дело перемещается по небосклону. Но все равно – никогда не отстает и не опережает.
Это хорошо видно в пути.

Мать и приятели были приятно удивлены – Годар не только не расстроил за путешествие своего чувствительного к перегрузкам здоровья, но, судя по посвежевшему виду и приподнятому настроению, скорее наверстал его.
Даже ничего не знавшие о путешествии соседи, заводя с ним свои разговоры о погоде, пристально всматривались в его оживленное лицо, желая уловить какие-то стоящие за этим перемены. И, как водится, долго судачили потом за спиной.

Эти скрытые перемены обнаружились перед взором любопытствующих соседей ровно через год: к Годару приехала из Москвы девушка!

Причем, в дни, когда на грузинско-осетинской границе произошла перестрелка, после которой все ждали войны: дорогу из Тбилиси в Цхнивали снова заблокировали, как в девяностые, когда противоборство между Грузией и отколовшейся от нее Южноосетинской автономией дошло до черты, за которой горячие головы с обеих сторон могли схватиться за оружие.
Был на какое-то время закрыт и КПП «Верхний Ларс».

Однако девушка, как видно, была героическая – она прорвалась-таки через границу с первым же пущенным из Москвы в направлении Верхнего Ларса рейсовом автобусом. Правда, ее сопровождал какой-то парень, но всем было видно, что он – не более чем ее тень.

Годар в тот волнительный для него день несколько раз ездил на автовокзал у метро «Дидубе», чтобы справиться о прибытии никогда не укладывающегося в расписание из-за многочисленных проверок и простоя на КПП московского автобуса.
Наконец, ему сообщили, что автобус прибудет к вечеру, часов в пять.
Но в семь – его все еще не было.
А потом, как сообщил диспетчер, автобус наконец прибыл, но застрял из-за поломки на мосту Тбилиси - Мцхета.
Усмехаясь, диспетчер прибавил: «Это отсюда - в десяти минутах езды. Если хотите, можете взять такси и забрать своих гостей из зоны их бедствия».
Но забирать никого не пришлось. Рядом вдруг притормозили такси и на все еще яркий, несмотря на вечер, тбилисский свет вышли двое.
- Это что – гномы? – шепнул притихший за спиной диспетчер.
- Нет, вероятно, хоббиты, - ответил с полуулыбкой Годар.

Впрочем, этих двух ужасно уставших и в то же время озаренных счастливыми улыбками, тут же с любопытством принявшихся осматриваться, о чем-то меж собой поспорив, действительно невысоких молодых людей – было видно в несколько чопорном Тбилиси за версту.
Вот и водитель такси – солидный отец семейства, прежде чем уехать, бросил через плечо не то с сочувствием, не то с укоризной:
- Упатроно бавшвеби.

- А что такое «Упатроно бавшвеби»? – спросил спутник Риты – парень в круглых очках. Он был плотен, коренаст и, несмотря на светлую чеховскую бородку, пожалуй, действительно имел в своей внешности кое-что от гнома. В маленькие черных глазах его, как и в тоже темных, но больших глазах Риты, несмотря на то, что они поглядывали сквозь стеклышки вполне добродушно и приветливо, - всегда плескалось, как бы хрюкая от удовольствия, некое лукавое выражение. Правда, лукавость Риты была лишена этого своеобразного похрюкивания – у той она соединялось с меланхолией.

- Упатроно бавшвеби – это в переводе с грузинского, буквально: дети, не имеющие над собой патрона. То бишь старшего. Неприкаянные, беспризорные дети. А может и вовсе – безбожники. Шантрапа, одном словом.
- Понял. Наверное, так в Грузии называют хиппи.
- Нет, Николай, ты не понял: мы безбожники, безбожники! Это круче, чем хиппи. Все, решено: назовем нашу группу «Упатроно»! Подождите-подождите… Николай, помоги мне достать камеру – это надо заснять… - и Рита, которая то и дело с слегка смущенной улыбкой тепло соприкасалась взглядом с тоже все еще смущенным, но так и сияющим Годаром, принялась снимать на камеру какую-то ползущую по асфальту невзирая на мазут – пеструю упорную гусеницу.
- Не вздумай убирать ее с дороги в какие-то кусты, - предупредила она, не отрываясь от съемки, Николая, - это существо знает куда ползет. И вообще, ты уже всем надоел со своей приставучей неумелой помошливостью. Когда же надо действительно проявить себя человеком, тебя словно нет. Годар, ты не представляешь, что я пережила в дороге – ко мне, как только мы простились с родителями и поехали, стал приставать какой-то твой соотечественник. Словно решив подтвердить все самое плохое, о чем предупреждала мама. Он тоже ехал с другом, и они всю дорогу так и вились вокруг меня. И

представляешь, когда он однажды попросил Николая уступить ему на минуту место рядом со мной, - Николай уступил!.. Вот мы и выскочили на мосту из застрявшего автобуса и вскочили как угорелые в подвернувшееся такси. А эти двое – они тоже потом выскочили и выругались нам вслед. Бежим отсюда скорее – мне до сих пор кажется, что за нами погоня!..

И целую неделю – а ровно столько длился этот странноватый для тбилисцев десант из двух добрых москвичей – они прожили так, словно за ними действительно гнались.
На пятки это суматошной парочке наступала ненасытная страсть к переменам.
Извлекая из рюкзаков карту Грузии и книгу «Грузины», - в последней под глянцевой обложкой были собраны этногеографические материалы, о которых знал и помнил далеко не каждый житель Грузии, они сами выбирали места, куда должен был повезти их Годар.
Годар неожиданно приобрел вдохновенных экскурсоводов, тонких ценителей всего грузинского, которые возили его по давно ставшей для него будничной земле, как по жемчужине, которую он открывал для себя словно впервые.
И у него снова появлялась под ногами - хоть какая-то почва.
Слишком долго Грузия, некогда тоже горячо любимая им, как и любому почти не выезжавшему за рубеж после распада Союза человеку, выросшему на русской культуре, казалась неким казенным домом в спальном районе, где он вынужден был жить, пока отсутствовала возможность переехать поближе к центру. А центром была в его тогдашнем восприятии – конечно же, Москва.
Эти же люди ругали Москву и хвалили Грузию.

Следующим утром они уже гуляли по проспекту Руставели. Облазили старый Тбилиси, побывали на развалинах крепости «Нарикала». И всюду – снимали, снимали…

К полудню они уже оглядели слияние двух рек – Арагвы и Куры – с высоты храма Джвари, где томился лермонтовский Мцыри.

Отсюда, где, по преданиям, воздвигла свой Крест святая равноапостольная Нина, обратившая грузин в христианство, они и спустились в маленький древний городок Мцхета.

Только что они были слегка утомленны жарким, как в пустыне, солнцем над каменистой горой, а теперь - оказались в прохладной, утопающей в зелени Мцхете. Немного посерьезневшие, они вошли в величественный храм Светисховели.
Этот храм был подлинной святыней даже для забившегося в покров из скепсиса Годара.
Здесь выходила из своего кокона любая душа, чувствуя, как со всех сторон ее объемлет - что-то глубокое и родное.

Притихшая Рита высмотрела икону, которую Годар до того не видел или просто не замечал.
На ней была изображена Дева, к которой был приведен Святым Георгием покоренный им Змий.
Дева и ставшее ручным Чудовище, обернувшееся в вполне миловидное существо, были тут на переднем плане. Святой же Георгий, в отличие от других икон, изображавших героя-змееборца, скромно держался хоть и на возвышении, но несколько в стороне.
От всех трех фигур, - они были изображены чистыми светлыми красками на ничем не замутненном фоне – веяло, как от гор, глубоким покоем.

- Вот они: дух, душа и тело в их подлинном единстве, - горячо зашептала ему в ухо Рита, -

Посмотри, Годар, какая это редкостная картина. Вместо низверженного дьявола – убитого, посрамленного, пронзенного копьем – мы видим трансформацию. Как высоко мыслил иконописец! В сравнении с грузинскими иконописью и храмовой архитектурой наша мне уже кажется – какой-то попсой.
- Не преувеличивай, Рита. Я тебе уже объяснял, что не все тут похоже на иконы.
- Зато иконы – хранят дух подлинного знания. Нет, это надо сфотографировать. Я помню, конечно, что нельзя. Но этот случай – достоин исключения… Я быстро… Прикрой меня, пожалуйста. И ты, Николай, прикрой – тоже.

Потом Рита, велев им набрать в рюкзаки побольше хачапури и бутылок с газировкой, достала карту, разложила ее на траве и, припав к ней на четвереньках, принялась что-то озабоченно высматривать. А высмотрев, удовлетворенно прищурилась и решительно произнесла:
- А теперь мы отправляемся в древнюю языческую крепость Армази!.. Николай, не вздумай съесть по дороге все хачапури – скорей всего, мы там и заночуем.
- Как, без палатки и спальников?
- Господи, Николай, какая ты все-таки баба. Весь такой мяконький, как из под мамки. Ты не понимаешь суровых реалий, в которых живет Годар. Вот посмотри – Годар всегда готов к переменам. Потому что у него нет за душой ничего лишнего. Ладно, так уж и быть – купи себе на дорогу еще шоколада и пряников.
- Да я вообще могу уехать.
- Очень хорошо! И – скатертью дорожка. Ловлю тебя на слове – попробуй только не уехать!
- Как только вернемся из этого Армази, так сразу!
- Непременно!

Годар, пройдя чуть вперед, старался не вмешиваться в перепалки, которые то и дело вспыхивали между ребятами. Он стал свидетелем уже нескольких ссор и каждый раз Николай грозился уехать, а потом, сбавив шаг, хмуро плелся позади.
Когда Николай опять оказался позади – он отстал шагов на двадцать, Годар заметил:
- Не могу понять, за что ты так налетаешь на Николая. По-моему, он хороший парень и к тебе он – тоже относится хорошо.
- Да он влюблен в меня по уши. В том-то и дело, Годар – он ужасно надоел. Всюду таскается за мной. Чуть ты отойдешь – как снова предлагает руку и сердце… Эх, и зачем я его сюда позвала. Сама позвала – даже не знаю зачем. Но ты не думай, что он ангел. Он ведь раньше был влюблен в мою подругу, а за мной стал поначалу приударять, чтоб насолить ей. Представляешь, какой он может быть подлый? Мы с подругой только посмеивались. Понимали, что этот теленок, которому все равно какую сосать титьку, была бы только титька, долго не продержится и сам попадет в яму, которую роет... Так что пусть сидит пока в яме!
- Может, все-таки выпустить его?
- Ну… Так а кто его держит? Вот взял бы действительно и уехал. Вот, тогда, быть может, я б и призадумалась над его предложением сердца и руки.

Вскоре они, углубившись в лес, оказались на опоясывающей гору тропе. Заворачивая за повороты, она поднималась все выше и выше, обнажая другие горы и рассыпанную далеко-далеко белыми точками корпусов как бы ушедшую под ноги Мцхету. Воздух становился все синей и прозрачней, все четче прорисовывались иглы сосен. Выныривали из можжевельника и разлетались по двое – по трое незнакомые молчаливые птицы.
Пробежал барсук.
Перелетела с сосны на сосну белка.

Появилась горная речка.
Она была мелка, как ручей, струилась неспешно. Спускалась с уступа на уступ, разливаясь кое-где маленькими озерцами.
Николай, обогнав их, ушел далеко вперед. Рита молча фотографировала. Иногда она вынимала камеру и снимала, прокручиваясь вокруг своей оси все-все, что могло попасть в объектив. Иногда – просто садилась на камень и задумчиво следила за водой. Порой же – устремлялась за какой-нибудь порхающей бабочкой. Еще Рита любила рассматривала узоры на крыльях сидящих бабочек и вообще - привечать всех насекомых. Это могло длиться очень долго и Годар терпеливо ждал, когда можно будет идти дальше.
Годар подавал Рите руку и помогал вскарабкаться на очередной скальный рубеж.
Следуя вдоль речки, они пришли к высокой горе, на которой виднелись остатки стен некогда знаменитого языческого храма.
Николай был уже наверху. Он сидел на камне и курил.
Вскоре поднялись и они.
И – обойдя поодиночке развалины, вновь сошлись на уступе, за которым начиналась пропасть. Кругом – были горы с густым лесом и стояла хрустальная тишина, в которой было неприятно сделать даже шаг, так как он неожиданно взбалтывал ее чуждыми звуками.
Переглянувшись, они с Ритой почувствовали себя в этом лесу посторонними.
И инстинктивно – сели поближе к Николаю.
- Проходят века, а здесь – все то же. И вдруг – мы… Какие-то букашки: приползли и наутро отползем. Жутко.
- А вы видели – там остатки костра и в нем – кости.
- Николай!.. Перестань так шутить!..
- Да тут капище. Съедят нас, как барашек.
- Да какое там капище. Здесь просто бывают туристы. Слышите?.. Где-то разговаривают люди. Это на горе, что сразу за пропастью.
- Да-да, вон там – их там много и у них есть палатки. Кажется, это тоже упатроно.
-По-моему, это какие-то студенты или старшеклассники. Тоже, наверное, пришли с ночевкой.
- Может, мы к ним присоединимся? Годар, как ты считаешь, можно обойти эту пропасть?
- Можно, Рита, но вряд ли там что-то интересное. Давайте лучше держаться отдельно.
- Тогда не будем разжигать костер – мне страшно.
- Как скажешь.

Вскоре они расслабились и уже говорили о чем-то своем.
Незаметно подобрались сумерки.
И в них – засверкали вдали молнии.

- А что – сюда приближается гроза?
- Да, Рита, гроза. Надо найти место, где можно будет спрятаться.
- Здесь негде!
- Не волнуйся, мы покроем тебя собственными телами.
- Шутники! А вас кто покроет?
- А нам, когда мы с тобой, больше ничего и не надо.
- Какой ты, Николай, все-таки циник. Иди лучше собери хвороста.
- С ума сошли? Мы находимся на самом видном месте – здесь нельзя зажигать огонь.
- Да сами вы – ведите себя тихо. Мало ли кто бродит в лесу.

Сумерки сгустились.
Стуча зубами от холода, они пролежали всю ночь на хворосте в обнимку, плотно

прижавшись друг к другу.
На горе за обрывом – почти до утра слышались говор и смех незнакомых ребят.
Но и им – тоже было по-своему смешно и легко.
Особенно легко стало с рассветом, когда выкатилось из-за горы ясное малиновое солнце – очень большое и спокойное. На него можно было смотреть, как на икону.
И тут же – стало очень смешно, поскольку Николай полез за книгой «Грузины», чтобы прочитать что такое Армази и выяснил, что крепость, у стен которой прошла их ночь, издавна называли в народе - «Притягивающая молнии». Поскольку молнии в грозу там так и плясали.
- Надо же, какие мы идиоты! – с восхищением произнесла, прыгая по камням и снимая на камеру иконописное солнце, предельно оживившаяся Рита, - Узнав, что возможна гроза, как нарочно, выбрали ночлег у стен «Притягивающей молнии»!

… Подложив под головы спортивные сумки и собственные загорелые руки, Годар и Рита лежали в лесу у вокзала в подмосковном городке Железнодорожном – его называли в народе Желдором – и вспоминали свое прошлогоднее грузинское лето.
Годар находился тут уже три месяца – он приехал сюда весной, по годовой визе, и проживал то в Москве у Риты, то – в Желдоре у Николая.
У Николая жить было удобней – он жил один. Его родители – тихий, но строгий военный офицер в запасе с верной заботливой женой – присматривали за сыном из квартиры в соседнем корпусе. Мать будила Николая по утрам телефонным звонком и снабжала разными вкусностями, а также – забирала домой белье для стирки. А отец – иногда проводил с ним тет-а-тет какие-то беседы. Николай же – возил их иногда на дачу на подержанных «Жигулях». И это – было все.
Тогда как Рита жила еще с мамой и папой – там отношения муж собой были куда более теплые и заботливые.
Правда, мама и папа, в отличие от безропотно подчинявшегося родителям Николая, зависели от нее: например, Рита, которая поступила весной на философский факультет православного богословского вуза, обязывала их читать то Плотина, то – упанишады, то - святых отцов. И родители – когда с интересом, а когда и со вздохом – смиренно повиновались. «Тебе скоро помирать, а ты все скачешь по музеям вместо того, чтобы подумать о душе. Вот сиди и разрабатывай стратегию пролета через тоннель своих суженных представлений», - напутствовала Рита собственную мать.
Но в квартире Риты было не так уютно – она походила скорее на музей, где ничего нельзя было трогать руками: так завели родители, любившие больше путешествовать, чем заниматься хозяйством – чтоб поменьше убираться. Вечно же витавшей в облаках Рите – было это как-то не заметно.
Николай же превратил свое жилище в настоящее гнездышко и с удовольствием сам занимался бытом – Годару и Рите редко приходилось брать самим в руки даже веник, не говоря уже об обеде – Николай славно готовил.
Годар, приехав, не узнал Николая: прежнее лукавое похрюкивание слетело с него безвозвратно. Он стал прост и покладист, всегда был готов услужить как Годару, так и любому гостю или даже незнакомцу на улице – все это стало, как видно, следствием влияния вечно фонтанирующей теми или иными мыслями на духовные темы Риты. Как и ее родители, которые вынуждены были, чтобы заслужить ее уважение, приобщаться к чтению святых отцов и евангелия, Николай тоже немало преуспел.
- А помнишь, как мы плутали в Армази? – сказала Рита, повернувшись на бок и мечтательно глядя ему в глаза своим никогда не теряющим лукавого огонька и настойчивости, но в то же время мягким и добрым взглядом, входящим в противоречие с жесткостью и безаппеляционностью некоторых ее суждений. – Я так стучала ночью зубами и хотела поскорей в душ, но – Николай забыл обратную дорогу!

- Опять Николай. А мы с тобой что – двигались другой дорогой? Почему он обязан за все отвечать?
- Ну хорошо, хорошо, уговорил – мы с тобой и Николаем забыли дорогу в Мцхету и принялись лазить по скалам, чтобы высмотреть ее с высоты. Причем, Николай взобрался на какую-то вершину и исчез. Как мы только его не звали! Мы даже звонили ему по мобильнику. А голос он изволил подать только после того, как я заорала: «Придурок, как тебе не стыдно, ты решил шантажировать меня собственной жизнью! Лучше тогда действительно сдохни!». Тут он и воскрес как миленький. А ты его еще защищаешь. И не вздумай быть благодарным ему просто за то, что ты живешь у него – дав тебе приют, он совершил обычный человеческий поступок. В этом нет ничего из рада вон выходящего. Это у нас все привыкли ожидать награды за естественные вещи.
- Дорогу-то нашла ты. Но не ту, какой мы пришли, а какую-то обходную – она шла на спуск среди редких хуторов селян. В одном месте нам преградило путь стадо коз. Выступивший из облака пыли пастух пригласил нас к себе в дом и угостил козьим сыром. Мы купили у него головку козьего сыра и головку сулугуни, и поплелись, ужасно довольные, дальше по пыльной дороге под солнцем. И встретили мальчика, который катался для скейте, который сколотил из грубых досок сам. Ты долго снимала его скейт на камеру и спросила, ходит ли он в церковь. Он ответил, что нет – потому что там дымно. Это был славный упатроно. Мы долго с ним беседовали в таком духе.
- А гроза нас все равно догнала – через два дня. Когда мы ночевали в безлюдном Бетанском ущелье в палатке на склоне между горной речкой и монастырем. Утром хлынул такой ливень, что мы, бросив вещи, побежали искать укрытия монастыре. Но монахи нам поначалу не открыли. Они испугались, что среди нас есть женщина!
- Как громко ты честила вслух ханжество! Так громко, что твой голос перекрыл раскаты грома и монахи, наконец, открыли. И провели нас в кухню, где уже сидел возле накрытого для нас стола настоятель. Он очень тихо, по-доброму побеседовал с нами. Ты очень огорошила его своим желанием в первый раз исповедоваться и причаститься у самого настоятеля Бетанского монастыря – знаменитого архимандрита Лазаря Абашидзе. Едва заметно усмехнувшись, монах сказал, что отец Лазарь уже не настоятель – он удалился на жительство в некое тайное место и его, без ответного желания самого отца Лазаря, не найти. Также он дал понять, что для того, чтобы исповедоваться, не надо было ехать так далеко. А потом, посерьезнев, он сказал, что мы должны покинуть стоянку у монастыря, так как, судя по погоде, Бог не благоволит к нашему там пребыванию. Но прежде мы должны позавтракать. И нас тут же угостили бутербродами с сыром и какао. И еще – дали с собой банку перетертой с сахарам смородины и банку меда… Ну, что было делать – собрали мы наши промокшие насквозь вещички и нас отвезли на машине в Тбилиси. И все это на их языке называлось, что Бог к нам – не благоволит.
-Интересно, а что бы они сделали для нас, если бы Бог к нам благоволил?
- Если бы Бог к нам благоволил, они оставили бы нас в монастыре и научили молиться. И – Бог отвел бы от нас грозу. Потому что гроза все-таки поразила нас молнией. В Тбилиси на следующий день, когда мы возвращались поздно вечером с прогулки по проспекту Руставели, в маршрутку вошли бандиты и вырвали у меня из рук мою видеокамеру. Все, что мы наснимали – они тоже унесли с собой.
- Ты героически пыталась оказать им сопротивление – это длилось доли секунды. Мы с Николаем, ехавшие, в отличие от тебя, на задних сидениях, даже не успели приподняться, как все уже было сделано и бандиты сошли… Тут все пассажиры стали голосить и советовать нам обратиться в милицию. Ну, мы и обратились. Сошли у ближайшего отделения, хоть я и знал, что это бесполезно.
- Конечно, бесполезно. Эти милиционеры или полицейские или уж не знаю кто – были одно лицо с теми бандитами, и даже одеты одинаково – в черное.
- Все кавказцы, дорогая Рита, для русских – на одно лицо. А черное им просто к лицу.
- Никакую камеру нам, конечно, никто не вернул. Нам даже с трудом удалось уговорить

полицейских принять у нас заявление. Они говорили, что ограбление произошло не на их участке. Вот если б мы ехали на той маршрутке в обратную сторону, то тогда – все бы было на мази, по другой стороне дороге – участок их… Я так тогда устала, слушая весь этот бред.
- А ты помнишь, что ты им сказала, когда только вошла в отделение? Ты спросила: «Где тут можно ли тут умыться?». Так как тебе было жарко. Они даже, переглянувшись, приподнялись со стульев. Симпатичная русская туристка зашла вечерком в отделение полиции на огонек затем, чтобы… умыться.
- Да! Я характером – в свою бабулю! А она у меня в молодости – работала на Петровке, 38. Правда, бухгалтером. А еще я живу на родине Тимура и его команды. В районе нашего метро «Кунцевская» раньше был поселок Кунцево, где снимал одно время комнату писатель Гайдар, сказку которого ты рассказывал тогда, на Радуге… Ну, когда мы познакомились... Действие «Тимура и его команды» происходит как раз в Кунцево.

Густая трава и высокое синее небо. Проносятся, запросто меняя высоту, стремительные стрижи, плывут в солнечных лучах млеющие жуки, бродят от цветка к цветку пьяные шмели и шелестят синими крыльями стрекозы с глазами инопланетянок. Высокие березы глядят на них с Ритой, лежащих то на спинах, то на боку, не отрывающих друга от друга смеющихся глаз, и тонко-тонко покачивают станами. Время от времени налетает ветер и тогда березы возмущенно шумят, словно сбившись в кучу. Озорник-ветер выпархивает из этой взъерошенной им кучи и уносится вдаль.
А за головами – бугор. За ним – насыпь. За насыпью – железнодорожное полотно и по нему проносятся электрички. Идут потоком пассажиры.
- Ну что, поехали?
- Да. Ты приходи сегодня к метро, где я буду стоять, к концу моей работы – вернемся в Желдор вместе. Я позвоню и скажу, где это будет.
- Да меня скоро мать с отцом перестанут узнавать – все с вами тут кочую. Но сегодня я точно опять останусь у вас – ведь сегодня приезжает Котеночкин!
- А мне не удобно перед Николаем. Он-то по-прежнему любит тебя. А тут – я…
- Но у нас же с тобой, слава Богу, нет никаких отношений! Ты не представляешь, какое это счастье – не иметь этого дешевого счастья… Ну, когда люди шумно дышат и трясутся. А потом только и думают, упершись друг в друга, как бараны, - о себе, ненаглядных. Ох!.. А у нас – зацени! – если кто и страдает, так только Николай. Мы же с тобой – живем широко и свободно. Потому что мы не нужны друг другу в этом узком смысле… И мы же – по-настоящему нужны друг другу!
- Да, но это не отменяет страданий Николая.
- Но ведь это его проблема, не так ли? Вот догадается он забыть обо мне как о женщине и тоже когда-нибудь присоединится к нашему братству. У нас дверь – всегда открыта. Или я чего-то не понимаю?.. Я так говорю или не так?..
- Так Рита, так…

Сорвавшись, как две птицы, с земли, они бегут, смеясь, наперегонки к вокзалу, пробираются через дыру в ограде и взбираются по доске, которую ежедневно полируют ногами безбилетные пассажиры. И вот они на платформе.
Минут через десять – электричка стремительно уносит их в Москву.
На Курском вокзале они спускаются в метро и, взявшись за руки, отпускают их.
Делают шаг назад и, улыбаясь уже только одними глазами, повернувшись, расходятся по разным сторонам.

С Ритой у них действительно странные, ни на что не похожие отношения.
Он ее любит – это без сомнения.
И она его, скорее всего, тоже.

Но между ними нет ничего, кроме поцелуев. Да и то – в щечку или ладонь.

Без этого «ничего» – и трудно, и легко.
Во всяком случае, эта близость без близости действительно не сужает горизонт. Меж ними – чувствуется чистое пространство с словно разреженным горным воздухом. Лишь иногда в нем становится трудно дышать и хочется спуститься пониже и набрать немного простых и грубых радостей – украдкой, хоть они и бесполезны, как попадавшие шишки. Но так бывает только в дни, когда трудно. Они с Ритой в шутку так и говорят: пришли трудные дни. На практике это означает, что Рита на какое-то время уезжает из Желдора к себе на Кунцевскую. Или просто ночует на кухне, оставив их с Николаем в зале одних. Обычно же Рита спит в комнате на диване, а Годар с Николаем – рядом на полу, кинув спальники на роскошный ковер.
На этом ковре они часто, сев кругом, играют на гитаре и барабане. Иногда, развеселившись, сочиняют экспромтом панковские песенки и тут же записывают их в компьютер. Потом Николай делает из них композиции, в которых трудно узнать и выделить голоса. Все это идет пока в папку для личного пользования под названием «Панк-группа «Упатроно». На самом деле – их музыкальный коллектив, как и их с Ритой семья – представляет собой только пародию на нормальные коллективы. Да и что такое нормальность?..
Вот что такое нормальность?
Годар с Ритой часто размышляют и спорят об этом, а Николай молча слушает, готовя им ужин. Он старается не подавать виду, что расстроен. Ведь он в их компании – самый нормальный.
А в компании ненормальных – крайними оказываются нормальные.
Как, впрочем, и наоборот.

Приехав на Пушкинскую, Годар быстрым шагом пробегает сквер с памятником поэту, доходит до поворота, где храм Косьмы и Дамиана и, сходив в храмовый туалет, ибо больше негде, а потом – будет нельзя, оказывается в небольшой конторе в соседнем с храмом дворе. Здесь сидит гладко выбритый и тщательно влезший, как в скафандр, в костюм с галстуком, розовощекий молодой человек, которому нет еще и тридцати и, небрежно держа между белыми пальцами с ухоженными ногтями сигарету «Парламент», спрашивает:
- Где вы были вчера в семнадцать пятьдесят девять?
- Как где? На Сокольниках, куда вы меня и направили.
- Контролер вас в это время на рабочем месте не застал. Вы ушли как минимум на две минуты раньше. А вы же знаете наши условия – минута раньше, значит, час долой. И с перерыва – он у вас после трех часов работы целых пятнадцать минут – тоже нельзя возвращаться ни минутой позже. Я вас оштрафую на пятьдесят рублей – вычту из зарплаты, как за пропущенный час.
- Нет, я ушел точно в срок, даже на пару минут позже. Вероятно, у контролера немного спешили часы. Или у меня отставали.
- У контролера они спешить не могут – мы каждое утро сверяем с контролерами время по моим наручным часам, а они у меня – работают, как часовые у мавзолея. Можете считать, что я их по курантам сверяю.
- Еще раз вам повторяю – я ушел с работы в срок. Когда я спустился в метро, на табло высвечивалось то же время, что и у меня на часах.
- А я вам тоже еще раз повторяю: сверяйте тогда тоже, черт вас побери, свои часы по моим!.. Ладно, идите на этот раз. Но если еще раз попадетесь, тогда я вас точно оштрафую. Дам вам совет: вы избежите недоразумений, если будете уходить с работы не на две минуты позже, а с запасом – на пять. Сколько возьмете часов сегодня?
- Шесть, как обычно. Пять я беру лишь изредка, когда надо освободиться пораньше.

- Ладно, вот ваши листовки – езжайте сегодня на Комсомольскую. И помните – мы работаем голосом. Если контролер поймает сотрудника за молчанием, тот будет оштрафован, а если наберется несколько штрафов – мы с ним распрощаемся. Надеюсь, вы уже хорошо изучили схему метрополитена. Опоздаете к точке на одну минуту – потеряете зарплату за час.

Опять проплывает мимо храм Косьмы и Дамиана и пробегает вознесшийся на постамент каменным гостем Пушкин. Годару все кажется, что каменный гость глядит на то и дело мелькающие авто с бронированными черными стеклами и на присевших на лавочки в сквере каких-то встретившихся по делу людей, как Чацкий из «Горя от ума». Ему даже иногда кажется, что на постаменте стоит, холодно посверкивая пенсне, сам Грибоедов. А иногда – Грибоедов превращается в Риту.
Когда они с Ритой гуляют по Москве, а точнее, пробегают как бы мимо на какую-то встречу или концерт, или лекцию, или в бесплатный туалет в «Макдональдсе», та тоже частит, как ожидающий карету Чацкий:
- Куда не взглянешь, повсюду впереди планеты – витрины. Они так и ластятся, так и манят, как сучки в период течки. Москва - в их кольце! И зачем тут столько колбасы, конфет, посуды. Зачем эти выпотрошенные тела куриц и мясо. Нет, это не люди, а безголовое мясо… Взгляни, Годар, это не толпа, а река из мяса течет по Москве… Сейчас пока эта невидимая телесным оком еще одна Москва-река – трупная река – красна. А потом – в ней заведется трупный яд. Люди гниют без души. Это кольцевая дорога – дорога без начала и конца.

Но Годар в глубине своей, вероятно, тоже не особенно свежей, души не очень-то разделяет ее пессимизм, хоть и вежливо помалкивает, или поддакивает, тоже подхватив, как насморк, ее раздраженный настрой. А случается, что он вдохновенно спорит, когда очаровывается какой-нибудь случайно выхваченной из городской жизни сценкой. Пока он стоит у метро, раздавая листки с рекламой и громко выкрикивая: «Клиника «Мерамед» - желает вам здоровья!», за шесть часов перед его взором проходят тысячи пассажиров. И у него есть время, чтобы рассмотреть, что далеко не все они – на одно лицо.
Подземка выкидывают наверх этих людей, как уголь. И они высыпаются, едва помещаясь в проходе с тяжелыми стеклянными дверями, которые необходимо придерживать, пока за них не ухватятся идущие следом, со скрытыми как за черной завесой погруженными в себя лицами.. А там, на улице, прямо у прохода, им протягивают листки с рекламой, приставуче выкрикивая или нашептывая какие-то глупые, но почему-то закрадывающиеся в души фразы.
Кто-то – раздражается и чертыхается, кто-то - невозмутимо проходит мимо, кто-то - наивно берет листок и, чуть отойдя в сторону, бегло просматривает. И лишь некоторые – заискивающе задают какие-то вопросы, изъявляя желание подъехать по указанному на бумаге адресу, интересуются схемой проезда.
Но есть и еще одни некоторые – их совсем мало. Буквально единицы!..
Эти люди, приостановившись на секунду или даже вернувшись на шаг-другой, если уже проскочили мимо, всмотревшись в лицо раздатчика с едва заметной улыбкой, вежливо произносят:
- Дайте, пожалуйста, листовочку. Или, если хотите, сразу несколько – я их потом опущу в мусорный бак, чтобы вы справились быстрее. Я подальше отойду, чтобы вам не попало… А то жалко вас – стоите тут, тратите время.
Среди них, наверное, тоже есть москвичи. Не все же добрые люди – приезжие.
Кое-кто из пассажиров, когда он пытается уточнить у них время в перерыв, опасаясь, что его часы отстают, в то время как в толпе могут скрываться неизвестные в лицо контролеры, бросает эту ценную информацию, как кость собаке. Иные – делают вид, что не слышат. А одна грузная тетка с кошелками даже так прямо и сказала, когда он

попытался ее остановить, не заметив поначалу кошелок:
- А не обязана я, милый человек, тебе отвечать.
Но все равно кто-то в придачу к ответу – еще и приостановится, немного поговорит, а потом, аккуратно порасспросив о житье-бытье, скажет:
- А вы заходите ко мне в гости – я вон в том магазине работаю. Я вас чаем угощу.
А сколько он видел женщин, которые специально приходят к метро, чтоб подкормить стягивающихся сюда бездомных псов – некоторые из них с деланным безразличием лежат здесь с раннего утра и, просеивая толпу хмуро-настороженными взглядами, терпеливо высматривают своих кормилиц.
Сюда же приходят бомжи и люди, которые их кормят.
И здесь же – идет с переменным успехом деланно ожесточенная схватка дежурных милиционеров с то раскладывающими, то спешно складывающими товар –незаконными торговцами. Она обычно заканчивается в пользу торговцев после того как милиционеры получают свою мзду.

Однажды на него напал сумасшедший.
Он навалился со спины, выхватил мобильник и стал требовать, чтобы Годар вернул еще и кошелек, который тот якобы украл у него.
Пока шла борьба – а мужчина, взгляд у которого был мутен, а речь хаотична – другие раздатчики, которых здесь было несколько человек – они представляли разные рекламные компании – позвали милицию.
Милиционер прибежал из здания метро и, узрев дерущихся, кратко спросил:
- Кто из них – бандит?
- Вот этот! – дружно указали взволнованные раздатчики на теснившего Годара незнакомца.
- Понятно.
И незнакомец тут же был сбит с ног и уведен в милицейскую комнату при станции.
Годар же остался при только сейчас вспыхнувших переживаниях.
Он переживал, что теперь, когда у него спросят документы, выяснится, что он иностранец и работает нелегально.
А ему и так пришлось продавать несколько месяцев в Тбилиси на улице книги на найденной с трудом работе, чтобы собрать деньги на годовую, якобы рабочую визу. Кровь похолодела, когда он представил, что его могут этой визы лишить.
Граждане Грузии с великими трудностями и денежными расходами могли приехать только по трехмесячной визе, для которой требовалось приглашение частного лица, либо взять туристическую визу на месяц. Годовая же виза была предусмотрена только для тех, кто выезжал в Россию по вызову работодателя – на работу по конкретному адресу. Было нереально, чтобы такие работодатели могли найтись. Поэтому под ширмой годовой рабочей визы, которую выдавали официально за большие деньги в многочисленных коммерческих фирмах с надписями «Российские визы» - они располагались прямо через дорогу от российского Консульства, сотрудники которого, проходя, приветливо здоровались с их владельцами – граждане Грузии, в том числе русские граждане, просто ездили в Россию по личным делам. Они регистрировались по приезду в московских коммерческих фирмах по обслуживанию приезжих – там уже знали как помочь, разумеется, за официальную мзду, таким гостям. При этом через полгода надо было покинуть Россию, а потом можно было тут же въехать в нее, например, со стороны российско-украинской границы, так как в визу включался как минимум один въезд-выезд из страны, и эту возможность необходимо было обязательно реализовать. После чего надо было опять продлить, и, соответственно, оплатить, регистрацию.
Вот Годар и зарабатывал на все про все деньги.
Сумму, которую Рита выслала ему на дорогу, он ей уже вернул.
Теперь осталось собрать на дорогу до украинской границы.

А еще – на возвращение домой и следующую годовую визу.
А еще – но это было пока только мечтой – на домик в деревне, куда можно бы было переехать, получив вид на жительство, чтобы обрести через пять лет вымученное право на гражданство.
Ему почему-то хотелось в рязанскую деревню, хотя он никогда не был в Рязани.
Но это – вырисовывалось в туманной дали как почти несбыточная программа-максимум.

На самом деле он собирался, когда только приехал в Москву, устроиться соцработником в Сестричество при больничном Храме святого благоверного царевича Дмитрия. Он находился на территории Второй клинической больницы. Чтение «Аскетических опытов» святителя Игнатия Брянчанинова оказало на Годара такое влияние, что он рад был направить свою деятельность на какое-нибудь скромное и практически безвозмездное служение. Из скромного жалования, которое платило Сестричество работникам, которые должны были ухаживать за тяжелыми больными, помогать неимущим и бомжам, сбежавшим из семей и приютов детям, беспризорникам и просто сиротам в детских домах – тоже можно было понемногу собрать нужную сумму на преодоление бюрократических всех этих препонов. Благо, что ему не приходилось платить за жилье, а на питание уходила минимальная сумма.
Но настоятель не принял его, узнав, что у него нет права на работу - кроме той, фиктивной, которая была указана в его документах. Официально он значился коммерсантом, приехавшим заключать какие-то договора.
И это несмотря на то, что Годар настоятелю понравился.
- Простите меня, за то, что я не могу вам помочь, - сказал настоятель, - Я не могу нарушить закон. Но все равно, если вам будет трудно – обращайтесь. Поможем если не в этом, так – в другом.

К счастью, его тогда, после нападения сумасшедшего бандита, пронесло. Милиционер попросил его зайти в милицескую комнату, где сидел, покачиваясь на стуле у стола с стаканом с водой, горестно задумавшийся сумасшедший – тот даже не заметил его присутствия – и деланно сурово спросил:
- Гражданин потерпевший, вы что-нибудь имеете против этого человека?
- Нет, ничего не имею. Можно мне идти – меня ждет работа?
- Идите, конечно. Ну, повезло тебе, Саша из Балабанова.

Чуть позже Годар увидел задумчивого Сашу из Балабанова уже на улице – он опять околачивался у метро, периодически поглядывая в его сторону и бессильно тряся кулаком. С губ его срывались проклятия.
Все это вселяло в других раздатчиков подлинный ужас.

Не зря припомнился сегодня Годару тот Саша.
Вечером их закадычной троице предстояло встречать другую закадычную троицу друзей – и в ней тоже был сумасшедший Саша.
Только он был из Костромы и фамилия его была - Котеночкин.
Вместе с Котеночкиным приезжала его костромская подруга Таня, которая, собственно, и обнаружила Котеночкина, когда ездила по родному городу и области в группе молодежного крыла какой-то протестантской церкви.
Таня взяла над ним шефство.
Она была студенткой педвуза, жила в общежитии, а Котеночкин – жил с мамой в однокомнатной хрущевке.
Ежедневные приходы веселой и активной Тани вывели сумасшедшего Сашу из многолетней ремиссии и он опять стал писать многочисленные философские эссе.

К настоящему времени их набралось на целый сборник, и Таня задумала его издать.
А для этого и еще многого другого у Тани, которую соседи Котеночкина с легкой руки его мамы называли не иначе, как его ангелом-хранителем, была еще одна подруга, с которой она познакомилась по интернету, уже будучи знакомой с Котеночкиным.
Эту подруга – ее звали Юля – была вторым крылом практически беспомощного, не умевшего даже как следует держаться на ногах сумасшедшего Саши. Она была из подмосковного Подольска и добавляла в этот тройственный союз – волю и практическую хватку. Найдя спонсоров для сборника, она занималась теперь подготовкой комментариев к эссе, которые писала сама.
Но сегодняшний приезд в Москву Котеночкина был связан не с сборником, а с тем, что Котеночкина готовили к операции по… пересадке с одного велосипеда на другой.
А это было дело хлопотное и волнительное.
Дело в том, что Котеночкин практически не выходил из дома без велосипеда, без радио и без наушников.
Наушниками он приглушал шум и слишком резкие для него голоса людей, а если и это не помогало, незаметно включал радиоприемник и его шипение - просто шипение без музыки и радиоголосов – выполняло роль еще одного фильтра.
Фильтры же у бедного Котеночкина отсутствовали от природы…
Он не выносил также яркого солнца, включенных лампочек и фар, громкого смеха, крика младенцев. Его коробило от вида играющих детей, а также от тех, кто ходит с сигаретой. На курящего человека он мог неожиданно наброситься и порядком потрясти его, схватив за шиворот и выкрикивая что-то не вполне вежливое. Мог попинать, спускаясь по этажам, чью-то дверь, если чувствовал, что за ней дымят.
Когда Котеночкин только вселился в корпус, переехав в него из барака на окраине Костромы, его матери пришлось обойти всех соседней в подъезде и предупредить, чтобы они старались не попадать, если у них в зубах – сигарета, в зону видимости Котеночкина, пока тот будет спускаться по лестнице и не открывать дверей, если тот вознамерится их слегка попинать.
Эффект ее слов, как рассказывала Таня, был неожиданный: соседи договорились вовсе не курить на лестнице и во дворе. А некоторые даже попытались отказаться от курения насовсем. Так проняла всех история удивительная история нового соседа.

Но главной фобией Котеночкина были – собаки.
И смех, и грех – но Котеночкин становился как две капли воды похож на персонажа, от названия которого произошла его фамилия, едва только в зоне его видимости появлялся пусть даже самый маленький и понурый, испуганно шарахающийся от него песик.
Тогда Котеночкин мог, если не падал сразу в обморок, совершить рекорд по быстрому бегу с криком с последующим падением на асфальт, после чего следовала бурная многочасовая истерика, переходящая иногда – в эпилептический приступ.
Нельзя было даже упоминать этих четвероногих тварей, - об исходящей от них дьявольской силе у Котеночкина было отдельное эссе – причем не только в устной, но и письменной форме: у Котеночкина даже стояла в электронной почте разработанная для него Юлей антивирусная программа, блокирующая все сообщения со словом «собака» во всех его транскрипциях и модификациях, включая слово «сука».
В общем, в этой ситуации велосипед для Котеночкина, который, к тому же, не мог из-за наличия подозрительных запахов от людей, ездить в общественном транспорте, был не просто средством передвижения и бегства от всех двуногих и четвероногих, но и практически – внутренним органом. Он даже продолжал держаться за него рукой, пока Николай перевозил их обоих в машине. Велосипед лежал на крыше в устройстве для багажа, а Котеночкин, высунув руку из кабины, как бы придерживал его. Ровному и спокойно все принимающему Николаю Котеночкин доверял – и доверял больше, чем жизнь.

Теперь же предстояло серьезное и тревожное событие – Котеночкина надо было пересадить на новый велосипед, так как прежний – уже разваливался на ходу. Его собиралась купить ему Юля. А для этого Котеночкину необходимо было приехать в специализированный московский магазин и самому подобрать себе модель.

Вот он и выехал с утра из Костромы в свое прощальное турне на старом добром велосипеде и уже, надо полагать, был на полпути к Москве.
К вечеру – он приедет в Желдор.
А там его уже будут ждать Таня и Юля, прибывшие на обыкновенном поезде.
Утром они с Николаем повезут Котеночкина в веломагазин.
Вчера Николай допоздна был на связи с Таней и Юлей, помогая им составлять для Котеночкина план нового маршрута из Костромы в Москву. На прежнем – имелась не нанесенная на карту деревенька Большие Псарьки. В прошлый раз она вдруг неожиданно пересекла Котеночкину путь, и тому пришлось проехать сквозь нее зажмурившись, включив на полную катушку свое таинственное радио.
- Если что – могу, в конце концов, подъехать и подхватить его у Больших Псарьков!.. – озабоченно прокричал Николай обоим девушкам через компьютер.

- «Нас всех окружают собаки!» - ожесточенно пел со сцены похожий в этот момент на округлившего глаза пятящегося Котеночкина лидер «Гражданской обороны» Егор Летов, когда Годар был с Ритой на его концерте в московских Лужниках.
Бок о бок с ними – сидели в заднем ряду и Таня с Юлей, а Котеночкин в это время остался в Желдоре с Николаем.
Это было когда Годар только приехал в Москву.
В день концерта он и познакомился с Котеночкиным и его верными Хранителями.

А еще сразу по приезду Годар познакомился с необыкновенной девушкой Айрис – она была из хиппи. Язык не поворачивался называть эту мечтательную и подвижную девушку, глядящую на всех очень глубоким взором, полным голубоватого сияния, - так же, как Котеночкина – всего лишь сумасшедшей. Айрис в его представлении была юродивой.
Вид у нее был такой, что хоть сейчас пиши икону.
Ее абсолютно прозрачные голубые глаза – были как чистая вода в неспешно текущем ручейке. И всегда в них присутствовала, помимо светлой грусти, и какая-то застенчивая, тонкая улыбка, в которой, как в матрешке, была скрыта едва заметная, мудрая усмешка, с какой взрослые обычно слушают лепет детей.
Это было в Питере, куда они отправились втроем накануне 9 мая.
Они сорвались туда внезапно.
- Надо куда-нибудь уехать из этой ужасной Москвы! – сказала Рита, едва переступив вечером порог квартиры Николая. – Предлагаю сделать это сейчас же – мы еще можем успеть на питерский поезд.
Николай моментально собрал нехитрый рюкзачок и они рванули на вокзал.
На московском вокзале они, вдоволь нафотографировавшись с подсевшим к их столику в буфете трансвеститом, поднялись в дешевый вагон, где, как в электричке, были только сидячие места, и Москва уплыла с глаз долой.
Годар с Ритой затеяли жаркий спор о квантовой физике, торсионных полях и Божьей Благодати, который длился почти до утра. Они сидели спиной к ходу поезда, соприкасаясь плечами, отчего их словоохотливость стала поистине неисчерпаемой.
Ехавший напротив Николай только посверкивал стеклышками своих круглых очков.
Такое же молчаливое внимание проявляли иногда оборачивающиеся и пристально взглядывающие на них пассажиры.

- Николай, тебе, может быть, не интересно? – подозрительно спросила Рита.
- Отчего же, мне интересно… - вяло отозвался Николай. Встрепенувшись, он нервно заерзал и неуверенно добавил: – Я вас внимательно слушаю… Но хочу вам заметить, что вы оба, видимо, плохо изучали физику – вы все путаете.
Рита, поддавшись всем корпусом вперед, уже готовилась произнести в его адрес какую-то обличительную тираду, как вдруг с сидения через проход поднялся человек в черной водолазке и протянул Годару книгу.
- Передайте, пожалуйста, это в подарок вашей дочери, - вежливо сказал незнакомец, прежде чем опять в молчании сесть на свое место у окна, - у меня тоже есть четырнадцатилетняя дочь-вундеркинд. Все сегодняшние подростки – Дети Индиго.
Переглянувшись, Рита с Годаром, так и покатились со смеху, но не стали разуверять доброго незнакомца. Оставшуюся часть ночи они вполголоса читали, посмеиваясь, некоторые особо закрученные места из книги про эгрегоры, не забывая, однако, приветливо, с непритворной благодарностью, поглядывать на ее автора, оставившего на титульной странице дарственную надпись.

На питерском вокзале их сразу же встретили опять-таки - собаки.
Этим их Питер неприятно удивил.
В отличие от Москвы, тут окольные пути к пригородным поездам, не оставляя шанса «зайцам», перекрывали ходившие с овчарками милиционеры.
- Вот вам и культурная столица! Скорее за город!
Тогда-то они и отправились к Айрис, жившей недалеко от центра в небольшой двухкомнатной квартире, где в одной комнате обитала практически незаметная бабушка, а в другой – был, фактически, приют для странников, непрерывно приходивших и приезжавших к Айрис в гости.
- Здравствуй, Айрис! Ты нас помнишь? Мы гостили у тебя осенью. Мы не можем без Питера и приезжаем сюда каждые полгода. Но теперь он нам надоел и мы хотим за город. Дай нам, пожалуйста, ключи от своего дачного домика. Ты в прошлый раз все рассказывала про него, но мы тогда не поехали. А теперь с нами еще товарищ из Грузии. Познакомься с ним, Айрис.
Это все говорил Николай, в то время как Годар и Рита скоромно стояли в стороне. Они не умели говорить о чем-то, в чем не оставалось места для философии, и когда возникала необходимость в обычной житейской беседе, приходила пора Николаю взять свой реванш.
Не отвечая, Айрис возбужденно носилась по комнате с развешенными по стенам картинами – ее собственными картинами – где люди, дома, деревья, улицы состояли из светящейся субстанции – они были как с другой планеты, хотя имели все внешние признаки планеты Земля. И ,похоже, что Айрис тоже была не вполне человеком при всех внешних признаках землянки. Слова Николая, казалось, пройдя ее насквозь – не оставили в ее бесструктурной среде никакого следа.
- Все, уезжаю!.. На два дня -на два дня… Бабулю не обижать!.. На столе – сковорода. Под столом – кошка. Не кормить кошку «Ролтоном»!.. Все это гадость, гадость, гадость!.. Фу!..
Большой синий рюкзак на колесиках был вскоре уже полон – в нем влетели палатка, спальник, котелок и мешочек с нехитрой едой. Сверху Айрис бросила миску с ложкой, пару кофт и, застегнув рюкзак, привязала сбоку коврик. Она прямо-таки горела от нетерпения, приплясывая на месте. А другие ее гости в это время – продолжали невозмутимо заниматься своими делами.
Сидевший на ковре в позе лотоса парень с необыкновенно благообразным лицом продолжал проникновенно наигрывать на флейте.
Две же девицы, сидя за столом, доедали из мисок «Ролтон».
Одна из них, равнодушно взглянув на практически уже уходящую Айрис, покладисто произнесла:
- Хорошо, Айрис, мы не будем заходить в комнату бабушки, но принесем ей поесть. А

кошку твою мы не станем кормить «Ролтоном», мы помним, что она как и ты - вегетарианка. Мы завтра уже уезжаем. Ключи мы оставим на столе.
- Айрис, так ты оставишь нам ключи от дачи? – нетерпеливо спросила Рита. Она не могла терпеть чего-то слишком простого и понятного, чем веяло от девиц. Вызывающие нотки в ее голосе в данном случае были адресованы им.
Айрис, резко обернулась, и Годар попал в поле ее взгляда.
Эта попадание длилось не больше мгновения.
Годар вдруг очутился среди сияющих деревьев, которые состояли из сплошного зеленовато-золотистого пламени. Из этого же пламени состоял в тот миг и он сам. Но пламя деревьев было выше, гуще, сильней. И в центе этого пламени виделся еще ослепительно чистый белый свет. На какие-то доли секунд Годар, не сходя с места, оказывался внутри этого света и испытывал при этом такое блаженство, что его сразу же, смеющегося как младенца, выкидывало от переизбытка обратно.
Потом все это медленно потухло и Годар с трудом отвел взгляд от переполненного сплошным светом – взгляда Айрис.
Она глядела на него и одновременно – сквозь него. И – даже сейчас, когда все погасло, его по-прежнему пронзали эти волны света и тепла – порождение необычайной внутренней интенсивности и гармонии.
Едва заметная улыбка, с которой взрослые поглядывают на детей, так и распространялась по планете…
- За мной!.. – сказала Айрис, поманив их за порог.
А дальше Айрис шла по своей планете и повсюду по пути ее следования, раскрывались в сердцах людей – березовые почки. Только эти березы были не чахлые питерские, а тоже какие-то – инопланетные. Все звенело, смеялось, и пело, все колыхалось. Не только соседи, которые любовно здоровались с ней, подойдя поближе, но и незнакомые люди, приостанавливаясь, подолгу глядели ей вслед, словно оказавшись перед прекрасной кометой.
Вероятно, и другие люди в той или иной степени чувствовали то, что почувствовал Годар, когда Айрис оказалась совсем рядом. Многие чувствовали, что Айрис глядит на них и сквозь них, причем одновременно на каждого.
Каждый был по-своему пронзен и долго потом носил в душе улыбку.

Айрис почти бежала, держа руку на рюкзаке, который катился сзади на колесиках.
И они трое – бежали за ней.
Проскочив какие-то развалины, а потом площадь и шоссе, они оказались перед входом в метро и тут Айрис, остановившись, наконец, повернулась к ним всем корпусом и, поставив перед собой рюкзак и облокотившись на него, сказала уже более будничным, но в то же время глубоким и звонким, мелодичным голосом:
- Вы же на дачу хотели?.. Записывайте уже адрес.
А была она к тому же – еще и белокурая. Нет, лучше сказать - златовласая. С просвечивающимися венками под тонкой, необычайно белой кожей. На руке – синяя наколка из какой-то опоясанной кольцами звезды.
Рита и Николай, достав блокноты, принялись торопливо записывать. Задавая вопросы про то, как проехать – Николай не забывал щелкать фотоаппаратом: позже они будут не раз рассматривать эти фото в компьютере и просто радоваться.
- А то бы поехали со мной… У меня есть в лесу один уголок – я там построила шалаш и живу, когда все уже сильно достало, бывает, по неделе или там по месяцу. Приходится энергию подкачивать... Если хотите – поедем туда вместе.

Непонятно почему, но они отказались.
Потом, уже расставшись с Айрис, которая сказала напоследок, чтоб они оставили, когда будут уезжать, ключи под порогом дачи, они долго удивлялись, что отказались от такого

чуда.
- Наверное, нам было стыдно, таким, быть там с ней в ее шалаше – столько, - подал мысль Николай.
И это было – то самое… Они тут же смолкли и отправились, думая каждый о чем-то своем, на вокзал и сели в загородный поезд, помчавшийся в направление пустующей среди дремучих лесов в окружении других дач - избушки Айрис.

-Ангелы на Земле не помещаются, - сказала, вздохнув, Рита и положила Годару голову на плечо.

Небо обложило грозовыми тучами.
Их, как поговаривали, нагнали из Москвы, расчищая небо над Красной Площадью.
Но ленинградцы были не в обиде.
В этот день главы правительств антигитлеровской коалиции и руководители других стран стали свидетелями грандиозного парада на Красной Площади.
В честь шестидесятилетия Победы над фашистами – питерские ветераны, надев ордена, ехали к могилам однополчан.
Некоторых сопровождали прильнувшие к окнам, притихшие, нарядно одетые внуки с букетами цветов.
Встречались и целые школьные делегации.

Появились контролеры.
Рита с Николем по своей привычке к розыгрышам попытались выдать Годара за своего дедушку-пенсионера, но это у них получилось как-то вяло и не возымело эффекта. Хоть контролерша поначалу, вопросительно всмотревшись в лицо Годара, и сказала:
- Ваше пенсионное удостоверение, пожалуйста.
Годар промолчал. Вероятно, его принимали за инвалида по здоровью, и это было неприятно.
Контролерша, усмехнувшись, просмотрела три билета, которые протянул Николай, и ничего больше не сказала.
- В отцы ты – годишься, а в деды – пока нет, - попыталась утешить его Рита.

Жизнь же – выкинула с ними куда более удачную шутку.
До избушки Айрис они в тот вечер так и не доехали, случайно выйдя не на той станции. Это был полустанок, где им сказали, что электричек до утра больше не будет, и проходящих поездов тоже. Но можно дойти пешком до ближайшего поселка и переночевать там у какой-нибудь бабушки. Только надо быть осторожными – в поселке агрессивные подростки. Не приведи господь встретиться с ними в темноте. Днем же – они носятся по шоссе на мопедах и могут посшибать зазевавшихся прохожих цепями, которые раскручивают в драке. Криминальная хроника пестрит случаями разбоя, убийств и изнасилований.
Пока они потом торопливо шли по рельсам в сужающееся как в тоннель пространство с дремучими безлюдными лесами, поскольку деревья отступали в темноту, Рита все повторяла:
- А может заночевать прямо в лесу? Как тогда, в Армази, не разжигая костра? Ну на хрена нам этот волчий поселок?
Николай, который шагал впереди, как человек, не замеченный, в отличие от Годара, в топографическом кретинизме, - а это вслед за Годаром они и выскочили из вагона не там где надо, когда тот заметил какую-то избушку на отшибе - ничего не отвечал на это.

Наконец они добрались до скрытого в полной темноте, погруженного в зловещую тишину поселка и заметили каких-то пожилых людей на лавочке – казалось, они тут были

единственными жителями. На их счастье, это были муж и жена, люди друг друга любящие и вероятно потому – добрые. Они тоже сказали, что счастье им в этом поселке не светит, уж знают они, дачники, местные нравы. И пригласили их переночевать к себе на дачу.
В итоге они прекрасно поужинали и выспались.
Всю ночь от стола, за которым сидели при свете свечи муж и жена – в тот день в поселке вырубили электричество - доносились под потрескивание дров в печи их уютные голоса. Эти далеко не молодые люди, имевшие внуков, не могли наговориться до утра. Годар слышал все это сквозь сон и проснулся, когда женщина, заговорив чуть громче, принялась в сердцах жаловаться на характер дочери, а муж, который был несколько в подпитии, положив ладонь ей на локоть, стал пытаться ее утешать.
Собственно, как подозревал Годар, жена поначалу села с подвыпившим мужем для того, чтоб он не перебрал, но – будучи сама трезвой - невольно увлеклась раскрепостившейся в нем какой-то свежей струей и засиделась, перебирая в памяти всю свою жизнь.
Муж был военным майором в отставке. Он и теперь не расставался со старенькой гимнастеркой.

Позже этот человек – невероятно удивил их. Чем навсегда и запечатлелся в памяти.

Майор все пытался вечером разговорить Годара, причем, не видя из-за темноты его лица - он все спрашивал, кто он и откуда, но получал лишь уклончивые односложные ответы.
В то время как Рита с Николаем охотно шутили, представляясь студентами-геологами.
Когда же рассвело и Годар, наконец, вышел к накрытому столу, майор, откинувшись на спинку стула, а затем приподнявшись – вытянул перед собой руку с указательным пальцем и громогласно воскликнул:
- А я знаю, кто он!.. Он – писатель!..
В голосе его – сплелись в одно целое непоколебимая уверенность и… изумление.
Он – удовлетворенно сел. После чего протянул руку так и рухнувшему на соседний стул Годару.
- Вот это проницательность! – воскликнули Рита с Николем. – Как вам это удалось?!
Майор, сияя, потянулся за очередной порцией наливки.

…Пока Годар припоминал все это, стоя с рекламной на своем посту у метро, - перед его мысленным взором уже промелькнула и долгожданная избушка Айрис, конечно же, не похожая на все остальные жилища типичного дачного поселка, куда они все-таки добрались на второй день - в ней имелись настоящая русская печь с изразцами, гусли и гармонь – двое молодых людей с надписью «Гражданская оборона» и изображением Егора Летова на черных майках пытались выпросить листовку у его соседки.
Вообще-то рекламные листки, которые называли в народе листовками, были предназначены для того, чтобы их раздавали всем и каждому, даже не спросясь. Но тут происходило что-то небывалое. Двое – это были парень с девушкой – вежливо канючили:
- Ну дайте нам листовочку. Хотя бы одну… Ну пожалуйста…
А раздатчица – не отдавала. Причем, ни в какую, хоть и тоже была молодой. Она просто тупо стояла к просившим спиной и решительно прижимала к груди еще толстую пачку листовок.
С портрета на майках сверлил ей спину сквозь круглые очки колким скептическим взглядом – бессменный лидер «Гражданской обороны». Собственно, он и был виновником странного поведения раздатчицы. Внешность этого человека не вызывала доверия у добропорядочной гражданки.
Но ведь это – свои!...
Годар с радостью протянул им листовку, тронув сзади парня за плечо.
Парень, не оборачиваясь, взял листовку и, на отрывая лукавого взгляда от попавшей в

смешное в положение раздатчицы, укоризненно сказал:
- Вот видите, другие женщины добрее.

Однажды Годар видел, как пробегавшие скинхеды сбили с ног ловким подлым ударом чернокожего студента.
Стоявший поблизости милиционер немедленно отвернулся.
Но одна интеллигентная женщина, отделившись от валившей в тот момент из метро толпы, подбежав к упавшему, помогла тому встать и что-то сказала по-английски. Потом она решительно проследовала на гулко стучавших по мостовой каблучках к милиционеру и заставила его развернуться и вызвать сотоварищей по службе.
Милиционеры, выстроившись перед ней, словно бараны перед новыми воротами, потом долго нехотя выслушивали ее нехитрые планы про то, как очистить Москву от доморощенных фашистов.

Он часто видел, пока стоял за работой, этот контраст в поведении людей.
Одни – кидали, прежде чем войти в здание метрополитена, окурки на асфальт.
А другие, покачав головой – могли поднять их и отнести в урну.
Этих, вторых, было совсем немного.
Но, как знать, может, это благодаря им и стоит еще Москва?..

Наутро они выехали вчетвером – Николай за рулем, рядом с ним, впереди – Рита, а Годар, Юля и Котеночкин на заднем сидении – в направлении Оптиной Пустыни. Таня же в это время мужественно дежурила на кухне в далеком Желдоре – она попросту не поместилась в жигуленок.
Как и в случае с поездкой в Питер, мысль посетить знаменитую Оптину Пустынь под Козельском – до этих святых мест можно было доехать на машине часов за пять – осенила их накануне внезапно. И уже утром, к общей радости, все дружно приступили к ее реализации.
Годар был очень доволен этой легкостью на подъем, благодаря чему он повидал уже не только Москву и Питер с окрестностями, но и объездил Подмосковье. И вот теперь едет дальше - в соседнюю Калужскую область. И куда – в святую обитель, куда приходили за ответами на свои «проклятые» вопросы Гоголь и Толстой!
Котеночкин тоже был доволен. Он был рад вдвойне. Волнительная поездка в веломагазин откладывалась. Его старый друг-велосипед спокойно почивал, подобно потушенной люстре – над его головой. (При Котеночкине они не включали по вечерам светильники, довольствуясь свечами). Тем более что «люстра» была вынесена по ту сторону крыши стареньких «Жигулей». Однако Котеночкин мог всегда протянуть руку за окно и потрогать ее за специально – но как бы случайно – болтающийся кожаный шнур, который был привязан к велосипедной раме.
Вероятно поэтому Котеночкин удовлетворенно глядел вдаль, не тревожа Юлю просьбами. Но Юля на всякий случай все равно время от времени что-то спрашивала его, наклонившись к самому уху, а он – тоже в самое ухо – неслышно отвечал. С людьми – даже такими надежными, как Николай – Котеночкин переговаривался только через Юлю, которая умела ясно озвучивать, доводя до всех, все нюансы его желаний, включая такие, о каких сам Котеночкин пока не вспоминал.
Юля была высокая, широкоплечая, статная. Она надела, как назло, в этот день белую буддийскую накидку, так как посещала какие-то платные лекции, где выступал заезжий знаток Востока, которого Рита с Годаром считали шарлатаном и прощелыгой, а Юля – просветленным учителем.
Было ясно, что теперь она накидки уже ни за что не снимет.

Юля отличалась спокойным, внимательным, но несколько упертым и прямолинейным нравом. Если уж она что-нибудь решила, то это – навсегда. Этот характер закалила еще больше профессия – Юля работала школьным учителем биологии и ей прочили в будущем должность завуча.
Их троица любила не только легкокрылую попрыгунью -Таню из Костромы, которая ежедневно заваливала их почтовые ящики смешными или наивно-трогательными историями, которых они не читали, но и строгую Юлю из Подольска. Несмотря на то, что вынуждены были, из-за своей некой разболтанности, держаться от нее на расстоянии – как держаться на расстоянии солдаты от старшины. Уже одно то, что приезжая в Желдор, Юля тут же бралась за швабру и тщательно вымывала полы, а потом как-то незаметно обретала сияющую белизну и газовая плита – приводило их в умиление, которое Николай, косясь на Риту с Годаром, озвучивал в телефонную трубку так:
- Юленька, и когда ж ты уже приедешь, когда почистишь нам плиту и вообще – приберешься! А то мы слабенькие ребята – наши силы на исходе!..

Когда Котеночкин, приехав вчера с дальней дороги, провел свой велосипед в лоджию и закрыл за собой дверь, Юля еще раз придирчиво оглядела залу и, как оказалось, не зря.
- Николь, что делает в секретере эта тряпичная собачка? – спросила она как можно тише и сдержанней.
- Простите, не доглядел. Это приятель на днях забыл – он в ТЮЗе работает, - виновато ответил Николай и бросил собачку в шкаф.

Годар же и Рита, по предварительной договоренности с Юлей, испросившей у Котеночкина произволения, направились вместе с ней к Котеночкину. Вежливо постучав и дождавшись какого-то слабого вздоха, они переступили порог лоджии и Годар сказал:
- Здравствуйте, Александр. Мы хотели бы кое-что у вас спросить. Вот мы с Ритой часто спорим об этом… Вы не могли бы нам сказать, что такое Благодать? Дать какое-нибудь определение.
- Вы чувствовали ли ее когда-нибудь сами? – осторожно добавила Рита.
Котеночкин, который смотрел на них вполне добродушно и осмысленно сквозь неизменные очки от близорукости в широкой роговой оправе и приветливо улыбался, - улыбнулся еще шире.
- Ну, благодать… - протянул он неожиданно теплым голосом, - у него был мягкий окающий волжский говор, - я даже не знаю… Наверное, чувствовал. Но это было так давно, что я уже и не помню стоявших за этих мыслей или там чувств. Но я благодарен вам за вопрос. Я буду над ним думать.

Стелилась, брызгая на стекла из луж, которые, чем дальше от Москвы – тем разливались шире, все более тряская дорога.
Пролетали нищающие час от часу по мере их пути – маленькие городки, поселки и деревеньки.
Некоторые дома были полуразрушены, иные – зияли черными дырами навеки потухших окон. От третьих – остался только бесформенный скелет из обломков черных бревен.
И почти нигде – не было огородов. Дворы утопали в крапиве и бурьяне или представляли собой голую утоптанную землю, заваленную досками и утварью. Редкие жители, насупившись, двигались навстречу однообразному своему дню как стрелки в давно отставших часах. А может, часы уже остановились, и только стрелки все еще медленно двигались. Эти стрелки – были то сонными, то – пьяными. Они не знали, куда шли.
Внутри их чудилось бессильное, как у попавшей между двумя стеклами мухи - тягучее мертвенное отчаяние. Оно то замирало, то – вдруг жестоко вспыхивало, собрав остатки сил.
Жутко было то, что этого горя, казалось – никто не замечал. Поскольку люди про него –

предпочитали молчать и постепенно так и свыклись.
- Вот погляди, Годар, на русскую провинцию, где ты хочешь поселиться. А то у тебя о нашей жизни за МКАД – чисто лирические представления. Думаешь, на Рязанщине дела обстоят лучше? – сказала Рита, полуобернувшись, но при этом – положила ладонь ему на руку и слегка пожала. Потом, вновь устремив взор в лобовое стекло, стала развивать свою мысль дальше – голос ее зазвучал отрывисто, резко: - Русская провинция вокруг Москвы живет как инвалид. У нее остался только кусок неба за пыльным оконцем – ну, она этому по своей дремучей привычке смиряться и рада. А нет бы пойти походом на Москву и потрясти депутатов на предмет вменяемости. Как же мне стыдно, что я – москвичка!.. Николаю, наверное, тоже меня поддержит. Извините, нас, ребята. Это так здорово, что вы не москвичи.
В этот момент с заднего сидения донеслось приглушенное ровное шипение – это Котеночин, ехавший в наушниках, включил свою радиозаглушку.
- Рита, говори потише – у тебя голос, когда он повышается, становится режущим, как наждачный инструмент.
Юля могла бы этого и не говорить – Рита и так все понимала, но уже не могла остановиться. Кроме того, Юля, конечно, прибегла, чтобы высветить проблему кратко и зримо, к художественному преувеличению. На взгляд Годара, голос Риты и на повышенных словах оставался по-прежнему милым.
- Наиболее вменяемые жители прилегающих к Москве областей – в Москве и работают. А тут остаются – старики, дети, да неудачники. Алкаши там… Или и вправду – инвалиды по какой-нибудь болезни, - сказал своим очень ровным и беспристрастным, как бы всегда все выравнивающим и сглаживающим, но при этом еще и теплым голосом – держащий руль Николай.
- Не тронь инвалидов по болезни! Не тебе, холенному и мяконькому, который весь – как из-под мамки – о них судить!.. Знаешь сколько среди них настоящих людей?.. Ну почему так, ребята – почему, как ни встретишь стоящего человека, так узнаешь потом, что он – инвалид?.. Значит, только страдания делают нас людьми!.. Нет, не то я говорю. Не страдания, а – сопротивление страданию! Поглядите, эти люди в деревнях – они не сопротивляются! И – поэтому на них все и положили, как и они на себя. Они не сознают, чему им в себе и вокруг – надо сопротивляться. Борьбу за свет – они заменили… нет, не евангельским смирением, а невежественной смиренностью, которую веками навязывали народу правители и такие же вышедшие из такого народа невежественные попы!.. А инвалиды по здоровью – я имею ввиду тех, которые сопротивляются своей беде – это совсем другая категория граждан. Это сознательные люди. Многие из них – копают очень глубоко, ища корень жизни. Помнишь, Годар, как мы с тобой искали для меня философский факультет? Мы с тобой сначала отправились в Институт философии РАН. Мы ходили там по пустующим коридорам и присматривались к табличкам на кафедрах. Нам нужен был кто-то, с кем можно было поговорить неформально, взвесив все «за» и «против». В дирекцию мы обращаться пока не хотели… Потом в коридоре показался, наконец, живой человек. Это была молодая женщина примерно моих лет. Она приехала на лифте и опиралась на палку. Когда мы подошли, ринувшись к ней навстречу, со своими вопросами, то заметили – что ее качает, как тростинку на ветру. У нее – отсутствовала координация в движениях, да и речь, несмотря на нежный и приветливый голос, да и весь приятный и доброжелательный, размягчившийся, как воск, даже от случайного человеческого внимания, облик, - была заикающейся и смазанной. Женщина была таким инвалидом, но каждый день преодолевала инерцию своего таявшего тщедушного тельца и добиралась почти ползком до института философии. Она училась в аспирантуре.
-Да, от нее веяло чем-то очень хорошим, нездешним. Чем-то простым и добрым, - сказал Годар. – После разговора с ней все стало простым и ясным, как после грибного дождя. Она очень хвалила своей институт и преподавателей, даже намекнула, что к болящим, в том числе на всю голову, там явно благоволят, поскольку среди преподавателей тоже

имеются болящие… Но ты поняла, что не хочешь изучать мировую философию в таком объеме. Ведь тебя интересовала духовная философия. Поэтому ты решила подать документы в православный вуз – в тот из них, что был полиберальней, где преподаватели не вмешивались в духовную жизнь студентов. Они приняли тебя, даже не зная, что у тебя нет духовника, и что ты так ни разу и не исповедалась.
- Они и до сих пор не догадываются, что я там – залетная птица. Нет, по правде говоря, они, когда принимали документы, все-таки спросили, в каком храме у меня духовник. Я ответила, что – езжу в Оптину Пустынь… Мы с Николаем действительно уже один раз были в Оптиной – ведь он школьником одно время жил в Козельске, когда там служил его отец. Он любит те места. Но в самой Пустыне – мне не понравилось. Народу было мало и нас всех заперли на ночь в храме, потому что там несколько лет назад убили трех монахов прямо в их кельи. Предполагают, что убийцы были сатанистами. И с тех пор из соображений безопасностей паломников стали размещать на ночь прямо в храмах, заперев все входы и выходы. Выпуская – разве что по нужде… Я ничего в Оптиной необычного не почувствовала. И – опять не нашла у кого исповедаться и причаститься. Видимо, это уже навсегда.
- А что сказали в институте, когда ты им сообщила вот так в лоб … про то, что ездишь в Оптину?
- Они сказали: «Оба-на!». Так, между прочим, прямо и сказали.
И Рита звонко расхохоталась.
От Котеночкина, который уже отключивший было радио, снова зашипело.
- Рита… - сказала Юля почти нежно. – Ну почему даже смех твой – непременно что-то режет.

Видимо, понимая, что теперь уж звуковую среду, в которой страдал, корчась в ней чужеродным элементом, трясшийся на заднем сидении Котеночкин, точно не отрегулировать, она решила подойти с другого боку. Тем более что Жигули» то и дело подпрыгивали на этих чертовых провинциальных дорогах, – и звуки донимали Котеночкина и со стороны скрипучих колес и кряхтящего мотора.
- А скажи мне, пожалуйста, Рита, зачем тебе так необходимо… оправославиться? Простите меня, конечно, но другого слова я не подберу. Ты собираешься поставить какой-то рекорд? Зачем тебе непременно надо исповедаться и причаститься?
- Как зачем? Чтобы обрести Свободу во Христе, простите меня за банальность, - ответила Рита, ничуть не обидевшись. Возможность подискутировать всегда ее вдохновляла. – Мы ищем Истину, а Истина – это Христос. Таинство Причастия – это тоже Христос, его невидимая Энергия. А у тебя есть другое мнение? Расскажи!
- Милая Рита, ты рассуждаешь как очень не свободный человек. Такое чувство, что ты нарочно хочешь загнать себя в очень узкую нишу.
- Широкая дорога ведет в погибель. Да, Юленька, не без этого - мы собираемся себя утеснить.
- А по-моему, Свобода во Христе – это когда тобой ничто не обладает. Тобой же, Рита, сейчас обладает православие, причем так сильно, что ты к нему пока и подступиться не можешь. А надо уметь гибко входить в любые ниши и с легкостью перемещаться по ним, войдя в измерение одинаковой для всех глубины, в кою они и ведут.
- Ну… откуда-то же надо начинать двигаться в это море, чтобы донырнуть до глубины. Нужен какой-то берег для начального разбега.
- Но ты почему-то никак не можешь взобраться на берег. Может, он слишком крут для тебя. Или каменист. Или может, за ним – море уже высохло. А может быть – под этим берегом уже рассыпался фундамент и это теперь так себе – пляжный песочек. Лично я думаю – но это сугубо мое мнение – что к Богу можно войти из любой двери, было бы только настоящее желание. Для моря – безразлично, с какого берега ты в него ступишь. Было бы только будущее плавание – и глубоким, и дальним.

- Гм… Красивая метафора с морем… Есть над чем подумать.
- Вот и думай, Рита.

Прием удался.
Рита, замолчав, задумчиво откинулась на спинку сидения и включила кассету с группой «Рада и Терновник». Удивительно, но музыку Котеночкин мог слушать часами, причем, эта вездесущая, ничем не ограниченная гостья могла являться к нему в любом платье – даже в железной кольчуге и латах стиля «хеви-металл».

Но в данном случае это был всего лишь русский рок.

Рада пела:

Здесь простые тихие песни
Здесь пустые странные звуки
Здесь когда-то мы были вместе
Уже после нашей разлуки

Здесь куда-то проходят строем
А обратно идут в одиночку
И когда запевают песню
Никогда не пропевают и строчку

Здесь почему-то не работает компас
И сместились все зодиаки
И если пойти налево
То направо случаются драки

Здесь не помнят, где находится солнце
А оно не светит, не греет
Звезды падают поодиночке
На какой-то обрывистый берег

А когда доходишь до речки
То вода в ней темнее ночи
Ее можно пить осторожно
Только пить здесь никто и не хочет

Почему-то здесь очень грустно
И нельзя понять, в чем же дело
Ноги сами бредут по дороге
А за ними плетется тело

И куда-то исчезают все мысли
И пустоты посреди разговора
И никак не понять о чем же
Здесь ведут бесконечные споры

Так стоят на каждом перекрестке
Говорят все о том же самом
Забывая начало фразы
И финал всем известной драмы

И никуда отсюда не деться
Никому не рассказать о проклятье
Только в каждом маленьком сердце
Тихо бьется ожидание счастья.

Это была та самая Рада Анчевская, которая попросила после своего выступления на фестивале неформатной музыки «Пустые холмы» под Тарусой, куда они недавно ездили втроем – подвезти ее на машине до Тарус. Николай тут же подошел к круглой дощатой сцене под открытым небом, с которой она спрыгнула, и предложил свои «Жигули». Не знаю, понравилось ли ей, когда минут пять спустя к ней подкатила развалюха, где, помимо водителя, оказались еще и Рита с Годаром, но Рада — сказав: «Спасибо», тут же села на последнее сидение и всю дорогу молчала, подавая лишь отдельные реплики. Это была высокая, стройная и очень грациозная молодая женщина с разбросанными по плечам длинными прямыми каштановыми волосами, с точеным профилем.
Так, когда вынужденная сесть вперед Рита сказала, обернувшись к Годару: «А с нами, между прочим, едет еще и писатель из Грузии», Рада, деликатно, но нисколько не удивленно протянула «О!» и принялась ковыряться в мобильнике.
Сдержанная и несколько отрешенная улыбка заменяла ей слова.
- Не писатель… Литератор! – с укором сказал Годар, многозначительно посмотрев в лукавые глаза Риты. – Как ты могла заметить, я даже не присоединился на Пустых Холмах к компании писателей с литературного сайта, где есть и моя страничка.
Машина притормозила у большой дороги и Рада, улыбнувшись напоследок несколько шире, пошла дальше одна, все еще щелкая телефоном.
Собственно, вся поездка и заняла всего-то несколько минут.

- Нет, есть правда в твоих словах, - задумчиво обронила Рита. Не оборачиваясь, она глядела на дорогу впереди, больше не замечая ее контрастов. – Я сейчас поняла – я выбрала православный вуз из чувства противоречия. Теперь я читаю буддийские сутры, слушаю музыку суфиев, читаю Веданту, вникаю в алхимию и не забываю про теорию суперструн, а еще в планах у меня – знакомство с гештальттерапией и трансперсональной психологией. Я теперь изучаю взаимосвязи между религиями. А вот если бы я пошла учиться на тот же философский факультет института РАН, то – смотрела бы на все это как на прелесть – и еще больше рвалась бы в православие, противопоставляя профессиональным философам – святых отцов.
-Вот и думай, Рита, теперь дальше, - примирительно сказала Юля, - Ты же умный человек.

Им повезло. Ничего про то не зная, они приехали в день, когда Оптина отмечала большое торжество – день святого преподобного Амвросия Оптинского – самого прославленного из оптинских Старцев. Паломников было много – это можно было определить уже по количеству машин у главного входа. Сам монастырь представлял собой огромную, утопающую в зелени территорию, с несколькими храмами и пристройками. По ней можно было гулять. И они трое, отстав от привыкшего бродить в одиночестве Котеночкина и всегда держащейся вблизи него начеку Юли, потолкавшись в двух главных храмах, где уже шло богослужение, сделали несколько кругов по территории. Зачерпнули и выпили воды из святого источника. Постояли среди могучих сосен и старых ветвистых яблонь с наливными плодами.
Потом, вернувшись к Введенскому собору, остановили какого-то служителя в рясе и сказали, что хотели бы поговорить.
- Но так, чтобы это был разговор серьезный, мы – такие люди… Мы сначала испытываем то, к чему стремимся, на прочность… Прежде чем отдаться всей… Ну, вы, наверное, поняли.

- Кажется, понял. А вон видите – иеромонах как раз вышел. Молодой такой, с черной бородой. Это отец Роман – он у нас специалист по изгнанию бесов из новообращенной интеллигенции. К нему идите… Отец Роман!..

Повернувшись всем корпусом, отец Роман пошел на зов и, тут же каким-то образом уяснив для себя, зачем его позвали, встал несколько в отдалении и скромно и в то же время немного иронично произнес:
- Я вас слушаю.
- Понимаете, тут такая штука… Мы с товарищем хотели бы найти настоящую веру, - храбро сказала Рита, глядя ему прямо в лицо, в то время как Годар, испытывая от ситуации неудобство, несколько отошел в сторону. – Мы много чего уже повидали – мы и хипповали, и буддизмом увлекались, и через йогу прошли. Сейчас мы вроде как просто музыканты-художники. Просто – свободные люди. Мы Бога хотим найти – как просто свободные люди, не примыкая ни к каким группам. Потому что, вы уж простите нас, но то, что русская православной церковь канонизировала Николая Второго – изобличает ее верноподданнические инстинкты и фанатизм, но к духовности не имеет никакого отношения. Это только один из многих пунктов, вызывающих у нас возражения. Вот мы и думаем - как бы нам в таком случае примириться с Богом, не мирясь… с разным безобразием в его церквях? Может вы, отец Роман, разрешите, так сказать, наши сомнения?
- А хиппи, в переводе на наш язык, это ведь и есть свободные люди. Я правильно говорю?.. В нашем монастыре есть насельники из числа бывших хиппи. И в деревне близ монастыря, где живут, специально здесь поселившись, православные миряне, тоже есть такие люди. Так что не волнуйтесь – свобода ваша не является для вас препятствием. Препятствие ваше – я вижу в другом… Я тоже москвич и тоже до своего обращения прошел через интерес к другим религиям. Тоже занимался йогой. Но поверьте – Благодать Божья и пьянящие состояния, которые возникают в сознании под действием восточных практик – диаметрально противоположны. Восточные практики зовут покинуть мир – как место бренности и страданий. А Христос – положил за этот мир свою жизнь, и нас зовет – к тому же. Благодать на жизнь воодушевляет – вдохновляя на праведную жизнь. А прелесть – лишь, в лучшем случае, опьяняет мечтой о лучшем мире.
- А что – разве мечтать - это плохо?
- Что вы – мечта необходима. Но только если за ней следует дело. А обратите внимание – вы ведь хотите не совсем того, о чем меня спрашиваете. Если бы вы действительно желали найти Бога, то давно нашли бы его. На самом деле вы хотели бы разрешить свои сомнения, избавиться от противоречий, разрулить какие-то свои личные ситуации. То есть – вы желаете комфорта и Бог вам нужен как действенный помощник в этом пожелании. А представьте, что вот сейчас перед вашим лицом явиться Христос и скажет: «А теперь оставь все и иди за мной!». Сможете вы это вынести? Вот и думайте теперь, так ли уж вы хотите к Богу. А когда поймете, что – не так уж, то прочие сомнения – покажутся вам шелухой.
- Спасибо, отец Роман, я подумаю над вашими словами, - сказала погрустневшая и призадумавшаяся Рита.

Они отошли в сторону, а к отцу Роману подошел, тронув его за локоть, Котеночкин и что-то тихо спросил. Они с отцом Романом неспешно пошли по дорожке. Сзади, метрах в десяти, вышагивала в белой развевающейся накидке Юля, тоже сделавшая вслед за ними круг вокруг собора.
Отец Роман, наклонив к Котеночкину голову – говорил что-то неслышное, и говорил много. Иеромонах был высок и статен, глаза его излучали какую-то умиротворяющую теплоту и человечность. При этом они были не лишены веселости и одновременно – печальной мудрости.

- Вы приезжайте сюда еще, - сказал он им всем на прощание, - Здесь – такая Благодать. С тех пор, как я переселился сюда из Москвы, я стал замечать, как встает солнышко, как стелется поутру вон над той долиной туман… Как птички поют. Как шумят, качаясь макушками, сосны. Как стучат, падая, яблоки по крыше сарая… И как стучит – мое сердце. Оно ведь тоже когда-нибудь сорвется, как то переполненное соком яблоко. Плод умрет. И – тут же воскреснет, напитав подобравшего его путника. Надеюсь, что это будет добрый плод… Как-то так, мои дорогие.

Потом они вышли за монастырские стены и – нашли в окрестностях озерце, где, как им рассказывали, любили останавливаться в палатках паломники из хиппи. Расположились на большом лугу с травой по пояс, разложили на земле завтрак.
Юля отправилась, предварительно взглянув на телефон, с бутербродами к Котеночкину:
- Пришла смска от Тани. Она передает вам всем привет. Пойду - скажу Саше и заодно покормлю его.
Котеночкин в это время находился у озерца, которое было скрыто от них пригорком. Приехав, он сразу удалился за него.
- А вы знаете, что я сейчас вспомнила, - сказала Рита, когда удалилась и Юля, - Юля раньше рассказывала, что на их буддийских курсах преподают и основы НЛП. Нехорошо это… Заметьте, Юля-то сама ни в один храм так и не зашла – ей этого, что ли, ее буддизм не позволяет. А нам она, между тем, вещала о свободе. Вы заметили, что она сегодня не в духе? Таня мне писала, что она уже два раза делала Котеночкину предложение, но он ей отказал. Он категорически против.
- Какое предложение? – встрепенулся, не поняв, прилегший на траву Годар.
- Жениться она хочет на Котеночкине. Точнее, выйти за него замуж.
- А я думал, что у них это все… бескорыстно.
- Вот святая простота… Думал он… А что, по-твоему, раз люди женятся, то бескорыстие – уже вроде как не причем?
- Нет, не совсем так конечно. Но часто бывает так.
- Вот понял теперь, Николай, почему я тебе отказываю – блюду бескорыстие.

Позавтракав, стали заниматься кто чем. Юля с Котеночкиным, спустившись к озеру, пропали из виду. Николай, чтобы развеселить приунывшую Риту, стал учить ее водить машину, о чем она давно мечтала, но никак не могла допроситься. Было смешно смотреть, как двигаются по громадному лугу едва видные в высокой траве «Жигули» - они то и дело натыкались на какие-то невидимые препятствия и внезапно тормозили, а после срывались как с места в карьер или вдруг неожиданно поворачивали или, остановившись, начинали ползти назад совсем как раки. Из кабины смутно долетали азартно спорящие о чем-то голоса.
Годар все лежал в траве и поглядывал то на луг, то в небо.
В небе – было ясно, и в какой-то момент под перистыми облаками, словно неся их на себе, поплыл орел.
Вот бы и ему – подняться на высоту и оглядеть всю эту ближнюю землю – луг, озеро, лес, деревню, кажущийся сверху муравьиным поток богомольцов и, конечно же, саму Оптину. Наверное, тогда он сможет почувствовать Благодать, которую они с Ритой старательно пытаются найти, добросовестно вглядываясь во все, что ни встречается на пути.
А потом… Потом он, спустившись на землю, зайдет в кузницу, где работает кузнецом прошедший сейчас по этому девственно чистому, ароматному лугу в направлении леса какой-то похожий с виду на крестьянина местный житель. У него были спокойные и глубокие, проникновенные, словно все про всех знающие и оттого улыбчивые, ясные голубые глаза. Он шел вместе с любопытством оглядывающей все, что не встретиться на пути, маленькой девочкой с такими же голубыми глазами и прямыми льняными

волосами. Девочка просилась в кузницу – отчего он и узнал, про то, что здесь есть и такое, наверно, скрытое на отшибе деревни, сокровище.
Древняя кузница и сам бог-Гефест с молотом в не столь уж и могучих руках, кующий подковы на счастье. Вот куда он хотел бы теперь пойти работать.
Живо представилось, как, отрастив бороду, он станет ворочать в печи огненную лаву и выковывать из нее доспехи, косы, вилы, топоры, молотки, плоскогубцы… Выковывать разные нужные и полезные в хозяйстве предметы – вместо того, чтобы распространять с листовками в руках липу. Это вынужденное соучастие в производстве липы тяготило его, и он постоянно думал о перемене места работы. Но все достойные профессии по-прежнему оставались для него за чертой досягаемости – они были запрещены для него, как для иностранца. Оставалась только самая тяжелая и вредная или пустая и авантюрная работа. Первая – была ему не по силам, а от второй – отказывался он сам. Таким образом, раздача листовок – являлась пока что единственным безальтернативным компромиссом. В ней отсутствовал явный авантюризм, но, тем не менее, авантюра имелась налицо – трудно было поверить в качество услуг клиники, которую он рекламировал.
А вот ковать подковы на счастье и все к нему прилагающееся в простом и неприхотливом быту на сельском лоне – это бы было в самый раз.
Да и время на саморазвитие – оставалось бы тоже. Особенно, если бы он поселился прямо здесь – у самой Оптиной.
Уже даже представилось – он даже поднялся от этой мысли и зашагал по лугу – как забежавшая в кузницу та же девочка – уже в школьной форме и с портфелем - шепнет с удивлением и гордостью деду, показывая на его присевшего с книгой ученика:
- Кузнец, читающий Бердяева.

- Эге-гей! – закричал Годар, - А ну живо останавливайтесь! Я тоже хочу к вам!
И Годар запрыгнул на ходу в ревущие трактором «Жигули».
Раскрасневшаяся от суматошной езды, но весьма довольная Рита, полуобернувшись, быстро заговорила, стараясь перекричать мотор:
- Слушайте, а ведь я, когда уходила в пятницу из редакции, забыла распечатку одной статьи с православного сайта. Что-то про православие и постмодернизм. Начальничек мой бывший, который подбрасывает мне и теперь, бедной студентке, за долгую и верную службу, работу на дом, найдя ее на столе, станет смеяться. И другие сослуживцы – тоже. Они и так не особенно верят в то, что православный вуз мне понадобился для того, чтобы получше изучить буддизм. Как только вернемся в Москву, я поеду в редакцию прямо к началу рабочего дня и тут же заберу статью. Вы не против, если мы выедем завтра пораньше? Можно в шесть утра.
- Рита, что ты несешь! Я уже хочу, чтобы ты опоздала и эту статью немедленно обнаружили! – сердито сказал Годар.
Машина резко затормозила и все они чуть не попадали с сидений.
- Ну, опять дернула, - спокойно констатировал Николай, - Никак тебе не дается переключение скоростей – вечно ты пережимаешь или дергаешь. Как и во всем. Плавно надо, мяконько – вот так вот… Нет-нет, на сегодня уж хватит.

Оставив машину под присмотром Юли с Котеночкиным, они отправились в еще одно удивительное место. Поистине волшебное место. Оно находилось в том же лесопарке «Угра», что и Оптина Пустынь, и называлось – Чертовым городищем. От Оптиной надо было пройти пешком всего километров тринадцать. Здесь, как предполагали не только мечтатели всех мастей, но и археологи – жили когда-то волхвы. Здешнее место – являлось их святилищем. От их времен в земле остались огромные камни, представлявшие собой спрессованные песчанники. Они возвышались повсюду как обломки скал, а между тем рельеф здесь был – отнюдь не кавказский. Что и являлось загадкой, манящей сюда путников. Нигде больше в Калужской области не было таким валунов, к тому же

усеянных непонятными дырками. Почему и сложилась в народе легенда, будто валуны на Калужскую землю некогда сбросили пролетавшие черти.
Уфологии и экстрасенсы тянулись сюда, как мошкора… нет, не на свет, а на реликтовые мох и папоротники – особенно на светящийся мох, который обретался в глубокой выемке одного такого камня-богатыря, лежавшего на высоком лесистом холме. Эта выемка представляла собой миниатюрную пещерку, в которую можно было пролезть лежа только одному человеку. Мох в ней действительно светился, как они вскоре убедились. Другой, не светящийся, но все равно искрящийся в солнечных лучах мох лежал повсюду как снег, покрывая и землю, и гнилые сучья, и пни, и стелящиеся извивистыми змеями корни старых деревьев. И всюду – сопровождали их путь, пока они тихо шли друг за дружкой по тропам, то и дело срывая и кладя в рот малину и собирая присыпанные песком лисички – огромные, свежие, тоже искрящиеся в солнечных лучах папоротники.
Рита и Николай по очереди влезли в пещерку, а Годар не стал. Он смотрел на каплю росы на листке, на то, как светилось изнутри ее солнце – ведь солнце было также и ее… Полз муравей, неся свое бревнышко-травинку. Спускался на тоненькой светящейся паутинке почти прозрачный красный паучок. Казалось, что – еще одно мгновение – и он превратиться по закону возрастания добра за то, что собирал в свои сети только остатки растений и труху – в рыжую трепещущую бабочку.
Здесь все было хорошо – в этом лесу. Все уютно молчали.
Слышался хруст веток, постукивание дятла, шелест собственных легких шагов.

Вернувшись из этого странного путешествия они, разбудив задремавших в машине Котеночкина и Юлю, принялись сверять свои часы – ведь было замечено, что у некоторых туристов, побывавшим в Чертовом городище, часы начинают спешить или отставать. Считалось, что так действуют торсионные поля разлитой здесь великой Силы. Увы, часы не оправдали ожиданий – они шли нормально.

Утром, проведя ночь кто где – Рита с другими женщинами в одном запертом храме, Николай и Годар – в другом, а Котеночкин с Юлей – в машине, причем, они трое – успели захватить и начало Литургии, - двинулись в обратный путь.
Было еще полутемно, огромные вековые сосны в клочьях тумана – казались покуда зловещими. Но это не пугало легко веселеющих спутников – они с удовольствием глядели в окна на долину, над которой клубился туман и моросил невидимый глазу дождь.

И лишь когда Козельск остался позади, Рита вдруг спохватилась:
- А про оптинских старцев-то мы и забыли! Мы даже не сходили на их знаменитые могилы!

Впрочем, старцы остались с ними – в виде своих иконописных ликов на иконах, которые лежали у всех у них в рюкзаках.
Это были копии иконы «Собор преподобных Старцев Оптинских», купленные ими в монастырской лавке. Они изготовлялась только в Пустыне.

…Когда следующим утром Юля, спустив вместе с Таней Котеночкина и его железного друга на лифте, вернулась в квартиру за забытой сумочкой, она стала свидетельницей кощунственной сцены.
На кухне, взобравшись с ногами в кресло и отмахиваясь тарелкой с налипшими на ней остатками жареных лисичек, которые скрипели на зубах плохо промытым песком Чертова городища, сидела Рита и вопила притворно-плачущим голосом:
- Ну, уберите, уберите от меня этих собак! Я так их боюсь!..
Размахивая у ее лица тряпичной собачкой, Николай не то грозно, не то просительно канючил:

- Надо победить всех собак!
Годар же снимал все это на видео.

Юля, притянув за ремень свою сумочку, повернулась на каблуках и вышла, не промолвив ни слова.
Годар нажал на соответствующую кнопку – и снятая сценка была списана.

Позже в блоге философа Котеночкина появилась запись: «Ездил в Оптину Пустынь. В составе разношерстной компании. Там, в частности, была одна особа, трескучие речи которой на тему богоискательства, вероятно, были слышны до самой Поднебесной. Ей вторил малопонятный, почти все время молчащий писатель из Грузии. А по мне, так им обоим надо бы дать в руки отбойный молоток и – отправить работать в шахту. Этот тот случай, когда ограничение свободы – необходимость».

А между тем компания их разношерстная – имело свойство расширяться, включать в себя самых разных искателей неуловимой субстанции. Но, конечно, тех из них, кто прошел испытание на прочность, выдержав все претензии Риты по линии идеологии, которые та посылала, с молчаливого одобрения Годара, каждому встречному и поперечному, совсем как Афина Паллада – свои пропитанные мудростью стрелы. Нелегко было с ходу отличить в этих стрелах высокую мудрость – от лукавого мудрствования. Но подлинные искатели, изголодавшись по хоть какому-то внутреннему движению в душах людей, были рады и этому. По этой своей радости, приемлющей без осуждения либо фанатизма полные если уж и не мудрости, то – божественной иронии и самоиронии – по сути, безумные речи Риты – и узнавались искатели.
Одним из таких людей был Павел.
Ему было всего двадцать лет.
Он был сыном школьного учителя истории, экскурсии которого по храмам Москвы и Подмосковья, как скромно и вскользь, но с гордостью сообщал при знакомстве Павел, проложили некоторым его ученикам дорогу к православной культуре еще в далекие советские времена. Хоть отец и был коммунистом, да и сейчас – оставался неверующим. Зато сам Павел – пойдя по стопам отца, он учился на истфаке - исправно посещал все воскресные службы в одном из храмов в Сокольниках. Он, как и многие другие жившие в Сокольниках православные верующие бывал в этом храме также на проповедях отца Олега Стеняева – эти проповеди были известны в узких кругах своей интеллектуальной широтой. Кроме того, они были не лишены эмоциональной силы, как могли убедиться в этом побывавшие на проповедях со своей «инспекторской» проверкой Рита с Годаром. Позже Павел станет активным волонтером добровольческого молодежного движения «Даниловцы» при московском Даниловском монастыре.
Павел в глазах Годара был – примером скромного рыцаря без страха и упрека. Не броского рыцаря. Не такого, кто несется впереди полка в атаку на виду у большой массы людей. Атаки он – отражал сугубо внутренние. А большого скопления народа и особого внимания к себе – не любил. Он даже говорил – тихим, сбивчивым и смущенным голосом, который, если его взвесить, наверное, весил бы не больше тополиного пуха. И говорил только тогда, когда в этом возникла необходимость. Да и сам он – был по тополиному высок и прям станом. И – задумчив, глубок не по возрасту. Хоть его щеки, слегка присыпанные юношескими угрями, еще покрывал – пух, тоже, наверное, тополиный…
Павел был голубоглазым блондином, очень белокожим, с тонкими былыми пальцами больших рук, которые обычно неподвижно лежали, когда он сидел, у него на коленях.
С ним они – ездили по бывшим дворянским усадьбам Подмосковья, где, конечно же, были и храмы – заброшенные либо только недавно отреставрированные. И Павел был тут – незаменимым экскурсоводом. Он сначала ненавязчиво предлагал им на выбор одно из

трех-четырех мест в качестве очередной субботней поездки – эти поездки были субботние, так как воскресенье он неизменно посвящал церкви – а потом, дождавшись согласия, уже воодушевленный, назначал час и место встречи на вокзале. А там уже – когда они оказывались после часа или двух езды на электричке на какой-нибудь грунтовой дороге среди полей с пшеницей и рожью и шли навстречу мерцающим вдали отраженным солнцем в окружении яблоневых садов, берез и рябин - золотым куполам, превращался во вдохновенного, красноречивого рассказчика.

Раз Павел таинственно сообщил, что приглашает их всех троих к себе на дачу, где их ждет ужин, за которым последует прогулка до бывшей усадьбы одного графа екатерининских времен. Там только что освятили заново отреставрированную церковь. Он предложил им переночевать с субботы на воскресенье на даче, а после – посетить в этой церкви воскресную литургию – первое после реставрации массовое богослужение.
- Только прошу вас соблюсти одно условие: вы должны непременно приехать, отложив все дела. Потому что бабушка… она постарается много чего приготовить. И ее старания необходимо вознаградить, все это слопав.
Годар и Рита, переглянувшись, тут же приняли это предложение.
А Николай – не смог. Он уже обещался – быть на даче у родителей.

Годар не запомнил – сколько и куда они ехали. Но в дачном поселке, где к Паше сразу же подскочил какой-то мальчишка с семенящей за ним дворнягой и поделился какой-то своей ребячьей радостью, на что тот, похлопав его по плечу, ответил что-то ободряющее – их встретили и в самом деле по-королевски.
Из флигеля, что стоял меж двух небольших, но красочных в архитектурном смысле домиков - высунулась, как улитка из домика, уже очень пожилая полная женщина. Голова ее немного тряслась, она опиралась на палку.
Паша приобнял ее и тоже слегка похлопал по спине.
- Это моя Пышечка, - сказал он, нимало не смущаясь своим странным обращением к бабушке, - Прошу любить и жаловать. Пышечка, очень хочется кушать. Ты, наверное, уже что-то приготовила.
- Заходи, Павел Петрович, - ответила, не моргнув и глазом, Пышечка, - и проведи своих гостей к столу. Только сначала – вымойте руки у рукомойника.
Она и в дальнейшем называла его – исключительно по имени и отчеству. И могла, если показалось, что в этом есть необходимость, возвысить голос и сделать замечание.
Павел Петрович все благодушно терпел.
Они же с Ритой, наворачивая блины, пирог и салаты трех видов, запивая все это соком и какао – старались помалкивать. Как-то чувствовалась, что добрая, но немного ворчливая Пышечка не станет терпеть за столом их привычной словесной эквилибристики.

Эта эквилибристика началась чуть позже, когда они, оставив Пышечку разбираться с посудой, которой та не позволила им вымыть, перешли в один из домиков и разместились на диване.
Рядом, на тумбочке, Паша поставил графин с апельсиновым соком.
Потягивая сок, Рита заговорила о православном Причастии и заявила без обиняков, что в наше время это великое Таинство низведено до простого сока – вот примерно такого, апельсинового.
Привыкший ко всему в их компании Паша – на этот раз сильно разволновался.
- Ну почему же?!.. – спросил он с возмущением, отбросив свою привычку смущаться. Он стал весь красный.
- Да потому что мы оскорбляем Бога, если принимая его святую Плоть и Кровь, не уподобляемся ему во всем – то есть не живем честно и чисто, как сам Христос. Не берем свой Крест. О чем и поведал нам с Годаром батюшка в Оптиной Пустыне.

Однако, несмотря на многозначительный намек, Годар и не подумал на сей раз присоединить свой голос к этому мнению Риты, высказанному в весьма неподходящем месте человеку, для ушей которого он не должен был быть предназначен и уже только поэтому ставшему вздором. Такие речи были бы хороши, например, с давним товарищем Риты, которого она прозвала Уважаемым. Тот приехал в подмосковный Дзержинский из вологодской деревни и временно проживал в гончарном цеху, где и работал как честный житель своей страны от звонка до звонка, имея то самое свободное время на саморазвитие, которого так недоставало Годару вместе с честной работой. Это свободное время Уважаемый разделил поровну – по вечерам он читал до глубокой ночи Новый Зовет и святых отцов, а по утрам – исправно посещал все службы в Николо-Угрешском монастыре, наместником которого в свое время мог быть стать – на то уже имелось решение митрополита - молодой Игнатий Брянчанинов, но вмешался сам царь, велевший тому возглавить тоже пришедшую тогда в упадок Троице-Сергиеву Пустынь. Этот горячо верующий, полностью погруженный в благую деятельность, уже избавившийся от сомнений человек, приехав однажды к Рите домой на какую-то вечеринку, о чем она его долго просила – немного у них посидев, вскорости уехал. Их жизнь, вероятно, показалось ему если уж не порочной, то – детской, и детской – не в хорошем смысле этого слова. Годар понимал его, так как тоже начал понемногу тяготиться сплошными поездками – одними только поездками без всяких дел, где за ними трусили, как шакалы за Шерханом, нашептывая сомнения, неотступные, бегущие все по одному по кругу – кругу скепсиса и отрицания – навязчивые мысли.
Павел был другой. Уважаемый, как человек, не отягощенный излишним интеллектуальным багажом, отдался вере легко и просто – по его собственным словам, до своего обращения он гонял, размахивая цепью, по деревне на мотоцикле и безбожно пил, пока не узрел на дне своего падения, дойдя до белой горячки, пришедшего за ним Христа. У Павла же – не было еще ни такой Благодати, ни – такого сурового опыта за спиной. Он был милым и добрым птенцом всем известной прекрасной птицы и сомнения, поселись они в нем, могли заклевать его изнутри.
Как только у них с Ритой завязался с места в карьер спор, Годар демонстративно вышел во двор и присел на лавочку.
В это же время из флигеля выползла Пышечка и, встав напротив окна с доносившимися оттуда, быстрым, сбивчивым, взволнованно-возмущенным голосом Павла, гордо прокричала, ударив в землю палкой:
- Павел Петрович, не позволяй собой управлять!
Этого было достаточно, чтобы разноголосица в глубине дома тут же смолкла.

Утром же они, перейдя старинный, в кувшинках, пруд по скрипучему и опасному висячему мосту, прибыли в новой храм. Народу по случаю его открытия тут было столько, что службу пришлось отстоять во дворе, чему они с Ритой, как люди, в общем-то, от церкви далекие, были только рады – во дворе имелся чудесный палисадник.

Все это было интересно еще тем, что и Паша, и Уважаемый – состояли в ряду тайных воздыхателей Риты.
Впрочем, сию призрачную тайну хранил только Павел. Уважаемый же еще до приезда Годара – успел сделать ей предложение и получил отказ.
- Ну и почему ты ему отказала? – допытывался Годар.
- А он крыс не любит. Я у него под кроватью крысоловку обнаружила.

А кого же любила сама Рита?
Для всех, кроме Годара, это оставалось загадкой.
Его самого, как он чувствовал, – Рита любила скорее как человека необычного. К тому же – он был еще и философом по натуре и помогал ей открывать глаза на дремлющее внутри

жизни бытие. Под одобрительным взглядом которого ее собственное подлинное бытие начинало интенсивно набухать и искать как пробиться наружу.
Этому человеку-философу, то есть ему, невзирая на все больше разгоравшиеся его чувства к ней, которые он пока что держал в узде, Рита поведала о том, как дорог ей один заезжий молодой музыкант.
Он проживал четырех тысячах километрах от Москвы – в столице Хакасии Абакане.
Но музыкант – тяготился этой провинциальной столицей и хотел в Москву.
Рита познакомилась с ним на какой-то вечеринке, где все, степенно сидя за столом, наигрывали на гитарах что-то банальное и пресное. Рита уже искала глазами свой плащ, чтобы выскользнуть по-английски за дверь. Как вдруг – один из парней запрыгнул на стол.
На нем были модные, до блеска начищенные туфли, которыми он отбил чечетку прямо у ее носа. После он, притянув к себе за ремень гитару и глядя Рите в глаза, принялся петь собственные песни. Это был лиричный русский бард-рок, что-то ближе к стилю Павла Кашина.
Парень был – она хоть она поначалу и не заметила его из-за своей привычки отдаваться каким-то своим свободным ассоциациям – совершено не обыкновенный. Он так и расточал обаяние и ласку. И был к тому же – не только необычайно оригинален, но – и воистину элегантен.
Позже, когда они ехали с ним к ней домой, потому что парень сообщил ей, что только что прибыл из Хакасии и ему негде переночевать – он шокировал пассажиров вагона поезда в метрополитене тем, что, уцепившись за верхний поручень, закинул на него ноги и … повис вниз головой.
Дома он тоже немало потряс ее родителей и, вероятно, соседей, своей откровенной, все на своем пути сметающей свободой.
И даже – сумел разговорить за рюмкой, похлопывая того по плечу – обычно молчаливого и недоверчивого отца.
Словом, он всем очень понравился. И в то же время – не понравился.
Эта-та гремучая, ни в какие рамки не умещающаяся двойственность и покорила Риту.
- Он был – как новогодний подарок. Как искрящийся золотой шар на елке. Понимаешь, Годар – он чист и свеж как ребенок. Настоящее божественное дитя… И в то же время – черт. Утром он вымахнул в окно, пока все спали – и так и пропал. Я потом встретила его месяц спустя еще на одной вечеринке. Где он уже был в немалом подпитии и практически меня не узнал, представляешь?.. Или сделал вид, что не узнал… Это был один из самых страшных дней в моей жизни. Но не потому, что меня не узнали – ты же знаешь, я пекусь много о внешнем – а потому что, сорвавшись с места, он вдруг выкрикнул, что покончит с собой и стал куда-то бежать. Тоже выпрыгнул в окно – благо, что опять это был первый этаж. Я – пригнула за ним… Мы долго неслись, неслись друг за другом куда-то… Вбежали в метро… И там он, напустив на себя для конспирации маску спокойствия, стал прохаживаться по перрону. А потом, когда в тоннеле загудел поезд, вдруг сиганул на рельсы… К счастью, рядом стоял бывший десантник, - от сразу сориентировался и схватив его за руку, вытянул из-под практически уже ворвавшегося на станцию поезда. Если бы не он, я бы тоже пригнула за Мальчиком… Мы потом все трое пили всю ночь в квартире десантника, уда тот нас повел. Никто не знает имени этого моего оболтуса, но я ,конечно, знаю – я видела его паспорт, когда вытаскивала его потом после драк из милиции. В общем, неважно, какое его настоящее имя, но ты непременно должен его увидеть! Потому что это - Нечто!

Настал день, когда Рита сказала:
- Годар, ты сможешь пожить недельку без меня? Надеюсь, Николай не вызовет тебя в мое отсутствие на дуэль. Он, слава Богу, уже почти совсем расстался со своими глупыми надеждами. А я должна съездить на недельку в Абакан – к своему Мальчику, хоть он и

сотни раз говорил, что не любит меня и вообще – он сволочь. Но я его все равно буду любить всю жизнь. Потому что я его люблю не всякой там наивной буро-малиновой любовью, а каким-то благодатным чувством. Да-да, не смейся… Можешь мне не верить, но я ничего от него не хочу. Я просто хочу, чтоб он остался жив. Для этого я и стала искать веру. Я ищу веру сразу за двоих – за себя и за него. Потому что его может спасти только вера. Я долго намекала ему, что хотела бы приехать в Абакан, но он делал вид, что не слышит. А теперь он зовет меня сам.

Так они остались одни.
И тут отчетливо стало видно, как мало у них с Николаем меж собой общего.
Рано утром Николай, пока Годар еще лежал, уходил на работе – он работал электриком на ТЭЦ, хотя имел образования инженера.
Потом, когда они вечером встречались после работы, ужин проходил в основном за молчанием.
Дальше Николай сидел до глубокой ночи в интернете, а Годар - читал.
Но в один из дней, когда Годар вернулся позже обычного – Николай, сняв очки, пристально взглянул на него с каким-то лихорадочным блеском в широко раскрытых глазах, и, кинувшись к нему на грудь, внезапно заключил его в объятия.
- Какое счастье, что ты вернулся! Прости меня, прости!..
Годар задержался потому, что встречался на Курской вокзале со своей тетей из Перми. Она ехала проездом через Москву в отпуск и привезла Годару громадную сумку с продуктами и теплыми вещами. Пермская тетя вообще опекала и баловала его.
- Разве ты не знал, что я иду на встречу с тетей? Я же тебе говорил. Сейчас будем кушать копченую курочку из Перми. И – соленые огурчики с пирожками. А потом – тонкую охотничью колбасу и ломтики сала. И когда же я стану с такой вот тетушкой – вегетарианцем?!..
- А что – у тебя в Перми есть тетя? – с удивлением спросил Николай. Он выглядел очень растерянным и тут же рассеянно сел за компьютер, а потом сказал: - Да, Годар, я хотел еще у тебя спросить – ты не знаешь, в каком городе живет Котеночкин?
Этот ошеломительный вопрос раскрыл Годару глаза на всю серьезность положения.
- Ты что – заболел? Небось, с тоски по Рите?.. Да ладно тебе, он все равно ее не любит.
- Нет, я перечитался Иисусовой молитвы и кажется… отравился. Как ты думаешь, можно ли отравиться именем Бога? Я дал себе обед читать Иисусову молитву почти непрерывно – весь сегодняшний день. И, как видишь, преуспел. Это был эксперимент.
- Что ты наделал!... Святитель Игнатий Брянчанинов пишет, что в Иисусовом Имени заключена страшная Сила. К тем, кто занимается этой молитвой не достойным и не надлежащим способом – вместо Христа являются бесы!
- А что теперь делать?
- Нужно рассказать Рите!

Рита долго кричала в трубку:
- Ребята, я в шоке! Тут так хорошо – Хакассия совсем не похожа на остальную Россию. Мы сегодня ездили с Мальчиком на Саяно-Сушескую ГЭС, видели шалаш Ильича. А вы – устроили такую хрень!.. Николай, ты что – дурак? Я уже и помнить забыла про то, что когда-то советовала тебе читать Иисусову молитву. Для меня мое увлечение православием, одним православием, православием и только – уже пройденный этап. А ты – ты все еще в прошлом. И всегда, между прочим, ты так… Я уже стала подумывать о том, что от таких как ты – лучше таить некоторые свои мысли. Я не знала, что мои семена падают на столь неподготовленную почву. Может, мне вообще от всех вас закрыться, чтоб вы были не в курсе моих интересов и не соблазнялись? А то кто-нибудь еще, не приведи Бог, – ринется со всех ног подражать мне, да и лоб расшибет… Пойми, Николай, духовность – это процесс, а не место на остановке. И над ним – нет никакого навеса. Нет

вывесок и табличек с указателем станции. Только все-все-все небо над головой. И вся-вся-вся земля под ногами… Надеюсь, что ты не примешь эти мои слова как очередную истину в последней инстанции и не застынешь снова на одной отметке. Ну детский сад, честное слово!... Все, дети мои, спокойной вам ночи! У нас ж – уже глубокая ночь, а утром меня ждет много важных и интересных дел. Успокойтесь – я послезавтра уже прилетаю!..

Утром Николай отправился вместо работы в храм и, наконец, в первый раз исповедался. Как и следовало ожидать, батюшка, отпустив ему грехи, Иисусову молитву читать ему пока запретил.
Так и не понял Годар, за что Николай просил у него в тот вечер прощения.

…Осенью солнца стало меньше, а значит, меньше счастья.
Больше надо было тратить сил на то, чтобы жить и иметь это счастье.
Люди без счастья – стали сереть и распадаться, мир – терять свои очертания и целостность, все становилось зыбким, как рябь в серых лужах под зачастившим дождем. В эти рябившие лужи грустно смотрелись потерявшие былое убранство и ставшие вдруг одинокие деревья – каждое из них словно отделилось от других своих, таких же одиноких, собратьев, чтобы принять зимнюю муку – в полнейшем одиночестве. Из самих луж же – поднималась муть. Обнажалось и становилось явным все то, что лежало до сих пор на дне.
В такие дни закончилась и безмятежная пора его жизни в Москве.
Исподволь он начал замечать, что хочет спрятаться, уйти целиком в глупую фразу «Клиника «Мерамед» - залог вашего здоровья!», которую был обязан ритмично повторять на манер мантры, когда протягивал прохожим листовки.
Хотелось хоть несколько часов отдохнуть от себя и от всего этого большого и многообразного города с прилегающими к нему городами-спутниками, впечатления от которых как-то приелись, стали привычными и застыли на одной отметке. Она превратились в пролетающую за окнами линию из столбов и деревьев, которая уныло сопровождает уже очень давно едущего в поезде пассажира. Надо было куда-то отсюда вырваться – хотя бы на денек. Но вырывались они с друзьями каждый раз все сюда же - в потерявшую свой летний убор российскую действительность.
Он начал замечать, что у него усилилось сердцебиение. Вернулась физическая слабость и стали в течение дня набегать пока еще короткие приступы едва уловимого озноба и легкой тошноты.
С наступлением холодов стало невыносимо трудно раздавать листовки. Он стал брать для раздачи сначала на час, потом – на два меньше, а после и вовсе довел свой рабочий день лишь до необходимого минимума, который составлял в фирме три часа. Но все равно – уставал так, будто таскал кирпичи.
Возможно, что дело отчасти было в том, что – это действительно была работа для студентов и пенсионеров, - особенно для пенсионеров, как объяснил ему трезво разбиравшийся в таких вещах Николай.
Николай сказал, что не смог бы работать на такой работе – он, в отличие от пенсионеров, быстро бы соскучился и производительность его труда и самочувствие стали бы обратно пропорциональны его унынию.
Рита тоже ходила грустная и о чем-то – втайне – размышляла. На лбу ее в такие минуты обозначалась складка, становились ярче тоненькие венки вокруг ее глаз, потому что делалась тоньше и прозрачней кожа.

Как-то, когда он работал на Киевской – одна пожилая женщина в замшелой одежде упала, не удержавшись на бордюре, куда присела с бутылкой - на каменные ступеньки подземного перехода. Прямо спиной – пролетев метров пять.

Из головы ее – она осталось лежать неподвижно – хлынула кровь.
Бывшая тут Рита подбежала к ней и приложила к голове платок.
Подбежавший с другой стороны Годар отмел ногой от лица пострадавшей осколки и прислушался к дыханию. Женщина была жива!
Появился и подошедший на шум милиционер – заглянул сначала в переход сверху, лениво постоял, что-то смекая, будто был тугодумом, и лишь потом спустился в переход.
- Чего вы стоите? Вызывайте скорую! – крикнула дрожавшая от напряжения Рита.
Милиционер нехотя вынул мобильник.
- Да она алкоголичка, почти бомжиха. К ней, я видел, тут недавно дочь приходила, - пыталась увести ее, но та – ни в какую.
- А что – раз бомжиха, то – пусть помирает? – холодно прервала его Рита.
Пока не приехала скорая – а ехала она наверное с час – они с Годаром так и дежурили в переходе, время от времени выжимая платок.
Женщину деловито погрузили на носилки и забросили в машину, как мясо.

В этот вечер Рита сочинила и напела перед видеокамерой самую мрачную свою композицию – она была про блокадный Ленинград. Погасив свет, Рита отрывисто цитировала дневник Анны Франк и квартира Николая в эти минуты словно полыхала в печном огне.
Потом от квартиры словно отвалилась стена и в нее словно ворвались – сотканные из клубов едкого черного дыма Псы Гекаты.
Годар плохо спал эту ночь.
Он все куда-то бежал во сне от наступающего ему на пятки огня, а воды, чтобы плеснуть в тот огонь, он мог взять только из глубокой лужи, по которой несся, хлюпая в ней и расплескивая по краям взболтанную, взметнувшуюся вверх муть.
Утром он, хмурясь, нашел в компьютере песню Ольги Арефьевой про черную флейту и горестно прослушал ее до конца, хоть дорога да этого как будто бы светлого конца была очень тяжелой. В песне предлагалось ужас что – резать себя по самому живому. Одно уже начало – было очень печально:

Я вырезала из черного дерева тонкую флейту
С одним лишь звуком, но на все голоса.
На всех языках она могла говорить
Одно лишь слово, но очень тихо и тайно
(тихо и тайно).

И я играла на ней всю полярную ночь до утра,
Земля обошла оборот и пришла на рубеж,
Нежная флейта, я ей сказала: пора.
Я разрежу тебя на тысячу стружек вдоль
нежного твоего нутра -
Я сказала себе - пора, режь,
Я сказала себе, пора, режь,
Я сказала себе: пора, режь
(я сказала себе).

Так нужно, так убивают любовь,
Так земля принимает мертвых зверей,
Так отпускают на волю пленных зверей
В посмертно свободных мирах.

Чтобы забыться, он отправился после работы – один - в Музей Рериха и в Музей Ильи Глазунова. Оба они находились рядом, неподалеку от закрытого на ремонт Пушкинского музея изобразительных искусств. Там он вошел в сияющие просторы, из которых не хотелось выходить. Хотелось так и жить в этих двух галереях, переходя из одну в другую по незримой световой арке. Хоть и на некоторых монументальных полотнах Глазунова, посвященных катаклизмам двадцатого века, Россия казалась погруженной в летаргию, где ее, даже такую измученную и сонную, сотрясали невидимые невооруженному глазу конвульсии. Ее грызли невидимые черти, - грызли изнутри и снаружи. Ей наступали на пятки Псы Гекаты. Это была – как Тьма Египетская…
Может это и есть великая Ночь Души?
Годар все больше чувствовал внутри раскол. Россия двоилась – на весеннюю и осеннюю. На могучую и одновременно нежную Русь с богатырями и Алыми Парусами. И – ужасную монгольскую Русь, которой никогда нет дела для собственных детей. Эта вторая Русь с наступлением осени все больше проступала в пространстве, оголяясь, словно дерево, от покрывавшей ее листвы… Иногда же вдруг ярко, на мгновение – в его воображении вспыхивал громадный высохший дуб с вывороченными корнями, весь черный, увешанный вороньими гнездами. Вокруг него лежал сине-филолетовый снег с пятнами пролившейся кровью Луной. Его же поезд, сбавив ход, проходил призраком сквозь эту реальность.

В этот день, когда он вернулся из музеев и с неохотой поделился с друзьями этими своими впечатлениями, рассеянно выслушавшая его Рита села к компьютеру и, просматривая сообщения в своей почте, вдруг радостно воскликнула:
- К нам едет Мальчик!

Впрочем, в голосе ее как в натянутом поверх всех голов проводе – чувствовались и радость, и изумление, и восторг, и – некая виноватость.
- Ты хочешь, чтобы он приехал к нам – сюда? – робко спросил Николай.
- Ну, а как ты, Николай, представляешь себе иначе?… Ну куда он пойдет после пяти часов лету? Он всегда едет в Москву не зная, где проведет ближайшую ночь. Некуда ему, бедному, приклонить головушку. Может, потому она у него и бедовая… Не бойся, Никалай, он поживет здесь недолго – может с неделю. Он потом найдет себе квартиру. Он всегда находит. У него приятели и приятельницы заводятся с ходу, нашего дурака!..
- Уже – нашего! Ну ладно, пусть дурак поживет… Раз недолго!

Назавтра в доме были большие приготовления – он был чисто убран и вымыт, на кухне – дымились котлеты.

Но в этот день – в квартире со взрывом перегорели две лампочки.
А до этого в их квартире – они обратили на это внимание – лампочки начали перегорать уж слишком часто.

Приехавший Мальчик оказался – по крайней мере внешне – не таким наотмашь – до спазмов в горле – свободным и лучистым - каким представляла его Рита.

Это был, напротив, достаточно деликатный и очень элегантный человек, выглядевший значительно младше своих тридцати лет – белокурый и голубоглазый, как Есенин. Одновременно грустный и умеющий радоваться каждому дню. Полный каждым новым днем под завязку и от этого постоянно жаждущий новых дней и новых приключений. Он не лез другим в душу, но и свою, которую явно что-то грызло изнутри – не показывал. Все его дикие выходки – а они заключались во внезапных уходах из травмирующей его

ситуации – исходили, как почувствовалось Годару – из желания эту свою мающуюся душу никому не показывать. В то время как Рита, привыкшая к замкнутому, но откровенному Годару, так и горела желанием поскорее эту душу раскрыть и прочитать некоторые начертанные в них священные письмена. И это -то и было главным камнем преткновения этой так никогда и не состоявшейся пары. Хотя иногда Мальчик и был с Ритой откровенен.

Мальчик сходу привязался к Николаю, которого сразу зауважал за домовитость, да и Годар действовал на него успокаивающе своим умением вовремя изречь что-нибудь глубокомысленное. И то, и другое вселяло хоть какую-то уверенность в завтрашнем дне, какой, судя по всему, Мальчику не доставало. Он не умел разбираться ни в людях, ни – это было одной из главных его черт – особенно в людях-работодателях. И – регулярно попадал в истории, оказываясь кем-то кинутым, подставленным, проведенным за нос. Вероятно поэтому Мальчик первую неделю по приезду - просто спал днем, как сурок, широко раскинув руки на диване, который уступил ему Рита, да так крепко, что на груди его можно было плясать, а ночью – сидел в Интернете. Он объяснял это аномалиями акклиматизации из-за разницы в часовых поясах. А потом, когда все-таки пришла пора присматривать себе работу и квартиру – он просто садился для вида к компьютеру и некоторое время тупо, с отвращением глядел в экран. В нем тогда – все больше нарастало тщательно подавляемое уныние, которое он старался скрыть за доверчивой, теплой улыбкой.
После Мальчик вдруг исчез и не появлялся и не звонил два дня, в то время как Рита не находила себе места.
Наконец раздался звонок среди ночи. Мальчик сказал, что не может долго говорить, так как звонит с чужого телефона. Электричек нет, и он идет сейчас в Желдор по рельсам из соседней Балашихи.
Рита с Николаем, вооружившись фонарем, немедленно отправились ему навстречу.
Встреча состоялась.
Едва державшийся, весь в синяках, с ссадиной на лице и громадной шишкой на голове Мальчик был доставлен домой. По его словам, он познакомился с рабочими-строителями, которые, пообещав ему работу, завели к себе в какую-то сторожку – угостить пивом… Что было дальше, он не помнил.
В карманах – не оказалось ни денег, ни документов, ни телефона.
Опять он остался в Москве без денег и опять надо было делать паспорт.
Спонсировавшая Мальчика Рита проходила это уже не раз.

Кроме того, Мальчик имел привычку сразу же спускать все имевшиеся деньги на дорогие продукты, даже на деликатесы, так как любил удивить своим умением все это быстро и качественно приготовить и красиво подать к столу, а потом – хорошо посидеть с гитарой за приятной и веселой беседой, следя, однако, чтобы она не вылилась в чьи-то душевные излияния и упреки. Когда Мальчик слышал упреки, то – тут же удалялся.

А еще Мальчик – щедро подавал нищим на улице. Он не вел счет деньгам, которые ему присылала из Абакана мать и дарила Рита.

Также Мальчик был зависим от дам, особенно от дам более старшего возраста – с последними ему доводилось иногда прожить даже месяц или два, в то время как молодых, знакомясь с ними на сайте, он менял каждые два-три дня… Соответственно, отлучки без предупреждения Мальчика на два-три дня вскоре тоже стали нормой. Он пользовался популярностью у сильной части слабого пола.

Мальчик иногда простодушно рассказывал Рите, что надеется встретить серьезную

женщину, которая прописала бы его в Москве, можно женщину постарше, уже работающую на солидной работе. Он бы согласился быть у такой бизнес-леди просто секретарем. При этом Мальчик уверял, что этот брак был бы с его стороны – по настоящей любви.
- А что ты будешь пить и курить, когда она тебя, такого, выставит за дверь? – вопрошала Рита, - Я не ревную, но, елки-палки, эти тетки… Они ж до ручки тебя доведут. Давай я отведу тебя в клуб анонимных сексоголиков. Если ты хочешь, мы будем ходить туда вместе.

Мальчик был не чужд питию и мог до чертиков нанюхаться галлюциногенов.
Он даже полосовал себя время от времени бритвой по коже, чтобы выпустить излишки телесных сил.

Рита постоянно пыталась на него как-то воздействовать – накачать его, как наркотиками, чем-то духовным и тем самым стимулировать к благим переменам. Например, садилась рядом и читала вслух что-то из диалогов Платона.
Мальчик, казалось, с трогательным интересом слушал.
Но утром, когда приходила пора позвонить очередному работодателю, которого он находил сам или через Риту – Мальчик добросовестно садился к телефону, брал трубку, набирал номер и, попросив Риту отойти, чтобы она не давила ему на психику – бодро отвечал в трубку что-то деловитое. Потом выяснялось, что – телефонный разговор был только спектаклем. Мальчик говорил сам с собой.
Часто – он буквально – говорил сам с собой во сне. На лице его тогда обозначались складки, как у плачущего младенца.

Раз они всей честной компанией отправились в Институт философии РАН на конференцию по Хайдеггеру. Мальчик, на что они и рассчитывали, увязался за ними.
На кафедру один за другим всходили под аплодисменты докладчики - профессоры и аспиранты.
Во время выступления одного пылкого профессора, проводившего аналогии между Хайдеггером и Нилом Сорским, в зале, подняв предварительно руку, встал Мальчик и попросил рассказать о жизни «этого Хайдеггера» побольше. Он был, похоже, вполне искренен.
Рита нервно расхохоталась. Хоть оставшийся без ответа вопрос так и не сорвал аплодисментов, Рита почему-то очень им гордилась и долго всем рассказывала про этот случай, нежно поглядывая на профиль Мальчика.

- Он, такой хороший, что не может в нашем таком мире… Бедный Мальчик, - говорила в такие минуты трогательно всматривающаяся ему в лицо Рита.
Также Рита говорила:
- Годар, я умоляю тебя… Надо что-то делать. Прошу тебя, поговори с ним… Может, он хоть с тобой… Он тебе очень верит… Или просто сядь со мной рядом, когда я буду сегодня вечером с ним говорить и поддержи меня своим присутствием… Чтобы он хоть что-то понял – дурак.

Но Годар, как только ежевечерний разговор Риты с зевающим в кресле напротив Мальчиком заходил в тупик, - а в тупик он заходил с самого начала – вставал и отправлялся спать.

- А ты пусю нюхала? – произносил Мальчик, когда уже было совсем невмочь, свою знаменитую сакраментальную фразу, которой он сбивал с толку умников, настойчиво пытавшихся его воспитывать. Бывало, он спокойно произносил ее и в лицо совсем

незнакомым людям.
А однажды, как потом рассказывала, криво усмехаясь, Рита, он, когда они остались на кухне вдвоем, просто вынул, как она выразилась, своего хомячка и принялся, передразнивая Риту, им поигрывать.

- Годар, мне так хочется зайти в контору к этой наглой холеной морде – твоему начальнику, - и спросить у него, нюхал ли он пусю, – сказала Рита Годару, когда однажды он не смог поутру встать с постели, потому что его мутило. Сердце колотилось как внезапно запертая в клетке птица. Тело было как бревно, словно он превратился в Буратино.
Но деревянное холодное тело так трясло, словно внутри завелся пропеллер.
Он бы с удовольствием в то утро улетел, как Карлсон, на крышу.
Но у него, бескрылого, пропеллер был – не снаружи, а внутри.
А это – огромная и страшная разница.
Страшная сила – сила полета – перла из него не наружу, а внутрь… Он содрогался всем телом, как от конвульсий.
И – бил в мозг как электричеством острый страх, который раньше лишь слегка холодил сердце.
Этот страх был как коршун, клюющий … нет, не печень – а все его тело вместе с неотличимой от него, постепенно уходящей в пятки душой. Силуэт этого дымчатого коршуна так и плавал перед глазами и стал практически неотступен. С этих пор, накинув на Годара незримую вуаль, этот коршун всегда был с ним, ослабляя хватку лишь на время.
- Я ухожу с этой работы! – сказал Годар, когда все-таки встал из последних сил на ноги. – Надо срочно найти другую. Иначе как же я заплачу за очередную головую визу. У тебя я денег точно не возьму!

Рита вспомнила, что у одной ее приятельницы есть друг-писатель, который как-то приискивал корректора для собственного издательского бизнеса. Они с Ритой напросились к нему в гости. Писатель сидел в ореховом кресле за громадным ореховым столом и курил трубку. Он был с черной курчавой бородой, очень импозантный. На стене – висела африканская маска.
- Это ему подарила любовница-негритянка, - шепнула Годару Рита.
Писатель дал Годару на пробу листки из рукописи, где надо было сделать корректуру и засек время.
Годар во время не уложился – да и это, как он понимал с самого начала, была напрасная затея – он делал опечаки сам и плохо замечал их в тексте. Сложно сказать, зачем он сюда пришел. Наверное, просто хотел поглядеть на столичного писателя. Хотя и уже ничего как будто не хотел, кроме как забиться в какую-нибудь учтивую фразу, типа «Клиника «Мерамед» - всегда к вашим услугам!».
- Мне жаль, но – сами понимаете. Мне действительно нужен сейчас позарез корректор – мне самому. Нет времени править рукопись самому: по договору с издательством я пишу сейчас исторический роман. Давайте я вас лучше в школу направлю – у меня там учиться дочь. Ее классной руководительнице нужен помощник, который бы присматривал за детьми на переменах и вообще – присматривал бы, чтобы ничего не случилось. Да и мог бы в случае чего заменить ее на уроке. Но только там есть одна проблема – школа элитная и дети – они на голову умней своих среднестатистических сверстников. И – многое понимают. Они не примут абы кого. Прошлую помощницу они дружно изгнали. Они любят людей не глупых и со вкусом. И – чтоб юмор был.
Никогда не мог понять Годар, как некоторые писатели могут заключать договор с издателями заранее – на еще не написанное произведение. А вдруг Бог – не даст благодати? Или, говоря проще, не придет муза? Нет, он сам – точно не писатель!

В школу его, конечно, не приняли. Хотя вроде бы приняли, но – потом так и не позвонили после того, как Рита позвонила писателю.
Когда Годар назвал Рите сумму зарплаты, которую ему предложила классная руководительница, а Рита потом – язвительно назвала ее писателю, тот вначале не поверил. «Вот жадная дура! – вскричал он потом, - Она забыла уже, что львиную долю ее зарплаты платит ей наш родительский комитет, который возглавляю я. Она плюнула в лицо мне!».

Тогда Рита разыскала еще одного своего знакомого, с которым когда-то познакомилась на Радуге. Но он, как она говорила, был странный.
К странным людям им было не привыкать. Но этот человек был странным в другом смысле – он был темной лошадкой.
- Я даже подозреваю, что он – кегебешник. Мы с Николаем как-то попали к нему домой и оказались в центре паутины из множества проводов, они тянулись от аппаратуры, которой была заставлена вся комната. Я не знаю, для чего все это предназначалась. Но с помощью нее можно было делать прослушку. На прощание хозяин протянул нам со смешком диск, где оказалась записанной вся наша беседа… Но ты не парься – ты-то уж не представляешь для них интереса. Его мать-пенсионерка подрабатывает ночным сторожем в одном из офисов в центре Москвы, хотя не знаю, зачем это ей нужно. Им там понадобился еще один сменщик. С условием, что он согласится дежурить вместо них в новогоднюю ночь. И представь себе – офис находится на улице, выходящей прямо на Красную Площадь. Будешь чувствовать там себя, как за кремлевской стеной. Не думаю, что туда заберутся воры – в таком месте никто не рискнет. Ты же хотел побыть один – вот и будешь один каждую четвертую ночь.

Его приняли на ту работу неожиданно легко.
Он рассматривал ее как передышку.
Теперь он сможет получать и затем тратить на собственное питание две тысячи рублей. О въезде-выезде через украинскую границу для продлении регистрации, новой визе и уж тем более домике в деревне – лучше было пока не думать.
Но эти мысли все равно неотступно крутились у него в голове.
Перед дежурством он покупал себе в ларьке рядом с офисом сладкие молочные сырки, овсянку моментального приготовления и конечно же, свои неизменный кефир с черным дарницким хлебом. Вот только все это теперь не лезло ему в горло и оставалось не доеденным. Проверив, выключены ли все приборы этажом выше – компьютеры, сканеры, принтеры и еще каких-то непонятные наполненной электронные приборы, он зашторивал окна, ложился на диван и закрывал глаза. Благо, что руководство фирмы не требовала от сторожей ночных бдений, от них требовалось – простое присутствие.
Присутствуя в этой пустой и гулкой тишине, в этом казенном уюте, он, однако, долго не мог уснуть. Вспоминалась Грузия и то, как холодно сейчас там, в его родном доме, где мать ходит в полном одиночестве по нетопленной квартире, не имея средств, чтоб оплачивать обогреватели, которыми отапливались их более состоятельные соседи. Становилось стыдно за этот свой хоть и казенный, но все-таки цивилизованный уют. Хотелось немедленно позвонить матери, спросить, как она там, постараться понять по интонациям – как она там на самом деле… А то и – слетать туда - обратно на выходные, посмотреть все самому – посмотреть на свой нетопленный Тбилиси, где паровое отопление было разрушено еще с времен распада Союза… Хотелось пробежаться по приятелям, - они у него, как правило, не имели ни хорошей работы, ни – роскоши человеческого общения. А вот он стал - буржуем. Нет, это ужасно!.. Ужасно, как скудно живет истосковавшимся по своей культуре сердцем русскоязычное население в его родном Тбилиси.
А всего ужасней было то, что его теперь – смертельно тянуло, как в омут, обратно – в эту

скудную сердцем жизнь. Жизнь, казалось бы, ничем уже не полезную ни для тела, ни для души.
И кусок – еще больше не лез в горло.
Хотя, пока длилось лето, он совершенно забыл и Тбилиси, и всех своих тбилисских приятелей. Он даже порой тщеславно радовался, что почти соскочил с подножки этого давно стоявшего на запасных путях поезда, который назывался жизнью оставшихся в Грузии остатков некогда многочисленной русскоязычной диаспоры.
Теперь же, когда приходил сон, он бежал по размякшей, стремительно превращающейся в жижу земле, из которой набегала такая же стремительная вода и просыпался в холодном поту, когда она накрывала его с головой.
Проснувшись, он испытывал нестерпимое желание пройтись по Проспекту Руставели.

Так прошло недели две и после одной такой ночи у него поднялось давление.
Попросив Риту приехать, он с трудом добрался с ее помощью до Курского вокзала и они зашли в медпункт.
Но сидевшая в одиночестве за глянцевым журналом врачиха не приняла его.
Она сухо спросила:
- Вы – пользуетесь пригородным транспортом или поездами дальнего следования?
- Электричками пользуюсь.
- Тогда вам не сюда. В Москве и области – есть поликлиники. А здесь мы принимаем только пассажиров из поездов дальнего следования.
- Да я просто давление хотел померить. А то лекарства у меня есть. Вы просто одолжите мне манометр, а я – измеряю его сам. Будет считаться, что я обслужил себе сам.
- Не положено, я вам говорю. Могу только посоветовать аптечный киоск – это прямо напротив. Там вы можете купить мензурку и валокардин. Вода у них есть.

- Как вам не стыдно, вы, наверное, верующая женщина, - сказала в сердцах Рита, прежде чем они направились за пластиковым стаканом с минералкой в продуктовый киоск, где Рита продолжая честить врачиху, купила ему еще хакачапури:
- Поешь вот ваше, родное… А то ты уже скоро ноги вытянешь на своем черном хлебе и кефире.
- Да не в этом дело…
У Годара горло перехватило комом, когда он увидел хачапури.
Он так и не смог его съесть.

С новой работой – пришлось распрощаться. Тем более, что у Риты появилось предчувствие, что Годара приняли на нее в качестве подопытного кролика. Она узнала, когда ходила потом в фирму за его спальником, что предыдущий сторож, на место которого он заступил, тоже ушел с работы из-за странной, необъяснимой тревоги - того даже увезли оттуда в последний раз на скорой.
- Возможно, что этот тип… которого я считаю кегебешником… испытал на тебе с помощью своей мамаши какое-то психотронное оружие. Ей ничего не стоило включать перед уходом со смены специальную кнопочку.

Отлежавшись после серии приступов гипертонии, когда он с трудом мог дойти в течение нескольких дней до туалета, Годар стал снова искать работу.
В одном месте ему предложили сторожить автомойку, а рано утром – когда наступит зима - очищать дорогу ото льда и выпавшего за ночь снега. Но ребята отговорили его. Это было сейчас - не для его хлюпающего здоровья.

Но когда он не работал, то – тревожился еще больше.

- Я, кажется, поняла, в чем твоя проблема, - грустно сказала как-то Рита, - ты никак не можешь стать пофигистом. А без этого в Москве нельзя. Тебя будут нещадно эксплуатировать, тянуть из тебя все жилы, а в ответ – давать самую малость, да еще и уверят тебя, что ты очень наглый, раз смеешь ожидать большего. Бери вон пример с Мальчика – он это постиг шестым чувством и особо не парится. А ты – все время стараешься, выкладываешься. Ну, кто тебя просил так надрываться на раздаче этой фигни про клинику «Мерамед». Ну, посылал бы на фиг своего морду-начальничка с его церберами- контролерами, когда они были далече. Но у тебя в крови - советская психология, выгодная сосущим из народа кровь паразитам. Тебя эксплуатируют, а ты еще и виноватым себя считаешь за то, что не смог сделать больше, не отдал еще последней рубахи.
- Рита, мне нужно поехать в Дивеево и Саров, - сказал, не слушая, Годар. Он задыхался от постоянного внутреннего напряжения. В доме даже перегорело отчего-то несколько лампочек – такой, вероятно, был у него внутренний накал, - поехали, пожалуйста, со мной. Только ты одна.
- Хорошо, дорогой. Напишу только контрольную в институте и поедем. Мы закажем места в паломническую поездку и переночуем там в гостинице. А ты не хочешь пока съездить на выходные в Троице-Сергиеву Лавру? Мы с тобой там еще не были.
- Конечно, хочу. Я, Рита, хочу всего и много, но что-то мне не позволяет.

С трудом добравшись до Троице-Сергиевой Лавры, он еще больше разбередил себе душу. Словно осколок, дошли до сердца некогда брошенные Ритой Павлу слова про Причастие, которое превратилось у современных христиан в сок – даже не клюквенный, а апельсиновый. Становилось как от слишком яркого снега больно, когда он глядел на все эти торговые лавки, доверху набитые не только культовыми, но и повседневными товарами. Православный хлеб, православный мед, православное молоко и даже, тьфу ты черт, его любимый кефир, тоже ставший вдруг – православным. Православные яички – и тут же – зарезанная православная несушка. Православные шапки и православные валенки. Православные слезы… Нет, слез в продаже конечно не было. Но православный лук – продавался.

И это все – среди величайшей святыни – мощей преподобного Сергия Радонежского! Годар так рассердился, что так и не встал вместе со всеми в длинную очередь к мощам в храме.
Вскоре они, побродив по территории Лавры и посидев немного на скамейках перед цветником, уехали.

Когда шли по улице, ведущей из Лавры на вокзал – кое-где промелькнула реклама православного кагора.

Заскочив, чтобы погреться, перед тем, как сесть на поезд – в какой-то двор, они уселись рядышком на качели и принялись молча, со скрипом покачиваться. Было тихо и уныло. Тишину нарушала лишь пьяная ругань из одного окна многоэтажки. В другом окне – прижавшись к нему любом, стояла девочка в школьном платье и строила им рожи. Рита, подмигнув ей, скорчила рожу в ответ. Кажется, после этого девочка прониклась уважением.
Рита устало сказала:
- Я Мальчика тоже сюда привозила. После пинка от очередной любимой женщины. Он в этот период становится покладистым, собака. Ходил, держа меня за руку, по Лавре и прикладывался ко всем главным иконам. Бесов своих хотел изгнать. А поутру – сбежал в окно и нажрался мухоморов из Филевского Парка. Еле откачали - засранца… Небось, его заманило к себе тамошнее Проклятое место – да-да, есть у нас в бывшем Кунцеве и такое

– там тоже когда-то было языческое капище… Похоже, он уже совсем забесовленный.

В эту же пору им довелось побывать в доме культуры на встрече с известным православным миссионером диаконом Андреем Кураевым. Годар уже не запоминал ни поселков, ни городов, где они бывали, ни направления, по которым двигались подмосковные электрички и в памяти отложился только до отказа набитый зал - в основном людьми среднего возраста и пожилыми, и фигура кряжистого, упитанного, похожего на Карла Маркса, но только повеселей, приятного в общении с залом человека с окладистой бородой. Тот много говорил о предмете «Основы православной культуры» для старшеклассников, который тогда только планировали предложить школам и – как тогда только входило в моду – о необходимости повышать рождаемость в честной православной семье. Их же троица, опоздав, села на свободные места в первом ряду, которые придерживал для них давно сидевший тут Паша и невольно оказалась прямо напротив стола с восседающим за ним дьяконом.
Годару, который долго стоял перед тем в коридоре, пытаясь подавить приступ тошноты, Рита с Николаем купили в буфете кефир. И себе, чтобы он не сопротивлялся – тоже купили по коробочке кефира. Но пока что за не имением времени – кефир был спрятан в сумки.
Когда же они, наконец, расселись, Рита достала свой кефир и, слегка осмотревшись, принялась угощаться.
Подмигнув, она шепнула ему:
- Годарчик, присоединяйся. Погляди какой отец Андрей видный - какой круглый, какой плотный… Он, я думаю, нас поймет.
 Годар и задуматься не успел, как невольно последовал ее примеру.
- Скажите, вам не стыдно? – прошипела ему в ухо долго искоса следившая за этим действом женщина, сидевшая от него слева.
- Нет, - коротко ответил Годар.
Что же касается батюшки, то – он и ухом не повел.
Но когда Рита подошла к нему после выступления, выстояв небольшую очередь из желающих переговорить с ним с глазу на глаз, тот не стал ее слушать, сославшись на то, что его рабочее время закончилось.

А лампочки в их квартире – все продолжали перегорать. С приездом Мальчика – вдвойне. Николай не успевал их менять.
Видимо, по закону сообщающихся сосудов, что-то поменялось и в магнитосфере Костромы.
Котеночкин оповестил значившихся у него в друзьях блогеров, что получил весть о своей скорой гибели.
Он готовился к своему последнему велосипедному путешествию. Заодно он собирался обкатать новый велосипед, вероятно, планируя забрать его на небеса с собой. Старый же – уже лежал в разобранном виде в его походном рюкзаке.
На сей раз маршрут Котеночкина должен был пройти по Золотому Кольцу.
Хранителям он строго-настрого запретил появляться в населенных пунктах, где предполагал останавливаться у достаточно многочисленных поклонников своей философской публицистики из числа виртуальных читателей.

Ночью, когда не спалось, Годар послал ему взволнованное письмо о вреде ошибочных представлений о собаках и вообще – о вреде ошибочных представлений.
Это письмо – пробило антивирусную защиту, которую разработала Юля.
В ответ пришло сообщение, где много-много раз цитировалась нецензурное слово.
Как стало известно потом, далее Котеночкин разбил компьютер об пол и, собрав свой старый велосипед, долго рыдал, повиснув под его рамой.

«Объясни мне, пожалуйста, Годар, а зачем это было тебе нужно – так растревожить Сашу?» - осторожно спросила потом в виртуальном режиме Юля, вероятно, надеясь на какой-то исчерпывающий ответ.
Но Годар не смог объяснить.

Ну как он мог объяснить, что его персональная черная полоса состояла не только из спрессованного в ней плохого, которое он с избытком находил в окружающей его сейчас жизни, но и – из хорошего, тоже видевшегося теперь плохим? Дело было не в том, что он увидел вдруг всплывшую на поверхность и заболотившую его чувственный мир нечисть. Все, дотоле увиденное и прочувствованное с момента зарождения сознания – и есть, как он теперь чувствовал, поверхность. А глубина – как растаяла. Оставив вместо себя – черный провал.
В этом ему не мог помочь никто.
Поэтому он и не пытался рассказывать об этом не передаваемом в словах в принципе - своем новом опыте.
И все больше – уходил в себя.
То есть бил всей своей кипучей, сконцентрированном на познании энергетикой - прямо в собственное сердце и весь свой организм, выбивая их тем самым из коллеи все больше.

Вдобавок он еще словно отравился фильмами одного авангардного режиссера, снятых исключительно в черно-белых красках, без полутонов. Они тоже транслировали эту беспросветную интенсивность, которая подрывала всякую веру и оставляла со слезами на ветру.
В одном из этих фильмов действие происходило во времена прежних гонений от властей - в коммуне хиппи.
У этих подозрительно похожих на панков хиппи, которых периодически кошмарили менты – тоже словно отсутствовала земля под ногами. Ее, землю, словно подтачивал какой-то невидимый крот и им негде было преклонить голову, хоть место на Земле имелось и для них.
К тому же вождь этих затерянных на старой полуразрушенной квартире полухиппи-полупанков-полубомжей вздумал еще, чтобы проверить свой духовный потенциал на вшивость, отсечь собственный член. Проверка показала – лишившись члена, вождь лишился не только вселенской любви к людям, но и власти, которую перестали признавать за ним постепенно выродившиеся в каких-то человекообразных обезьян обитатели коммуны.

Когда Николай выкопал в своей фильмотеке и поставил им кассету с фильмом, Годар с первых же кадров словно встал обеими ногами в тот черный провал под ногами, но не упал в него, а стал медленно оседать, как в замедленной съемке или тех же снах. Но при этом почему-то так и не смог отвести взгляда от экрана.
- Все так! – воскликнул он с глубокой горечью, когда появились последние титры.
- Погоди, ты хочешь сказать, что любви не существует? Что она сводится…
- Пойми, Рита, - нет ничего, кроме биохимии! Мы все – действительно крошечные копошащиеся на этой маленькой планетке комочки углевода и воды, как ты любишь иногда повторять.
- Ты в этом так уверен?.. Годар, ты становишься односторонним, как Николай, только в другую сторону.

Другой фильм режиссера-нонконформиста был прямо посвящен бомжам – показу их быта, рассказам о себе. Все это было подано так, будто бомжи – это единственные на Земле праведники, которые видят все как есть. И они же, единственные, хранят Любовь. К примеру, одна уже согнувшаяся коромыслом старуха пролежала на одном месте, только

протягивая руку за милостыней – лет сорок или пятьдесят. Так она хранила, законсервировав во всем своем существе, любовь, после того как ее бросил любимый человек.
Так сильно страдать и любить мог, наверное, только народ Джан…

- Ребята, этот режиссер просто спроецировал на экран собственный гнилой мир. Я бывал на квартире, где велись съемки. Он собрал туда реальных хипарей, пообещав щедрое вознаграждение, но большинству – так и ничего не заплатил. Так – раздал какие-то жалкие крохи.. У него там была отдельная комната с отличным обедом, в то время как они жили впроголодь. Он приводил и трахал невинных девочек… Он... В общем, не говорите мне больше о нем. Он как вампир-Летов, который погубил своим экстремизмом Яночку. Стоит еще только добавить, что он живет на Тверской один в собственной трехкомнатной квартире – проповедник коммун. Так что лучше не будем ля-ля. Это не человек, а скорпион.
- А может он типа как Раскольников?
- Нет, Рита, он типа как иудушка.

Это сказал Мальчик.
Но ему тогда никто не поверил.
А зря.
Немного позже они прочитали в старом блоге Умки ровно то же самое. Ей тоже довелось стать свидетелем того, что происходило на съемках.

К концу ноября, когда Годару стало совсем тоскливо и плохо, случилось, наверное, самое неприятное и окончательно подрубившее его событие.
Это было в дни, когда в российско-грузинских отношениях наблюдалось очередное похолодание.
Они с Николем, случайно столкнувшись лоб об лоб на Курском вокзале, приехали в тот день в Желдор вместе.
Спокойно вышли через дыру в сетке ограды и направились к маршрутке, хотя обычно Годар ходил пешком.
Тут, у маршрутки, Николаю захотелось снять поющих под одной из легковушек кошку и кота и он приостановился и вынул из сумки-рюкзака камеру.
В это время откуда-то сбоку появились двое милиционеров и попросили предъявить документы.
- А что вы делаете в Железнодорожном? – спросили они, пролистав паспорт Годара.
- Я живу тут вот у этого товарища.
- Снимаете квартиру?
- Нет, мы просто товарищи.
- А вы знаете, что Железнодорожный – закрытый город и здесь нельзя проживать без специального разрешения? Более того, вам, как гражданину другой страны, нельзя сюда – и ногой!..
- Железнодорожный – закрытый город?! Не может быть! Вы, наверное, говорите это нарочно!.. Николай, ты знаешь про то, что живешь в закрытом городе?
- Знаю, Годар. Но я как-то не думал об этом.
- Вы как-то не думали… Ну, вот заберем мы вашего товарища сейчас в военную прокуратуру и там у него мозги включаться быстро. Когда его потом департируют на родину.
- Николай, иди домой и жди Риту, а я – сейчас поеду в прокуратуру и пусть они спрашивают что хотят – я перед ними чист.
- Нет, Годар, я поеду с тобой. А Рите я сейчас позвоню.

- Стоп, - сказал один из милиционеров, тот, который имел на погонах на одну звездочку больше. Предварительно он переглянулся с напарником, - не надо никуда ехать. Мы видим, что вы люди хорошие, мирные. Идите уже сегодня домой. Но завтра вы, товарищ, должны обязательно покинуть наш закрытый город. Мы ничего не можем поделать – таков закон. И если вы попадетесь нам тут еще раз – увы, мы вынуждены будем действительно сопроводить вас в военную прокуратуру, а это грозит сами знаете чем. Не увидите потом своих российских друзей долгие пять лет после того как вам перечеркнут визу.

Случилось то, чего он боялся больше всего. Он может потерять Россию и друзей!.. А между тем он так сильно привязался к ним!..
Годар просто сидел потом на диване и держался за голову, где пульсировала в висках боль.
А Николай с все бросившей и приехавшей Ритой лихорадочно думали, как найти выход. Оставаться ему в Желдоре было нельзя, а у Риты в бывшем Кунцеве – тоже было нельзя, ее родители воспринимали его как потенциального жениха и «не благоволили».
Нельзя было даже уехать на время в Саров, так как стало ясно, что и в Сарове, который был также известен как закрытый город атомщиков Арзамас-16, его тоже могут ждать неприятности.
Вспомнили про большую и дружную квартиру Илу, где жила маленькая, но дружная коммуна хиппи.
И про такую же коммуну, жившую у Любавы.
Решили написать Любове. Та ответила, что готова вписать его.
Но Годар не мог сейчас - вот сейчас, немедленно, оторваться от своей компании и примкнуть к другой. Он не мог переселить себя и снова стать прежним – снова с кем-то знакомиться, смеяться, радоваться каждому дню, а главное – чувствовать теплоту и искренность улыбок.

Поэтому он попросил дать ему передышку и просто решил какое-то время не выходить из дому.
Это, на первый взгляд, было не так сложно – в доме почти постоянно находился спавший днем Мальчик, тоже в чем-то зависший между «Да» и «Нет», похожий на растерянного щенка.
Но неугосимая тревога стала совсем нестерпимой. Теперь он чувствовал себя еще и преступником перед своей исторической Родиной и эта незримая вина, которой на самом деле не существовало, как все и он сам понимали на рациональном уровне – окончательно его доконала.
Раз, когда в субботний день Мальчик крепко спал, а Рита и Николай уехали вместе с одной приятельницей Риты в Одинцово искать ее сбежавшую к бомжам-алкоголикам маму-пенсионерку (та, чтобы утолить пробудившееся на старости лет либидо, алчущее все новых случайных связей – регулярно убегала из дому), - он почувствовал такую панику, что не смог усидеть в доме и спустился во двор.

Перед этим он увидел из глубины комнаты на открытом в лоджии окне – четырех опустившихся на подоконник скворцов. Взъерошенные и растерянные, все четверо пугливо жались друг к другу. Это были вчерашние птенцы, еще не имеющие опыта перелетов. Их, видимо, тоже сбили какие-то вихри и смещения в магнитных линиях земли и они до теплых краев либо так и не дотянули, либо сбились с пути.
Они словно прилетели за ним – тоже отставшим и отовсюду выпавшим.
Вдруг на мгновение показалось – это дети Беслана…
Всплыл из памяти оглушающее тихий безлюдный вокзал с низко спустившимся небом. В плотном свинце этого неба зияли прорехи, в которые сеялся холодный бледный свет. За

окнами проплывающих в тумане зданий и домов, казалось, была сплошная пустота и чернота.
- Беслан… Давайте, наверное, встанем и помянем, - сказал один из его случайных попутчиков по поезду «Владикавказ-Москва», каким он ехал весной.
И все пассажиры купе – тут же встали.
Они больше не обмолвились о той трагедии ни словом.

Тоже стараясь избежать пустословия даже в мыслях, Годар отогнав их, попытался приблизиться к окну, чтобы насыпать скворцам крошек, но те отлетели и пропали.

Припомнился рассказ Риты про то, как ее мама, отправляясь каждое утро на обязательную прогулку в лесопарк, берет с собой мешочек с зерном, чтобы попутно покормить на одной полянке птиц. Те уже знают ее и некоторые так осмелели, что садятся к ней на ладонь, о чем она потом живописно рассказывает своим многочисленным знакомым.
Увидев этих птиц у нее на ладони, тоже как-то присоединившийся к прогулке отец Риты – а это был высокий, молчаливый, задумчивый человек, чем-то похожий на их Пашу (к тому же, он тоже интересовался историей, хоть и был инженером, и даже втихаря писал книгу о каких-то спорных исторических событиях) – тихо обронил:
- Ну зачем ты… Они же могут привыкнуть… жить по-человечески. А в людях столько дерьма. Кто знает, на кого они нарвутся в следующий раз.

Надо сказать, что отец Риты, будучи человеком чувствительным, старался не вылезать из панциря своих умозаключений, которые, к тому же, редко озвучивал. Он старался поменьше соприкасаться с действительностью, бывая в ней лишь пробежками от дома до работы и обратно, а также – гуляя в загородных поездках и вообще – в поездках – сугубо по окультуренным местам, типа парков, исторических усадеб, музеев, санаториев, ласковых крымских берегов. В этом он был контрастом - со своей неизменно сопровождающей его в таком культурном досуге женой: та была оживленной и открытой, и с трудом могла пройти мимо любого, казалось бы, постороннего уличного события, чтобы не вмешаться в него, не повлиять как-то на его ход. Но она была и – гораздо менее чувствительной, меньше замечавшей и почти совсем не замечавшей некоторых тонких нюансов натурой.
Заметив, как мучается уже не только в глубине души Годар, который как-то остался у них ночевать, не сумев добраться из-за физической слабости до Желдора, отец Риты просто-напросто убежал поутру на работу, хотя был с температурой и сидел на больничном.
И все равно – отец Риты нравился ему. Когда Годар впервые увидел ему, тот показался ему – как бы «голой» душой: кусочком трепещущего внутри ровного белого пламени. Которое, увы, может задуть не только сквозняк, но и любое неровное дыхание.

И почему это так?..

Рита, которая называла в шутку свою несколько взбалмошную мать – Наимудрейшей, а отца – всего лишь Наиумнейшим (все трое имели привычку добродушно подтрунивать друг над другом), пересказав историю про птиц, задумчиво прибавила:
- Теперь я уже и не знаю, кто из них – Наиумнейший, а кто – Наимудрейший. Они иногда путаются у меня в голове местами.

Однажды у десятилетнего сына одной тбилисской знакомой Годара умер попугайчик.
Он так горько плакал, что она предложила:
- Если хочешь, пойдем и купим другого.
- Что ты!.. – ответил сын испуганно. – Второй раз я этого просто не переживу.
Вскоре он подозрительно быстро успокоился и больше о попугайчике не вспоминал.

А когда спустя два года умер его отец – его это не слишком задело.
Он уже научился вовремя закладывать сердце ватой. Бабушка даже упрекнула его мать за то, будто та вырастила бесчувственного сына.

Но сердце-то сохраняют прямо противоположным способом…

От этих воспоминаний и мыслей Годару что-то стало сосем жутко.

Он спустился поскорей во двор.

Он шел, озираясь и пристально вглядываясь в каждый поворот, надеясь вовремя заметить милицейский патруль и ретироваться. Шел сначала меж корпусов, а потом, перейдя дорогу, зашел в воинский храм, что был рядом с военкоматом – и то, и другое находилось неподалеку от корпуса, где ил Николай. Он уже знал, что в закрытом городе много военных и что под землей – до сих пор их работают некоторые цеха их засекреченных заводов. Этот город был теперь закрыт от него как железным занавесом и даже – закрыт ненастьем: над головой нависло крышкой беспросветное свинцовое небо и стелился над грязным снегом туман. Редкие прохожие – в основном закутанные в платки старухи – брели в тумане с авоськами. Все казалось призрачным – даже грязь из-под колес медленно ползущих из-за тумана машин. И даже атмосфера храма, где пели на клиросе несколько женщин – теплая и родственная атмосфера – в ней оттаивали сердцем и телом, стряхнув предварительно снег с шинелей, двое рассеянно слушающих напев с мыслями о чем-то своем солдат – тоже была ирреальной, словно все это происходило в переменном неоновом свете, очень далеко от него в чисто физическом смысле. Хотелось протянуть к кому-нибудь руку, крикнуть о помощи. Но все были так далеко, так далеко…
Он вышел из храма и куда-то побрел, не разбирая дорог.
Он хотел выйти на окраину и вышел вдруг к большому храму на кладбище, где рос дуб с множеством вороних гнезд. Они каркали в этом ирреальном тумане и каждый такой крик отдавался в каждой клеточке его тела, словно разрывая его.
Недалеко от храма – был Саввинский пруд.
Он был затянуто тонким дном, но кое-где были видны остатки камышей. Она стояли как изваяния. Кое где льда не было и стояли в черной воде на невидимых ножках, как солдаты на посту, еще каким-то образом живые кувшинки.
Тревога вдруг забилась в нем как обезглавленная курица. Он словно увидел чью-то отрубленную голову на снегу – может быть, даже свою. И опрометью бросился сначала в храм, где едва не столкнулся с гробом только что отпетой старухи, а потом, приложившись к иконе – и домой.
Перед тем, как покинуть храм, он подошел, отчаянно давя дрожь и делая вид, что с ним все в порядке, к священнику и попросил принять его на работу, так как увидел объявление, что храму требуются уборщицы.
- Уборщицы. А вы – уборщик, - мягко отказал ему настоятель, - но вы, если хотите, можете подыскать место уборщика в Москве – некоторым храмам требуется и мужская сила.

На следующее утро Николай довез его до Москвы на машине и он, побродив в одиночестве, таки нашел себе место уборщика при храме.
Это была Мароновская церковь на Большой Якиманке.
Помощник настоятеля по хозяйственной части, принявший его на работу, сказал, что ему не важно, какое у него гражданство, был бы только работник православный. Но поинтересовался:
- Можно задать вам нескромный вопрос?.. Почему вы согласились на такие маленькие деньги? Обычно у нас подрабатывают ради прибавки к пенсии бабушки.

- Потому что мой заработок – это свободное время.
- Тогда понятно. Можете приступать уже завтра. Подходите часам так к шести – у нас первая служба начинается в семь, надо прибраться. А уйдете – уже после шести вечера. И так - каждые четвертые сутки.

Явившись на следующий день, Годар несмотря на неумелось, мел и мыл полы, таскал ведра с водой, чистил подсвечники и собирал огарки свеч с таким рвением, что одна из двух его напарниц – высокая, голубоглазая женщина средних лет с густой русой косой - прокричала ему – она плохо слышала – что он не рационально расходует силы и скоро истощиться, если будет так продолжать.
Другая его напарница была гораздо старше. Это была уже пожилая женщина, которая тоже начала работать в храме не так давно. Она ненавязчиво опекала, как бы вела его своими подсказками и старалась почаще отправлять отдыхать на скамейки у стены. Она же – рассказывала ему, думая, что он человек воцерковленный, какие-то милые и наивные истории про мироточащие иконы и другие чудеса, а также – про явную чепуху, в какую верят обычно такие тетушки. Но ему понравилось, что женщина, по ее словам, всегда отдает десятину, то есть десятую часть своего дохода, даже такого мизерного – в 1800 рублей – как в здешнем храме – на нужды церкви. Хоть он и был не согласен с таким подходом. Он считал, что лучше прямо отдавать средства нуждающимся в них, как например, отдали они их недавно в фонд помощи заболевшему музыканту Александру Непомнящему, который нуждался в операции. Так как мнение о том, на какие нужды отправлять собранные «десятины», у них с официальной церковью может и не совпадать. Например, церкви хочется строить побольше храмов. А им – побольше больниц.
Также женщина утверждала, что нарочно покупает, чтобы содействовать церкви материально, книги православных авторов в самых дорогих церковных лавках.
Во дворе храма имелась столовая с простой и качественной пищей, где уборщики обедали за одним столом с другими работниками храма. Здесь же обедали и священники. Перед обедом и после него – все вставали и трогательно читали перед иконой благодарственную молитву.
Появившаяся тут к вечеру Рита нашла его немного посвежевшим и тоже приняла участие в чистке подсвечников. Потом им обоим дали съесть по просфирке с прошедшей Литургии.
Когда по окончании рабочего дня они уже входили в метро, их догнала там самая опекавшая его женщина. Годар удивился, что, сняв передник и платок, она совершенно изменилась. Теперь это была современно одетая женщина средних лет, и даже походка и голос ее изменились – стали уверенными, изящными, плавными.
Правда, Рита нечаянно вогнало и его, и ее, да и себя саму - в краску. Она, по их с Годаром привычке проскакивать друг за дружкой, когда никто не видит, меж стойками автоматов на вокзалах и в метрополитене - по одному проездному, попыталась и тут пройти сразу вслед за Годаром. Она просто поленилась достать свой проездной. Но что-то не сработало и дверцы захлопнулись перед ее носом и – перед взором шествующей следом с загодя приготовленным проездным его новой сотрудницей. Приложив к автомату свой проездной, та заставила сконфузившуюся Риту пройти за ее счет. А после – заплатила за себя взятым в кассе жетоном.
Попрощались они мило.
О случившемся – не было сказано ни слова.

Но все-таки эти добрые люди, привыкшие смотреть на жизнь просто, принимать без особых размышлений и сомнений все, что ни скажут патриарх и архиереи, и не заглядывать слишком далеко за стены своего храма – действительно надежные, теплые и чистые стены, еще хранящие ясный дух какой-то ушедшей эпохи – нет, эти люди, увы, не могли развеять скопившихся в нем паров какого-то яда, которые он постоянно всасывал,

как губка, из какой-то отравляющей все незримой атмосферы.

Как хотел Годар пойти в этот с ходу полюбившийся ему храм на следующее дежурство! Он даже старался поменьше вставать с постели, чтобы не расплескать сил. Но силы все равно канули как в песок – он не смог подняться на ноги на четвертые сутки из-за приступа гипертонии.
С этой работой – тоже пришлось распрощаться.
Он долго лежал и просто смотрел в потолок.
Потом Рита, схватив его за шиворот, рывком поставила на ноги и – параллельно отдавая указания Николаю, торопливо, взахлеб, заговорила:
- Так-так-так... Ну все, хватит, я теперь за тебя возьмусь. Когда мой отец лежит вот так с давлением - а у него оно бывает под двести - то он тоже охает и страдает, пока мать не наброситься на него и не поднимет. Потом они бегут вместе в какой-нибудь парк - кормят там голубей и ворон и наслаждаются жизнью. Я знаю, куда мы сейчас с тобой поедем - в Старицу!.. Туда, где мои родители, родив меня, провели первый свой отпуск, живя у какой-то маминой знакомой. Потом мы еще раз приезжали туда втроем, когда мне стукнуло шесть лет. Там тихо и природа. Там тебе станет хорошо. Николай, возьми у меня деньги на бензин - это не близкая дорога, это Тверская область.

Они уехали, а Мальчик - остался, сославшись на то, что хочет вымыть полы и приготовить к их возвращению какой-то особенный ужин. На ужин деньги у Риты - тоже нашлись. Она была в этот день как в ударе - постоянно возбужденно говорила, тревожно всматриваясь в лицо Годара и сияя своими большими, проницательными глазами. Некурящая– она в эти дни курила.

Машина мчалась как в тоннеле под по-прежнему низким свинцовым небом среди плотно обступавшего шоссе леса. И ворвалась в стоявший на Волге холмистый городок с обтрепанными домами, иные из которых были полуразрушены или разрушены совсем. Замотанными в теплые одежды жителями, которые брели, как и в других провинциальных местечках такого рода, казалось, незнаемо куда. Хотя, наверное, движущихся незнамо куда эти жители называли про себя их.
Этот городок не спасал от уныния и увядания даже Свято-Успенский монастырь, где был похоронен первый патриарх Москвы и всея Руси Иов, мощи которого были затем перенесены в Москву. Тут же была могила его матери - схимомонахини Пелагии.
Если же спросить Годара, то – весь этот городок представлял собой могилу еще при своей жизни. Его кладбище за высоким берегом Волги было велико и обширно. Хозяйка, у которой когда-то останавливались родители Риты, была жива, но ее сын – уже нет. Как и многие мужчины, он давно переселился на высокий берег.
- Мрут… Мрут от водки, как мухи. Видели как расширилось наше кладбище? А вы говорите – я была здесь в детстве. Здесь уже старенькое все, в нашей Старице, - посмеивалась старуха над приунывшей Ритой, тоже не узнавшей края, где когда-то провела одно босоногое лето.
Смешно было видеть на старом ветхом мосту табличку с иностранными буквами: «Volga».
Еще здесь значились среди объектов культурных памятников – известковые пещеры, при которых имелся даже какой-то музей. Но все это – простаивало на безлюдье.
Именно в Старице снимали советский фильм «Чучело», впервые поднявший тему жестокости подростков в российской глубинке.
Комплекс Свято-Успенского монастыря, где не было ни души, кроме двух-трех служителей, был с зелеными куполами и белыми стенами. Но внутри этих стен в храме, куда они зашли поставить свечи, был такой суровый мрак, что не удавалось всмотреться в лики икон, благодаря чему они казались еще более таинственными и от этого -

страшными.
Выйдя из храма, они пошли, скрипя снегом, по дороге к самому высокому холму, чтобы взобраться на него чисто из спортивного интереса и поснимать окрестности сверху. Долго карабкались, поддерживая с двух сторон Риту под руки, и проскальзывали все трое по льду под снегом, который доставал здесь до колен. А когда поднялись, то услышали суматошные крики ворон, тоже взлетевшими, чтобы их поприветствовать. Казалось, вороны, тревожась, хотят их о чем-то предупредить. В воздухе также проносились и какие-то другие, незнакомые птицы. Все это било точно в его подсознание – в какую-то его точку.
Вспомнился бомж, которого он недавно увидел на выходе из вокзала Желдора. Точнее, не вспомнился, а опять ясно и зримо встал перед глазами, потому что он носил его образ как фотокарточку в никогда не замолкающей своей памяти, зоркой на подробности такого рода. Это был человек средних лет, который просто сидел на камне, сложив на коленях руки, и смотрел куда-то вперед выпученными от удивления самому себе виноватыми глазами. Людской поток старательно огибал его, словно он был обыкновенным столбом.
«Собирайтесь же скорее – сбивайтесь в черные тучи-стаи и летите, летите во все концы по небу России и предупреждайте, бейте криком как в набат, что быть на Руси – какой-то беде!» - подумал с тоской Годар. Он понял, что действительно стоит как в какой-то зияющей бездне-воронке. Черная пустота – вместо просевшей, исчезнувшей земли – втянула его здесь еще больше.
- Как я перед всеми виноват! – вырвалось у него. Он едва не разрыдался.
Чем - виноват?..
Этого он не мог – на рациональном уровне – объяснить ни себе, ни друзьям.
Особенно он чувствовал себя виноватым перед матерью и отцом, словно они были его детьми, а он оказался плохим родителем, не сумевшим отвести от них какую-то беду.
- Прости меня, Годар, - сказала Рита, - я зря тебя сюда привезла. Я сорвала тебя всеми этими поездками. Ты, наверное, теперь не поверишь, но мы повседневно так не живем. Мы не живем так интенсивно. Это мы для тебя старались – хотели, чтобы ты побольше захватил. Хотели как лучше.
Встав напротив Риты и морщась от слепившего его снега с полирующим его тусклым мертвенным солнцем, он сказал:
- Да не в этом дело… Рита, я теперь понял, что такое Благодать. Я понял, что остается, когда она отходит. Остаются голая земля и умершие душой люди. Прах мы есть и в прах уходим. Это ужас, Рита.
- Годар, а помнишь, как мы читали у Антония Софроницкого в «Старце Силуане» про то, как Силуан говорил: «Держи свой ум во Аде и не отчаивайся». Вот и не отчаивайся, Годар.
- Ах, Рита, если бы я правда верил в Бога! Но я же в него не верю. Не мог Бог сотворить такой ужас! А это значит, что его нет.

Рита не стала с ним спорить. Но не стала и продолжать разговор, чтоб он так не тревожился.
Стали спускаться со склона, чтобы уже ехать обратно. Поддерживали Риту с двух сторон под руки. Потом шли друг за дружкой к машине по узкой тропе, которая оказалась при более пристальном рассмотрении замерзшим ручейком. Николай шел, опустив голову, и что-то снимал на земле на камеру.
- Следы мышки… - пояснил он. – Мышка попала под лед, долго плыла под ним, а вот в этом месте – бултых, и утонула.

По возвращению домой было решено, что Годару нужен врач. Стали обзванивать клиники. Но выяснилось, что иностранцам не положены льготы, не положено бесплатное лечение в поликлиниках и клиниках. Нашли врача-психоневролога в Желдоре. Он

прописал лекарства, которые Годар не смог принимать – они только усугубляли тревожность. Когда Николай позвонил врачу, чтобы сообщить про это, тот раздраженно бросил в трубку: «Пусть ложится в больницу!.. А собственно, что вы так с ним возитесь, он вам кто – родной дядя?». Риту очень возмутили эти слова. Номер доктора был немедленно удален из телефонов.
Годар сам позвонил в московскую клинику неврозов и попросил назвать условия, на которых его могут принять.
- Пятьдесят долларов в день – но это только за койко-место. За каждую консультацию и обследование, и, разумеется, за лекарства – плата отдельная, - бодро отрапортовали на другом конце провода. И добавили со смешком, почувствовав заминку, - Вы, конечно, можете лечь в бесплатую клинику для приезжих, но вам там не понравится.
- На органы разберут, - прокомментировал последнюю фразу Николай.
Стали обзванивать психологов, но всюду отвечали:
- Пожалуйста, мы готовы с вами поработать. Час беседы –тысяча рублей.
Дать бесплатную консультацию, да и то виртуально, согласился только один соционик.
- Вы перетрудили свою болевую, - сказал этот человек, побеседовав с Годаром, - там у вас, скорее всего, этика… Это значит, что вы не умеете без дуальной поддержки как следует отличать в этой сфере действительного от недействительного. У вас там – только черно-белая картинка. Надо обрести друга-дуала. В вашем случае – подругу. Проще говоря – найти «другого Я» - то есть того, у кого эта функция этики, наоборот, сильна и фиксирует все цвета и оттенки. С этим человеком вы сможете делиться в обмен своей сильной логикой. В соционике это называется дуализацией. Хоть психологи смотрят на нашу молодую науку свысока и игнорируют ее, не считая за науку, будущее за ней, так как только она может объяснить очень многие процессы, включая такие стрессы, как ваш.

Вскоре Николай смущенно сказал:
- Ребята, простите меня, но мне необходимо дуализироваться. Я скоро женюсь. Я познакомился в интернете с женщиной. У нее есть ребенок – девочка детсадовского возраста, и я этому только рад. Мы уже подали документы в ЗАГС. Так что наша коммуна с первого января – самораспускается. Вам придется потихоньку – время еще есть – подыскать себе другое жилье.
Николай действительно в последнее время стал куда-то уходить по вечерам. Рита знала, что у него кто-то появился – он сказал это ей первой, прибавив, как передала она Годару, что – он очень долго, слишком долго катился колобком по травке и не заметил, как она кончился и начался асфальт. И он чуть было не стер об асфальт в кровь свою пусю.

- А я уже хочу – дуализироваться с Грузией, хоть нам друг от другу и мало проку, - грустно сказал Годар, - мы с вами уже несколько раз обсуждали эту ужасную для меня перспективу и как могли – пытались ее отдалить. Но оттягивать дальше больше нет смысла. Там за мной хоть будет ухаживать мама, ей некуда спешить, а вы и так уже несколько раз пропускали из-за меня работу и учебу. Рита вон практически забросила институт. Да и родителя Николая уже косятся на меня с балкона соседнего корпуса так, будто я – оккупант. В общем, решено, - я уезжаю. Точнее, мне этот отъезд императивно навязывают некие не зависящие от меня силы.
Годар попытался улыбнуться, но это у него не получилось – ему уже не удавалось даже элементарная игра, которой люди обычно прикрывают настоящее лицо.
- Годар, ну давай подождем до Нового Года – сколько там уже осталось. Проведем вместе хотя бы новогоднюю ночь… А там – когда ударит крепкий мороз, слипнется в комья и уйдет под сугробы слякоть, когда солнце станет по-настоящему зимним и вновь высинит небо – может ты увидишь все чуточку иначе. Дотяни, мой друг, до настоящей русской зимы!
- Поздно, Рита, уже ничего не получится. Единственное, что может выгореть – это поездка

в Пермь. Там уже, наверное, та самая настоящая зима, про которую ты говоришь. Тетя все время звонит и зовет меня, она уже нашла врача.
- Так чего же ты медлишь – езжай в Пермь!
- Не знаю. Мне почему-то страшно уезжать так далеко от матери. Вдруг я не успею к ней вернуться и она умрет?
- Нет, тебе точно надо лечиться!...

Вечером, когда уже были заказаны билеты на завтрашний авиарейс в Тбилиси, они с Мальчиком – станцевали прощальный танец.
Они танцевали грузинский танец под мелодию «Саламури» ансамбля «Эрисиони». Мелодию взметали и несли, как на ладонях, словно легкое пламя – только флейты и барабаны.
Мальчик, имитируя его дуала, в какой-то момент сделал вид, что поправляет изящным кокетливым жестом – женскую грудь.
Годар же – гордо провел ладонью над воздухом ниже пояса, как бы потрясая невидимым предметом.
Николай с Ритой так и покатились со смеху. Николай снимал все это на камеру, а Рита – на мобильник.

После танца Мальчик из Абакана торжественно преподнес ему в подарок красочную, сплетенную из разноцветных шерстяных нитей самодельную сумку, которую хранил среди своих нехитрых пожитков в рюкзаке. Это была очень радужная сумка – в ней преобладали радужные цвета.
- Пусть эта сума – сменит ту невидимую суровую суму, которую ты сейчас несешь. Такие плетут – только в Хакасии. А я знаю, о чем говорю. Мой спившийся, бросивший нас с матерью, когда мне было всего два года папаша – как-никак хакас. Только не спрашивай меня, как некоторые другие, что такое хакасы. Я могу только ответить, что это точно – не рыба к пиву.

- Так, мой друг, мы и не съездили в Азию за Ариманом, чтобы привести его к Озмурду, для того, чтобы все они – помирились, - сказала с трудом удерживающаяся от слез Рита, прежде чем он, повернувшись, медленно отправился в аэропорту за перегородку, отделяющую пассажиров – от провожающих.

Самолет взлетел и – через два с половиной часа опустился на тбилисскую землю словно бомба, которую он долго нес в руках, сам того не замечая. Потому что был по натуре – сапером.
И это было – как катастрофа.

Часть четвертая. **Возвращение**

А потом к нему стал прилетать Самолет по имени Сережка.

Но не сразу, а – годы спустя.

Которые, впрочем, промелькнули, как одно мгновение.

Сначала он жил как возвращающийся с Луны Незнайка.

Как там было у Носова?..

«– А теперь несите меня! Несите! – зашептал прерывающимся голосом Незнайка.

– Куда же тебя нести, голубчик? – удивился Пилюлькин.

– На Землю! Скорее!.. На Землю надо!

Увидев, что Незнайка снова лихорадочно дышит и весь дрожит, Пилюлькин сказал:

– Хорошо, хорошо. Сейчас, голубчик! Несите его в кабину.

…Незнайка сделал несколько неуверенных шагов, но туг же рухнул на колени и, упав лицом вниз, принялся целовать землю. Шляпа слетела с его головы. Из глаз покатились слёзы. И он прошептал:

– Земля моя, матушка! Никогда не забуду тебя!

Красное солнышко ласково пригревало его своими лучами, свежий ветерок шевелил его волосы, словно гладил его по головке. И Незнайке казалось, будто какое-то огромное-преогромное чувство переполняет его грудь. Он не знал, как называется это чувство, но знал, что оно хорошее и что лучше его на свете нет. Он прижимался грудью к земле, словно к родному, близкому существу, и чувствовал, как силы снова возвращаются к нему и болезнь его пропадает сама собой.

Наконец он выплакал все слёзы, которые у него были, и встал с земли. И весело засмеялся, увидев друзей-коротышек, которые радостно приветствовали родную Землю.

– Ну вот, братцы, и все! – весело закричал он. – А теперь можно снова отправляться куда-нибудь в путешествие!»

Легко все-таки было Незнайке! Ему было куда возвращаться. И – было куда путешествовать. Видимо, в тех слоях космосе, до которых добрались коротышки, не было предусмотрено межпланетных границ и уж тем более – визовых режимов.

Годар, оставшись один, уже не сдерживал рыданий. Его тоска по России, Рите и друзьям – была неотступна. Он, как Незнайка на Луне, чуть не было не умер от тоски по Земле. Но где была его Земля?

В груди его – зияла дыра. Тут был разлом. Страна, где он некогда родился и вырос – распавшись, манила его за собой в провал.
Он не имел ее, земли, под ногами.
Не мог устоять на двух сторонах разверзшейся пропасти. Не мог, к примеру, сделать выбора между Россией и Грузией или Россией и Украиной – в их страшной борьбе за себя.

Поэтому полет Незнайки затянулся и он горько плакал в своем космическом скафандре, не зная, как ему быть.

Наконец, он решил совсем умереть в этом черном космосе.

Он уже закрыл глаза и – приготовился к смерти, хоть ему и не хотелось умирать, а очень хотелось жить. И в сердцах произнес:

- Нет, не стану я жить без своей прекрасной Родины, не стану. Пусть ее больше нет и может быть даже никогда и не было – все равно не стану. Вот только жалко маму – она будет горько плакать, если я уйду раньше нее. И только это еще меня и останавливает. Ведь мама – это, получается, теперь моя единственная родина. А ты – злой Бог-Отец – отойди от меня. Не знаю я такого Бога и знать не желаю. Такой глупый и жестокий мир, такой пустой черный космос – без настоящей Родины – мог сотворить только дьявол. Поэтому тебя, добрый Бог, попросту нет. И злого Бога – нет тоже, потому что я его никогда не признаю.

И вот тогда-то, как только он это сказал, в груди его что-то екнуло. Камень на ней– как растаял. А из глаз вместе с солеными слезами – словно выкатился и тоже растаял какой-то осколок.

Он вышел на балкон и взглянул на чистое небо, к которому уже целое мгновение не поднимал голову, забравшись в свой скафандр.

По небу летел к нему легкокрылый Самолет по имени Сережка.

Это был персонаж повести Владислава Крапивина, раскрытую книгу которого он держал в руках. Годар покупал иногда старые книги на рынке старых вещей, что на набережной Куры, и на днях ему попалась на глаза книга, где на обложке были нарисованы двое идущих рядом счастливых друзей-мальчишек, а над головами их в синем небе – парили два самолета. Один из двух друзей – тот, что постарше, держал в руке бумажный самолетик и, видимо, что-то рассказывал младшему. Тот посматривал сбоку на своего старшего друга с нескрываемым восхищением.
Книга так и называлась: «Самолет по имени Сережка».
Все-таки книги он еще любил, даже не смотря на то, что все остальное – вроде бы уже нет.

И теперь, этот персонаж – этот самый Сережка – не спрашивая разрешения, - приземлившись сначала на балконные перила и раз-другой пройдясь по ним серебристым голубем, а потом попрыгав как белый воробушек, - вдруг впорхнул к нему в форточку.

Годар не помня себя – вернулся в лоджию.

И – увидел перед собой мальчишку чуть повыше себя ростом – в чем-то похожего на себя, а в чем-то – совсем не похожего. Тот снимал золотой шлем, под которым рассыпалась копна золотистых и мягких как лен волос, спускавшихся неровной волнистой челкой на густые светлые брови и глубокие синие и в то же время ясные, улыбчивые глаза.

- Здравствуй, Годар, - сказал мальчишка, - это я, твой Самолет. Я прилетел за тобой. Нежели ты меня не помнишь?.. Да ладно, можешь не отвечать. Меня уже никто тут не помнит.
- Нет, я, кажется, помню, - сказал, опять начав задыхаться, Годар. – Я однажды был в Стране Вечного Полдня. И встретил там Зеленого Витязя Мартина Аризонского. Мы отправились с ним вдвоем на Безымянное озеро на битву с Драконом. Но он погиб, - и во многом из-за меня. Он погиб, я – ужасный человек, не сберегший своего друга – остался… Я превратился от этого в Дракона, хотя он все-таки сумел тогда убить моего предшественника. И я – белый Дракон – таял, таял от тоски, пока не растаял… А что было потом, я не помню… Это все вообще промелькнуло как один миг. Мне казалось, что это

был лишь сон… Господи, Мартин, неужели это ты?! Ты остался жив, Фаэтон?!
- Благодаря тебе, Годар. Это ты – то есть не только ты один, но и ты тоже – собрал меня из осколков. Ты сберег один из моих бесчисленных осколков в своем золотом сердце.
- Да где уж там оно у меня золотое! Злое и жестокое сердце! Я вспомнил теперь, как много раз я оскорблял своим присутствием Землю. Я был сначала справедливым правителем, потом, в другой жизни – смелым и бесстрашным воином. Но еще в одной жизни не удержался и направил свое оружие на истребление неверных – то есть тех, кто мне таковыми казались, когда я ослеп в своем фанатизме. Потом я участвовал в войнах Реформации. Не миновал и баррикад французской революции… А еще в одной жизни – был просто трусом. А еще был – монахом, желающим искупить свои прежние грехи. Как я понимаю теперь графа Альберта!.. Он видел свое далекое прошлое и понимал, что получал по заслугам – он все это тоже, как и я, заслужил – все эти свои непонятности. Одно я только не могу понять – как я мог повторить ошибку графа Альберта, хотя сам же и обнаружил ее. Как я мог принимать тебя – за Люцифра?!
- Я понимаю тебя… Ты родился в мире, где меня уже не знали. И – что хуже всего – имели обо мне самые превратные представления. Ты, как и многие – особенно много таких среди поэтов… Их еще иногда принимают за богоборцев, потому что некоторые из них, тоскуя обо мне, покончили с собой… В общем, вы – назовем вас условно графами Альбертами, а всего лучше, некоторыми из Дон Кихотов – ужаснулись этому моему превратно поданному лику – фактически, лику Люцифера – и отвернулись от него. Тем самым – вы приблизились ко мне…Те же, кто вас судит, все еще остаются «друзьями Иова»…Вы приблизились ко мне. Но полагали, что все больше – отходите. Вы стали искать не понятого людьми и, вероятно, мною – Люцифера. А нашли – меня… Это только один из возможных путей ко мне. Не самый лучший. Но я рад и такому.
- Но ведь я так много оскорблял тебя!.. И как только носит еще меня Земля… Представить страшно, сколько неправедных дел, слов и мыслей запечатлелось в моих генах за тысячелетия.
- Э.. Годар, так дело не пойдет. Совсем ты у меня раскис. Когда ж ты научишься отличать действительное от недействительного, не путать лицо и маску, белое и черное, злое и доброе. Ты же не девчонка-Прозерпина!
- Все так, Сережа. Дай мне, пожалуйста, дар различения.
- Конечно, можно не соглашаться с тем, что говорят гены. Вот, например, взять только один такой факт – мясо убитого животного от того, что животное испытывало предсмертный ужас, становится только вкусней. Эта жажда вкусного предсмертного ужаса откладывается в генах поедающих его существ в виде потенциальной страсти к мучительству. Например, к мучительству любимых, когда человек испытывает скрытую садистскую радость от страданий своих жертв. Такие мутации есть в генах практически у каждого. И каждый порядочный человек, приглядевшись к себе, может обнаружить немало таких атавизмов. Они есть и у животных. Но он – человек. И его право – не соглашаться с голосом мутаций. Но скажи, Годар, ты действительно думаешь, что ему это удастся – без моей помощи? Пока я не изглажу всего этого мусора из его генетической памяти?
- Ты хочешь сказать, что люди обречены быть плохими?
- А я на что? Они были бы обречены и все бы шли прямиком в ад, где их ждет Сталин… прости, я хотел сказать, Сатана с наручниками. Но они могут положиться не на государство как аппарат принуждения – или, скажем так – на закон кармы – а на меня. Не для того я пронес свой крест до конца, чтобы вы вечно жили по Моисееву закону, по этому вечному – «Око за око».
- Я как-то об этом не подумал. Я действительно не вижу оттенков.
- Зато ты можешь видеть полюса. А с оттенками – да, у тебя промах. С другой стороны, я тоже прост и не очень-то обращаю внимание на оттенки. Ведь можно довольствоваться – одним белым. В белом свете, как ты знаешь – заключен спектр семи основных цветов. А

все, что сверх того – от лукавого.
- Бог, а ты, случайно, не демагог?.. Прости, неудачно выразился… Сережа, ты, случайно, не демагог?
- Я многое стер тогда с жесткого диска, куда все там у вас записывается. И - могу еще и не то. Ты только скажи мне, только поверь. Ты только поверь в жизнь как Чудо - какая она на самом деле и есть, и делай все, как я!.. Но не надо выбираться – буквально моей колеей. Эта колея – только моя… Вспомни, Годар, как стояли мы когда-то вдвоем на вершине высокой горы. Как были счастливы и неразлучны, потому что ты чувствовал меня с любого расстояния... А потом ты вдруг поскользнулся и стал падать, забывая, вниз, с горы. На каждом этапе этого падения появлялись этажи Вавилонской башни. Гора превратилась для тебя в Башню, потому что ты пытался, срываясь, бежать опять вверх по немыслимо-закрученным лестницам, но у тебя, конечно, ничего не получалось и уже не могло получиться. Эта башня, пока ты падал, то почти разрушалась, то возрождалась снова – ее стены падали вместе с тобой. Из-за этого снежного кома тебе все труднее было делать то, что ты хочешь. Проще было делать то, что не хочешь. Постепенно ты стал находить в этом болезненное удовлетворение. Вкус твой изменился, заметно подурнел. Но ты не знал, что я стою теперь внизу и подставляю тебе руки, потому что внизу стоял еще кое-кто и тоже подставлял лапы. словам!). Я хотел бы сказать тебе только одно: « Я верю в тебя – в тебе нет никакого изначального зла. Но почему же ты не веришь сам себе?!». … Хотя и я , будучи Фаэтоном, был еще юн и не зрел. И я – фактически, рассыпался на осколки, потому что – слишком удивился и – слишком поторопился. Но твоя вера – спасла меня!
- Ты хочешь сказать… Нет, не говори мне этого, пожалуйста… Ты хочешь сказать, что тебя, Сережа, спасают люди?
- Каждое самое маленькое доброе движение, даже в мыслях – дает мне кислород, Годар. Там, за чертой мира, на обочине, куда вы меня вытеснили, совсем позабыв… Но сейчас я не об этом. Я хочу лишь сказать, что как был ты мне, Годар, другом, так им и остался. Ты теперь снова научился, как и всякий изначальный Дон Кихот, смотреть двуглавым орлом сразу в обе стороны и видеть оба Полюса. Не позволяй больше никому себя убедить, что Полюс только один, хотя на самом деле – он действительно один. На самом деле он один – только в духовной Вселенной. А ты пока – все еще стоишь одной ногой в призрачном мире. Там, где образовался Полюс Тьмы. В основе наших прежних споров про Свет и Тьму, про Белую и Черную Собак и про Дракона лежало чисто стилистическое разногласие. Я говорил, что когда появляется Черная Собака, выделившись из Белой – то это уже начало ее трансформации в Дракона. Рано или поздно – она закончит свой путь Драконом. Если не пробудится, и не вспомнит, что она все-таки Белая. Тогда черный призрачный силуэт – растает, как дым… Но – ни в коем случае не надо торопиться! О чем и говорил мне ты… Сила инерции слишком сильна. Открыв глаза, можно еще долго бежать во сне и ловить руками призрак. Когда я тогда стер своими энергиями прежние ошибки из жесткого Диска зависшего, как компьютер, человечества - оно все равно в своем большинстве еще не проснулось. Сила привычки оказалась сильней, несмотря даже на то, что прежняя природа опять восстановилась. И Диск – ваше внутреннее Солнце – перезагрузившись, как не раз уже это было в истории, опять стал засоряться по новой, опять – погрузился в тучи.
- Так что же теперь делать?
- Пока что – гляди в обе стороны. Но двигайся – только в сторону Света. И – ни в коем случае не смешивай их, не превращай в серый сумрак – в так привычное многим квазитождество Света и Тьмы. В таком сером сумраке привыкли жить обыватели, но ты так жить – не сможешь. Не надо также доводить до того, чтобы две головы одного орла заклевали друг друга насмерть – пусть лучше смотрят по сторонам, чем друг на друга. Но и не отрывай искусственно Света от Тьмы, после того, как водораздел найден и не блокируй Тьму в каком-то отдельном узком отсеке. О, тогда она, вырвавшись джином или

выползая исподволь змеей – задаст тебе жару. Этот призрак сам растает с наступлением Весны и окончательно забудется Летом. Вот только в том Лете не будет вечно торчащего над головой полуденного Солнца, потому что Свет – это тоже не отсек. Солнце будет там же, где и всегда - внутри. Вселенная тогда разомкнется и больше не станет преград полету самой светлой Мечты.
- А что – все-таки Страны Вечного Полдня не существует?
- Отчего же, существует. Но в ней так много перемен, что никому не войти в нее дважды. Не превращай солнце в соленый столб на макушке, не пытайся играть мгновениями, рассыпав Время. Это прямая дорога – в Снежное Королевство. Все рассыпанные мгновения, стоит их тронуть ладонью – превращаются в золотые монеты. Летнее время превращается, когда им желают запастись впрок, в валюту. Люди заплакали, если бы снова вспомнили, чем были раньше монеты на их ладони, пока не стали деньгами. Энергия и материя едины и, разрывая их связь, вы неизбежно выпадаете в осадок. Вы – становитесь этакими лежебоками, камнями на собственной дороге. Обанкротившись, вы начинаете платить за призрачный мир.
- Как все это… просто!
- Ну да. Это вы вечно все усложняете. Так что дерзай, Белый витязь! Ведь ты такой же Фаэтон, как и я.
- Я?!
- А то кто же.
- Нет-нет, оставайся Фаэтоном только ты. Я не хочу тебя потерять. Не улетай от меня больше, Сережа!
- А я теперь уже не Фаэтон, а Возничий. Твой верный Возничий-Слуга. А Фаэтон теперь - ты. Мы с тобой растем!.. Но тебе предстоит теперь еще наверстать то, что ты пропустил. Преодолеть инерцию привычек. И вот еще что… Ты только не пытайся, пожалуйста, как когда-то я, воображать, что ты можешь делать совершенно - сразу все. Помни – самолет в условиях Земли большую часть жизни на земле и проводит. И только часы и минуты – отводятся на полет. Наше несовершенство восполняется чьим-то совершенством. А наше совершенство – покрывает чье-то несовершенство…
- Сережа, меня восполняешь ты!.. И никого мне больше не нужно!

Он заметил, как Сережку от этих его слов всего передернуло - он незаметно поежился и вздохнул.
- Нет, конечно, другие тоже почти как ты, - осторожно добавил Годар.
Сережка улыбнулся своей нежной, ласковой улыбкой в золотистой дымке – правда, немного грустной и задумчивой и чуть-чуть пытливой:
- Ну конечно же. А теперь – отправляйся-ка ты, брат, в свой первый полет.
- Что ты со мной делаешь, Сережа!.. Да кто я такой!..
- О, ты тот, кто не испугался сожженной дороги. Хотя, возможно, окружающие, глядя на твои недомогания, видят в тебе труса. Я издревле посылал на Землю Хранителей – своих лучших воинов. Они работают здесь Мусорщиками, собирая голыми руками и вынося за обочину мира – туда, где безлюдные пространства - его хлам. На безлюдных пространствах, где земля отдыхает, потому что ее слишком долго топтали и эксплуатировали, слишком много поливали кровью и забрызгивали грязью, Мусорщики сжигают мусор, превращая его в пепел. Дым от этих костров нередко достигал до жилья и люди, как крысы с корабля, бежали из своих жилищ, бросая даже пашни и заводы. Но ты не отвернулся от сожженной дороги и пошел по углям навстречу мусорному ветру. Там мы и встретились… А теперь смотри – как может быть прекрасна Земля, когда ее ничего не тяжелит.

Самолет по имени Сережка растаял в воздухе, превратившись в маленькое солнышко. Оно мягко прыгнуло в подставленные лодочкой ладони Годара. Это был легкий,

прозрачный, светлый, но нисколько не жгучий огонь. Взглянув на вещи в комнате и за окном, Годар увидел, что все предметы – живые и не живые - как бы припорошены теплым и нежным снежком и окутаны светлой прозрачной дымкой. А если в них хорошо всмотреться, то можно увидеть, что – они живы все. Просто они находились в разной стадии сна, имели разные внутренние скорости, потому что и двигатели имели тоже разные. Все материальные вещи были как бы очень сильно сконцентрированы на одной задаче, иногда – смешной, а иногда – страшной. Но чаще – эфемерной. И источали – эфемерную силу. Они были маленькими судорожно сжавшимися в своем желании показаться большими – белыми, нежными солнышками. Веснушками на лике Земли.
А сама Земля – она тоже была солнышком. И в то же время – покоилась в нежных ладонях еще какого-то солнышка побольше, хоть может быть, и не знала про это. А то, верхнее, солнышко – оно ведь тоже было для кого-то его маленьким солнышком.
Спустившись во двор, Годар принялся с такой же легкой, дымчато-светлой улыбкой рассматривать вот-вот готовые распуститься почки на абрикосовых деревьях – ведь была весна. Поглядел, словно видел ее впервые, на дворовую кошку, которая была когда-то очень приунывшим человеком и так и несла серой мышью эту свою тяжелую беду из жизни в жизнь. Но нежный снежок – он все равно оставался где-то внутри, может быть, на самом дне и когда-нибудь – теперь Годар это твердо знал - пробьется наружу Чеширской улыбкой.
И Земля – она тоже выпустит улыбку. А летящая Улыбка – это уже Самолет!..

Пел за чьим-то окном в телевизоре Визбор:

По судну "Кострома" стучит вода,
В сетях антенн качается звезда,
А мы стоим и курим, мы должны
Услышать три минуты тишины.

Словно сам лис-Людвиг выбежал на лужайку и, подхватив на руки юную курицу Тутту Карлсон, закружил ее, сияя своей веснушчатой улыбкой на всю земную ширь. А потом, бережно поставив ее на траву, вынул милую нехитрую игрушку и выпустил из нее несколько радужных мыльных пузырей.

Земля, выпустив свою тяжесть в виде взвившегося в небо Бумажного Змея, медленно поднималась вверх роскошным воздушным Шаром.
Отсюда была видна даже Азия…

Годар услышал как поет в телевизоре, доносясь из другого окна, солистка группы «Маша и медведи»:

Рыбак и рыбка, рыбак и рыбка,
Судьбы улыбка
Перевернулась и не вернулась -
Какая пытка.
Бывает, если с желаньем вместе
Живу не здесь я,
А где-то в прошлом или мечтаю
О чем-то большем...

А в эту секунду всё так хорошо,
Так просто, понятно и ясно,
И именно это мгновенье одно

Прекрасно, прекрасно, прекрасно.

Старик и море, старик и море..
Так много соли
Там, где куда ты ушёл когда-то
По доброй воле.
А эта рыба такая глыба,
Сорвалась в бездну,
И с той минуты тебе как будто
Уже известно,

Что в эту секунду всё так хорошо,
Так просто, понятно и ясно,
И именно это мгновенье одно
Прекрасно, прекрасно, прекрасно.

Какие мысли - такие песни.
И снова вместе
Мы здесь играем лучами Рая
И нам неизвестно
О том, что будет, и то, что было.
Мы позабыли
И падать низко и зрить высоко -
Нас отпустили...

И именно это мгновенье одно
Прекрасно, прекрасно, прекрасно.

Теперь ему уже не обязательно было куда-то уезжать. Хотя по привычке все еще немного хотелось.
Свесившись с воздушного Шара, он стал кричать:

- Эге-ге-гей! Ариман, вставай!.. Выползай из своей норы!.. Отпусти народ Джан!.. Вставай, Старик! Брось свою удочку! Тебе не вытянуть эту соленую глыбу… Ариман, я тоже чуть было не пошел за тобой в эту Яму на дне Сарокамышской впадины…Э, нет, Ариман, Сережка вытянул мою душу по золотому лучу с порога, над которым я уже занес было ногу. А теперь – отпусти наш народ, пусть он идет дальше с Богом… Я тоже хотел унести все с собой, ни с чем не расставаясь, и поэтому – наперед отказывался от всего, что не встретится на пути. Я тоже не хотел проиграть.
- Вставай, Ариман!.. Я тоже - то слишком привязывался к нашему историческому прошлому, то слишком отвязывался от него. Я хотел взять в дальнюю дорогу и Киевскую Русь, и – Монгольскую Русь. И Царскую Россию. И – Советскую. И – современную тоже хотел взять, пройдя ее всю умом. Не отпуская ни Грузии, ни Украины, ни Азии. Я думал, что все это и есть моя Земля. Потому что все еще глядел во все концы только вширь. А теперь у меня внутри – просто мой маленький Советский Союз. Это только зернышко, из которого он, настоящий, еще не вырос, но за этим дело не постоит, если я сумею потрудиться уже на благодатной почве. И это все, что я ношу теперь с собой… Вставай, Ариман!... Ты зашел еще дальше – ты хотел взять с собой на всякий случай в Дорогу и допотопную Землю, и - Землю после потопа. И Ветхий Завет, и – Новый… Хотя, заметь, Библия – это одна Книга. В ней есть место всему. Но между двумя Заветами - очень узкий мостик. Специфика его в том, что он – вертикальный. Это на самом деле канат с Самолета. И на нем может поместиться только что-то одно – что-то маленькое. Пройти по

этому Калинновому Мосту и не пасть вместе с тобой, Соловей-Разбойник, может только один путник, причем, без мешка на горбу. Тоже - глядя во все концы. Но не вширь уже глядя, и даже не вверх и не вниз, а – ввысь, ввысь и вглубь!..
-Мой дорогой черный учитель, ты, видимо, перестарался. И – воспитал настоящего ученика. Разве ты не знал, что настоящий ученик превосходит учителя? Вот я и превзошел тебя – я пришел за тобой, чтобы теперь ты - пошел за мной до каната… Поднимайся, Шут. Хватит уже притворяться нищим. Брось свой мешок с казной, из-за которого ты предал когда-то своего Божественного ребенка. Отпусти свою мнимую нищету и – снова обогатись Любовью и Свободой, вернись в божественную Юность.
-Вперед, Ариман, отпусти народ Джан и поднимись над Усть-Уртом!..
- Ариман, я знаю, что ты отказался даже от тела, чтобы перейти через мост между двумя Заветами – истлевшим скелетом. Ты думал, что это и есть самое маленькое. Ссохшийся над черным златом черного духа - ты основательно заржавел. Тело – это просто окаменевшая часть души. А у души нет вечной жизни, пока она часть. Так соберись же, заблудшая Душа, и восстань из праха. Каждое новое твое зло, в том числе зло по отношению к Себе – превращается в прах. А прах – собирается в камни. Эти камни потом медленно возвращаются – очень медленно, как во сне. Словно ждут, когда ты, наконец, увидишь, откуда ты ниспал и, ужаснувшись, покаешься. Это и будет признаком прихода первой в твоей нынешней жизни Благодати – Благодати к покаянию, которая обнажит тебе глубину твоего падения, но по своей милости, обнажит лишь до некоторой степени.
- Так покайся же, Ариман, увидь, откуда ты ниспал и – протяни руку брату!.. Он поможет разгрести и сжечь мусор в твоей голове. Мне, как твоему ревизору, придется сказать тебе очень грустную вещь: видимо, твоя ахилессова пята– это неверие в Мечту. Наверное, поэтому тебе, бескрылому, ничего не остается, как поедать своими огненными языками плоть павших в твои сети птиц.
-Так отпусти же, Ариман, народ Джан и протяни руку брату, а иначе не видать тебе каспийского Крыма!
-Прости, я не Сережа… Он сказал бы это тебе – сердечней. Я только учусь на волшебника. Но прошу тебя – давай уйдем вперед. Давай уйдем - на Радугу…

Это необычайное приключение случилось с Годаром в тот самый день, когда он, прочитав одну за другой сначала книгу ранних приключенческих повестей Гайдара, а потом – повесть Крапивина, – по-прежнему не желая ни жить, ни умирать – пригрозил, по примеру Маяковскому – тот был тот еще «богоборец»! - не отрывая прямого взгляда от солнца – ему, этому солнцу, своим вечным презрением!.. И – сам того не желая, напросился на гостя с небес.
Внутри, словно он был камином, полыхало тогда такое мучительное пламя, что Годар, пытаясь найти то, что он сделал не так, невольно снова прокрутил в памяти то, что случилось с ним – долю секунды назад, если, конечно, рассматривать прошлое с вселенских масштабов.
Так что там случилось за мгновение?
Как это обычно бывает у движущихся вперед по типу броуновского движения электронов – распад прежних связей и образование новых конфигураций.
Их компания по случайному стечению обстоятельств распалась сразу же после его отъезда. Нет, никто не с кем не поссорился. Просто каждый пошел в свою сторону, завязывая новые знакомства, как и перемещается обычно по жизни человек, теряя и приобретая, если он, конечно, не хватается чрезмерно за старое. Женился и отдалился от Риты Николай, занялся волонтерской деятельностью Павел, у которого теперь оставалось меньше времени на субботние поездки. Он, тоже не избежал в какой-то период странного и необъяснимого, на первый взгляд, обострения чувствительности и тоже переболел впоследствии чем-то, что напоминало нервный срыв, когда приблизился как добросовестный, пытливый искатель к какой-то незримой границе.

Оставшийся живым Котеночкин, который по-прежнему писал философские эссе и путешествовал – убежал от хранителей, а хранители – нашли потом себе женихов. Вернулся в Абакан и окончил факультет журналистики в тамошнем университете Мальчик. Правда, журналистом он пока так и не стал, да и песен – писал все меньше. Но по-прежнему упрямо наведывался в Москву, чтоб подсобрать на свою голову шишек.
Все эти люди теперь виделись лишь изредка или совсем не виделись.
И только Годар и Рита – по-прежнему были близки, хоть Рита и вышла замуж. Они часто переписывались. Рита, оставаясь все такой же пытливой, уже, однако, меньше испытывала мир на прочность. Она не желала повторить его ошибок, впрочем, не судя его строго, тем более, что явных, зримых его ошибок во время его пребывания в Москве, они, как ни бились, излазив с лупой и неким инструментом наподобие отбойного молоточка, казалось, все слои его подсознания, так и не нашли.

Пожалуй, незримое участие Риты и помогло ему дотянуть до этого весеннего дня.

Он повторил про себя, нежно взглянув на небо, где плыл в золотых лучах-ладонях, оставляя в синеве белый барашковый след, пассажирский лайнер:

Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить -
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой
и солнца!

Годар опять взял, когда вернулся домой, в руки книгу Гайдара и только сейчас обратил внимания на то, что героиня по имени Рита фигурирует у того сразу в двух повестях. Одна Рита была – из «Всадников неприступных гор». Она была вздорной и избалованной пермской ресторанной певицей, обратившейся потом, с легкой руки своего друга Николая, также и к журналистике. Эта Рита предала и бросила Гайдара, поддавшись чарам предавшего того еще раньше Николая – чисто по вздорности своей натуры.
Другую же Риту – ее образ был придуман Гайдаром – а эта повесть была написано непосредственно перед «Всадниками» - Годар дал в ангелы-хранители командиру первого пермского революционного отряда партизан рабочему Александру Лбову. Тот взял в руки оружие затем, чтобы люди - не ставили жизнь ни во что. Но ближе к концу обнаружилось, неприятно поразив и его, что в результате его деятельности – жизнь стала цениться еще меньше.

А какую же Риту оставит в своей памяти Годар? Ту, первую, еще не пробудившуюся, - «плохую»?
Или вторую – которая, встретив Лбова, вдруг стала открывать в себе – Себя?
Вторую, конечно же, вторую!..
И действительно – почему бы, видя в людях сразу обе их потенциальные стороны, не подталкивать их, пусть и очень тихонечко, в сторону Света?

Годар снова перечитал – теперь уже с легкой улыбкой:

«В этот же вечер Рита встретилась с Лбовым. Это было недалеко от архиерейской дачи. Лбов был сильно занят, но, несмотря на это, он проговорил с ней с полчаса. Он сидел на огромном спиленном дереве, а Рита стояла. Рита просила его принять ее к нему в шайку, но Лбов опять резко отказал:

— Нам вовсе не по дороге. Мы на все это идем из-за того, что нам надоело быть каторжниками, надоело вечно работать на кого-то и не видеть никакого просвета, а вам… Вам-то чего нужно?
— Мне тоже надоело… — начала было Рита, но оборвалась, потому что подумала: как сказать, как заставить понять его, что ей надоело прямо противоположное тому, о чем говорил он. Как объяснить этому человеку, не бывавшему никогда в обстановке спокойной, изящной жизни, что и эта жизнь может осточертеть…»

«— Это… это секрет большой, Рита, и я, конечно, не вправе… Но, я надеюсь на вас. Видите ли, у него в отряде есть одна женщина.
— Женщина? — удивленно переспросила Рита, и ей вдруг вспомнилась лунная поляна в лесу и закутанная в платок тень, пробегающая, осторожно озираясь, мимо деревьев.
— Да, представьте себе, женщина… еврейка. Это очень интересная история: ее муж революционер, его ждет приговор к смертной казни, и ей было обещано, что если она сумеет выдать Лбова, то мужа ее помилуют. Она, знаете… сейчас у Лбова, и вот сегодня один человек принес от нее записку, где она указывает прямо.
Теперь это дело верное.
Рита отодвинулась от Астраханкина, сняла руку с колена, потом — как бы поправить прическу — высвободила другую — она знала все, что ей было нужно, и теперь это было ни к чему. Астраханкин торопился, ему надо было сделать кое-какие приготовления. Едва он ушел, Рита забежала к себе в комнату, сунула в карман маленький браунинг, вышла на двор и, оседлавши лошадь, вскочила в седло и умчалась куда-то, по обыкновению ничего не сказав дома. Надо было предупредить, во что бы то ни стало предупредить Лбова, если еще не поздно».

«— Ты знаешь, мы только что получили сообщение из Вятки, что он наконец арестован… но что, что с тобой?
— Ничего, — резко и вздрагивая ответила Рита. — Ничего. — А серебряная ложечка в ее руке, точно ожившая, начала перегибаться и плясать, крепко стиснутая ее тонкими, сильными пальцами.
— Рита! — испуганно крикнул ее отец. — Рита, что с тобой?
Рита ничего не сказала, встала, шатаясь, пошла к двери своей комнаты, зацепила столик с огромной китайской вазой, и ваза с грохотом полетела на пол, и мелкие осколки разлетелись по паркетному полу. Рита захлопнула за собой дверь, заперла ее наключ и, бросившись на диван, истерически разрыдалась.
Это были не просто слезы, слез было совсем мало, — была петля, крепко окутавшая ее, сдавившая горло, жадно тянущееся к воздуху, был туман, плескавшийся в глаза, был судорожный зажим пальцев, пытающихся разорвать кольцо, крепко стягивающееся вокруг нее, но кольцо было неуловимо, оно не рвалось, и только ворох платья, только кружевные девичьи подушки измочаливались и нарастали на кровати белой лоскутной пеной.
В дверь стучались, отец требовал, чтобы она открыла, говорил, что пришел доктор, убеждал, просил, но Рита послала всех к черту.
Тогда кто-то стал выламывать дверь.
Рита, не вставая с кровати, протянула руку к ящику письменного стола и, выхватив оттуда браунинг, бабахнула им по верху двери и крикнула, что если ее не оставят в покое одну, то она выстрелит и по низу. За дверью смущенно зашептались, потом кто-то, вероятно доктор, сказал: что, пожалуй, правда, самое лучшее будет дать ей остаться на некоторое время одной и успокоиться, и от дверей ушли».

«Дежурный надзиратель смотрел в окошко и видел, как офицер передал Лбову письмо, которое тот прочитал, разорвал, улыбнулся и сказал:

— Передайте ей от меня спасибо и скажите, что я теперь верю ей».

- Сережа!.. – отчаянно вскрикнул в своих мыслях Годар, когда вышел через несколько дней, пошатываясь, из интернет-кафе. Ему снова не хватало воздуха. – Неужели Гайдар действительно был преступником?!. Неужели он так неправедно проливал кровь?!

Сережа – тоже беззвучно - ответил ему изнутри, не произнося, впрочем, на сей раз и вовсе никаких слов. Просто Годар ощущал его мысли как свои:

- Ну, праведно пролитой крови не бывает. Но на войне – тоже есть своя относительная правда. Подумай, разве могло бы такое гнилое дерево, каким изображают Гайдара некоторые, так сказать, литераторы – принести такой добрый плод? Принести своему народу не только книги о настоящих людях, но и настоящее тимуровское движение! Ты только представь – доброе семя Гайдара, дав всходы, умножилось в миллионы раз!..
- Хорошо еще, что я нашел про хакасский период жизни Гайдара видеолекцию Крапивина. Командор меня немного успокоил. Он говорил про Гайдара – только доброе. Он даже сказал, что когда тот погиб, ему было года три, и, может быть, поэтому он чувствует Гайдара как бы своим отцом. Владислав Петрович вскользь рассказал, как однажды, не на шутку рассердившись, разыскал одного журналюгу-гайдарокопателя и порядком потряс его за грудки.
- Ну и правильно. Не зря же Славе - всегда двенадцать!
- А ты знаешь, мне кажется, он опередил Гайдара в умении зреть в корень – так, как ты говорил: чтоб высоко-высоко и глубоко-глубоко. Это ему первому пришло в голову рассказывать своим ребятам из «Каравеллы», что пионерские галстуки – это никакие не рабоче-крестьянские галстуки, а - маленькие Алые Паруса. Гайдар бы до такого не додумался, хотя всегда это чувствовал. У него было с тобой – чисто лингвистическое разногласие.
- Да хоть горшком назовите, только в печь не сажайте… А знаешь что – вот и напиши книгу про Гайдара. Про его – такие несущественные, но немало помешавшие ему, и не ему одному - разногласия со мной. Ведь ты же все-таки писатель.
- Да что ты, я просто лите… Извини. Я сделаю так, как ты хочешь. Потому что я сам этого хочу! Только ты подсказывай мне иногда – тебе ведь сверху виднее – что и как там было.
- Да ты и сам теперь видящий. Ведь зорко – только Сердце… Понимаешь, мой друг – Сердце это и есть Фаэтон. Только Сердце, а не какой-то там верх. Но я, конечно, помогу чем смогу. Но только я не смогу прилетать к тебе часто – ведь ты у меня не один. Но если что – я всегда к твоим услугам. Только не беспокой меня по пустякам, ладно?.. Ну, бывай!.. Подметай, когда будешь писать, иногда пол, чисть плиту. Маму не обижай… Купи себе молоток-гвоздодер с рукоятью защитно-зеленого цвета – это будет теперь твое оружие на случай каких-нибудь ЧП во вверенном тебе жилище – и постукивай им потихоньку. Еще успеем свидится!.. А вот тебе – первая подсказка. Просто затем, чтобы ты понял, как все переплетено и взаимосвязано, даже, казалось бы, случайное. Эту сказку написал некогда популярный, а ныне почти забытый «русский Андерсен» - ученый-зоолог и писатель Николай Петрович Вагнер. В 1872 году он выпустил под псевдонимом Кот-Мурлыка книгу сказок, выдержавших до октябрьской революции девять переизданий. В последний раз она была издана при жизни Гайдара в 1923 году. Так вот, в книгу, которую Вагнер при переизданиях пополнял новыми произведениям, входила и написанная в 1907 году сказка «Великое» У нее был любопытный подзаголовок: «Сказка о принце Гайдаре». Но не думай, что теперь тайна псевдонима Голикова раскрыта, несмотря на то, что Вагнер родился в Пермской губернии, а по окончании Казанского университета даже одно время преподавал историю и сельское хозяйство в Нижегородском Александровском дворянском институте. Совпадения бывают и случайные… А лучше сказать – как бы

случайные. Поэтому не так уж и важно, читал ли Голиков сказки Вагнера и отпечатались ли они в его горячем сердце. Важно, что в каждом нашем буднем дне – а именно будни люди умудрились превратить в завесы, выкрасив их серой краской – присутствуют великие Чудеса.

ВЕЛИКОЕ (Сказка о принце Гайдаре)

Жил-был маленький мальчик, принц Гайдар, сын великого царя Аргелана, и этот маленький принц непременно хотел быть большим.
Он жил в большом дворце, в высоких комнатах, но ему казались они низкими. "Почему, - думал он, - комнаты строят только до потолка? Их нужно было бы строить выше потолка. Прямо до неба".
Когда за обедом или ужином подавали большую рыбу, то он думал: "Почему же она большая?! Если бы она не уместилась в эту залу, то она действительно была бы большая... Вот кит! Его скорей можно назвать большой рыбой, хотя кит вовсе не рыба... Он плавает в большом море-океане!"
Когда его возили по морю и говорили ему: "Видишь, какое оно большое, его берегов не видно", - то он думал: "Да. Оно кажется вам большим потому, что его берегов не видно. А если бы они были видны, то и море было бы для вас небольшое".
Когда он бывал на высоких горах, то смотрел на небо и все думал: "Ах! можно бы было их сделать еще выше... выше... выше - до самого неба".
Наконец, хотя не скоро, его желание исполнилось: он сделался большим; он вырос выше всех людей, которых он знал, но и этого ему было мало.
- Что же, - говорили ему, - ты хочешь быть великаном и показывать себя за деньги?
- Да, - говорил он, - я хотел бы быть великаном, но не таким, как вы думаете. Я вижу звезды, и мне хочется дорасти до них, чтобы они были перед моими глазами... и не только эти звезды, но и все другие солнца, чтобы они светили мне в глаза и от этого света я сделался бы таким большим, что меня нельзя было бы смерить никакой мерой. Понимаете ли вы? Я боюсь всяких мер, весов и стадий, и вот почему я желал бы вырасти настолько, чтобы они не могли меня нигде достать и... смерить.
Когда исполнилось ему совершеннолетие, то отец его, царь Аргелан, сказал ему:
- Ну, Гайдар, теперь ты большой, и надо тебе выбрать невесту. Возьми свиту и ступай в царство Коромандельское, к царю Баджрахану. У него дочь, царевна Гудана, - красавица.
И пошел Гайдар со свитой в царство Коромандельское.
Увидал Гайдар Гудану и изумился. Такой красавицы он еще никогда не видывал.
И стал Гайдар разбирать и судить: где и в чем у Гуданы красота сидит? Думал, думал, ничего не решил. Пришел он к Гудане, встал перед ней на колени и говорит ей:
- Царевна прекрасная!.. Я без ума от твоего дивного образа, и думаю я: чем этот образ мне нравится? Глаза твои небольшие, но если бы они были больше, если бы они были громадные, то они были бы уродливы и безобразны. И лоб, и нос, и рот твой - все небольшое, но все мне нравится; и больше всего мне нравится взгляд твой открытый, глубокий и ласковый. Царевна Гудана! Красавица из всех красавиц! Если бы ты согласилась выйти за меня замуж, то я был бы без меры счастлив.
- Царевич Гайдар! - отвечает ему Гудана, - без меры может быть только великое. И тебе лишь кажется, что ты можешь быть счастлив без меры. Если же ты действительно хочешь быть счастливым, то узнай, что такое есть "великое", и тогда приходи ко мне и будешь женихом моим. Иди, ходи по свету белому! Ищи великого, ибо к нему постоянно стремилось и стремится сердце твое.
И пошел царевич Гайдар, пошел один, без свиты своей, пошел искать по всему свету "великого".
"Великое, - думал он, - скрыто в истине. Кто познал ее, тот познал великое, и сердце его не мучится, не трепещет, не боится ничего, а радуется".

И пошел он к мудрецам земным. Их же много по белу свету рассеяно, и все они ищут истину. Исходил он много всяких мер земных, исходил много всяких земель. И видел, и говорил со всякими мудрецами, но не могли мудрецы указать ему великое. Говорили они о мириадах миров небесных, о беспредельности всего мироздания, всей вселенной, но в этой беспредельности он видел только предел земной мудрости и не нашел он в ней "великого"...

Один раз идет он по дороге, которая ведет в небольшую деревушку, и видит: стоит на этой дороге седой дервиш, старый-престарый; и смотрит он на толпу детей, которые весело играют на лужайке. Подошел Гайдар к дервишу и стал смотреть на ту же толпу и при этом подумал: "На что же он смотрит? На малых ребят?!" И спросил Гайдар дервиша: на что он смотрит так пристально?

- На великое, - отвечал дервиш. - Великое скрыто в малом. В малом лежит великое сердце, которое может любить и любовью все победить.

Усмехнулся Гайдар и отошел от дервиша.

"Это сумасшедший, - подумал он. - Я слышал от земных мудрецов, что дети любят только себя самих, а как они любят, это нельзя смерить никакой меркой".

И пошел он дальше, в ту самую деревушку, куда вела дорога.

В деревушке, на краю ее, была небольшая хижинка, и около этой хижинки сидела женщина, а около нее была целая дюжина ребят. Старшей девочке было лет 12 - 13. Младшего, годовалого младенца держала женщина на руках.

Мальчик был болен, умирал и, бледный, задыхающийся, лежал на ее руках. Женщина тихо плакала...

Гайдар подошел к ней и спросил:

- Что, он болен?

- Болен, - сказала женщина, - умирает. - И она вытерла глаза свои платком, которым была обвязана голова ее.

- Это сын твой? - спросил Гайдар.

- Сын.

- А это, кругом тебя, твои дети?

- Мои.

И все дети молча, серьезно, потупившись, толпились около нее.

- Чего же ты плачешь? - спросил Гайдар. - Смотри сколько у тебя детей... И тебе жаль одного...

- Если бы их и было не столько, а в десять раз столько, - сказала строго женщина, - если бы их было так много, как песку морского... все равно мне было бы жаль потерять хоть одного из них, ибо я любила бы всех их.

И при этих словах дети прижались к матери, а она еще сильнее заплакала.

И отошел от нее Гайдар, а отходя подумал: "Нельзя смерить эту любовь никакими мерами. Не в ней ли лежит "великое"?

И задумался Гайдар и не заметил, как подошел к большой высокой горе, а у подошвы ее росли большие деревья, и под одним деревом лежал человек, а другой сидел, наклонясь над ним.

Гайдар устал и невольно, не замечая, опустился на землю и сел подле человека.

- Что, он болен? - спросил Гайдар человека.

Но человек ничего не ответил ему. Он растирал грудь у того человека, который лежал и тихо, жалобно стонал.

- Это брат твой? - снова спросил Гайдар.

Человек обернулся к нему. Строго, пристально посмотрел на него и тихо вразумительно проговорил:

- Все мы братья... У всех у нас один отец... - И он снова начал растирать грудь больному человеку. Больной стонал тише и тише. Он засыпал. Растиравший тихо отнял руку от

его груди, медленно повернулся к Гайдару и, приставив палец к губам, тихо, чуть слышно прошептал:
- Он уснул! И да будет мир над тобой, брат мой!
Он сидел несколько минут молча, опустив голову. Гайдар смотрел на его худое, потемневшее лицо, с большими задумчивыми глазами, на его изношенную, изорванную одежду, на его бедную, заплатанную чалму и думал: "Он, наверное, беден и несчастен". И он тихо вынул из пояса кошелек и так же тихо положил его на руки своего собеседника. Но он отстранил его руку и сказал:
- Я не нуждаюсь!.. Отдай твое золото тому, кто не вкусил от даров нищеты и бедности... и кто думает купить на него продажные земные блага...
- Ты, верно, из одной деревни с этим больным? - спросил Гайдар.
- Нет, он из Иудеи, а я - самарянин. Меня зовут Рабель бен-Ад, а его - Самуилом из Хазрана.
Потом, помолчав немного, он пристально посмотрел на Гайдара своими черными глубокими глазами, и Гайдару показалось, что в этих глазах блестит тот же огонь, который он видел в глазах детей, игравших на лугу. И тот же самый блеск он видел в глазах женщины-матери, державшей на руках умирающего ребенка - ее сына. Рабель нагнулся к Гайдару и начал говорить ему тихо, поминутно оглядываясь на спящего Самуила.
- Лет пятнадцать тому назад, когда была, как и теперь, вражда между самарянами и иудеями, он пришел как вождь, с целым легионом наемных людей; он сжег нашу деревню, а отца и мать мою увел в плен.
- Что же ты ему сделал за это?! - вскричал в ужасе и негодовании Гайдар.
- Постой, - сказал тихо Рабель, - выслушай и потом суди, если имеешь право судить. Мне тогда было 17 лет... Я был молод. Кровь кипела во мне... Мне хотелось отмстить... Но у меня была сестра Агария, которую я любил больше отца и матери и больше всего на свете. Она была добра и красива. Ей было 12 лет. Когда Самуил напал на нашу деревню, я убежал с ней в горы Гаразимские и там скрывался в пещерах. Когда же через три дня я вернулся в нашу деревню, то не нашел ее. От нее остались одни развалины. Все было разорено и сожжено иудеями. Я взял сестру и снова увел ее в горы. Мы были прежде богаты, и у нас ничего не осталось. Мы питались подаянием от добрых людей. Ходили из селения в селение и собирали милостыню. Отца и мать мою увели и продали моавитам, и они умерли в плену. Так прошло года два или три. Один раз ночью на пещеру, в которой мы скрывались вместе с двумя другими семьями самарян, напали разбойники. Они вырезали почти всех, за исключением меня и Агарии, которую увели в плен и продали, как я потом узнал, Самуилу в невольницы. Тогда я дал клятву Богу всемогущему отмстить, отмстить за отца и за мать, за бедную сестру мою. Я стал издали скрытно следить за Самуилом. Много раз я видел, как он выходил из своего дома, но он выходил всегда окруженный свитой и своими друзьями, приятелями, и мысль, что мне могут помешать, что меня схватят и казнят, эта мысль останавливала меня.
Прошло немного времени. Один раз ночью, когда вся кровь волновалась во мне жаждой мщения и я не знал, где найти место вражде моей, я вышел за город. Ночь была душная, но ясная. Полная луна ярко освещала все предметы. Я, не помня и не замечая как, спустился в один из оврагов. На дне его лежал труп женщины, и при свете луны я узнал, что это был труп моей дорогой сестры, моей Агарии. Большая рана была в груди ее, прямо против сердца. Рана смертельная... Я лишился чувств и когда пришел в себя, то снова повторил страшную клятву об отмщении врагу моему. Я прочитал ее над трупом моей дорогой Агарии. Я омочил руку в крови ее и поднял ее к небу в знак того, что кровью моей дорогой сестры я клянусь исполнить клятву мою.
Рабель замолчал и на одну минуту закрыл лицо руками, как бы подавленный невыносимо жестокими воспоминаниями. Потом резко отнял руки и снова быстро заговорил:

- Ее убил Самуил. Это была последняя капля горечи, влитая в мою истерзанную душу. Я тогда жил одной мыслью отмстить... Мне казалось, что убить его будет мало, мало за все выстраданное моим бедным сердцем. С восходом солнца я просыпался с этой мыслью, она не расставалась со мной целый день. Я придумывал тысячи планов, как бы отплатить ему самым жестоким образом. У него не было ни отца, ни матери. Он был круглый сирота. Он был страшно богат и не любил никого... Я тогда не знал, что истинное сокровище скрыто в любви и что, не имея ее, он был беднее всякого нищего и беднее, о! гораздо беднее меня... Так прошло еще несколько лет. Один раз я потерял его из виду. Он уехал, но куда, я не знал и тогда... (при этом Рабель схватил руку Гайдара и крепко сжал ее) и тогда я узнал такие мучения, каких я не испытал во всю мою жизнь. Я желал смерти, я искал смерти. Несколько раз я порывался убить себя... Но меня останавливала страшная, данная мною клятва. Я думал, что для клятвопреступников нет прощения... Что же, думал я, ожидает меня за гробом? Гнев Господа и новые, более сильные мучения. А между тем мне постоянно мерещились тени отца моего, и матери моей, и моей милой и дорогой Агарии. Я видел их бледными, грустными и кивающими мне головами. Я видел их страшные кровавые раны, видел и днем и ночью, и мучился, и страдал невыносимо...

Тут голос его снова прервался... Он говорил с трудом, задыхался и, наконец, совсем остановился, помолчал несколько минут и затем снова начал тихим шепотом:

- Нет тяжелее страдания для человека, как стремиться отомстить и изнывать в бессилии... - Он помолчал и снова продолжал рассказ: - Все это прошло, давно прошло... все забылось... и за это я буду вечно благодарить Бога, если Он даст мне жизнь вечную. И еще больше, еще сильнее буду благодарить Его за то, что Он всю мою злобу, всю жажду мщения истребил и превратил в доброе великое чувство. Прошло много лет. И он, Самуил, снова возвратился... Я купил хороший нож. Я сам отточил его и не расставался с ним ни днем, ни ночью. Я почти не спал, и есть мне не хотелось. Днем и ночью я бродил около его дома. Но он был заперт, и Самуил никуда не выходил. На четвертый или на пятый день, не помню, я вышел на улицу поздно вечером, смотрю, впереди меня идет он. Я сразу узнал его по его широкому плащу, его абу - белому с красными полосами. Такие плащи продаются только в Дамаске. Он тихо шел и хромал, опираясь на высокий посох. Я ускорил шаг и опередил его. Луна светила прямо на его лицо, и я узнал его. Кровь бросилась мне в голову. Еще одно мгновенье, и я кинулся бы на него, но я переждал это мгновенье. Одно соображение быстро мелькнуло в моей голове. Он идет за город, в пустынное место. Он будет, может быть, около того оврага, в который он уложил труп моей бедной Агарии. Я пропустил его и тихо пошел за ним. Кровь моя клокотала. Адская злоба и радость кипели в моем сердце. Он шел тихо, почти поминутно останавливаясь и издавая тихие, жалобные стоны. Он, очевидно, был болен, страдал. Наконец мы вышли за город. Он прямо подошел к тому оврагу, в котором я нашел труп Агарии. Он опустился на краю его и со стоном припал лицом к земле. Он был теперь в моей власти. Я вынул мой нож. Я мог убить его безнаказанно и столкнуть в овраг. Где-то в глубине моей души раздалось: ты убьешь беззащитного. Но разве отец, мать моя и моя бедная, дорогая Агария не были также беззащитными? Я, как безумец, в ярости взмахнул ножом над его спиной... Но в то же самое мгновенье кто-то остановил мою руку. Я обернулся. Позади меня никого не было, а в ушах моих громко и ясно раздались слова: "Мне отмщение и Аз воздам".

В глазах у меня потемнело. Точно какой-то белый туман заволок их. И когда этот туман рассеялся, то я увидел, что стою далеко от оврага и весь дрожу. И вдруг я вижу, что Самуил, тихо стеная, поднялся и, шатаясь, подошел или скорее подбежал ко мне. Он раскрыл передо мной грудь свою, и на этой груди была громадная кровавая язва.

- Кто бы ты ни был, - вскричал он, - сжалься надо мной - убей меня! - И он повалился мне в ноги. - Убей меня, потому что жизнь моя - одно непрестанное мученье. Я сам бы убил себя, но мне страшны мученья за гробом, вечные мученья самоубийцы. Я совершил

ужасный грех. Я сжег и разорил целое селение самаритян, Я продал в плен отца и мать одного из них по имени Рабель бен-Ад; я увел у него его сестру Агарию, обесчестил и ее. Я совершил много злодеяний. Если бы я знал, где живет Рабель, я пришел бы к нему, и он, наверно, убил бы меня.
В эту минуту мне ужасно хотелось сказать ему: Рабель перед тобою, но я удержался. "Нет! - сказал я сам себе, - я откроюсь ему тогда, когда жизнь ему будет дорога, а не будет мучением". И с этой минуты мы стали неразлучны. Теперь прошло уже три года. Три года я, Рабель, постоянный свидетель невыносимых страданий, соединенных с ужасными мучениями совести. Один раз Самуил не спал целых три ночи сряду. Постоянная мучительная боль во всех костях не давала ему покоя ни минуты, и я тогда подумал: "Можно ли страдать еще больше, и недостаточно ли я отмщен? Отец, мать и сестра моя перестали страдать, а он, этот несчастный злодей, мучится и днем и ночью, мучится не переставая". И вспомнил я, что сказал Тот, кто остановил мою отмщающую руку: "Мне отмщение и Аз воздам".

И понял я, что никакие нож, и меч, и огонь не накажут и не отмстят так, как отмстил за меня Тот, кто управляет звездами и движет морями. В эти три года ненависть моя мало-помалу исчезла. Сначала, когда я слушал стоны Самуила, каждый стон и каждое его слово волновали мое сердце и оно просило его крови. Но когда он лежал беспомощно на моей груди, измученный и разбитый болью, когда он засыпал на этой груди, обессиленный страданьем, то чувство ненависти во мне смягчалось, стихало - и я чувствовал только одно сострадание. Я жаждал так же, как и он, прекращения этих страданий... Но иногда мне приходила в голову злобная мысль: открыться ему, сказать ему: "Я Рабель бен-Ад; я тот, у которого ты убил отца, мать и сестру. Ты уничтожил мой дом, разорил его, ты лишил меня всего, всего, что дорого человеку, и вот видишь, я ухаживаю за тобой, как за моим добрым другом. Я отмстил. Я заплатил тебе добром за зло..." Но такое признание могло увеличить его страдания, к мучениям совести прибавилось бы еще одно ужаснейшее мученье, а между тем и тех, от которых он страдал, было довольно, слишком довольно. Зачем же я буду еще его мучить?.. Вот уже более двух лет он не может жить без меня. Ему становится легче, когда я кладу руку на грудь его и растираю ее. Я давно уж бросил в реку тот нож, которым я хотел убить его. Я давно уже не могу покинуть его... и... мне страшно и стыдно признаться даже самому себе... - и он закрыл лицо руками и прошептал тихо, так тихо, что Гайдар едва расслышал его слова: - Я... я... люблю его...
И из-под пальцев, прижатых к глазам, покатились слезы.
Гайдар смотрел на его тяжело подымавшуюся грудь, и ему ясно казалось, что в этой груди бьется "великое", человечное сердце.
Он тихо, задумчиво встал с земли и пошел прямо, прямо к той высокой горе, которая поднималась перед ним. Подъем был крутой, но ему казалось, что там, на этой высокой горе, он найдет "великое".
"Люди, - думал он, - всходили на эту гору, чтобы молиться, и, может быть, в этой молитве они находили великое!"
И он шел, поднимался, не замечая усталости. Его сердце как будто само поднималось, и ему становилось легко, свободно.
Он вспомнил Гудану, но это воспоминание как-то промелькнуло бесследно в его сердце, как далекая зарница среди жаркого лета. Он вспомнил детей, которых он видал там, на лугу, и это воспоминание осветило его, и сердце его забилось и как бы расширилось. Он вспомнил о матери, плачущей над ребенком, и его сердце наполнилось состраданием ко всем ее детям, и ко всем детям земли, и ко всем земным страданиям. Наконец, он вспомнил о Рабеле и Самуиле, и его сердце затрепетало свободно и радостно. Оно расширилось. Оно захватило все земное, все сотворенное "Великим" и Его - "Великого".

Но сердце человека не может обхватить и заключить в себе этого "Великого". Сердце Гайдара разорвалось.
Он упал.
Он был на вершине горы. Горный воздух был кругом него. Был простор, была свобода, и ясное, заходящее солнце освещало своими прощальными лучами лицо его, на котором была тихая, бесстрастная улыбка.

Уже потом, в пору сбора материалов для будущей книги о Гайдаре, когда у него уже был своей компьютер с интернетом, на который неожиданно появились деньги, Годару довелось принять участие в одном обсуждении на каком-то форуме в соцсети.
В Киеве горел тогда майдан и на форуме обсуждалось, потеряем ли мы – братскую Украину.
Годар рассказал, что на Украине погиб в отечественную войну русский советский писатель Аркадий Гайдар. Сначала его останки были захоронены под Леплявдой в Черкасской области, а потом, в 1947 году – перенесены в Канев и перезахоронены на высоком берегу Днепра неподалеку от могилы Тараса Шевченко. Причем, на самом деле тогда постановлением Партии и Правительства – тело Гайдара собирались торжественно перезахоронить в Москве. Но украинские партийные функционеры, желая получить какие-то свои дивиденты, развернули компанию под кодовым названием «Тела Гайдара – не отдавать!». Они устроили так, что Гайдару было посмертно предоставлено место рядом с великим Шевченко, на что Москве возразить было уже нечем. Так Гайдар и остался на украинской земле… Но когда после распада Союза к власти пришли националисты, то стали раздаваться голоса, что телу москаля Гайдара – не место на шевченковской земле. Так объединившиеся в разные группы и группировки враждующие меж собой люди терзали тело Гайдара даже после его смерти.
Эту и многие другие малоизвестные страницы жизни писателя осветил его биограф Борис Камов в своей книге «Аркадий Гайдар – мишень для сетевых киллеров». Книга была специально написана для защиты чести и достоинства Гайдара.
И все-таки Камов кое-что упустил.
Этот упущенный всеми биографами момент и собирался теперь рассказать, как следует высветив его, Годар.

А пока что – он скопировал участникам форума одну запавшую ему в душу историю из книги «Рассказы о Гайдаре». Правда, книга была написана для самых маленьких – «для начальной школы», как недвусмысленно поясняли когда-то на обратной стороне обложки таких книжек. Это была книга баек. Но все они были, по правде говоря, здоровские. Да и не могло быть иначе, ведь книжку написал друг Гайдара – его звали Борис Емельянов.

КУТЬКА

«На охоту на Урал мы, пятеро товарищей, взяли с собой четырёх охотничьих псов. Вот они были какие: Томка, Васька, Грайка и Бумба. Только у одного Гайдара не было своей собаки.

Жизнь у нас сначала была не очень весёлая: собаки наши перегрызлись между собой, а из-за собак переругались и охотники. Известно, что каждому охотнику своя собака дороже.

Мы даже стрелять стали один хуже другого, перестали петь весёлые песни и уже подумывали: а не разъехаться ли нам подобру-поздорову в разные стороны.

Хмурые и озабоченные сидели мы как-то вечером возле нашего охотничьего костра, друг на друга не смотрели и молчали. Только один

Гайдар чему-то непонятному улыбался и тихо пел песню о далёкой, чужой деревне, в которой мужики дерутся, топорами секутся. Конечно, им трудно от этого жить на свете.

Ночная птица кричала за лесом, чайник шипел на костре. Гайдар оглядел нас, кашлянул, сдвинул на затылок кубанку и закурил трубку.

— Скучно и мне, товарищи, — сказал он, вздыхая. — Надоело мне охотиться с чужими собаками, а в общей собачьей ссоре я принять участие не могу, так как сам я человек бессобачный...

— Ну, и что ж теперь делать? — спросили мы.

— Ничего не делать, — сказал Гайдар. — Вы, пожалуйста, не волнуйтесь. Я заведу себе собственную собаку. Я уже присмотрел в посёлке злющего беспризорного кобеля ростом с телёнка.

Тут мы все стали упрашивать Гайдара не заводить в лагере пятую собаку — и от четырёх житья нет. Но Гайдар был непреклонен и утром на лодке уехал в посёлок за собакой, а мы стали укладывать чемоданы и собираться обратно в Москву.

День прошёл тускло.

Вечером мы услышали, как за ближней песчаной косой на реке сильно стучат вёсла и скрипят уключины. Вскоре стал слышен голос Гайдара:

Море злится. Ветер дует.
Солнце с тучами балует.
Волны с пеной в берег бьют.
Рыбы вовсе не клюют.

Впрочем, дело поправимо:
Пронесутся тучи мимо.
Кончит ветер баловать
И домой умчится спать.

Лодка вышла из-за косы. Гайдар стоял в ней во весь рост и махал нам руками.

— Эгей! Эгей, друзья! — кричал он. — Вот я и вернулся!

А какой нам от этого был прок и какая радость? Мы даже к берегу не подошли. Слышим, кричит Гайдар:

— Вперёд! Назад! Вперёд! Назад!

Видим — появляется он из-за кустов и тащит два большущих арбуза, а собаки не видно.

— Где же собака? — спросили мы с надеждой. — Может быть, не привёз?

— Как же такое — не привёз! — ответил Гайдар строго. — Вот она, зверь-собака, чудовище!

И тут все увидели: бежит по песку Кутька. Ростом он был не с телёнка, а с самую обыкновенную сахарницу, хвост — крючком, уши — конвертиком.

Наши злые большие собаки учуяли Кутьку и сразу выставили головы, каждая из своего куста, где были привязаны: видим, мол, тебя, такого-сякого, и, того и гляди, сожрём.

А Кутька покрутился около нас, повилял хвостом и шастнул в кусты к собакам.

— Пропал щенок! — ахнул я. — Загрызут его теперь злющие псы.

— Чудак! — спокойно сказал Гайдар. — Кто посмеет тронуть такую собаку? Это пёс неустрашимой и грозной породы — циммерман-миберман. Слышали про такую? Прошу мою собаку не портить и сахаром не кормить. Завтра я с ней пойду на охоту.

Нет, никогда мы не слышали ни про Циммерманов, ни про мибермановбольшие собаки действительно не тронули Кутьку. У собак, оказывается, тоже не принято обижать маленьких. Они по очереди вылизали Кутьку от головы до хвоста, а самый наш злющий драчун, серый в яблоках бесхвостый Томка, отдал Кутьке ещё не совсем обглоданное куропачье крыло и самолично поймал блоху в белой Кутькиной шерсти.

Обрадованные таким собачьим доброжелательством, мы в этот вечер устроили танцы у костра и разошлись, только когда луна спряталась за большое серое облако. Я даже не очень ворчал, увидев, что спит Кутька, похрапывая, на моей большой розовой подушке.

— Удобства любишь! — сказал я, взял Кутьку за шиворот и осторожно переложил щенка в гайдаровскую кубанку.

Утром, едва посветлело на небе, мы поднялись на ноги.

Ветерок давно уже забрался в окошко палатки. Неподалёку, в тальнике, посвистывали куропатки. Звёзды гасли одна за другой. Пора было идти на охоту.

В лесу наши собаки сразу причуяли тетеревов и пошли по птичьим набродам. Кутька бежал рядом с ними, не отставая. Он только иногда повизгивал от боли и негодования, когда тонкие плети ежевики дёргали его за лапы.

Томка первым сделал стойку на широкой поляне. Он оглянулся на нас, вытянул хвост и замер, точно окаменел. Это значило, что тетерева здесь, рядом, и надо двигаться вперёд тихо-тихо, чтобы не спугнуть осторожных птиц раньше времени. Ну и мы стали идти тихо, еле-еле переставляя ноги, взвели курки у ружей и думали, что тетерева уже лежат у нас в охотничьих сумках.

А вот Кутька, разумеется, не обратил на Томку никакого внимания. Он как бежал во всю свою прыть, так и продолжал бежать и с ходу врезался в самую середину крупного тетеревиного выводка.

Дикие чёрные и коричневые птицы с треском, всем выводком, шарахнулись в небо. Грянули выстрелы, перья полетели в стороны. Матёрый косач больно задел Кутьку крылом по носу. Отчаянно пискнул щенок, сел посередине поляны на задние лапы, а правую переднюю поднял высоко вверх: «Пожалейте меня, добрые люди! Что же это такое творится?! Гром, звон! За что? Почему?».

Давно мы так не смеялись. Гайдар подобрал Кутьку с земли, взял на руки. Мы даже снять его успели в этот момент, и до сих пор у меня хранится фотография Гайдара с грозной собакой циммерманом-мибермaном на руках.

— Вот, — сказал нам тогда Гайдар, — я же вам говорил, что это порода замечательная и необыкновенная. Хотел бы я видеть, какая ещё охотничья собака так садится на задние лапы в самой середине выводка и лапой показывает: «Вот она, дичь! Берите, стреляйте, ешьте!»

Весь этот день мы удачно и дружно охотились в лесу.

А ночью к нам на стан пожаловали волки. Они тоже решили поохотиться — за нашими собаками. Мы спали в палатке. Мелкий дождь стучал по тугому брезенту...

Рыча и визжа, прямо по нашим головам влетели в палатку одна за другой четыре собаки. Томка залез ко мне под одеяло, рыжий Васька сел на голову к Гайдару, Грайка забилась за чемоданы и долго там дрожала и со страха по-человечьи всхлипывала, а мохнатый чёрный Бумба даже икать стал от ужаса. Только один маленький Кутька никого не испугался. Он был полным несмышлёным дураком и в том, что страшно, что нет, ещё не разбирался.

Храбро он стоял у входа в палатку и злобно лаял в темноту. Там, в кустах, на едва заметной песчаной дорожке мелькали серые тени. Мы выскочили с ружьями. Тени исчезли.

Внутри палатки сидели рядышком наши псы. Уж такие они были тихие, такие вежливые! Казалось, никогда не было на земле лучших друзей.

— Ну что? — сказал Гайдар, заглядывая в палатку. — Поняли вы или нет, что смысла нет ссориться друг с другом, когда столько злых настоящих врагов живёт на земле?

Собаки, конечно, промолчали, а мы сказали, что поняли, и поблагодарили Гайдара за науку.

Маленькому Кутьке мы утром смастерили ошейник и привязали к нему большую медаль, которую Гайдар вырезал из старой консервной банки.

Очень мне хочется опять побывать на Урале, постоять вечером у песчаной косы и послушать: не стучат ли за косой вёсла, не скрипят ли уключины. Всё хорошее должно оставаться в памяти у человека».

- А что вы все-таки думаете о том, потеряем ли мы Украину? – настойчиво переспросил его кто-то из участников форума, - При чем здесь Гайдар?.. Вы, пожалуйста, не уклоняйтесь от темы. Как вы думаете, будет ли война?

- Война – будет. Но она будет главным образом – идеологическая. Хотя не исключено локальное применение и чисто физического оружия. Наш главный фронт теперь – идеологический, точнее, на самом деле духовный. Мы забыли об идеологии светлого духа, носителями которого являемся. И наши черные учителя всех мастей, что дотоле эффектно массировались под друзей, нам это припоминают. Припоминая же – они невольно напоминают про то, кто мы есть на самом деле и чего лишились.

Я думаю, что Россия – уже потеряла Украину. А Украина – Россию… И все бывшие республики СССР – друг друга потеряли на данном этапе истории. И дальше будет – еще хуже, республики будут разбегаться от России как звезды в галактиках.

Все очень просто – вместе людей может держать только товарищество, дружба, добрососедство.

Или - экономический интерес, если человеческих отношений не сложилось.

Или – страх, когда не действуют и экономические интересы и, значит, господствует диктатура.

Что может держать все вместе все наши бывшие республики?

Раньше их держали – все три составляющие.

Но раньше, в годы СССР, первичным фактором все-таки было добрососедство и непритворное товарищество между народами, единый дух, общие душевно-нравственные ориентиры. Именно это и удерживало на плаву так плохо управляемую огромную империю.

А потом – у всех возобладали собственные экономические и лидерские амбиции.

Дружба между народами – стала только видимостью. Каждая из стран в этих непростых условия – выживала, как могла, проталкивая свои интересы и не думая о соседях.

В такой ситуации – ищут уже не друзей, а партнеров. Ищут – не по любви.

Кого же народы на уровне государств выбирают себе в партнеры, если нет подлинных отношений?

Ответ очевиден: тех, кто более выгоден в экономическом и военном смысле. Тех, кто более стабилен и предсказуем. Тех, кто даст больше формальной, фиктивной свободы (в пределах жесткой финансовой зависимости).

Это значит, что все мы давно друг друга потеряли – на уровне государств.

Потому что все мы – почти одинаково слабы по этим западным параметрам.

Следовательно, Украина все равно поднапряжется – и уйдет в Европу.

А позже за ней выстроятся гуськом и другие, более маленькие, менее развитые бывшие советские республики.

Но не знает, не видит пока никто, что такой сугубо прагматический подход – подорвет в дальнейшем их собственную человеческую основу. Это когда материальных богатств и власти будет много, но жизнь при этом – перестанет приносить радость, так как от радостей такого рода, когда их, наконец, обретают – в конце концов наступает

пресыщение. Пресыщенному же человеку – нет дела до своей Родины.
Европа от этого проиграет тоже – так как исчезнет некий идеалистический противовес ее жесткому прагматизму. И ее в конце концов, что называется, переклинит…
Единственный выход из этой ситуации я вижу в том, чтобы развивать действительно честные, искренние отношения между нашими народами – в обход правительств.
Пора понять – всеми нами правят преступные группировки, которые во всех странах практически не отличаются друг от друга. Л. Н. Толстой писал в Дневнике 1900г: «Я серьезно убежден, что миром правят совсем сумасшедшие. Остальные не могут или воздерживаются». Умные люди называют такое «правление» - Системой.

Несмотря, на то, что его слушали явно не все, Годар все продолжал и продолжал отправлять стремительно набегающий на белый квадрат окна форумных сообщений – текст, над который даже не успевал задуматься, так близок и понятен он был всему его существу. Он не испытывал сейчас необходимости следить за мыслями и словами. Годар говорил, не заботясь о том, услышат ли его прямо сейчас:

- Вспоминается повесть Л. Толстого "Фальшивый купон": кто-то выпустил в оборот фальшивый купон и он, переходя из руки в руки, вовлек в обман и прочие нечестные вещи - огромный круг лиц.
Наглая Америка поостереглась толкнуть в грудь своего равного по силе соперника - Россию. И вместо этого - толкнула ее младшего брата Сербию, оторвав у последней - Косово.
В ответ Россия толкнула младшего американского брата Грузию, забрав у Грузии Осетию с Абхазией.
В свою очередь Грузия предала в свое время ее геополитические интересы, повернувшись к ней, как избушка на курьих ножках в известной сказке, задом, а к Америке – передом.
Но и Россия предавала интересы Грузии, грея руки на чужой беде и переманивая все эти годы грузинские автономии.
Это и есть притча о Фальшивом купоне.
Это – закон джунглей.

-От такой жизни и такого закона хороший человек - а мы все хорошие люди – может стать только или пофигистом в той или иной степени, или невротиком. Если, конечно, не использует третью свою возможность.

-Просто есть мораль победителей и есть мораль побежденных. Есть еще - мораль (аморальность) - политиков. Но все это - к подлинной морали - не имеет отношения. Это все - мораль для устройства серой, сумеречной жизни.

-Правящие элиты разных стран время от времени поигрывают друг перед другом мускулами.
А умирают - мирные люди из разных народов. Спросите у любого грузина, абхаза, осетина, украинца, русского и даже, наверное, американца, хотят ли они воевать? Я уверен, что все ответят, что - нет.
Что же тогда заставляет их всех воевать?
Система, и это ее нужно менять.
Но для этого еще предстоит снова стать детьми.

-Толстой предлагал всем раз и навсегда ОСТАНОВИТЬСЯ - простить всех за столь длительно циркулирующее зло и бросить оружие - радикально, распустив армию, полицию, суды, государство. Не отвечать насилием на насилие, так как насилие порождает насилие, что мы особенно наглядно и видим в политике.

Но на деле - в масштабах столь огромных империй - этого пока не сделать. Это - утопия на данном этапе развития человечества. Страны состоят не из одних одухотворенных людей и на такую жертвенность не согласны и не готовы. Но у каждого народа – есть рыцари...

Тут Годар, остановившись, словно заметил какой-то слабо трепещущий огонек вдали. Это был далекий пионерский костер из его детства. Внезапно он сказал – тем более, что и большинство других участников форума, перестав писать что-то свое, уже слушало его одного. Они молчали, как молчат в притихнем от нахлынувшего изнутри прилива каких-то иных – более высоких – мыслей и настроений – почувствовавшие свою глубину люди:

- А знаете что, я, кажется, знаю, что надо делать, чтоб никого не терять. Как примирить Восток и Запад, Европу и Азию, Америку и Россию, Украину и Россию, Россию и Грузию… Надо начать Всемирную Тимуровскую Игру, создать Всемирное Тимуровское Движение – наподобие того, какое невольно создал когда-то, сам того не подозревая, Гайдар, написавший трилогию о Тимуре Гараеве и его славных друзьях.
Это движение поначалу складывалось стихийно – как игра.
Первая повесть, с которой все началось, героям которой эти первые ребята-тимуровцы старались подражать, так и называлась – «Тимур и его команда».
Дети, начавшие играть потому, что им не хватало в мирной жизни боя, объявили бой всему мелкому и пошлому, нечестному и несправедливому, всему серому, всему унылому, всему, в чем не было чести, совести и простоты. Объявили войну трусости и предательству. Ханжеству. Рабскому, не творческому труду. Нечестному бою. И – в конечном итоге – нечестной стране. Только они – никого не ненавидели. Они просто любили свою страну и готовы были принять в нее – всякого нуждающегося.
Они объявили честный бой всему, что издревле мешало человеку твердо стоять на своей родной Земле.
Предлагаю по примеру первых тимуровцев – создать международное тимуровское движение, где не только дети, но и взрослые, учась этому у детей, в обход враждующих между собой кланов и правительств – объединялись бы в одну дружную Семью – в семью из людей доброй воли! Это будет не политическое, не религиозное, не коммерческое и не тайное движение. На территории этой Игры не будет разделяющих людей правил и тайн, не будет никаких совещаний за закрытыми дверями и вовсе не будет Закулисья. Не будет ничего, что способно лишь поглощать Свет.
Но в то же время отношение к личным тайнам и тайным движениям души – станет в разы бережней, чем это принято в современных демократиях.
Здесь будут приветствоваться как явные, так и тайные добрые дела - по правде говоря, живущие с собой в мире люди не видят тут особых различий.
Что же касается чудес и романтических тайн, то, думаю, в жизни тех, кто умеет играть красиво, всегда найдется для них место.
Это будет союз скромных благородных граждан, пекущихся не только о своем уголке пространства, но начинающих свой трудовой день с обустройства на началах любви и добра – именно собственного личного пространства. Личное же пространство обнаруживается и все больше приоткрывает свою подлинную суть, когда люди начинают бескорыстно помогать своим ближайшим соседям по дому, по улице, по школе, по предприятию, на котором трудятся. Когда они умеют не только радостно трудиться, но и радостно отдыхать, внося во все творческий дух и производя только истинные ценности. Когда они не манипулируют друг другом… Так, постепенно, расширяя круги своего одухотворенного труда и одухотворенного досуга тимуровцы приближаются к своему ближнему. Ближним для них – становится даже любой чужестранец, быть может, проезжающий мимо в лохмотьях, верхом на осле.

-Предлагаю принять в эту грядущую Игру – ее страницу можно создать и в Сети – Господа нашего Рыцаря Иисуса Христа.
- Предлагаю принять в Нее, назначив почетными Командорами - Владислава Крапивина, Зинаиду Миркину, Шалву Амонашвили. А заодно - всех "рыжих": всех настоящих капитанов и барабанщиков, всех подлинных членов команды "Эспада" из крапивинских романов "Мальчик со шпагой", "Бронзовый мальчик", "Рыжее знамя упрямства". Ведь настоящие герои из книг - тоже живые и бессмертные.
-Пригласить Абдрушина, Алексея Хомякова и Илью Чавчавадзе.
-Посмертно принять – покойных Григория Померанца и Антония Сурожского.
-Принять посмертно – Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Игнатия Брянчанинова, Иоанна Кронштадского, Николая Федорова…
-И их стилистически разошедшегося с ними противника Льва Толстого – тоже прошу принять.
-Принять великую тимуровку всех времен и народов – Мать Терезу.
- Принять Мать Марию, Великую Княгиню Елисавету Феодоровну и Елизавету Глинка.
- Принять семью Рерихов.
-Принять - Платонова, принять – Грина и Паустовского.
-Принять Гоголя и Достоевского, Лермонтова и Тютчева, Чернышевского и Герцена, Циолковского и Гагарина…
- И, конечно же, принять Неизвестного солдата.
- Принять декабристов.
- Принять настоящих коммунистов.
- Принять – Зою Космодемьянскую, молодогвардейцев, Яноша Корчака.
- Принять Махатму Ганди, Ибн Аль Фарида и Джаллаладина Руми.
- Принять Тараса Шевченко и Лесю Украинку, Антона Макаренко и Василия Сухомлинского.
- Принять Шота Руставели, Николоза Бараташвили, Акакия Церетели, Важу Пшавела, Александра Казбеги, Нодара Думбадзе, Чабуа Амирэджиби.
- Принять Пушкина.
- Принять всех неравнодушных людей.

-Как все, наверное, понимают, список можно продолжать очень долго. Мы не древние иудеи, нам для чужестранцев места не жалко – ни для эллинов не жалко, ни для римлян, ни для язычников, ни для самих иудеев. Ведь давно было подмечено, что русский характер – это не столько признак национальности, сколько показатель определенного духа.

-А еще я думаю, что Русь-Тройка, - это на самом деле такая самоликвидирующаяся вавилонская Башня. В ней как в матрешке – обнаружится после самоликвидации другой слой. В этом более глубоком внутреннем слое поедет, вынырнув из Глубины, уже не по российским, а по всемирным просторам не Чичиков или там ревизор, а – сам Иванушка, который, как известно, был у нас дурачок.
Вот тогда-то три былинных богатыря, что издревле прикрывали его своими широкими спинами от слишком прямых и строгих взоров, смогут, наконец, разомкнуть свои воинские ряды и, перековав мечи на серпы и молоты, разойтись по жилищам.

-Русь-Тройка – это Фаэтон под управлением святой Троицы, и никак иначе! Но до Себя – еще надо дорасти.

- Нет, брать дурной пример с бряцающих экономическим оружием так называемых западных "друзей", фактически, выдавивших Россию из сферы ее традиционного влияния, не стоит.

Врага надо разить физическим оружием только если он посмеет сунуться на территорию России или территории ее настоящих друзей, либо если кто-то, теснимый на своей земле оружием, попросит ее о помощи.
Надо все прилегающие к России некогда дружественные страны - отпустить.
Как это делают истинные христиане.
Когда христиане отдают свое - они сохраняют.
А когда хотят сохранить в обход закону Любви - вот тогда и теряют.
Надо разойтись со всеми бывшими друзьями - окончательно.
Выстроить сугубо прагматические отношения, как и подобает лишенным дружеских уз союзам.
И заняться вплотную собственной жизнью - развитием духовной культуры и подчиненной ей современной экономики.
Экономики, закономерно вытекающей из духовной культуры нашей страны, пусть и со всеми временными скидками на ее нынешний непростой этап развития.

-Нет, мы не скифы, мы – тимуровцы!

- Думаю, что Владислав Петрович Крапивин в своих книгах (читатели называют его Командором), многие моменты которых, на первый взгляд, кажутся в наше время утопией, на самом деле создал модель общества и государства, органически вытекающую из самого духа России, и поэтому единственно приемлемую и даже спасительную для нее. Он представил во всю мощь, ширь и глубь Россию - такую какая она есть внутри и модель российского общества, его устройства со всеми его составляющими - идеологией, воспитанием, управлением, трудом, досугом, и т.д. - такую, какая она ей остро необходима.

- На сегодняшний день мы все вовлечены в единственный функционирующий механизм - конвейер. Схема его проста до банальности и безысходна до слез. А именно: издатель зависит от невзыскательных вкусов публики, продавец - от количества навязанных читателям бульварных романов, его шеф - от налогов на доходы продавца, а налоговая инспекция - от заказов государства. Государство же на деле защищает интересы ловких и пронырливых, т.е. сумасшедших. (Надо отметить, что Лев Николаевич подразумевал под сумасшествием крайнюю степень эгоизма). Профессию "издатель" можно по вкусу заменить любой другой - от педагога до министра.
Чувствуете, какая произошла метаморфоза? Для того, чтобы участвовать в этом простом до банальности механизме, вовсе не нужно быть подлецом (=сумасшедшим). Для этого достаточно быть гражданином, будь то президент или безработный. Потому что можно, чтобы не стоять в очереди за благом, лечь на землю. Но тогда ты будешь лежать в очереди. Мы все связаны цепью жесткой материальной необходимости. Перестав уверенно делать то, что вынужден делать, каждый из нас максимально мобильно выбывает за грань цивилизованного существования. Но при этом не вырывается из калечащей замкнутой Системы. Замкнутую Систему эксцентрическим образом покидают только натуральные сумасшедшие - к счастью их, по неведению. Все остальные при честном диалоге с собой не могут даже сослаться на неучастие, так как - не участвуя, они все же потребляют фиктивные продукты тех, кто участвует. Как ни крути!
Горький массовый опыт чуть ли не на генетическом уровне вытравил из нашей повседневности сам образ подлинной жизни. Но он переместился, часто порядком искаженный, в умение нашего народа мечтать. Поэтому русская мечта - вещь реальная, сильная. Но это не американская синица в руке, пусть и очень-очень большая – глобальная - синица. Русская мечта так и просится в руки, требуя воплощения, но при этом не дается в руки, всегда отлетая журавлем вдаль. Нам тесно в рамках спектакля, где мы отбываем повинность, перепевая на разные голоса мотивчик конвейера. Общество

наше достаточно духовно, чтобы меньше... и хотелось бы сказать «у ч а с т в о в а т ь», да совсем выйдет путаница!
Мы все время дробим реальность, создавая дубли. Зачем-то производим, копируя мечтателей-синиц, 300 видов колбасы, создаем десятки партий. Чтобы меньше участвовать, чтобы выкроить время и средства на свободу - любовь, дружбу, искусство, религию – мы дублируем даже сообщества и дружеские союзы... Потом удивляемся, что за кулисами - там, где наша свобода - почему-то нет живой и искренней веры.
Нам надо бы поучиться у детей – тех из них, кого мы еще не испортили – умению не умножать ничего фиктивного, а фикции суть не столько "пустые" товары, сколько пустые, девальвированные души.

- Повторюсь: от такой жизни и таких законов привыкший глядеть правде в глаза человек может стать только или пофигистом - в той или иной степени, или невротиком либо еще каким-нибудь образом сломленным жизнью человеком. Если, конечно, не встанет на третий – тимуровский - путь, а встав, - сумеет не сойти с него в условиях такого колоссального массового невежества. Вы только представьте – в эту искусственно внесенную в действительность двойственность и путаницу наши дети вкинуты буквально с пеленок и они могут быть навсегда выбиты из колеи. Тем же из них, кто рискнет бессознательно предпочесть третий путь – о, им придется тяжелее всех!.. Они могут угодить в раковину, которую принято называть аутизмом.
Если же пытливый странник-искатель, уже увидев обе стороны мира и не слишком долго зависнув на распутье, твердо встал на сторону Света, то избыток чувствительности этой отныне «голой» души – погашается со временем верой и благой деятельностью. Люди-тимуровцы - были тому примером.

- Предлагаю посмертно принять в ряды грядущих тимуровцев поверженных бойцов: Сергея Есенина, Владимира Маяковского, Марину Цветаеву, Яну Дягилеву, Александра Башлачева.

- Принять всех детей-аутистов, вступивших в неравный бой с Системой - первыми. Приравняв к ветеранам, взять над ними шефство.

Много еще о чем говорил в тот вечер Годар, с жаром рассказывая о Гайдаре и его прославленном литературном сыне Тимуре.
Так много, что забежавший к нему на чашку чая приятель не выдержал и спросил:
- Послушай, у меня уже создалось такое впечатление, что…

Конец фразы он, подойдя сзади, шепнул Годару на ухо.

- Ну что ты!.. – ответил Гайдар, резко обернувшись. На одухотворенном его лице в уголках рта обозначилась едва приметная хитроватая улыбка, - Гайдар – это ты!

30 июля 2014г – 22 января 2015г

© Наталья Гвелесиани, 2025
ORCID: 0009-0006-7898-9156
https://orcid.org/0009-0006-7898-9156
DOI: 10.5281/zenodo.17744865
https://doi.org/10.5281/zenodo.17744865
Creative Commons Attribution–ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).